

Устименко Татьяна
Звезда моей души

«Татьяна Устименко / Звезда моей души»: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; Москва;
2011
ISBN 978-5-9922-0941-9

Аннотация

Мир, носящий название Лаганахар, изнемогает под тяжестью нераскрытых тайн. Эльфы проиграли войну людям и сгинули без следа, покинув свою столицу — белостенный

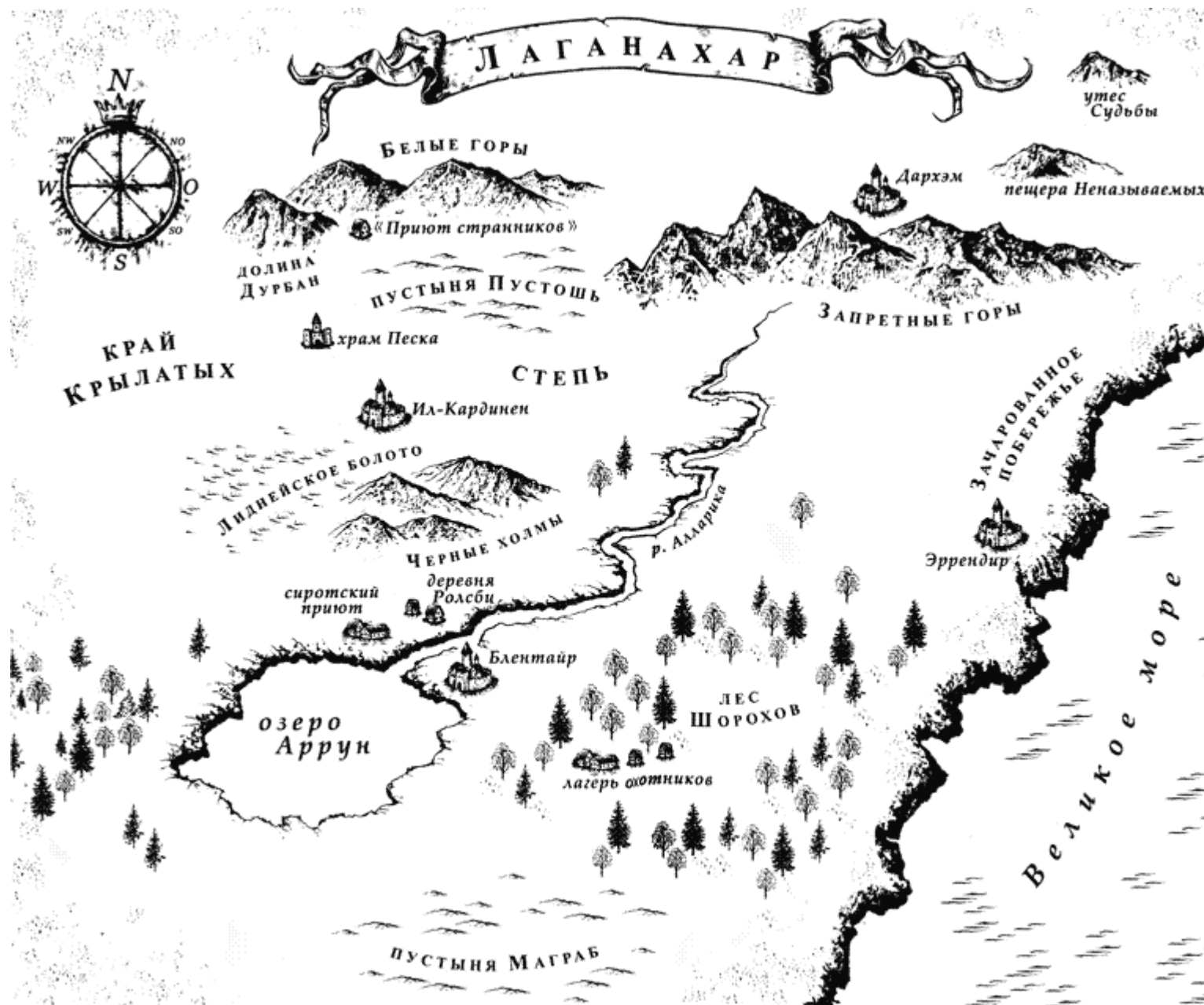
Блентайр. Чародеи и жрецы змееликой богини Банрах пылают взаимной ненавистью, бессильные перед мощью наступающей на город пустыни. Утеряны древние артефакты и позабыт смысл великого пророчества, созданного Неназываемыми. Убита любовь, добро втоптанно в грязь, и почти уже смолк Колокол Судьбы, отмеряющий срок жизни всего Лаганахара. А между тем, в сиротском приюте воспитываются двое безродных детей: мальчик и девочка. Он — ветреный красавец, долгожданный избранник кровавой богини; и она — строптивая полукровка, последняя надежда этого гибнущего мира... Какое будущее их ждет?

Татьяна Устименко
ЗВЕЗДА МОЕЙ ДУШИ

Всем моим читателям, мечтающим зажечь

Звезду своей души и расправить сложенные за спиной крылья...

ПРОЛОГ

— Смилуйся, о великий светлый дух! — униженно молила распростертая на полу женщина, поливая горячими слезами постамент возвышающейся над ней статуи. — За что ты наказал меня столь жестоко? Ведь минуло уже целых четырнадцать лет с тех пор, как он исчез... Умоляю, смилуйся над несчастной матерью, верни мне моего единственного сына!

Ее жалобные вопли закручивались в почти осязаемую спираль боли и гнева, отражались от мраморных стен и эхом взлетали к полукруглому потолку небольшого помещения, расположенного на верхнем ярусе Звездной башни — неприступной цитадели, святая святых лаганахарской гильдии Чародеев. Сама же башня, многие сотни лет назад возведенная на Непокойной горе, указующим перстом нависала над улицами шумного, густонаселенного Блентайра, будучи безмолвным напоминанием о десятках погибших магов, отдавших свои жизни за процветание знаменитого города.

Впрочем, можно ли называть процветанием нынешнее скорбное существование жителей королевства Лаганахар?

Некогда, чуть более двух сотен лет назад, Лаганахар был успешно развивающимся королевством, которое состояло из нескольких крупных оазисов, разбросанных между двумя пустынями и растянувшихся вдоль русла полноводной реки Алларики, что берет начало на севере, подпитываясь тающим снегом сходящих с Запретных гор лавин. Река минует дикую степь — родину кочевых племен, уходит под пески страшной мертвой Пустоши и заканчивается обширным озером Аррун, сейчас почти пересохшим и изрядно обмелевшим. В дельте устья Алларики лежит большая часть плодородных земель королевства и находится белостенный город Блентайр.

Ниже южной оконечности Лаганахара жизнь потихоньку замирает, ибо там начинается еще одна пустыня — Маграб, называемая Бесконечной.

На северо-востоке от Блентайра, в нескольких днях пути, сразу же за лесом Шорохов, раскинулось Зачарованное побережье, омываемое водами Великого моря, — прибежище эльфов. Их немного уцелело после войны, живут они замкнуто и обособленно, крайне неохотно впуская на свою территорию гостей, особенно незваных.

К северо-западу от города, за Черными холмами, затаились печально известные Лиднейские болота, переходящие в поросшую ковылем степь, а уже дальше, за Пустошью, расстилается знаменитая долина Дурбан, окруженная Белыми горами.

Пресловутые горы и долина образуют край Крылатых, населенный огнедышащими драконами — тварями зловредными и кровожадными, страдающими постоянным несварением желудка, а посему к мирному общению не склонными. Эти чудовища охраняют подступы к Запретным горам, достигнуть которых еще не удавалось никому, даже самым искусным воинам из клана Полуночных эльфов.

Ранее, до войны, в Лаганахаре насчитывалось целых восемнадцать городов, но ныне все они канули в небытие, погибнув под песками двух пустынь, все крепче сжимающих свои губительные объятия вокруг последнего оплота человеческой расы — белостенного Блентайра. Пойманные в смертельную ловушку взбунтовавшейся стихии, люди впали в отчаяние и были готовы на любое злодеяние, которое хоть на немного отсрочило бы приближение закономерной катастрофы. А Впрочем, сегодня уже мало кто верил в возможность спасения, предпочитая полагаться на собственные глаза и здравый смысл, а не обольщаться лицемерными обещаниями жрецов и чародеев, безуспешно пытающихся противостоять тому, что невозможно одолеть и остановить, — времени и песку.

Жители Лаганахара убедились на собственном опыте: посеявший ветер раздора — рано или поздно пожнет бурю несчастья. Проливший каплю невинной крови — получит в отместку ливень из смертей. Буря не ведает жалости и забирает то, что было обещано ей по глупости или неосторожности. А бороться с бурей и смертью... Есть ли в этом смысл?

Наиболее здравомыслящие граждане осознавали, что цена, которую придется заплатить за победу в войне, непомерно высока. Но таких оказалось немного. Ведь в подавляющем большинстве люди крайне легкомысленны. Они совершают рискованные поступки и лишь потом, много дней спустя, прозревают и запоздало задумываются о губительных последствиях содеянного.

К несчастью, именно так и произошло в королевстве. Испрошенная свыше помощь была получена, а назначенную за нее мзду продолжали выплачивать и по сей день. Закономерная неотвратимая кара за преступные деяния далеких предков надвигалась на стены прекрасного Блентайра, омрачая лица снующих по улицам горожан и ежедневно добавляя по несколько седых волос в бороду короля Вильяма.

Но в отличие от большинства своих сограждан женщина, распростершаяся на каменном полу молельни Звездной башни, еще не потеряла надежду на прощение и по-прежнему верила в силу своей мольбы. Вот поэтому-то и обнимала она ноги статуи, умоляя светлого бога Шарро снизить к мукам ее истрадавшегося сердца и вернуть сына, пропавшего четырнадцать лет назад. Вышеупомянутый же бог, статуя которого имела облик

прекрасного лицом мужчины, — за его спиной реяли широко распахнутые крылья, на шее виднелись круглые отверстия жабр, а между пальцами рук были заметны едва различимые перепонки, — не спешил откликнуться на мольбы, а взирал на женщину холодно и отстраненно.

Зато лицо второй статуи, также хранящейся в башне, но покрывшейся пылью забвения и задвинутой в самый темный угол молельни, выражало такую неприкрытую злобу, что, честное слово, неосторожной просительнице стоило бы обратить на нее куда более заинтересованный взгляд. Но всеми забытая статуя ярилась напрасно, ибо заплаканная жалобщица совсем не уделяла ей внимания. И как выяснилось впоследствии, зря...

— Молчишь?! — то ли вопрошая, то ли утверждая, склочно прошипела женщина. — Тем хуже для тебя!

Она выхватила из привешенных к поясу ножен небольшой обоюдоострый кинжал и решительно приставила к своему горлу.

— Тогда я убью себя прямо здесь и запятнаю кровью твой чистый образ... Ну?! — ультимативно произнесла она и надавила на рукоять кинжала. По лифу богатого платья скатились несколько крупных алых капель. — Моя смерть будет на твоей совести, бог Шарро!

— Остановись, Кларисса! — Негромкий голос, неприязненный и неприветливый, шел из уст статуи прекрасного бога. — Я уже давно устал от твоих настырных призывов и хамского шантажа. Что ты хочешь от меня?

— Узнать, что случилось с моим сыном и где он находится! — обрадованно завопила Кларисса, роняя на пол кинжал, слегка обгагранный ее кровью. — Твоя сестра, богиня Банрах, — она обличающим жестом, не глядя, небрежно ткнула пальцем в сторону задвинутой в угол статуи, — отвернула от меня свой неблагодарный лик, а ведь гильдия так много для нее сделала! Теперь ты — единственная моя надежда.

По губам статуи бога Шарро скользнула саркастичная улыбка:

— Все женщины эгоистичны и переменчивы по своей натуре. Моя сестра Банрах, к сожалению, не является исключением из этого печального правила, а скорее подтверждает его. Следовало предполагать, что Банрах, получив желаемое, забудет об использованных ею людишках и бросит вас на произвол судьбы.

Из угла, где вынужденно прозябала статуя богини Банрах, донесся рассерженный зубовный скрежет. А чего еще, спрашивается, можно ожидать от богини, чье отмеченное печатью коварства лицо больше всего напоминает узкую змеиную морду? Изображение Банрах не имело глаз, зато обладало внушительными, выступающими из-под верхней губы клыками, а ее мстительно скрюченные пальцы оканчивались огромными когтями.

В противовес своему лучезарному брату Шарро черная богиня Банрах царила во тьме и безвылазно жила под землей, превыше всего на свете ценя приносимые ею жертвы и обожая неповторимый вкус свежей человеческой крови. Запомните, глупцы: горестен удел людей, дерзнувших искать покровительства богини-кровопийцы. Многострадальные жители Лаганахара уже прошли сию унылую школу и знали о сомнительных милостях змееликой Банрах отнюдь не понаслышке.

— Богине не понять моих чувств, она не ведает любви, — душераздирающе стонала Кларисса. — Но ты... Ты есть воплощение света и неба! Лишь ты один способен принять участие в судьбе моего пропавшего мальчика!

— Признаюсь, это я забрал твоего новорожденного сына, — суровым приговором бухнул бог. — И могу тебя успокоить, Кларисса: твои рыдания необоснованны, ибо наследный принц Лаганахара, будучи в полном здравии, спрятан в надежном месте.

— Но за что ты лишил меня тихого семейного счастья? — потрясенно ахнула женщина, хлопая мокрыми от слез ресницами. — Зачем забрал его из королевской колыбели?

Бог издал нехороший возмущенный смешок:

— А ты не понимаешь?

Кларисса отрицательно помотала растрепанной головой.

— А не ты ли, — голос бога звенел от гнева, — приказала выкрасть новорожденного ребенка принцессы Аньерд, младшей — хоть и сводной, но все-таки венценосной — сестры твоего супруга, короля Вильяма, владыки лаганахарского трона?

— Я! — властно выпрямила спину обвиняемая, не собираясь отпираться. — Но учти, я действовала сугубо в рамках закона. Распутная принцесса зачала ребенка неизвестно от кого и родила его вне брака, покрыв несмываемым позором свою великую семью. Она нагуляла его в период осенней ярмарки да еще наотрез отказалась раскрыть имя своего гнусного любовника. И ребенок — он же родился уродом... А я проявила к ней милосердие! Я же не требовала убить бастарда принцессы Аньерд, я просто наняла троих ловких воров, сумевших выкрасть его из дворца и унести подальше от столицы.

— Девочку, — жестко напомнил Шарро. — Крохотную недоношенную девочку!

— Ну и что? — брезгливо поморщилась Кларисса. — Пол новорожденной не уменьшает вины ее матери.

— И бросить малютку, обрекая на мучительную смерть! — взбешенно добавил бог. — А ведь этот ребенок так много значил для всего Лаганахара!

— Чем же? — удивленно спросила совершенно запутавшаяся Кларисса, но бог демонстративно проигнорировал ее вопрос.

— В отместку я забрал твоего сына, — откровенно сознался он. — Око за око, зуб за зуб.

Кларисса побледнела как полотно и прикусила губу, сдерживая вновь подкатившиеся к горлу рыдания.

— Верни мне его, Шарро, умоляю тебя! Я заплачу любую цену!

— Правда? — провокационно ухмыльнулся бог. — Заплатишь? Сделаешь все, что я ни пожелаю?

Женщина решительно кивнула, выражая безоговорочную готовность исполнить свое обещание.

— Хорошо. — Бог почти мурлыкал от удовольствия. — Очень хорошо! Так и быть, я дам тебе шанс увидеть сына.

Он заметил выражение бесконечной радости на лице Клариссы и внушительно повторил:

— Помни, не вернуть его себе, а просто увидеть, если, конечно, ты согласишься на мое условие.

— Пусть всего лишь это, но я согласна! — восторженно пролепетала воспрянувшая духом мать. — Хоть раз увидеть и обнять моего мальчика...

— Я знаю, что все вы, выпренно именующие себя магами, носите на шее хрустальную звезду, символ вашей столицы Блентайр, — между тем невозмутимо продолжал бог, — куда собираете добытые вами заклинания. Вы называете эти украшения Звездой своей души. Ее яркость зависит от того, насколько силен и могущественен владелец звезды и какими знаниями он обладает.

— Все это так, — подтвердила Кларисса, непроизвольно кладя руку себе на грудь. — Но зачем...

— Не перебивай меня, женщина! — прикрикнул бог. — Вот эта звезда — особая.

В воздухе прямо перед глазами Клариссы возникла небольшая хрустальная фигурка, подвешенная на золотую цепочку.

— Ее тоже требуется наполнить, как и все прочие звезды чародеев, но только не заклинаниями, а силой различных стихий, чувствами живой человеческой души — любовью, ненавистью, муками, радостями — и опытом преодоленных испытаний.

— Увы, я не знаю мага, способного справиться с твоим заданием! — печально откликнулась Кларисса. — Это невозможно...

— Возможно! — не терпящим возражений тоном перебил бог. — Готовься, Кларисса, ведь скоро в вашей башне появится ОНА — девочка из древнего пророчества Неназываемых, живое средоточие великих сил. Единственная крылатая эльфийка, способная

наполнить эту звезду и спасти наш гибнущий мир.

— Нет! — испуганно отшатнулась женщина. — Она нам вовсе не нужна, ведь согласно этому же предсказанию девочка-звезда станет Наследницей изгнанных из столицы Полуночных эльфов и уничтожит гильдию Чародеев!

— Ха-а-а, давно пора воздать вам по заслугам, лживые маги, — язвительно хмыкнул Шарро. — Ведь это вы почти погубили Лаганахар. И теперь...

— Молчи! — дикой фурией зарычала Кларисса, сжимая в ладони хрустальную звезду. — Или, клянусь жизнью сына, я ее разобью!

— Разбей, но имей в виду: в этом случае ты уже никогда не увидишь своего мальчика, — издевательски поддел Шарро, и плечи женщины обреченно поникли. — Ну же, решайся, грешница!

— Я согласна, — через силу выдавила она. — Но объясни, как мне ее найти, эту девочку-звезду?

— Через два года, — уже спокойно пояснил бог, — вы совершите то, чего не делали уже много лет, а именно — примете в свою гильдию безродного ребенка, воспитанного в монастырском приюте.

Высокомерная Кларисса гадливо передернула плечами, но Шарро продолжил:

— Вы не станете ее выбирать, а просто безропотно возьмете к себе ту сироту, которую отвергнут остальные гильдии.

— Никчемного изгоя? Пищу для богини Банрах? — поперхнулась словами женщина. — На наши головы падет несмываемый позор, если бесполезный отброс проникнет в Звездную башню и вознамерится стать учеником чародеев!

— Но ты же хочешь увидеть своего сына, не так ли? — лучезарно улыбнулась статуя бога. — Выбор за тобой. Откажись от своей мечты — и ты избежишь унижения.

— Я согласна, — снова процедила Кларисса, с затаенной надеждой и в то же время с неприкрытым отвращением взирая на хрустальную звезду, зажатую в ладони. — Я найду эту треклятую девчонку, и будь что будет!

Часть первая УЧЕНИЦА ГИЛЬДИИ ЧАРОДЕЕВ

ГЛАВА 1

Сверху, с черепичной крыши колокольни — самого высокого здания деревушки Ролсби, далекий Блентайр казался неправдоподобно маленьким, почти игрушечным. Но, невзирая на внушительное расстояние, отделяющее меня от города, я различала стройные цепочки голубоватых магических фонарей, освещавших улицы спящей столицы. В их свете я, прищурив глаза, умудрилась различить причудливо сплетенные тени, отбрасываемые стенами домов, аккуратно подстриженными деревьями, многочисленными памятниками и фонтанами.

Что бы там ни рассказывали о страшном храме богини Банрах, расположенном на центральной площади и вызывающем суеверный трепет в сердцах наших простодушных селян, но все-таки столица Лаганахара, богатая и недоступная для такой скромной замухрышки, как я, была хороша, сказочно хороша! И лишь одна улица Блентайра, самая эффектная и яркая, не вызвала у меня восхищения, а наполняла душу смутной тревогой и ощущением безысходности. Это была улица Сладких Поцелуев, пестревшая синими, красными и оранжевыми призывными огоньками, зажженными в шелковых фонариках, вывешенных над крылечками миленьких домиков ее специфичных обитательниц.

«Неужели мне не остается ничего другого, кроме как пойти туда, к ним?» — подумала я, брезгливо морщась.

Я, конечно, не ханжа и в свои шестнадцать лет изрядно наслышана о том, что происходит между мужчиной и женщиной под покровом надкроватного балдахина, но...

Спаси меня бог Шарро, я ведь не ощущаю в себе ни малейшей склонности к торговле собственным телом, пусть даже возведенной в категорию высшего искусства, сопровождающегося песнями и танцами! Тут я цинично хмыкнула. Отчасти потому, что вспомнила про свои костлявые плечи и почти плоскую детскую грудь, совершенно неуместную под расписным шелковым халатиком жительницы улицы Сладких Поцелуев.

Однако в большей степени смешок касался моей крамольной, но искренней и пылкой веры в бога Шарро, покровителя Полночных эльфов, его прежних хозяев, изгнанных из Лаганахара. Чего уж тут скрывать — у нас в королевстве столь явная симпатия к пресветлому духу Шарро, слывшему совершенно бесполезным и враждебным к людям божком, не очень-то одобряется, хоть официально и не запрещается. При этой нерадостной мысли я поплотнее запахнула свой порядком изношенный плащ, под полы которого упорно пытался пробраться холодный ночной воздух, и с безнадежным вздохом продолжила рассматривать далекую столицу.

Гильдия Порхающих — весьма уважаемая община в Блентайре, но вопреки этому факту мне бы очень не хотелось быть ученицей одной из состоящих в ней куртизанок, вступая на путь порочных телесных утех. К тому же до меня неоднократно доходили грозные слухи о свирепых воительницах-лайил, покровительствующих гильдии Порхающих, и одна только мимолетная мысль о клыках и ужасных привычках этих тварей наводила на меня безотчетный ужас, заставляя судорожно корчиться от страха. Правда, братья из обители всеблаготворительной богини Банрах учили нас, своих воспитанников, что сущность любого обитателя Лаганахара ничуть не зависит от его расы и что среди представителей каждого народа можно с равной долей вероятности встретить как безукоризненную доброту, так и истинное воплощение зла.

И похоже, мне все-таки придется согласиться с напрашивающимся выводом: если проповеди братьев не грешат против законов богини, то почему бы главе гильдии Порхающих не оказаться «милейшей» тварью с острыми как бритва когтями, испачканными кровью очередной жертвы? Ведь не ведающие жалости лайил так же легко становились и верными жрицами Банрах, искренне пекущимися о процветании ее алтаря... Впрочем, я переживаю зря: лаганахарские куртизанки слишком ценят телесную красоту, а посему принимают в гильдию Порхающих лишь самых прелестных и утонченных девушек. А я... Все же и от уродства иногда бывает польза! Тут я насмешливо фыркнула во второй раз и, покачнувшись, хотя ветра сегодня совсем не ощущалось, чуть не сверзилась со скользкой крыши.

Ночь давно уже перевалила через середину, а я все еще сидела на прежнем месте, осиянная бледно-голубыми лучами Уны — нашего ночного светила. Возможно, бог Шарро и не наделил меня большим умом, но почему-то мне кажется, что этот бранный мир устроен чрезвычайно гармонично. Как холодная Уна восходит на небе, сменяя жаркий, ярко-красный дневной Сол, так и красота в человеке перемежается с уродством, во многом определяя жизненную стезю своего обладателя.

Завтра, в разгар весеннего равноденствия, согласно древнему обычаю нашего королевства представители всех гильдий соберутся в монастыре богини Банрах, чтобы провести ежегодную церемонию выбора учеников. Тогда-то и решится судьба всех безродных монастырских воспитанников, в том числе и моя... И я снова с горечью подумала о том, что порхающие, может, и позовут меня к себе из простой человеческой жалости, дабы спасти от участи стать кормом для жестокой богини. Ибо другие гильдии меня как пить дать не примут.

Вот уж где-где, а в гильдии Торговцев такие простушки, как я, точно без надобности. Эта община предпочитает приглашать мальчишек, да желательно посмекалистей, похитрей, поизворотливей, способных облапошить кого угодно. Пусть это и спорные качества, но сама-то я никакой пронырливостью совершенно не обладаю, ничего подобного за мной отродясь не водилось, любой из братьев обители подтвердит. Девочек, случалось, тоже выбирали в сообщество торговцев, но на моей памяти с воспитанницами нашего приюта подобного не

происходило.

О гильдии Воинов я не мечтала ни дня в жизни, да и, честно говоря, не собиралась мечтать. Бессмысленное это занятие и бесполезное! Гильдия Воинов была не самой малочисленной в Лаганахаре, но все ее представители слыли людьми неординарными, в их закрытой общине действовали строгие порядки и праздное любопытство не поощрялось. В этом нет ничего удивительного: годы неусыпного слежения за порядком, минувшие со дня окончания войны, и былые заслуги гильдии просто обязывали остальных жителей считаться с ее членами и относиться к ним с уважением и даже благоговением. Воины забирали к себе как юношей, так и девушек, но обязательно рослых (я грустно усмехнулась) и развитых физически.

Наиболее многочисленной являлась гильдия Земледелов. Как же я о них забыла? Братья могли бы предложить земледелам мою кандидатуру, ибо я всегда любила животных и растения, и эта любовь была взаимной. Живописуя свои способности, я ничуть не привираю: даже злобный Туки, гигантский сторожевой пес нашего брата кастеляна, переставал рычать при моем приближении и тут же принимался добродушно вилять мохнатым, обильно усеянным репьями хвостом. Да и грядки картофеля, посаженные мною в монастырском саду, давали самый обильный урожай. А еще я с радостью пропалывала огород, носила воду для поливки и возилась с саженцами плодовых деревьев. Я представила себя в центре огромного розария, напоенного ароматом распускающихся бутонов, и рассмеялась повторно, на сей раз чуть веселее.

Я вообще с удовольствием смеялась по любому поводу и, не менее часто, совсем без него, за что большинство сверстников меня откровенно не понимали и недолюбливали, а некоторые без обиняков дразнили «юродивой с Пустоши». Но вот беда, для адептов гильдии Земледелов сила и выносливость важны ничуть не меньше, чем для воинов. А у меня руки похожи на хрупкие тростинки, неспособные поднять ничего тяжелее лейки с водой, да и ростом я не вышла. Нет, не станут вечно обремененные хлопотами земледелы тратить усилия на обучение такой малявки, как я. Ведь нет никакой гарантии, что я еще подрасту и перегоню хотя бы десятилетнего малыша Ринни.

Итак, я педантично, в несколько заходов, снова перебрала в уме все оставшиеся неучтенными гильдии: Целителей, Охотников, Метельщиков, Уравновешивающих. Ох, как ни крути, а остаются только порхающие... По слухам, у них наблюдается постоянный недостаток рабочей силы, ведь многие богатеи почитают за честь взять себе жену, прошедшую такую изощренную школу доставления наслаждений. Но себя не обманешь: кроме ярого нежелания торговать своим телом и подсознательного страха перед лайл у меня имеется еще одна вполне весомая причина, мешающая поступлению в гильдию куртизанок, певиц и танцовщиц.

Несмотря на собираемую нами милостыню и помощь попечительского совета, монастырю вечно не хватало денег, поэтому проживающих в приюте сирот кормили скудно, а одевали и того хуже — в обноски с чужого плеча или в одинаковые серые балахонистые рубашки до пят, сшитые из жесткого полотна. К этой смахивающей на рубище рубашке прилагались пара деревянных башмаков и коричневый шерстяной плащ, днем защищающий от зноя или холода, а ночью выполняющий функцию одеяла. Невзрачные, худые и нелюдимые, словно призраки, приютские воспитанники ничем не отличались друг от друга, напоминая горошины из одного стручка. И лишь мой наряд несколько разнился с одеяниями всех прочих сирот, что вызывало у них пренебрежение и нездоровый интерес.

В тот злополучный день, когда я вынужденно решила впервые немного изменить свою одежду и, разрезав спину рубашки, пришила к ней небольшую мешковатую заплату, мальчишки долго изумлялись. А их бессменный главарь, черноглазый красавчик Арден, глумливо расхохотался и обозвал меня старой горбатой ведьмой. У меня едва хватило выдержки, чтобы медленно отвернуться и с достоинством (точнее, с его бледным подобием) гордо уйти прочь, в спальню девочек.

И лишь закрывшись в дортуаре, я свернулась комочком на своем тощем тюфяке и дала волю слезам. Подумать только: ОН, не кто другой, а именно ОН — безжалостно обозвал меня, сравнив с омерзительной старухой! Да я бы согласилась стократно вытерпеть подобное оскорбление от кого угодно, но только не от него! Эти слова прозвучали особенно унижительно потому, что их произнес Арден, который и так все время изощренно придирался ко мне, норовя задеть побольнее. А ведь он нравился мне гораздо больше, чем остальные мальчишки!

Кстати, далеко не все в приюте считали меня уродиной. «Эльфиечка» — так ласково называли меня подруги за маленький рост, хрупкую фигурку и чуть заостренные ушки, забавно выглядывающие из-под прядей густых, иссиня-черных, крупно выющихся локонов, спускающихся ниже пояса. Впрочем, острыми ушами у нас в Лаганахаре никого не удивишь, ибо Зачарованное побережье находится всего в двадцати лигах к северо-востоку, а остроухие дети иногда рождаются даже у жительниц Блентайра... аккуратно через девять месяцев после окончания ежегодной осенней ярмарки. Возможно, и я (исходя из подробностей, нет-нет да проскальзывающих в откровениях братьев монахов) родилась в самом начале лета, а потому вполне могла являться плодом чьей-то преступной любви. Другое дело, что эльфов у нас откровенно не любят и даже побаиваются...

Мысли о ярмарке с ее сказочным калейдоскопом непрерывно сменяющихся развлечений и бесконечными чудесами на несколько минут оторвали меня от безрадостного гадания о завтрашнем дне. По давней традиции на осеннюю ярмарку съезжались представители всех проживающих в наших землях рас, каждый год норовя удивить всех собравшихся каким-нибудь небывалым достижением или открытием. Поговаривают, будто на ярмарке может случиться абсолютно все, даже то, что невозможно в другое время и в ином месте... Размышляя о волшебной атмосфере ярмарки, я вдруг осознала, что напрочь забыла об еще двух гильдиях нашей столицы, члены которых часто появляются именно на этих многолюдных мероприятиях. Причем о первой из них я не то чтобы вздумать — даже и мечтать не смела, а названием второй у нас частенько страшат непослушных детей.

Безусловно, самой таинственной среди всех профессиональных общин Лаганахара считалась гильдия Охотников — древнее братство, члены которого клялись друг другу в вечной дружбе и взаимовыручке, собственной кровью скрепляя приносимые ими обеты, а умирать уходили в лес. По крайней мере, так рассказывали в соседней деревушке Ролсби. Но, невзирая на все секреты, эта гильдия внушала мне не страх, а вполне обоснованное почтение, потому что ничего плохого за ней не числилось.

А вот гильдия Жрецов, огражденная от постороннего вмешательства непроницаемым заслоном из малопонятных простому обывателю ритуалов, церемоний и обрядов, пугала меня гораздо больше, чем все остальные. Хотя иногда казалось, что половина из всех страшилок, приписываемых жрецам, — пустопорожние сказки и враки. Ну не могут же служители великой богини Банрах и в самом деле быть чудовищными тварями! Хотя, возможно, как раз таки могут, стоит лишь задуматься о прискорбной участи детей, не попавших в какую-либо из гильдий... Знание срывает с происходящих в нашей жизни событий покров таинственности, превращая их в банальное и прозаичное бытие. Неведомое же, наоборот, страшит до безумия, обрастает нелепыми домыслами, а в итоге оказывается лишь страшной сказкой. При этом мы зачастую забываем о том, что суровая реальность по своей сути намного превосходит любую сказку, оказываясь еще неизбежнее и безысходнее.

Надо сказать, суровая реальность заключается в том, что при всей своей власти, кажущейся непрекращаемой, главной силой в Блентайре все-таки являются отнюдь не король Вильям и не гильдия Жрецов... Стоило вспомнить о самой таинственной общине в городе, как сердце забилося сильнее, норовя выскочить из груди, и я нервно обхватила себя худенькими руками, унимая внезапно появившуюся дрожь. Ибо теперь пришел черед подумать о гильдии Чародеев...

Каждый раз, едва завидев на дороге всадника, облаченного в расшитый звездами плащ, я невольно задерживала дыхание и восторженно провожала его взглядом ровно до тех пор,

пока он не пропадал из поля зрения. Само собой разумеется, я проделывала сие действо тайком, смирнехонько затаившись где-нибудь поодаль, за камнем или кустом. Восседающие на великолепных скакунах, со сверкающими хрустальными звездами на груди — эти люди казались мне воплощением всего самого удивительного и прекрасного, что существовало в нашем скорбном мире. Чародеи — моя заветная мечта, мои идеалы, мои кумиры. Смогу ли я когда-нибудь стать одной из них?..

Я изо всех сил замотала головой, отчаянным усилием воли прогоняя прочь эти заманчивые видения, заполонившие мой явно сбрендивший рассудок. Чародеи никогда не якшаются с безродными нищими сиротами, они принимают в свои ряды лишь самых одаренных детей из благороднейших семейств королевства. Да я даже на пять шагов не сумею приблизиться к Звездной башне! Вот еще, только этого мне не хватало — поверить в свою безумную фантазию!

Ни для кого не секрет, что дети, несущие в своих жилах даже самую малую толику эльфийской крови, от рождения чрезвычайно восприимчивы к магии и способны творить кое-какие примитивные чудеса, не проходя обучение у чародеев. Я тоже не стала исключением из вышеназванного правила и давненько выучила несколько банальных заклинаний. Но опять же в нашем монастыре я не являлась единственным ребенком с зачатками магических способностей, хотя братья и не поощряли демонстрацию оных.

В приюте ходили смутные слухи о возникшей по неизвестной причине негласной вражде между гильдией Чародеев и Братством великой богини Банрах, но внешне это никак не проявлялось. Единственным признаком вражды было то, что представители гильдии Чародеев уже несколько лет избегали появляться на церемониях выбора учеников в тех местах, которые хотя бы косвенно были связаны с именем богини. Но надежда, как известно, умирает последней, и посему я мечтала хоть краем глаза увидеть стройную фигуру в вышитом звездами плаще, почтившую своим присутствием нашу скромную обитель.

И вот теперь, когда я точно и досконально воспроизвела в уме все гильдии, мои мысли упрямо возвращались к обитательницам невысоких домиков, расположенных по обе стороны улицы Сладких Поцелуев. Какое красноречивое название! Нет, я туда не хочу! Но вот беда, при всем моем отвращении к ремеслу куртизанки (все-таки эта перспектива более предпочтительна, нежели участь стать мясом в храмовом котле) я не переставала тревожиться о том, смогу ли работать — нет, даже просто учиться в гильдии Порхающих.

Смешно это — бояться не попасть туда, куда попадать совершенно не хочется. Их ужимки, флирт, заигрывания с мужчинами — как же это отвратительно! Это поведение не имеет ничего общего с настоящей любовью, воспетой в запретных эльфийских книгах. Кстати о любви... Не так давно моя подруга Элали позволила разочек подглядеть, как она целуется с красавцем Арденом. Благодаря ее жалостливой помощи я с грехом пополам получила представление о том, чем обычно занимаются мужчина и женщина, оставшись наедине.

Наша беседа, носящая интимный характер, состоялась с месяц тому назад на огороде, среди требующих срочной прополки капустных грядок. Элали, каким-то непостижимым для меня образом даже в своей невзрачной монастырской одежде умудрявшаяся выглядеть безупречно ухоженной и привлекательной, отбросила за плечи длинные белокурые косы и болезненно поморщилась:

— Работать, да еще в такие дни...

Я удивленно моргнула, совершенно не поняв смысла ее реплики. А какой сегодня день? Уж точно не праздничный...

— А ты разве еще не стала девушкой? — спросила она, встретив мой недоумевающий взгляд.

— Э-э-э... — растерянно замялась я. — Как это?

— Стать девушкой — значит обрести возможность иметь детей, — туманно намекнула Элали.

— Э-э-э... — еще сильнее стушевалась я. — Иметь детей?

— Глупая! — покровительственно хихикнула подруга. — Небось до сих пор веришь в сказки, будто детей находят в капусте?

— Их туда аист роняет! — улыбнулась я, стремясь побыстрее свести к безобидной шутке довольно щекотливый разговор, смущающий меня до невозможности.

— Точно! — окончательно развеселилась Элали. — Причем некоторых, судя по их скудным умственным способностям, головой вниз.

— Брат Флавиан утверждает, что дети ниспосылаются нам по милости богини Банрах, — авторитетно заявила я, смиренно опуская глаза долу, перехватывая тяпку поудобнее и остервенело врубаясь в колючие сорняки.

— Ну да, как же, слушай его больше... Хотя нашим монахам простительно прозябать в невежестве, — небрежно фыркнула излишне опытная для своего юного возраста девочка. — Хочешь, покажу тебе правду? А то ведь так и помрешь дура душой.

И ведь показала-таки! Помню свой стыд, а еще жгучую зависть к белокурой Элали, нежившейся в объятиях того, чей образ частенько являлся мне в одуряюще нескромных ночных снах... Но при всем желании я так и не сумела вообразить себя на месте подруги, с игривой улыбкой принимающей ласки стройного смуглокожего юноши. Не уверена, что позволила бы ему вот так же расстегнуть мою рубашку и уложить меня на спину (я почувствовала, как при этой мысли лицо залила краска)... Ах нет, я же не могу этого сделать! Я никогда не смогу лечь на спину — даже ради любви Ардена, поэтому я и сплю-то всегда на животе, а в классе беру скамеечку без спинки, чтобы ненароком не повредить...

Именно этот секрет выделяет меня среди остальных приютских детей, и, пожалуй, я отличаюсь от них не в лучшую, а в гораздо худшую сторону. Не знаю, как это произошло: поразило ли меня врожденное специфическое уродство или же стряслось еще что-то более ненормальное, но случилось самое страшное из всего, что только может случиться с ни в чем не повинным человеком. Я родилась не такой, как все нормальные люди! В Книге Преданий, которую я с большим трудом сумела на полчаса выкрасть из монастырской библиотеки, а затем незаметно положила на прежнее место, черным по белому написано: во всем нашем мире крыльями обладали лишь одни разумные существа — высшие правители из клана Полночных эльфов. Да-да, это те самые проклятые Перворожденные, которые развязали войну за Блентайр и чуть не истребили людей.

Но Полночные проиграли решающую битву и ушли неведомо куда, оставив свой город людям-победителям. С тех самых пор человеческий род яростно ненавидит всех эльфов, а крылатых — особенно, очень неохотно мирясь с присутствием Полуденных, иногда покидающих свой Зачарованный берег, чтобы посетить осеннюю ярмарку. Да, походка эльфов и по сию пору легка, а шаги невесомы, но иметь крылья не разрешается ни самим Перворожденным, ни их потомкам. Каждый выявленный людьми крылатый — это враг, ублюдок, злодей и подлое отродье, на веки вечные проклятый богиней Банрах!

Никто из старожилов Ролсби, как я ни теребила их своими надоедливыми расспросами, так и не смог вспомнить ни одного случая, когда крылатый эльф хотя бы раз появился в окрестностях Блентайра за последние пятьдесят лет. Кое-кто из старейшин упоминал, что где-то севернее, за Белыми горами, они, возможно, еще живут... Но звучало это не как правда, а как сказка, специально выдуманная для охваченного навязчивой идеей ребенка, поэтому скоро я отступилась и перестала докапываться до истины. Своевременно поняла, что делаю это во вред себе, ведь на меня уже поглядывают искоса и с подозрением перешептываются за спиной. За моей горбатой спиной... Ибо все-таки не зря я испортила рубашку, пришивая к ней небольшой мешочек, способный вместить мой горб. Все в округе относились ко мне снисходительно и чуть брезгливо, прощая странное поведение, потому что считали убогой уродкой, несчастной калеккой, стесняющейся своей искривленной спины. Но они оказались неправы, ибо на самом деле это был вовсе не горб!

Я выпрямилась во весь рост и огляделась так бдительно, как будто в этот полночный час кто-то мог увидеть мою шуплую фигурку, стоящую на скользкой крыше колокольни, и тихонько развязала тесемку плаща. Длинная рубашка, подобная тем, которые носили

остальные приютские воспитанники, доходила мне почти до щиколоток, башмаки давно сносились от постоянных походов в деревню и обратно, а штанины грубых полотняных штанов смотрелись ровно в три раза шире моих худых ног. Я пошевелила плечами и потянулась, прогоняя все мрачные мысли этой ночи. Ничуть не тяготясь своим необычным грузом, с затаенным удовольствием ощутила то, что носила за спиной...

Между моими лопатками, вырастая прямо из позвоночника, притаился небольшой компактный комочек плоти, состоящий отнюдь не из хрящей или мозолей. По своему желанию я умела трансформировать этот комок, превращая его в свободно распахнутые... крылья! Впрочем, я всегда чувствовала свои крылья, даже не расправляя их. Мудрые монахи рассказывали, будто крылья Полночных эльфов имели черную окраску, но я знала — мои не такие. Темными у моих крыльев оказались лишь тонкие косточки остова, а оттенок натянутых между ними перепонки, то есть собственно крыльев, менялся в зависимости от времени суток, когда сквозь них просвечивал Сол. Крылья выглядели то серыми, то перламутровыми, то лазоревыми... Вот только, увы, летать я не умела.

Мне стало интересно, в какой же цвет окрасит их Уна. Я стянула через голову свою неумело перешитую рубашку, подумав, что сейчас моя нескромность в полной мере соответствует понятиям порхающих, не обремененных излишней скованностью. Одна, полуобнаженная, на крыше здания, без всякого стыда разглядывающая себя — эта картина мне не понравилась. Я очень медленно осторожно расправила свои тонкие, как у летучей мыши, крылья и повернулась спиной к яркому, молочно-белому диску полночного светила. Теплый ночной воздух с дружелюбной готовностью овеял плечи и как будто бы укутал мое тело в тончайший шелк. Мне стало невыразимо хорошо, но я тут же мысленно себя одернула: не следует так легкомысленно рисковать и стоять на крыше слишком долго. Нельзя делать глупости!

Я чуть повернула голову и с любопытством заглянула себе за плечо... К своему бесконечному изумлению, я обнаружила, что мои крылья изменились и выглядят сейчас еще красивее. Они показались мне непривычно большими и словно сотканными из мириад серебряных нитей, тонких и прочных одновременно... О-о-о, нынче они уподобились двум серебряным парусам, дерзко несущим меня навстречу самой прекрасной мечте!

Но спустя мгновение мое ощущение изменилось. Переменчивая Уна зашла за тучку, став похожей на слепой лик богини Банрах, сулящей неминуемую кару за все мои грехи. Я испуганно ойкнула и торопливо сложила крылья в обычный маленький комочек, удачно замаскированный под горб. Как обманчив ночной свет! Наверное, он берет пример с меня. Я поспешно оделась и, плотнее завернувшись в плащ, немедленно пустилась в обратный путь, намереваясь побыстрее вернуться в монастырь.

Я тихонько притворила за собой скрипучую садовую калитку, сняла тяжелые башмаки и, держа их в руках, босиком на цыпочках прокралась в монастырскую кухню, стараясь производить как можно меньше шума. К тому моменту время изрядно перевалило за полночь, вся обитель спала, и мне тоже предписывалось давно находиться в дортуаре для девочек и видеть десятый сон, а не шляться эльф знает где. Поэтому я не собиралась лезть на рожон, а хотела незаметной мышкой прошмыгнуть на свое законное место, сохранив в секрете эту ночную вылазку, как проделывала уже неоднократно. Но не тут-то было. На сей раз мне не повезло.

Пробираясь между потушенной плитой и огромным дубовым столом, загроможденным мешочками с кукурузой, чечевицей и фасолью, предназначенными для завтрашнего, а вернее, уже сегодняшнего праздничного завтрака, я вдруг заметила слабый лучик света, пробивающийся из-под двери примыкающей к поварне столовой. Засмотревшись, я выронила один из своих башмаков. Грохот, произведенный обрушившейся на мозаичный пол обувкой, прозвучал оглушительно. Я испуганно юркнула за большую плетеную корзину с картофелем, но прятаться было поздно. Дверь столовой растворилась, и на пороге четко обрисовался громоздкий силуэт чрезмерно упитанного брата Флавиана, близоруко

щурившегося в темноту монастырской поварни.

— Кто здесь? — настороженно спросил монах.

Я молчала, затаив дыхание и до боли прижимаясь к ребристому боку корзины.

Толстый монах с кряхтением нагнулся и поднял позабытый мною башмак. До меня донесся его довольный смешок:

— Йона, разбойница эдакая, а ну-ка, выходи немедленно, я знаю, что ты здесь. Тебя выдали сбитые каблуки, обличающие любительницу долгих прогулок.

Не смея спорить с безупречной логикой брата Флавиана, я выползла из своего укрытия и понуро встала перед наставником, виновато склонив голову и шмыгая носом. Монах беззлобно усмехнулся, оценивающим взглядом охватывая и мой запыленный плащ, и растрепанные локоны.

— Есть хочешь? — сочувственно спросил он.

Я шмыгнула носом еще жалостливее и усиленно закивала.

Монах гулко захохотал, вернул мне башмак и, крепко ухватив за рукав рубашки, потянул за собой. Мы вошли в столовую, где моим расширившимся от потрясения глазам предстало совершенно нереальное зрелище. Длинный стол, застеленный белоснежной скатертью, оказался заставлен неисчислимым количеством тарелок, наполненных волшебными кушаньями. Я чуть не захлебнулась голодной слюной, ибо давно уже успела переварить выданный на ужин ломоть черного хлеба с сыром, а выставленные на столе блюда благоухали слишком уж упоительно.

Мой неискушенный взгляд сумел распознать зажаренный с мятой кабаний окорок, лягушек в чесночном соусе, пирог с румяной корочкой, горшочки с паштетом, а дальше шло такое, название чего я просто не знала. Во главе стола важно восседал наш брат настоятель, а по правую руку от него жеманно поджимала губы сьерра¹ Каталина, знатная дама из столичного попечительского совета.

— Это что еще за мелкая замухрышка? — Щедро покрашенные брови сьерры Каталины, похожие на двух толстых черных змей, изумленно изогнулись и поползли вверх. — Вроде бы дети из младшей группы живут в отдельном корпусе?

— Эту девочку зовут Йохана, и завтра она примет участие в церемонии выбора учеников, — доходчиво пояснил брат Флавиан, подталкивая меня к лавке. — Садись, Йона, поешь.

Но я робела. Тогда монах легко меня поднял, будто перышко, и силой усадил за стол, а потом еще и пододвинул тарелку с поджаристой куриной грудкой. Такой вкуснятины я не пробовала никогда в жизни, а поэтому немедленно с кошачьим урчанием впилась в сочное мясо, разом позабыв обо всем на свете.

Дама-попечительница продолжала рассматривать меня с явным неодобрением:

— Так ей уже исполнилось шестнадцать?

— Или скоро исполнится, — равнодушно подтвердил брат настоятель. — Малозначительная разница в сроках не противоречит правилам церемонии. Хотя мы не знаем точный день ее рождения. Подходит ли она вам, сьерра Каталина?

По моей спине побежали мурашки нехорошего предчувствия.

Вместо ответа дама взяла со стола подсвечник и приблизила его к моему лицу, придиричиво рассматривая меня на манер опытного барышника, выбирающего лошадь на рынке.

— А она ничего, — иронично протянула столичная гостья. — Пусть худенькая и невысокая, в пику нынешней моде на рослых девушек, но фигурка у нее на удивление пропорциональная и ладная. Волосы — воистину шикарные.

Она бесцеремонно ухватила меня за прядь у виска и заставила поднять подбородок от

¹ **Сьерра** — вежливое обращение к замужней даме;

Сьерр — к мужчине;

Сьеррина — к незамужней девице в Лаганахаре.

тарелки.

— А глаза, — тут на щекастой физиономии почтенной сьерры промелькнуло смешанное с завистью восхищение, — и того лучше.

— Чудесные глаза, — плотоядно мурлыкнул четвертый участник позднего застолья, молодой брат Морис, нередко встречающий меня на заднем дворе приюта и одаривающий липкими улыбочками. — Необычные, неповторимые. Сиреневые, с золотыми крапинками, напоминают лепестки бутона королевской мальвы.

Сьерра Каталина удовлетворенно хмыкнула:

— А ее острые уши? Она родилась от связи с эльфом?

— Полагаю, что так все и произошло, — печально вздохнул брат Флавиан. — Девочке, видимо, было всего несколько дней от роду, когда мы нашли ее под дверью нашей обители... Ее и еще одного мальчика чуть постарше... Они — подкидыши.

Услышав последние слова монаха, я заинтригованно наострила свои и без того острые уши. Про мальчика я ничего не знала.

— Вы смогли раскрыть тайну их происхождения? — продолжала допытываться настырная дама-попечительница.

— С мальчиком все обстоит намного проще, — вступил в разговор брат настоятель. — Он, безусловно, происходит от благородных родителей, ибо в его корзине лежала записка с выбранным для него именем, а на шейке младенца мы обнаружили золотой кулон в форме меча.

— И его зовут? — жадно спросила сьерра Каталина.

— Арден.

Я взволнованно икнула, потому как знала из Книги Преданий: изображение меча входит в старый, еще эльфийский герб Лаганахара, что тщательно замалчивается. А в самом Ардене буквально все так и кричит о его дворянском происхождении: красота, ум, стать, смелость общения, благозвучный голос... Ну и любовь к симпатичным девушкам — тоже.

— Интересно... — Очередная реплика дамы вывела меня из состояния задумчивости. — И их никто не искал?

Брат Флавиан с сожалением развел руками, показывая, мол, никто.

— Интересно! — еще более эмоционально протянула сьерра Каталина. — Но вы посудите сами — девочка тоже явно не из простых: у нее очень аристократичное личико, точеный носик и длинные, изящные пальчики — первый признак хорошего рода. А если ее еще откормить да приодеть...

— Тогда из нее выйдет настоящая красotka! — язвительно хохотнул брат Морис. — Аппетитная крошка, милашка, не так ли?

Дама расплылась в согласной, неприкрыто циничной улыбке. Я испуганно сжалась в комок. Эта женщина мне не нравилась.

Брат Флавиан не обладал красотой Мориса, а его бугристое, испещренное оспинами лицо выглядело словно поклеванное птицами. Но в отличие от своего молодого и заносчивого собрата он имел доброе сердце, искренне равнодушное к моей будущей судьбе. А поэтому он сразу же разгадал терзающие меня страхи и решил помочь.

— Милашка, да не совсем... — Резким движением сообразительный монах сдернул окутывающий меня плащ. — Удостоверьтесь сами, благородная сьерра.

Лицо брата Мориса перекосилось от обуявшей монаха смеси отвращения и вожделения, принимая вид похотливой гримасы, уже неоднократно подмеченной мною при наших встречах.

— Горбунья! — громко взвизгнула сьерра Каталина. — Как это ужасно! Но... как это прелестно!

Мы оба, я и брат Флавиан, с недоумением уставились на попечительницу.

— Крошка, хочешь стать куртизанкой и попасть в гильдию Порхающих? — вкрадчиво осведомилась соблазнительница, покровительственно обнимая меня за плечи. — Некий князь, наш постоянный клиент, весьма равнодушен к таким вот ущербным красавицам. Я

запросто устрою тебя в его гарем. Соглашайся же, Йохана!

Она смотрела на меня с такой корыстной заинтересованностью, что все мои мурашки немедленно перебежали на живот и собрались в одном месте где-то в районе пупка, мешая мне дышать.

Брат настоятель одобрительно кивнул, подтверждая: да, такой шанс выпадает лишь раз в жизни, соглашайся. Но меня передернуло от омерзения.

«Смилуйся надо мной, бог Шарро, — беззвучно взывала я. — Неужели меня ожидает именно то, чего я опасалась больше всего?»

— А лайил? — судорожно выдохнула я, чуть не подавившись недожеванным куском курицы.

— А что лайил? — ненатурально удивилась дама. — Они почти ничем не отличаются от нас, людей. Князь заплатит за свою любовницу хорошую цену, и лайил тебя уже не тронут, ведь среди всех рас Лаганахара соблюдается справедливый принцип: свобода, равенство, братство. А ну-ка, повтори!

— Швобода, лявенство, — невнятно пробубнила я сквозь застрявшее в зубах мясо, — бя...

— Хватит! — возмущенно оборвала меня сьерра Каталина. — Запомни, наши девушки обладают образцовыми манерами и никогда не употребляют грубые слова!

Губы брата Флавиана изогнулись в ухмылке. Он заговорщицки подмигнул мне, сигнализируя, что, дескать, уже догадался о том, каким путем я смогу вырваться из цепких лап сьерры Каталины. А я в свою очередь прекрасно поняла красноречивую пантомиму заботливого наставника.

— Йона, передай сьерре Каталине вилочку, а то она сегодня почему-то мало кушает...

— Зачем? — скандальным голоском поинтересовалась я, наконец-то проглотив злополучный кусок.

— Тебе ведь только что рассказали о правилах хорошего тона! — вовсю лицемерил брат Флавиан, спасая меня от гильдии Порхающих.

— Зачем ей вилка? — продолжала наигранно вредничать я. — Вы же сами вчера говорили, будто эта дама жрет, как лошадь.

— Что? — Щеки сьерры попечительницы покрылись красными пятнами гнева. — Да как ты смеешь грубить, мерзавка?! Убирайся с глаз моих долой, в нашей гильдии хамок не держат! — И она отвесила мне смачный подзатыльник. — Дрянь неблагодарная! Тебе прямая дорога в храмовый котел!

Получив ощутимое ускорение, я птичкой спорхнула со скамьи и рысью устремилась к выходу из столовой. Вслед мне летели базарная ругань дамы, мгновенно утратившей всю свою изначальную импозантность, витиеватые проклятия брата настоятеля и злорадный смех Мориса.

— Мы еще встретимся, — злобно процедила досточтимая сьерра, — и обещаю, тогда ты уж точно пожалеешь о том, что родилась на свет!

И один лишь брат Флавиан молчал, не зная, помог ли он мне или же, наоборот, усугубил мою и без того незавидную участь. Но, прокравшись в спальню и вытянувшись на своем тощем тюфяке, я беззаботно улыбнулась, ибо если ребенок хочет делать гадости, то лучше не мешайте, не указывайте ему на мораль и приличия. Ведь иначе он обязательно найдет способ сотворить эти гадости на другой лад, ничуть не выходя за рамки обманчиво примерного поведения!

ГЛАВА 2

— Девчонка... — Негодующее шипение, похожее на змеиное, шло сверху, от массивного, выполненного из черного мрамора постамента, занимающего центр зала. — Наследница крылатых, последнее усилие выдохшейся судьбы и мой личный недосмотр... Как много неприятностей способна принести она в будущем! — Обертон раздражения

превратились в злобный свист, ненавидящий, ледяной, замораживающий душу. — К несчастью, ее охраняет особое благословение моего слабохарактерного братца, поэтому так просто от нее не избавишься... — В недобром голосе проскользнули задумчивые интонации. — Тут требуется постоянный контроль и надзор, исполнение коего я и хочу поручить тебе, дочь моя.

— Приказывай, владычица Банрах! — Затылок девушки, покорно склонившей перед статуей богини свою непокрытую голову, услужливо качнулся. — Я целиком и полностью в твоей власти.

— Знаю, знаю, — лениво протянула змееликая Банрах и булькающе рассмеялась. — Мне пришлось немало потрудиться, чтобы вбить в ваши донельзя упрямые мозги вот эту главную мысль: всякая жизнь оканчивается неминуемым переходом во Тьму, а следовательно, падением в мои выжидающе распахнутые объятия! Не так ли, жрица?

— Воистину так, — покорно подтвердила коленопреклоненная девушка, тщательно скрывая обуревающие ее сомнения.

«И все же хоть я и служу тебе, но все больше верую в его правоту! Ведь перед самой смертью он все-таки отринул твою черную милость, и его раскаявшаяся душа вознеслась высоко, в наполненное светом небо! — подумала жрица, предавшись дорогим ее сердцу воспоминаниям. — Клянусь, в миг его праведной кончины я явственно расслышала шелест крыльев белоснежных мантикор, унесших душу прощенного Финдельберга к подножию престола бога Шарро! А значит, ему удалось избежать Тьмы и твоих черных объятий, Банрах...»

— Она родилась вопреки моему желанию, — продолжала вещать богиня, не заметив мысленного отступничества своей жрицы, внешне демонстрирующей похвальное послушание и преданность. — Родилась наперекор влиянию Проклятой эпохи, своим появлением дав всему Лаганахару слабую надежду на спасение и новое возрождение. Но я не позволю...

До слуха жрицы, испуганной столь очевидным проявлением гнева богини, вдруг донесся громкий треск, недвусмысленно указывающий на то, что мраморная статуя змееликой силится сойти со своего постамента. И на краткий миг жрице померещилось, что Банрах вот-вот сможет воплотить свою дерзкую попытку! К счастью, этого не произошло. Богиня разочарованно вздохнула, проклиная свои каменные оковы.

— Ненавидистые Неназываемые, ну почему они не дали мне возможность хотя бы временно обрести физическую плоть на территории Блентайра? Почему они наделили данным правом лишь этого велеречивого слюнтяя, моего братца Шарро?

Вопрос повис в воздухе.

— Но все равно, — мстительно пообещала Банрах, — я не позволю какой-то там девчонке, пусть даже несущей его дар и объединившей в себе уникальные способности правителей всех трех эльфийских кланов, разрушить мои планы. Не позволю сотворить подобное ни ей... — тут ее интонации обрели доселе невиданную жесткость, — ни этому смазливому мальчишке, потомку Адсхорна Полуденного!

— О-о-о, наследник морских эльфов?! — потрясенно вымолвила шокированная подобной откровенностью жрица.

— Да, — пренебрежительно фыркнула богиня. — Еще один избранный полукровка, появившийся в результате смешения рас людей и Полуденных эльфов, правнук Адсхорна, единокровного брата Эврики, Повелительницы мантикор!

Зеленые глаза жрицы восхищенно расширились, но увлеченная своей ненавистью богиня не заметила и этой столь красноречивой реакции, свидетельствующей о многом.

— Я лично позабочусь о будущем нашего прекрасного мальчика, — многозначительно произнесла змееликая, и сия, казалось бы, безобидная фраза не сулила ничего хорошего незадачливому объекту ее пристального внимания. — А ты, дочь моя, — тут жрица вновь послушно склонила голову, — на время покинешь храм и станешь моими тайными ушами и глазами, призванными выследить напроороченную девчонку, остановить ее и не подпустить к

Запретным горам! Приказываю — найди верный способ и выполни мое поручение! Пусть я слепа, но, к счастью, у меня имеется кое-что получше, чем глаза...

Раздался стук, и на пол храма упал небольшой стеклянный шарик, подкатившийся точно к ногам жрицы.

— Спрячь его в своей одежде, и тогда я смогу постоянно следить за твоими перемещениями, — приказала богиня.

— Я должна выследить Наследницу и убить ее? — чересчур взволнованно переспросила жрица, но ее возбуждение опять ускользнуло от внимания богини, слишком высокомерной для того, чтобы снизить до чуткости к своей пастве, и чрезмерно эгоистичной, чтобы правильно оценить важность подобной реакции. А зря, ведь именно в непроизвольных эмоциях и кроется истинная суть поведения.

— Убить? — Богиня издевательски рассмеялась. — Нет, тебе это не под силу. Попытайся ее остановить, выведай ее тайны, вотрись к ней в доверие. Я хочу знать, способна ли она осуществить пророчество Неназываемых и каким образом я могу предотвратить их возвращение.

— Но возможно ли вообще совершить требуемое деяние — предотвратить грядущее исполнение пророчества Неназываемых, начертанное на стенах Немеркнувшего Купола? — непритворно изумилась изрядно озадаченная жрица, подбирая с пола подарок Банрах.

— Возможно! — повелительно рыкнула богиня. — Ибо Неназываемые спят вечным сном и уже не правят этим миром, а значит, не помешают мне и не помогут ей. Иди, дочь моя, и да пребудет с тобой Тьма!

Всерьез обеспокоенная возложенной на нее миссией, кажущейся совершенно невыполнимой, жрица рассеянно пожала плечами, поднялась с колен и покинула храм. На выходе она благоговейно сняла свою длинную черную тунику, отороченную золотой каймой, и сменила на простое дорожное платье. Зеленоглазая девушка педантично расчесала доселе свободно распущенные по плечам волосы и заплела их в тугую косу, спускающуюся ниже лопаток. На смену храмовому одеянию она выбрала узкие штаны из лосиной кожи, плотно облегающие ее мускулистые ноги, простую серую шерстяную рубашку, замшевый, обшитый железными бляшками жилет и перевязи двух коротких акинаков,¹ крест-накрест перечеркнувших ее крепкую спину.

Девушка опустила шарик — змеиный глаз, переданный ей богиней Банрах, — в нагрудный карман жилета и заботливо поправила ножны мечей так, чтобы они оказались точно под руками. Не замечая ничего вокруг и полностью погрузившись в свои нелегкие думы, она, стройная и прекрасно сложенная, красивая даже в столь неброском наряде, упруго сбегала по ступеням храма, немедленно смешавшись с заполняющей городские улицы толпой, неспособной распознать удачно замаскированную жрицу зловещей богини.

Но при этом на лице прекрасной воительницы сохранялось прежнее озабоченное выражение, а на ее высоком загорелом лбу, свидетельствующем о недюжинном уме, залегла глубокая морщинка — неоспоримый признак терзающих душу сомнений. О нет, движущим мотивом ее преданности змееликой Банрах являлись отнюдь не твердые моральные принципы или личный выбор всемогущей богини в качестве покровительницы, а нечто совершенно другое. Это было куда более сильное и потаенное чувство. Зеленоглазой воительницей руководил страх.

Страх — каким разным он бывает! Как часто мы испытываем страх, боясь утратить любовь или потерять власть, лишиться богатства или остаться без крова и средств к существованию. Страх имеет множество причудливых форм и всевозможных обликов, неустойчиво колеблясь между уродливым гротеском: паникой, вызывающей презрение храбрецов, или же достигая вершин ослепительного самопожертвования: страсти, свойственной воспеваемым в балладах героям. Но страх вооруженной парными акинаками девушки был совсем иного рода.

¹ Акинак — короткий меч с широким мощным лезвием.

Отойдя на значительное расстояние, жрица обернулась на прощание, хмуро разглядывая темную махину храма, имеющую очертания огромного паука и грузно нависающую над вымощенной брусчаткой площадью. Неосторожные прохожие, по той или иной причине вынужденные посещать именно эту часть Блентайра, торопливо кланялись, отдавая дань уважения, положенную змееликой богине, и чуть ли не бегом устремлялись на противоположную сторону улицы, не смея дышать до тех пор, пока не покинут отбрасываемую храмом тень.

Богиня Банрах являлась официальной покровительницей Лаганахара, но при этом мало кто из истово молящихся ей прихожан испытывал искреннее чувство симпатии к этой кровожадной убийце, питающейся человеческим мясом. Да, она сдерживала наступление пустыни, обеспечивая выживание тысяч за счет приносимых в жертву единиц, но над столицей королевства витала плотная, никогда не исчезающая, а, наоборот, все сгущающаяся аура всеобщего страха, ибо никто не знал, чью жизнь потребует ненасытная богиня на следующий день. Но девушка с акинаками опасалась вовсе не храмового котла...

Человек ощущает себя счастливым, лишь живя в согласии с собой и реализуясь как личность в мире. Зеленоглазая жрица пока не ощущала себя счастливой: внутренне она разрывалась между навязанными матерью правилами, ибо ее покойная матушка много лет подряд занимала пост верховной жрицы богини Банрах, и завещанием, оставленным ей одним горячо любимым человеком, который, достигнув весьма преклонного возраста, скончался несколько недель назад. В глубине души признавая правоту его завещания и ужасаясь злодеяниям богини, молодая жрица впала в глубокое уныние и ощущала себя поистине несчастной. С детства вдолбленный матерью догмат беспочвенного долга перед богиней вступил в неравную борьбу с врожденным стремлением к справедливости. И надо признать — последнее уже сильно перевешивало.

В отрочестве юная воительница чрезвычайно боялась не оправдать ожиданий матери, прочившей ее на свое место в храме. Образ богини Банрах ни в коей мере не соответствовал представлениям о чести и доблести, но девушка безропотно приняла навязанные обеты, следуя традициям семьи, ведь жрицами змееликой служили и ее бабушка, и прабабушка, и прапра... К сожалению, мы слишком часто отвергаем истинный зов своего сердца, взамен совершая благоразумные поступки, которых ждут от нас близкие.

Позднее, повзрослев и поумнев, зеленоглазая воительница начала испытывать вполне здравые опасения перед грядущим одиночеством — единственным спутником жриц кровавой богини. На их долю редко выпадала возможность любить и быть любимой. Наследие, полученное из рук умирающего мужчины, стало единственным лучиком света, забрезжившим в беспроглядном мраке унылого существования и давшим зримую надежду на нечто большее, лучшее, значительное... Но тут, будто назло, она получила это роковое поручение богини, довершившее сумбур, царивший в душе. И теперь она боялась своей возможной несостоятельности, неспособности исполнить обещание, данное умирающему мужчине и значившее так много.

В ее мыслях поселился хаос, сердце словно резали тупым ножом — все это вызывало желание бежать незнамо куда и немедленно что-то делать. Да, делать хоть что-нибудь, лишь бы не стоять на месте, не плыть бездейтельно по стремительному руслу судьбы, неумолимо несшему навстречу чему-то странному, отталкивающему и притягательному одновременно.

Она мечтала о многом из того, чего еще не познала: о любви, настоящей дружбе и даже о том, что считалось в Лаганахаре преступным и недопустимым, — о встрече с проклятыми расами. А особенно отчетливо она осознавала властное вмешательство в свою доселе серую и обыденную жизнь некоего высшего рока или фатума, одинаково беспощадного и к могущественным богам, и к обычным смертным. Исподволь, не признаваясь в том самой себе, она давно жаждала перемен, но, однако, ступевалась и заробела при первом их приближении. А впрочем, судьба — это ведь и есть то, что случается с нами именно тогда, когда мы хотим ее изменить.

Итак, девушка с акинаками никак не могла решить, на радость или на беду она

получила загадочное поручение богини, начисто перечеркнувшее ее размеренную прошлую жизнь. Отныне она вступала в полосу непредсказуемых приключений, опасных, но, безусловно, волнующих и важных для участи всего королевства. Она не знала, сумеет ли обрести столь желанный мир в душе, и поэтому мудро постановила не торопить события, а стойко принимать их и относиться по-философски спокойно ко всему, что встретится на пути. Ведь если ты бессилен перед грядущими испытаниями, которым надлежит произойти помимо твоего желания, остается одно: боишься сглазить свое счастье — наплюй на него. И делов-то.

Приняв такое решение, воительница облегченно хмыкнула и уже куда бойче застучала подковками на каблуках сапог, направляясь прочь от храма. Избавившись от необходимости принимать ответственность за нелегкие реалии текущего момента, она почувствовала, как ее настроение постепенно улучшается. Следующий виток событий оказался отсрочен на неопределенное время, что давало возможность передохнуть да набраться сил, готовясь к опасному балансированию между заданием богини и велением собственной души и сердца.

А о том, что случается с предавшими Банрах отступниками, она тогда как-то не подумала.

Громкий размеренный звук ворвался в мой сон, властно скомандовав: «Пора вставать». То звонил главный монастырский колокол, возвещающий о наступлении нового дня. Все как обычно.

Не сдержавшись, я с протяжным завыванием зевнула во весь рот, с трудом разлепляя не желавшие раскрываться веки. Не зря, видать, талдычит брат Флавиан, вбивая в наши легкомысленные головы здравую мысль: «Чтобы выспаться, нужно ложиться спать не в тот день, в который придется просыпаться». Да разве мы его слушаем? А зря, ибо вот до чего доводят самостоятельные ночные прогулки и хронический недосып: день начинается из рук вон плохо, а худшей приметы, чем неудачно начатый день, пожалуй, не придумать. Хотя иногда мне кажется, вера в приметы есть не что иное, как самое удобное оправдание собственных неудач, особенно любимое дураками и шалопаями. А посему если сегодняшний день сложится неблагоприятно, то винить в этом мне следует лишь нерадивую себя.

Вполне удовлетворившись столь самокритичным выводом, я лениво перевернулась на бок и несколько мгновений бездумно любовалась пылинками, танцующими в столбе струящегося из окна света. В простенке между двумя оконными проемами стояла статуя богини Банрах, находящаяся здесь с незапамятных времен. Искусный мастер вырезал изображение охранительницы всех людей из цельного ствола карликового лавра, и ровно в полдень, когда древесина изваяния нагревалась от разливающегося по спальне тепла, от статуи начинал исходить едва уловимый маслянистый аромат, навевавший грезы о дальних странствиях и заморских городах. Глядя на статую, я поняла, как мне будет ее не хватать...

«Не хватать? Это еще почему?» — удивилась я и, случайно ухватившись за эту подсознательную мысль, тут же чуть не подпрыгнула на тюфяке, звонко хлопнув себя ладошкой по лбу. И с чего я вдруг приняла наступивший день за обыденный и рядовой? Вот ведь, все позабыла от недосыпания, растяпа! Да ведь нынче же состоится церемония выбора учеников! И, подгоняемая своим открытием, я резво соскочила с постели, торопясь реализовать давний, тщательно продуманный план.

К счастью, пока я никуда не опоздала. Половина девочек уже проснулись и одевались, стараясь придать себе как можно более опрятный вид, но моя ближайшая соседка и подруга — рыхлая, высокая Пиолина — еще сладко посапывала, по излюбленной детской привычке сложив руки под пухлой щекой. Осторожно, чтобы не разбудить подругу, я быстро накинула плащ на плечи и выскочила из комнаты, ведь мне очень хотелось не пропустить приезд представителей гильдий.

Построенный добрую пару, а то и тройку сотен лет назад, монастырь богини Банрах представляет собой некрасивое, приземистое, какое-то кургузое здание, неаккуратно сложенное из серого известняка. Наверное, в те счастливые прошедшие годы климат

Лаганахара еще не настолько сильно подвергался губительному дыханию Пустоши, поэтому здание нашей святой обители строилось с завидным размахом, что позднее стало восприниматься как неоправданное расточительство.

Сейчас в королевстве экономят на всем. Мертвая, лишенная воды и растительности пустыня, называемая у нас Пустошью, все ближе подступала к границе Блентайра, неся с собой дневную жару и ночной холод, шквальные порывы колючего, насыщенного песком ветра, голод и смерть. Не дождавшиеся дождя деревья засыхали на корню, поэтому в столице стало совсем туго с топливом, а цены на продовольствие взлетели до небес. Детей с каждым годом рождалось все меньше, но даже такое незначительное количество вступающих во взрослую жизнь людей оказывалось непростительной роскошью, обременительным излишком для стремительно нищающего королевства.

Впрочем, по слухам, за пределами Лаганахара дела обстояли намного хуже. Здесь, в Блентайре, жрецы Банрах еще умудрялись кое-как противостоять жестокому натиску пустыни, с помощью богини сдерживая напирющий из Пустоши песок на самых подступах к городу. Но защита змееликой стоила дорого, очень дорого... И как утверждали мудрые чародеи, во всем следовало винить мстительных Полуночных эльфов, перед бегством из Блентайра проклявших свое белостенное детище, свою бывшую столицу. Так стоит ли удивляться, что в Лаганахаре так иступленно ненавидят этих крылатых выроdkов!

В открытой со всех сторон галерее, соединяющей девичью башню и центральный корпус монастыря, было довольно прохладно, но я почти не обращала внимания на малопривытный, но сейчас весьма незначительный для меня дискомфорт. На дворе стоял самый разгар солотвора,¹ но я могла бы по пальцам пересчитать все теплые дни, пришедшиеся на этот весенний сезон. Утром, пока медленно восходящее светило еще не успевало прогреть толстые монастырские стены, в галереях обители царили сырость и промозглый, чуть ли не зимний холод. А дрова стали слишком дорогим товаром, недоступным для нищей монастырской общины. Нет, все-таки это жуткое расточительство — строить настолько огромные здания.

Почти спрятавшись за одну из колонн, поддерживавших массивный свод нашей обители, я, ожидая увидеть пыль, поднятую конскими копытами, жадно вглядывалась в расстилающуюся впереди дорогу, ровная лента которой терялась сразу же за поворотом. Как только увижу пыль, сразу станет понятно: они едут! Но свежий утренний воздух оставался все таким же чистым и бесконечно равнодушным к терзающему меня ожиданию.

Здравомыслящей частью своего сознания, не заинтригованной предвкушением, я отстраненно понимала: все остальные девочки, особенно те, которым, как и мне, предстоит сегодня пройти церемонию, продолжают суетиться в спальне, копошась и толкаясь, словно муравьи. Именно в эту минуту они выбирают рубашки почище и тщательно расчесывают волосы, заплетая их в тугие косы. Интуитивное девичье кокетство, вызванное желанием понравиться, а еще сильнее — диким страхом перед жертвенным котлом.

Законы нашего мира суровы, но справедливы. Дети, перешагнувшие шестнадцатилетний рубеж, имеют право лишь дважды участвовать в церемонии выбора учеников. Так они испытывают удачу и определяют свой будущий жизненный путь. Тот же, кто дважды останется невыбранным и отвергнутым всеми гильдиями, уже не сможет приносить пользу королевству, честно зарабатывая свой кусок хлеба. А в нынешние трудные времена Лаганахар не имеет возможности кормить никчемных изгоев и бездельников. Дальнейшая участь детей, не попавших в какую-либо гильдию, печальна: их ждет острый нож жрецов и жертвенный котел в храме Банрах. Наша наидобрейшая богиня не оказывает милости даром, ведь она тоже хочет кушать.

Но даже теперь, в эту поистине судьбоносную минуту, вся суета, связанная с прихорашиванием, почему-то показалась мне ненужной, второстепенной, малозначительной

¹ **Солотвор** — второй весенний месяц. Дата весеннего равноденствия — пятнадцатый день солотвора, знаменует середину весны.

мелочью. Мне вдруг подумалось, что представители гильдий не станут глупить, в первую очередь оценивая чью-то эффектную копну волос или же выискивая грязные пятна на штанах своих потенциальных воспитанников. Наверняка процессом отбора учеников занимаются мудрые люди. А они-то просто обязаны разделять мое мнение о том, что все самое главное и ценное сокрыто внутри нас и уж точно не нуждается в банальном очковтирательстве.

Углубившись в самоанализ, я чуть не пропустила появление двух экипажей, в каждый из которых была впряжена четверка лошадей — чудо из чудес в Лаганахаре. Лошадей в городе содержалось мало, по пальцам пересчитать можно, и почти все они находились в собственности наиболее уважаемых гильдий — Чародеев, Воинов, Охотников. Не учитывая королевский двор, конечно. Все прочие гильдии вряд ли имели возможность позволить себе такую роскошь, как дюжина великолепных скакунов, хотя Элали иногда рассказывала о некоей знаменитой куртизанке с улицы Сладких Поцелуев, горделиво гарцующей на симпатичной белой кобылке, подаренной ей богатым поклонником. Смакуя подробности жизненных перипетий этой роскошной девицы, моя подруга экзальтированно постанывала и патетично закатывала глаза, вздрагивая от обуревающей ее зависти.

— Элали, — шокированно протянула я, выслушав нескромно озвученные мечтания подруги, — неужели ты хочешь стать продажной женщиной?

— А что в этом плохого? — насмешливо парировала подруга. — В нашем мире продается и покупается все: титулы, связи, родословные. То же самое происходит и с женщинами, причем как с неприличными, так и с вполне приличными!

— Приличные девушки не продаются! — убежденно изрекла я.

Элали посмотрела на меня с откровенной жалостью, изумляясь демонстрируемой мной наивностью:

— Продаются. Только стоят они намного дороже!

Но я упрямо мотала головой, не желая соглашаться с ее доводами, хотя в глубине души все-таки осознавала правоту своей не по-детски циничной подруги. Увы, наш суровый мир действительно не прощает слабость и незащищенность, с младенчества приучая детей отстаивать свободу всеми доступными способами, включая применение зубов и когтей. Если ты намереваешься выжить, а не сдохнуть в котле жрецов, хочешь не прозябать, а добиться успеха, то приспособляйся и решай, что для тебя дороже — голодные принципы или продажность, подслащенная куском сдобной булки с маслом.

В сердце каждого из нас одновременно живут два зверя — добро и зло, постоянно борющиеся между собой. Но в итоге всегда побеждает кто-то один — тот, кого ты лучше кормишь, непрерывно подпитывая своими эмоциями, помыслами и деяниями. И не мни о себе слишком много, не рискуй попусту и даже не пробуй кормить их обоих разом, ибо это невозможно. Ты просто запутаешься, измучаешься и погибнешь.

Кажется, я опять задумалась и поэтому благополучно пропустила тот момент, когда экипажи на большой скорости влетели в ворота монастыря и остановились точно у крыльца, перед братьями, вышедшими встречать почетных гостей. Я смотрела на них во все глаза, надеясь увидеть представителя гильдии Чародеев, как вдруг почувствовала на своем плече чью-то тяжелую руку.

— Воспитанники уже собрались в церемониальном зале. Так почему ты все еще находишься здесь, неразумное дитя мое?

Я покорно обернулась на голос брата Флавиана, стараясь не встречаться с ним взглядом. Меня преследовало острое чувство вины, вызванное моими ночными проделками. Но монах сам взял меня за подбородок и заставил поднять голову:

— Ты выглядишь озабоченной, Йона, и у тебя очень заспанный вид.

«Еще бы, — мысленно усмехнулась я. — Если бы вы полночи просидели на крыше колокольни, то выглядели бы ничуть не лучше меня». Но вслух произнесла совсем другое:

— Скажите, наставник, чем руководствуются люди, выбирающие свой дальнейший

жизненный путь?

Возможно, это была игра воображения, но в тот момент мне померещилось, будто на благообразном лице монаха, всегда выглядевшего немного ленивым и даже туповатым благодаря своим трем подбородкам, внезапно промелькнуло недоумение, мгновенно перешедшее в восхищение. Брат Флавиан наклонился и по-отечески нежно поцеловал меня в лоб:

— Поздравляю, моя дорогая девочка, ты начала взрослеть. Теперь ты задумываешься не только о проказах и уворованной с грядок редиске, но также видишь несоизмеримо дальше собственного носа, в отличие от своих друзей, равнодушно плывущих по течению жизни. Но учти, быть умным трудно, а подчас и опасно. Знания обостряют чувство справедливости и стократно усиливают стремление к добру. Знания становятся обременительным грузом, ибо чем больше тебе известно об истинном устройстве мира, тем больше лишнего ты узнаешь...

— Лишнего для кого? — с любопытством спросила я, сразу же уловив некую странную недоговоренность, прозвучавшую в словах монаха.

Но брат Флавиан лишь опечаленно вздохнул, уклончиво уходя от ответа:

— Не спрашивай меня, Йона. Чужой опыт никогда не заменит свой собственный, дающийся нам ой как нелегко. Запомни — молодость отважна и безрассудна, поэтому именно она толкает нас на необдуманные поступки, побуждая безоговорочно принимать сторону добра или зла. Но, становясь старше, люди утрачивают бескомпромиссность юности и начинают видеть серое, не принадлежащее ни добру, ни злу и при этом вбирающее в себя и то и другое. Наш мир сер, но люди не умеют становиться серыми, а потому у каждого из нас складывается свой индивидуальный путь к богам, и рано или поздно тебе тоже придется определиться со своим выбором. Воздержаться же и остаться в стороне не удавалось еще никому.

«К которому богу?» — хотелось воскликнуть мне, но главный колокол важно загудел, возвещая о начале церемонии выбора учеников.

— Беги в мыльню, умойся и причешись, — ласково хлопнул меня ниже поясницы наставник, — а то твои волосы напоминают растрепанное воронье гнездо!

Не смея ослушаться полученного приказа, я помчалась приводить себя в порядок, но все же услышала последнее наставление брата Флавиана, высказанное задумчивым шепотом:

— Знай, дитя мое, в критических ситуациях у нас уже не остается времени на принятие обдуманного и верного решения, а есть только несколько мимолетных секунд для его исполнения.

Признаюсь честно, тогда я еще не понимала вложенного в эту фразу смысла, а запомнила ее как некое неоспоримое, непреложное правило. К тому же я торопилась, а посему не приняла близко к сердцу слова брата Флавиана, отлично знающего о том, что давать советы детям — занятие в высшей степени бесполезное и неблагодарное. Ибо советы — это и есть то единственное, добавки чего молодежь не попросит никогда и ни за какие коврижки. Забегая вперед, могу сказать: постичь истинную сущность откровений моего мудрого наставника мне предстояло намного позже, причем весьма запутанным, опасным и болезненным способом...

Попав в мыльню, я торопливо побрызгала себе на лицо холодной водой и испытующе всмотрелась в собственное отражение, кривовато покачивающееся в полупустом медном тазу. Будто впервые в жизни я оценивающе разглядывала свои высокие скулы, чуть впалые щеки, плавно переходящие в упрямый, слегка выступающий вперед подбородок и гладкий бледный лоб. Детские ямочки исчезли уже пару лет назад, а вот мелкие рыжие веснушки остались на прежнем месте, чему я была только рада. Я очень любила свои сиреневые с золотистыми крапинками глаза, считая их единственной достойной внимания деталью.

Нет, я вовсе не причисляла себя к безнадежным уродинам, но вот нос, на мой вкус, выглядел слишком тонким, а губы, наоборот, казались излишне пухлыми. Да еще эти заостренные эльфийские уши, будь они прокляты... И почему я такая нескладная?

Маленькая, тонкокостная, с недоразвитой мальчишеской фигурой. А мои буйные, иссиня-черные, не поддающиеся укладке локоны! Я попыталась быстренько сотворить что-нибудь приличное со своими непослушными волосами: сначала заправила за уши, потом попробовала распустить спереди по плечам, но, осознав тщетность всех ухищрений, просто стянула их вовремя обнаружившейся в кармане веревочкой. Спаси меня бог Шарро, только бы не опоздать к началу церемонии, ведь чаще всего мы опаздываем в двух случаях — специально и когда очень торопимся успеть!

Ход времени неумолим. Именно время без остановки вращает скрипучее колесо нашего существования, сменяя дни месяцами и годами, чередуя сезоны природных циклов и поколения людей. Под влиянием времени в наш мир приходят новые эпохи, а старые уходят в небытие, исчезают навсегда, оставляя после себя воспоминания, которые постепенно превращаются в легенды. Легенды, в свою очередь, обрастают невероятными деталями и становятся мифами, но даже они забываются, особенно в том случае, если эпоха, породившая их, получает название Проклятой.

И вот однажды, в некий год именно такой эпохи, поименованный Годом великого исхода Перворожденных из Блентайра, в глубине песчаной Пустоши зародился Голос, не принадлежащий ни эльфу, ни человеку. Он преданно служил утратившим свою власть Неназываемым, хотя ни во что не вмешивался, а лишь пристально наблюдал за пошатнувшимся равновесием добра и зла. Этот Голос не был началом чего-то важного, ибо у бескрайнего течения времени нет ни начала, ни конца. Однако сей странный Голос все-таки стал невольным предтечей всего, что происходит здесь и сейчас...

Сегодня Голос наслаждался привольем. Он беспрепятственно проник за мощную стену Блентайра, лентой обернулся вокруг высоченной башни, хозяйски поглаживая ее идеально подогнанные камни и лениво колышущиеся флаги, венчающие крышу. Это здание выглядело изысканно-грациозным и одновременно являло собой наглядное выражение чьей-то непоколебимой воли, тяжело довлевшей над столицей, нависшей над ней, словно неумолимый рок судьбы или карающий замах пудового кулака власти.

Возможно, всем тем людям, которые жили и умирали в Блентайре на протяжении целых трех тысяч лет его существования, это сравнение могло показаться мрачной метафорой. Но на самом деле лишь немногие из горожан, видевшие эту башню изо дня в день, знали правду или хотя бы догадывались о творимых внутри нее преступлениях. Похожая на устремленную прямо в небо иглу и населенная наимудрейшими из самых мудрейших людей Лаганахара, сия башня носила имя Звездной, но, увы, не являлась таковой по сути, ибо ее сердцевина подверглась разрушению гордыней, завистью и лицемерием, а поэтому давно уже прогнила насквозь.

Голос беспрепятственно промчался сквозь город, напоминавший скорее произведение искусства, нежели обычную столицу людей. Впрочем, в этом факте не обнаруживалось ничего удивительного или противоестественного, ибо Блентайр построили не кто иные, как эльфы — непревзойденные архитекторы, скульпторы и маги. Каждое здание столицы стало истинным чудом, созданным умелыми руками Полуночных. Даже простые гранитные скамьи, там и сям разбросанные между тенистыми аллеями главного городского парка, были воплощением совершенной красоты. Куда ни кинь взор, всюду перед тобой немедленно предстают затейливые архитектурные изыски: то купол храма, выполненный в образе восходящей над облаками Уны, то должный литься с крыши здания фонтан, спроектированный в виде двух встречных волн. По обе стороны мостовой одной из улиц размещалась пара трехэтажных зданий, выполненных в форме жриц богини Банрах. Мраморные создания — наполовину строения, наполовину статуи — тянулись друг к другу каменными руками, сложенными в жесте радушного приветствия. Их волосы неподвижной волной спадали назад, но были сделаны столь искусно, что казалось, будто каждая прядь живет сама по себе, вдохновенно трепеща на ветру.

Сами же улицы выглядели куда менее величественно. Некогда, века назад, их

проложили очень тщательно, спланировав как цепочку идеально расходящихся от Звездной башни проспектов, подобных лучам Сола, но этот свет безнадежно померк под горами мусора и отбросов, свидетельствующих о перенаселенности, вызванной наступлением пустыни. Но, возможно, перенаселенность стала отнюдь не единственной причиной царившего на улицах беспорядка.

Люди никогда не понимали и не разделяли педантичной тяги к красоте и порядку, присущей изгнанным из города эльфам. Вывески лавок и навесы над парадными подъездами домов уже долгое время не знали чистки и полировки. Горы отбросов копились и гнили в переулках, привлекая мух да крыс и отвращая всех прочих. В темных углах и подворотнях ошивались опасные личности, на что прежде они никогда не осмелились бы, тем более так самонадеянно. И уж точно эльфы, если бы они проживали здесь, куда ответственнее радели бы о порядке в своих жилищах и не проявляли подобное вопиющее равнодушие к присутствию в городе бродяг и воров.

Так куда же подевался тот прежний хваленый, безупречный порядок, ранее насаждаемый железной волей Звездной башни? Юные глупцы, происходящие из последнего поколения горожан, утверждали, насмехаясь, будто все это результат печальных временных неурядиц. И дескать, все обязательно придет в норму, едва жрецы и чародеи смогут остановить наступающую на город пустыню. Но люди постарше только удрученно качали седыми головами и ворчали, что дела еще никогда не шли настолько плохо, даже в ту страшную пору, когда война с эльфами была в самом разгаре. Нет, беда пришла позднее, когда семнадцать лет назад принц Вильям поправ закон и женился на чародейке. С той самой минуты удача окончательно отвернулась от многострадального Лаганахара...

Но Голосу Пустоши не было дела ни до брюзгливых стариков, ни до глумливых юнцов. Он незримо парил над Западным портом столицы, недовольно замечая сваленные у пирсов каменные блоки, призванные стать новой дамбой, сдерживающей не воду, а наползающий на город песок. Здесь трудились только самые крепкие парни из гильдии Метельщиков. Засучив рукава и выставляя напоказ темную вьющуюся растительность, покрывающую их мускулистые руки, они разбивали неподатливый камень ломami и кирками. Проливая капли пота на камень и песок, силачи вкалывали так истово, словно их жизнь и благополучие напрямую зависели от результатов проделываемой работы. Впрочем, так оно и было, ибо изрядно просевшая стена гавани — ранее прекрасная и неприступная, а теперь дополнительно укрепляемая с помощью свежих блоков — стала всего лишь одним из наглядных свидетельств необъявленной войны, идущей между Пустошью и теми, кто населял Звездную башню.

Голос с любопытством промчался мимо портовых надсмотрщиков, лениво наблюдающих за тем, как рабочие по крупницам откалывают камни, роняя серые крошки и пыль в воду. Голос насмешливо взвыл, бросив в выбивающихся из сил трудяг пригоршни колючего песка. Люди заполошно закричали, умоляя богиню Банрах послать им спасение от зловещего явления пустыни. Те же из них, кто оказался поумнее, а может, наоборот, поглупее, шептались о том, что подобные предзнаменования подразумевают только одно: близится неминуемый конец Блентайра.

Покинув пристань, Голос протанцевал вдоль защитных укреплений, прозванных Нерушимыми стенами. По крайней мере, тут он сразу отметил чистоту, а также внимательность дежурной охраны, стоящей на страже с луками в руках. Посмотрим, сумеют ли они отбить атаку песка, холода и засухи...

Оставляя столицу позади, Голос пересек западный проток Алларики, пройдясь по парящему над рекой Аррандейскому мосту, выглядевшему более ажурным, чем кружевное плетение искусной мастерицы. За мостом ветер шумно ворвался в Ролсби, одну из немногих уцелевших деревушек, ранее во множестве окружавших прекрасный Блентайр. Деревня почти обезлюдела, поскольку практически все проживающие в ней семейства укрылись теперь в городе за мостом, спасаясь от подступающей пустыни. Голос злорадно поиграл приготовленным для просушки тряпьем, сбросил кое-какое развешанное после стирки белье

с веревки и продолжил свой путь на северо-запад.

Он летел быстро, равнодушно промчавшись мимо горделиво возвышающихся Черных холмов, мимо спутанных можжевельных кустов и поднимаясь все выше, в горы. Тут подтаявший снег неуверенно жался в тени скальных выступов или же робко прятался за редкими стволами узловатых елей. Весне уже пора было вступать в свои права, молодым побегам — пробить слежавшийся за зиму ковер прошлогодней соломы, а почкам — пустить тонкие листочки и побеги. И кое-где так и случилось. Но земля по-прежнему спала, сдерживая свое дыхание. Неестественная жара минувшего лета перешла в скороспелую осень, выжигая из земли любую жизнь, кроме семян самых стойких растений. Но когда наконец в Лаганахар пришла зима, она явилась всей своей ледяной и снежной мощью, принесла с собой смертоносные морозы. А теперь, после того как холода отступили, у редких фермеров затеплилась тщетная надежда на улучшение. Надежда, коей не суждено было сбыться...

Голос пролетел над бурой прошлогодней травой, покачал голые ветви деревьев и устремился дальше на север. Он стремился попасть туда, где лежала недоступная для людей земля, которую называли краем Крылатых, состоявшая из высоких, непроходимых холмов и еще более высоких Белых гор. Но что-то незримое вдруг неожиданно вторглось в сухой песчаный вихрь, какое-то порождение неведомой силы, прячущейся далеко на севере и неожиданно пробудившейся от своей долгой, равнодушной дремы. И сейчас это волшебное нечто яростно мчалось наперекор естественному потоку времени и холодному веянию смерти.

Голос испуганно замешкался, сбился с курса и, раздираемый противоречивыми чувствами, что есть мочи дунул обратно к югу, прорываясь через вершины гор и мрачных предгорий, торопясь укрыться в своей родной Пустоши. Голосу стало не по себе, ибо он услышал то, чего подсознательно долго ждал, но уже не рассчитывал услышать, полагая навсегда исчезнувшим из этого мира. Он внезапно различил хлопанье могучих крыльев, наполненных ветром свободы, громогласный рев идущих в бой мантикор и все перекрывающий призыв, выкрикивающий слова древнего пророчества: «Восстаньте, Первороджденные! Проклятая эпоха закончилась. Легенда стала былью. Наша Звезда пришла, она уже близко...»

ГЛАВА 3

Все-таки я успела вовремя!

Церемониальный зал считали самым просторным помещением в монастыре, но такое впечатление было ошибочным. Все дело в огромных стрельчатых окнах, которые никогда не занавешивались, из-за чего зрительно почти вдвое увеличивался белый квадрат высоких, идеально оштукатуренных стен и значительно расширялся объем. В центре зала возвышались украшенные лепниной колонны, излишне нарядные для строгой и даже аскетичной архитектуры святой обители, но смотревшиеся здесь, как ни странно, вполне уместно. Общую картину важной помпезности дополняли отмытые до зеркального блеска полы, жутко холодные и столь же жутко скользкие.

Увы, я недаром славилась на весь монастырь своей неисправимой неловкостью, подкрепленной тотальным невезением. Опасаясь опоздать на церемонию, я все ускоряла и ускоряла шаги до тех самых пор, пока не перешла на бег, отчего каблуки моих изношенных башмаков лишь мимолетно соприкасались со старательно отполированным полом, выбивая из него дробную чечетку. Ох, напрасно я так поступила, ведь давно известно: в нашем мире только лучшее с хорошим постоянно враждуют, а вот ужасное с плохим, наоборот, уживаются так дружно, что их водой не разольешь. Зря я решила, что мое нынешнее утро началось просто плохо... Я себя недооценила!

Поскользнувшись на гладком полу, я шумно плюхнулась на пятую точку, больно ударившись копчиком, проехала по коридору и, эффектно растворив ногами дверные

створки, буквально влетела в церемониальный зал, едва не вклинившись в ровную шеренгу своих друзей. По рядам сверстников тут же прокатилась волна хихиканья и издевательских перешептываний, включающих наиболее оскорбительные прозвища, начиная с печально-памятного «растяпа с Пустоши» и заканчивая «горбатой ведьмой». Причем последний эпитет исходил, как обычно, от Ардена.

Я обиженно прикусила губу, огромным усилием воли сдерживая рвущиеся наружу рыдания, и быстренько отыскала свое место в шеренге претендентов на звание ученика какой-нибудь из гильдий. А впрочем, как тут не отыскать, если я была ниже всех, а поэтому всегда стояла в самом конце, последней, следом за пухлым увальнем Деннисом. Все остальные дети уже вытянулись в струнку, не смея шевельнуться, и, затаив дыхание, ждали появления представителей гильдий.

В моей голове витала слабая надежда на то, что я каким-то чудом сумею попасть в одну из доминирующих общин Блентайра и тем самым блистательно отомщу своим обидчикам... Хотя если разобраться, то обязательно окажется, что вера в чудеса — крайне ненадежная штука, чаще всего приносящая только разочарования. Стараясь проникнуться важностью момента, я украдкой потеряла отбитый копчик и присоединилась к своим товарищам, ворча себе под нос о том, что кукиш, чаще всего достающийся мне в качестве указующего перста судьбы, уже начинает изрядно раздражать.

Кроме меня в этом году стены монастыря покидали еще девять ребят — пять мальчиков и четыре девочки. Первым в шеренге охотников за удачей стоял высоченный, будто жердь, Бартоломью — здоровяк и забияка, правда, на наше счастье, очень отходчивый по характеру парень, всегда охотно помогавший всем, кто бы его об этом ни попросил. Рядом, едва ли уступая ему в росте, непринужденно и аристократично сложив руки на груди, расположился стройный Арден, на алых губах которого я заметила хорошо знакомую мне ехидную, насмешливую ухмылку. Общеизвестный лидер, инициатор и зачинщик всех приютских проказ, Арден вел себя так, словно он сознательно избегал заводить чересчур тесную дружбу с кем-либо из нас, намеренно не впуская людей в свои мысли и сердце. Подозреваю, причиной тому стало его благородное происхождение, о наличии коего он сам, безусловно, догадался уже давным-давно.

Но, лишь став свидетельницей странного разговора, имевшего место вчера ночью, я начала в полной мере понимать, насколько предвзято судила ранее о двойственном поведении Ардена. Теперь я совсем иначе взглянула на его загадочные манеры — ведь он крайне редко принимал непосредственное участие в общих играх, предпочитая руководить ими со стороны, еще реже смеялся вместе со всеми, но постоянно поддевал остальных детей, а меня — чаще других. Я грустила и недоумевала, но не могла найти внятную причину нелогичного поведения черноглазого красавчика.

Арден обладал живым и пытливым умом, буквально на лету схватывая любую доступную ему информацию, а на уроках сидел не шелохнувшись, всегда умудряясь почерпнуть из лекции больше, чем учитель намеревался или умел сказать. Поддержки у него просили редко, но пару раз я подмечала, что на просьбы он отвечает без тени своего обычного высокомерия. Как-то поутру я застала его врасплох, случайно увидев, как он старательно помогает старухе-нищенке. Он легко нес увесистую, до краев наполненную брюквой корзину, участливо поддерживая под локоток свою грязную, неопрятную спутницу. Заметив мой ошеломленный взгляд, Арден сразу же обозвал старуху «приставучей блохой», но при этом в его голосе не прозвучало и капли привычного пренебрежения. Наоборот, я различила нотку искренней жалости, разительно не вязавшуюся с бранными выражениями, слетающими с его уст. Юноша вел себя так, будто боялся показаться добрым или участливым, приравнивая эти качества к слабости и явно стесняясь своего отзывчивого сердца. Но разве быть добрым — это порок или преступление? В общем, Арден так и остался для меня неразрешимой загадкой.

Обладая отменными мускулами, он тем не менее частенько отлынивал от обязательной

работы на огороде, всеми правдами и неправдами стараясь увильнуть от унижительной прополки капустных грядок. Красавец-лодырь насмешливо дергал плечом и пафосно объяснял бегающим за ним табуном девчонкам, что слово «работа» — исключительно женского рода, а «отдых» — мужского... После чего он совал мне в руки свою тяпку и преспокойно отправлялся бездельничать. Пленившись его чеканным профилем, каштановыми локонами до плеч и задумчивыми черными глазами, опущенными самыми длинными в мире ресницами, я дарила Ардену улыбку за улыбкой, но в ответ он лишь сердито хмурился и еще сильнее изощрялся в подначках, ранящих меня в самое сердце.

Но однажды я не выдержала и, собравшись с духом, отважилась пригласить его на вечернюю прогулку, намереваясь показать садящийся за Алларику Сол, румяный и круглый, словно едва испеченный блин. Вместо ответа Арден одарил меня непонятым, оценивающе-нерешительным взглядом и, прикусив травинку своими белыми как снег зубами, капризно фыркнул.

— Я люблю только естественных девушек! — внятно продекларировал он.

Я радостно покраснела, в глубине души обоснованно считая себя самой естественной девчонкой в приюте. Ну еще бы, ведь я никогда не завивала волосы на тряпочки по примеру кокетливой блондинки Элали, не красила щеки свекольным соком, как частенько проделывала ее вертлявая подружка Руфия.

— Это каких? — предвкушающе спросила я, смиренно опуская глаза вниз и наигранно-увлеченно разглядывая носки своих заношенных башмаков.

— Ну каких, каких, — глумливо хохотнул Арден, — а вот таких! К которым подходишь и говоришь: «Девушка, а вы не хотели бы провести со мной ночь?»

— И?.. — ничего не поняла я. — А она что?

Арден выплюнул основательно изжеванную травинку и уставился на меня с откровенной издевкой:

— А она в ответ: «Естественно!» — вот что.

На моих ресницах повисли две крупные слезинки разочарования. Арден победно запрокинул красивую голову и ехидно заржал, а затем призывно помахал стоящей возле забора Элали и демонстративно неторопливой походкой направился к своей милашке, унося с собой мое вдребезги разбитое сердце. Но даже этого ему показалось мало. Отойдя на несколько шагов, он неожиданно обернулся и добил меня еще одной колкой репликой:

— Йона, ты бы хоть капустными листьями пользовалась, что ли! Девчонки утверждают — они здорово помогают увеличить грудь!

«Ха, легко сказать „помогают“, — недоумевала я, сидя как раз на этих самых треклятых капустных грядках. — Но вот каким образом? Пробовала я положить два кочана к себе в вырез рубашки, так ведь они, заразы, оттуда вываливаются!..»

За широкими дверями церемониального зала послышались приглушенные голоса, и мы буквально вытянулись в струнку, не смея пошевелиться. Сейчас решится наша судьба! Секунды текли, складываясь в минуты, но в зал никто не входил. Стоя в самом конце шеренги, я совсем не видела дверей, оказавшись от них слишком далеко. Но зато рядом со мной находился декоративный витраж, искусно выложенный из кусочков цветного стекла и заменяющий собой часть толстой каменной стены. Изображающее богиню Банрах стекло давно пришло в негодность, потемнев от старости и покрывшись паутиной крупных трещин, что предоставило мне счастливую возможность услышать проходящий в коридоре разговор, стремительно перераставший в откровенную перепалку. Судя по всему, там стряслась какая-то непредвиденная заминка, причем возникшая уже у самого порога, поэтому голоса спорящих становились все громче, и я смогла разобрать несколько сбивчивых фраз.

— ...сожалею, почтенный сьерр, но на сей счет у меня имеются совершенно четкие инструкции! — Мужчина — судя по всему, достаточно молодой и обладающий хорошими манерами — изъяснялся ровным, уверенным баритоном.

— Глупые выдумки! — истерично взвизгнул кто-то. — Бред пресытившегося властью

воображения!

Обладатель красивого баритона глубокомысленно хмыкнул, умудрившись вложить в этот короткий звук и насмешку, и скепсис одновременно.

— Но позвольте, а как же наши традиции, высокочтимый сьерр? — Его собеседник, казалось, был сильно обескуражен, а используемое им обращение «высокочтимый» являлось в Лаганахаре признаком самого глубокого уважения. — Какой извращенный пример подаете вы всем прочим гильдиям, попирая правила, за которые ратовали сами, причем в ущерб другим?

— Во Тьму ваши традиции! — лениво протянуло мяукающее женское сопрано, мягкое, но вместе с тем настолько вкрадчивое и липкое, что от первого звука этого голоса у меня на лбу выступила холодная испарина страха.

— Бардак! — хамовато добавил чей-то прямолинейный бас. — Бардак и очередной беспредел Звездной башни. Я напишу жалобу королю!

— Пишите хоть самим Неназываемым! — задиристо рассмеялся шикарный баритон.

Его оппонент выдал серию шокированных ахов и охов.

— Да поймите вы, у него же приказ! — Богатый интонациями девичий голос звучал устало и раздраженно. — А подобные приказы начальства не нарушаются и даже не обсуждаются! Так что придется нам забыть об обычаях. Предлагаю всем успокоиться, и давайте поскорее начинать церемонию, ибо на дворе уже почти полдень.

— Да, да, начнем! — поддержал здравомыслящую девушку хор из нескольких голосов.

— Какое разумное предложение!

Дверь шумно распахнулась, в зал раболепно просеменил тучный брат настоятель и слегка поклонился, приглашающим жестом указывая на нашу стоящую навтыжку шеренгу:

— Вот они, наши воспитанники, так что прошу вас, выбирайте...

По нигде не зафиксированному, но неуклонно соблюдаемому этикету, церемония выбора учеников протекала всегда по одному и тому же четкому распорядку, предписывающему гостям конкретные правила выбора учеников. Поэтому представители гильдий заходили в зал поодиночке, соблюдая строгую очередность, отражающую степень влияния их общины. Памятуя об этой приятной традиции, я заранее привстала на цыпочки и широко раскрыла глаза, ожидая увидеть чародея, обладающего правом первым выбирать ученика для своей гильдии. И пусть маги уже несколько лет не появлялись в нашей обители, все равно мое сердце колотилось пойманной пташкой, надеясь на чудо!

Но вместо чародея в зал неожиданно ступили две девушки расы лайил, состоящие в должности жриц богини Банрах и облаченные в мрачные черные одеяния своей гильдии. И как они смогли добраться до нашей обители, ведь лайил практически не переносят дневного света? Не иначе, твари приехали в плотно закрытой кожаной кибитке. Каюсь в трусости, но меня оторопь взяла при виде их раскосых красных глаз, полыхающих багровыми отблесками неугасимого священного огня, в любое время суток горящего перед жертвенником богини; их выступающих из-под верхней губы клыков и тяжелых, каких-то сонных век, подведенных засохшей кровью очередной жертвы. Содрогнувшись от ужаса, я невольно покачнулась и чуть не упала, ощутив на себе их испытующие, жадные взгляды.

Жрицы откинули капюшоны своих плащей, плотоядно облизнулись и медленно прошлись вдоль трепещущей шеренги воспитанников, недоумевающих, что могло понадобиться здесь этим детоубийцам и как посмели они первыми вступить в залу, нарушая извечные обычаи проведения церемонии выбора учеников. Неужели лайил желают наполнить жертвенный котел? Но вроде бы мы пока не использовали свой шанс попытаться удачу в одной из гильдий и никто из нас не оказался отвергнутым или забракованным.

— Да пребудет с вами Тьма! — хрипло каркнула первая жрица, почти выхаркивая нам в лицо привычную фразу официального приветствия, ежедневно используемого в Лаганахаре.

— Милостью Банрах и во имя ее! — вразнобой, дрожащими голосами отозвались мы.

— Ягняточки, — насмешливо протянула вторая лайил, — овечки вы мои жертвенные...

В паре шагов впереди меня возникла какая-то суматоха. Это наша красотка Элали не выдержала демонстрации своеобразного юмора жриц, черного во всех смыслах сего слова, и упала в обморок. Среди изрядно струхнувших мальчишек кто-то громко и тягуче пукнул от ужаса.

— Радуйтесь, ибо вы удостоены высочайшей милости богини! — между тем продолжала вдохновенно вещать жрица, не обращая ни малейшего внимания на нагнетаемую ею атмосферу всеобщего трепета, а возможно, даже наслаждаясь этим. — Сегодня особый день, и наша всемилостивая госпожа приказала мне, Каадсур, избрать одного из вас — самого достойного, чьим предназначением станет служба в ее главном святилище, расположенном в центре Пустоши!

По нашему ряду прокатился негромкий вздох отчаяния, ибо о храме Песка ходили самые невероятные слухи. Но, невзирая на всю вопиющую противоречивость этих слухов, нам было достоверно известно одно: обратно из храма еще никто и никогда не возвращался.

А жрица неторопливо шла мимо нашего неровного строя, садистски упиваясь сложной гаммой чувств, отображающейся на бледных лицах до смерти напуганных ею детей.

— Им будешь не ты... — Ее палец гадливо отмахнулся от меня, словно от крохотной мушки, и, кажется, впервые в жизни я испытала чувство радости от того, что меня посчитали никчемной и заурядной. — Не ты... — Острый коготь жрицы, едва прикоснувшись, небрежно скользнул по плечу бессильно обмякшей Пиолины, брезгливо проигнорировал Элали, Денниса и Руфию, равнодушно пропустил хитреца Хорге, имеющего кривые ноги и сутулую спину, и, описав мертвую петлю, вдруг категорично уткнулся в грудь Ардена. — Ты! — гортанно пропела лайил. — Ты, красавец, рожден для служения великой богине. Ликуй, ибо ты избран Тьмой!

Даже сквозь густой золотистый загар, и летом, и зимой неизменно покрывающий щеки Ардена, стало заметно, как сильно побледнел наш признанный лидер и заводила, похоже никак не ожидавший подобного печального исхода событий. Полагаю, уж он-то точно грезил о вступлении в гильдию Воинов или, на худой конец, Охотников... И вот беда, выбор жриц падает именно на него — самого талантливого и многообещающего воспитанника братьев, способного принести немало пользы любой гильдии. М-да, это было по меньшей мере несправедливо.

— Но почему я? — переборов шок, негодуяше спросил Арден. — Я ведь не какой-нибудь хворый заморыш, который станет обузой для королевства, и не дитя лайил! Так почему же...

— Молчи, невоспитанный мальчишка! — возмущенно завизжала жрица. — Не тебе осуждать высший смысл замыслов богини, недоступный пониманию простых смертных!

— А я вполне обойдусь без ее высших замыслов и удовольствуюсь чем-нибудь более приземленным! — глухо проворчал упрямый Арден, мелкими шажками отступая к дверям зала.

Я мысленно восхитилась смелостью мальчишки, потому что знала не хуже его — бежать отсюда некуда.

— И что это такое несуразное выросло на ваших деревенских грядках, брат настоятель? — удивилась первая жрица, намекая на провинциальные замашки избранника богини.

— Чем удобряли грядки, то на них и выросло! — невоспитанно буркнул Арден, окончательно смутив впавшего в ступор настоятеля.

— Ты зря отказываешь от милости богини, — презрительно заметила Каадсур. — Дурак.

— Если кто-то сказал тебе «дурак» — не спеши считать его умным, — нахально парировал Арден. — Возможно, он просто представился.

— Ах ты, дерзкий ублюдок! — скрипнув зубами от досады, рывкнула лайил, замахиваясь на него кулаком и теряя бдительность. — Я приучу тебя к поряд...

Но последнее слово буквально застряло у нее в глотке, потому что, вознамерившись применить грубую силу, она забыла главное правило обращения с несговорчивыми

отроками, гласившее: «Помни, что, поднимая на ребенка руку, ты оставляешь неприкрытым пах!»

Расторопный Арден не преминул воспользоваться представившейся возможностью: он с размаху пнул жрицу в низ живота и стремглав ломанулся к выходу из зала. Но не тут-то было! Вторая убийца со стоном боли согнулась пополам, но первая жрица стремительно выхватила кинжал, до сего момента покоящийся в привешенных к ее поясу ножнах, и метко запустила им в убегающего мальчишку.

Послышался глухой звук удара, вызванный соприкосновением рукояти тяжелого боевого оружия с затылком Ардена... Беглец замертво повалился на пол, сопровождаемый нашими соболезнающими вздохами. Оскорбленная им Каадсур с кряхтением поднялась на ноги, вместе со своей товаркой подхватила под мышки бессильно обвисшего монастырского воспитанника, пребывающего в обмороке, и грубо поволокла за собой. Я прикусила губу от горя, не решаясь зарыдать вслух, и безмолвно наблюдала за тем, как безразличный мне юноша навсегда исчезает из моей жизни...

Уже на самом пороге церемониального зала Арден пришел в себя и печально оглянулся, коротким взглядом прощаясь со своими бывшими товарищами. Он отлично знал, что именно ему предстоит в дальнейшем. Увы, ему не дали возможности совершить самостоятельный выбор своей судьбы, а чужой выбор всегда оказывается намного хуже.

— Спасите меня, помогите! — взмолился он. — Не хочу служить богине, уж лучше я умру!

Но я-то понимала, что человек способен демонстративно пожелать себе смерти лишь в такой момент, когда по-настоящему понимает, насколько сильно он хочет жить!

Ребята виновато опускали взоры, избегая затравленного взгляда Ардена.

— Бартоломью, помоги мне, ведь ты же называл себя моим ближайшим другом! — просил Арден, но здоровяк тут же сделал вид, будто занят собственными мыслями. — Наставник! — вскричал несчастный мальчик. — Спаси меня!

Брат настоятель отвернулся, проявляя не деланое, а подлинное безразличие.

— Элали! — нежно позвал обреченный. — Сделай что-нибудь ради меня, ведь ты клялась в любви до гроба!

Белокурая девушка только всхлипнула и отрицательно затрясла локонами.

На лице Каадсур появилась торжествующая ухмылка.

— Видишь, — констатировала она, — на самом деле ты никому тут не нужен. Наш мир жесток и подчиняется волчьему закону: каждый сам за себя. Покорись же богине и смирись со своей участью, возможно, она окажется не такой уж страшной.

Но Арден горестно прикусил губу, осознавая, сколь часто заводят нас в темную бездну лживые посулы светлого будущего.

Не знаю, кто дернул меня за язык, но я вдруг бесстрашно выступила вперед и выкрикнула во все горло:

— Не теряй надежду, Арден! Обещаю, я найду и спасу тебя!

— Ты, пигалица? — уничижительно хохотнули жрицы. — Ну-ну.

— Ты? — не поверила ветренная красавица Элали.

— Ты? — озадаченно переспросил крепкий, будто молодой дубок, Бартоломью. — Растяпа с Пустоши?

— Не выдумывай глупости, девочка, — благоразумно посоветовала мне первая жрица, кажется, чуть более человеческая, чем ее непоколебимая напарница. — И ему не поможешь, и сама голову сложишь ни за что ни про что.

— Пусть! — своенравно уперлась я. — Друзей в беде не бросают. Ты только жди меня, Арден.

— Ну-ну, — повторно хмыкнула бессердечная служительница богини. — Видали мы таких героинь, а где они сейчас?

Вопрос подразумевал самый неприятный ответ и предназначался конкретно для меня, но я все равно не собиралась сдаваться, напористо сжав кулаки и до судорог в челюстях

стиснув зубы.

— Жди! — еще раз даже не попросила, а потребовала я, горделиво вскинув голову и открывая в себе нечто новое, доселе мне несвойственное. — Я приду за тобой!

— Хорошо, — одними губами хрипло прошептал Арден. — Я верю тебе, Йона. Прости меня за все доставленные неприятности и нанесенные обиды. Я буду ждать твоей помощи! — При этих словах он посмотрел на меня так, что я сразу осознала: счастье длится всего миг, который, однако, запоминается на всю оставшуюся жизнь.

Лайил покинули зал, утащив с собой вяло сопротивляющегося Ардена. Но, к моему глубочайшему сожалению, представитель гильдии Чародеев не появился и после страшного инцидента со жрицами богини. Вместо него в зал чеканным строевым шагом вошла высокая светловолосая женщина в полном вооружении воина и парадном плаще с гербом своей общины — обнаженным мечом на золотом фоне. Она задумчиво прогулялась вдоль колонны детей и вернулась на прежнее место, медленно переводя испытующий взгляд своих оценивающе прищуренных глаз с одного подростка на другого.

У меня не вызвало ни малейшего интереса прибытие блистательной особы, сплошь увешанной блестящими железными штучками совершенно непонятого назначения. Я с трудом скрывала свое разочарование и была готова расплакаться от досады — так сильно расстроило меня отсутствие представителя верховной гильдии. К тому же я точно знала, что в квартал порхающих маги и носа не показывают, пуще огня избегая продажных девиц, а посему если и представится возможность вновь увидеть вблизи хотя бы одного из них, то произойдет это весьма не скоро.

Между тем женщина-воин, не выказав ни малейшего колебания, лаконично взмахнула рукой, указав на Бартоломью, и вдобавок утвердительно кивнула, словно отметая любое возможное сомнение. Сам же Бартоломью, судя по всему, тоже ничуть не удивился выбору представительницы этой славной гильдии. Едва дождавшись разрешающего знака брата настоятеля, юноша важно вышел из строя и вслед за женщиной покинул зал, спокойно проигнорировав летящие ему в спину разочарованные вздохи оставшихся.

Несмотря на мою обеспокоенность судьбой Ардена и отсутствием чародеев, следующий вступивший в зал человек все же сумел завладеть моим вниманием, ибо благодаря ему я испытала не только бурный восторг, но и острый укол зависти. Это был молодой мужчина, почти юноша, возможно, всего лишь на пару лет старше меня самой, облаченный в элегантный дорожный плащ с гербом Охотников — стрела на фоне зеленых дубовых веток. Он являл собой недостижимый для многих идеал совершенной красоты, целиком и полностью доставшейся одному человеку. Охотник отличался очень высоким ростом, а его длинные пепельные волосы небрежной волной ниспадали на плечи, совсем не скрывая, а, напротив, даже подчеркивая заостренные верхушки ушей.

Очевидно, этот прекрасный незнакомец, так же как и я, обладал некоторой толикой эльфийской крови, чего, в отличие от меня, не стыдился. Наоборот, он заметно гордился своим смешанным происхождением. Кроме того, бог Шарро, разойдясь не на шутку и словно решив проявить невиданную щедрость в раздаче красоты, наделил молодого охотника огромными голубыми глазами с ресницами безумной длины и мускулистыми руками безупречной формы. А еще от полуэльфа исходил свежий аромат лесных цветов, что в разгар холодной и неприветливой весны выглядело сущим святотатством.

Я сразу же поняла, что красавец-охотник обладает куда более проницательным умом, чем женщина-воительница, и придает меньше значения внешним данным детей, предложенным ему в качестве претендентов в ученики. Голубоглазый полуэльф пытался заглянуть в душу каждого из нас, посылая мысленные импульсы и бдительно следя за нашей ответной реакцией. Он долго сканировал всех соискателей, и, когда очередь дошла до меня, я невольно поежилась под его пристальным взглядом, оробев от такого бесцеремонного вторжения в мое сознание. Очевидно, охотник уловил эманации терзающих меня сомнений. Его высокий лоб прорезала глубокая морщинка сочувствия.

— Прости меня, малышка, — учтиво извинился он. — Я вижу, как чиста твоя душа, но,

к моему величайшему сожалению, не могу взять тебя с собой. Ты не должна жить в лесу, ибо рождена для чего-то большего.

— Большого? — с горечью в голосе воскликнула я. — Ну да, в этом вы, безусловно, правы, ведь храмовые котлы славятся своими гигантскими размерами!

— Никто не сумеет победить тебя до тех пор, пока ты не поддашься сама. А светлые духом и помыслами бойцы и вовсе непобедимы, — проникновенно вымолвил полуэльф, опуская на мое плечо крепкую руку и даря дружелюбное пожатие. — Помни это, малышка. Думаю, мы еще увидимся!

Он прозорливо улыбнулся и летящей походкой вышел из зала, поманив за собой резво встрепенувшуюся Илену, нашу лучшую бегунью, любительницу лазить по деревьям и купаться в холодном пруду. А еще Илена выросла очень амбициозной и высокомерной девушкой, вот только не знаю, сумел ли проникательный полуэльф распознать в ней и такие, не столь привлекательные, черты характера. А впрочем, избыток самоуверенности всегда считался в Лаганахаре скорее преимуществом, чем недостатком, ведь миром правят смелые. Так что эта воспитанница имела все данные для того, чтобы стать замечательной охотницей. Я тихонько вздохнула, но не от зависти, а от радости за подругу, мысленно желая ей счастья и успеха.

Лишь внимательно рассмотрев представителя следующей гильдии, я в полной мере осознала, какое смутное и предвзятое представление имела до сих пор о моральных и нравственных предпочтениях жителей Лаганахара. Рослый сухопарый мужчина неопределенного возраста, с желчным лицом и сварливо поджатыми губами закоренелого скряги, являлся представителем гильдии Торговцев, о чем недвусмысленно свидетельствовала эмблема на его камзоле — серебряная монета на синем поле. А я-то воображала, будто все торгаши рождаются исключительно низенькими и толстыми. Получается, ошибалась. В отличие от предыдущих, безоговорочно уверенных в себе выборщиков, торговец довольно долго слушал, что шептал ему на ухо брат настоятель, после чего, даже не поглядев на остальных, подошел к сутулому Хорге и слегка похлопал его по спине:

— Ну вот ты и с нами, парень, ведь именно такие нам и нужны! Пошли-ка скорее домой, потому что время — деньги, запомни эту истину на всю оставшуюся жизнь!

Пока Хорге стал единственным, кто хоть как-то выразил радостные эмоции по поводу состоявшегося выбора. Спеша за торговцем на своих коротких ногах, он быстро обернулся, и самодовольная, какая-то липкая улыбка так и расцвела у него на губах. Хорге с детства был силен в математике, уважая цифры куда больше, чем людей, а в том, что он способен продать и снег зимой, я не сомневаюсь.

Итак, теперь в зале оставалось всего шестеро детей, включая меня. Я невольно сделала шаг в сторону, чтобы оказаться рядом с Пиолиной, нащупала ее руку и сжала. Подруга тут же ответила на мое доверчивое прикосновение — ласково погладила по пальцам и понимающе стиснула тонкое запястье, словно убеждая: «Успокойся, все идет как нужно». Великий Шарро, как же это похоже на Пиолину — легковерно надеяться на хорошее даже в такой нехороший момент! Я всегда подозревала: у нас диаметрально противоположные мироощущения. Если мировосприятие Пиолины — со знаком плюс, то мое — явно со стремящейся к бесконечности неопределенностью. Но теперь ничего уже изменить нельзя, и я стояла молча, мысленно проговаривая про себя любимую фразу брата Флавиана: «Делай что должно, и будь что будет».

Сразу же после завершения визита торговца в зал осторожной, почти крадущейся походкой буквально просочился делегат от гильдии Уравновешивающих, облаченный в строгий официальный плащ с нашитым на него гербом общины — черными весами на белом фоне. Данный символ обозначал, что представители гильдии поддерживают неустойчивое равновесие между добром и злом, не отдавая предпочтения ни одной из сторон. Но, увы, так происходило только на словах. На самом деле многие из судей Блентайра славились своей

продажностью и необъективностью. По королевству даже ходила язвительная шутка, гласившая: «Сколько нужно украсть денег, для того чтобы купить себе должность судьи?»

Вершителей судеб в Лаганахаре вроде бы уважали и побаивались, но отнюдь не торопились превозносить, ибо сферой деятельности этой гильдии были в основном мелкие дразги между простолюдинами, а в редких случаях — кражи и клевета. Правом же разбирать проступки дворян обладал лишь король Вильям. С другой стороны, Уравновешивающие были практически единственными, кто допускался в Звездную башню в любое время суток, и поэтому в моем воспаленном мозгу промелькнула безумная надежда, что этот невысокий полноватый старик сможет как-то приблизить меня к осуществлению заветной мечты.

Однако судья благосклонно выслушал все аргументы, приведенные братом настоятелем, после чего остановился напротив Руфии и некоторое время смотрел на девочку с какой-то странной смесью недоверия и удовлетворения. И, откровенно говоря, я не сомневалась в его выборе, ибо при всем своем кажущемся легкомыслии и внешней смазливости Руфия больше всего на свете любила дисциплину и обладала на редкость консервативным характером. Впрочем, возможно, я излишне утрировала качества избранницы гильдии Уравновешивающих, потому что весь мир виделся мне сейчас через неверную призму скопившихся в глазах и с большим трудом сдерживаемых слез.

Я отвернулась, кое-как проморгалась и шумно высморкалась в носовой платок. Тем временем судья успел уйти вместе с Руфией, и его место занял представитель последней из привилегированных общин — гильдии Порхающих. К немалому изумлению всех без исключения девочек, он оказался довольно молодым мужчиной с лысеющей макушкой, кокетливо прикрытой сильно прилизанными к ней волосами, низким выпуклым лбом и холеными бакенбардами, которые странно смотрелись на его висках при полном отсутствии усов и бороды. В его выцветших желтых глазах я различила отблеск едва тлеющего пламени безумия, готового в любой момент разгореться с немыслимой силой и напугавшего меня чуть ли не до заикания. Я и не подозревала раньше о существовании подобных людей, вполне подходящих под понятие «одержимый». И что, спрашивается, делает этот женоподобный тип в гильдии Порхающих? Ой, неужели он тоже дарит свои ласки другим мужчи...? Фу, ну и гадость!

Мне сразу бросилось в глаза, что сей лохотонный сыерр выслушал брата настоятеля с полнейшим равнодушием, очевидно, только для соблюдения обычаев. Потом представитель гильдии Порхающих жеманно улыбнулся и слегка нараспев произнес:

— Мы даже и не ожидали, что нынешний год выдастся настолько удачным!

При этом он напыщенно перекатывался с носка на пятку, напоминая нашего индюка, и это невольное сравнение только усилило мою интуитивную неприязнь к противному хлыщу. Он одарил меня скользким, якобы случайным взглядом, словно холодной змеиной кожей мазнувшим по всему телу. Ощущение далеко не из приятных. Его тонкие, накрашенные розовой помадой губы раздвинулись в издевательской ухмылке, но он поспешно отвел от меня глаза и подошел к Элали:

— Пойдем, красавица, тебе у нас самое место!

Я мысленно представила, как подбегу сейчас вплотную к Элали, сброшу его мерзкую руку с ее плеча и крикну: «Не смей прикасаться к моей подруге!» Но вместо этого я даже не сдвинулась с места и промолчала, со странной пустотой в душе наблюдая за тем, как уже у самого выхода из зала мерзкий тип покровительственно приобнял белокурую девушку за талию, а бедняжка даже не вздрогнула.

Теперь нас осталось четверо, но второстепенных гильдий было только три — Целителей, Земледелов и Метельщиков. Наиболее уважаемыми среди них считались целители, если такое определение вообще уместно употреблять по отношению к работягам-простолюдинам. Одетый в белый балахон старик многозначительно указал на герб своей общины — обвивающую чашу змею — и приветливо кивнул Пиолине, лишая меня последней подруги. Девушка мягко поцеловала меня в щеку и весело выпорхнула из зала, подозреваю — мечтая лишь об одном: поскорее очутиться среди обилия бережно

засушенных лекарственных трав и заняться составлением какого-нибудь сложного отвара, спасающего от поноса или запора. Да уж, по части лечения наших ссадин и синяков Пиолина давно уже выказала себя прирожденной мастерицей.

Представительница гильдии Земледелов как две капли воды походила на большую часть женского населения Ролсби. Она была одета в простое платье с брошью в виде эмблемы общины — колос на коричневом поле, а ее доброе, слегка одутловатое лицо не несло никакой одухотворенности. Оно вообще ничего не отображало, кроме беспокойства за не сваренный дома обед, не окученный вовремя картофель и не выпоротых розгами нерадивых детей.

Женщина с привычной, ничего не значащей улыбкой остановила свой взгляд на послушном Деннисе, дождалась слабой, неуверенной улыбки в ответ и увела мальчика с собой, так и не произнеся ни слова. Ручаться за свою правоту не могу, но мне показалось, что брат настоятель с облегчением вздохнул, выходя вслед за этой парой. И правильно, ибо увалень Деннис звезд с неба не хватал, с трудом научился писать и считать до пятидесяти, но при этом, что уж тут спорить, вырос безупречно трудолюбивым и тихим парнишкой.

От оставшегося представителя гильдии Метельщиков я не ждала ничего хорошего, ведь эта община занималась поддержанием чистоты на улицах Блентайра, а также другой черной работой. Они строили дома, обтесывали камни и носили воду, а посему им требовалась недюжинная физическая выносливость для выполнения своих повседневных обязанностей. Моя хрупкая фигура красноречиво говорила о полном отсутствии даже бледного подобия силы. Но на самом деле длинные ночные прогулки здорово укрепили мои ноги, от лазанья на крышу руки стали ловкими и цепкими, а к тому же я никогда ничем не болела. Но вот с виду... М-да, скажу откровенно, у меня не было ни единого шанса попасть в гильдию Метельщиков.

Делегат гильдии Метельщиков выглядел не настолько отталкивающе, как я того ожидала. Его плащ отличался средней степенью поношенности и был соткан из грубой серой шерсти, выделкой которой славилась близлежащая деревня Ролсби. На рукаве холщовой рубашки последнего появившегося в зале мужчины я ухитрилась разглядеть нечеткое изображение какого-то орнамента — слабая потуга приукрасить свой непритязательный облик, а эмблема гильдии висела у него на заржавевшей медной цепочке, подвешенной к поясу: метла на сером с белыми разводами фоне. Стыдно признаться, но я с трудом понимаю, как можно со спокойствием носить столь нищенскую отметку своего плебейского сословия, но оному мужчине это, похоже, удавалось без труда — он попросту не обращал никакого внимания на болтавшуюся у его пояса железку.

Пренебрежительно фыркнув в мою сторону, метельщик критично обошел вокруг дюжего тугодума Яниса, остался доволен его внешностью и поманил парня за собой. Когда за ними и поспешно вышедшим из церемониального зала братом настоятелем захлопнулась дверь, я вздрогнула от ужаса и обреченности, внезапно осознав кошмарную истину: я осталась одна...

ГЛАВА 4

Одна! Я оказалась в абсолютном одиночестве — всеми забракованная и отвергнутая, не выбранная никакой из гильдий! Меня охватил безотчетный, почти животный ужас. Захотелось подбежать к двери и заколотить в нее кулаками, кричать, что я согласна стать порхающей, земледелом, метельщиком — да кем угодно, лишь бы не попасть в обагренные кровью руки жрецов богини Банрах, под их жертвенные ножи, а дальше — в храмовый котел... Я начала мелко дрожать от нахлынувшего страха, хотя за окном блекло светил весенний Сол, а в зале так и вовсе царила страшная духота, невкусно пропитанная тайными волнениями покинувших ее детей. Теперь я явственно поняла, что для них все уже закончилось и отныне эти страхи сосредоточились только во мне одной.

Я затравленно огляделась, надеясь, что вот сейчас вернется хотя бы тот противный,

лощенный извращенец из гильдии куртизанок... С выражением притворного сочувствия он приобнимет меня за плечи, как уже проделал это с Элали, и выведет наружу, туда — на свободу и чистый воздух, подальше от храмового котла... Обещаю, я выполню все, что он прикажет: научусь петь и танцевать, буду послушно улыбаться и даже безропотно позволю мужчинам прикасаться к своему обнаженному телу... Но, увы, время шло, а в зал так никто не входил. И тогда я не выдержала...

Стараясь не переходить на бег, я остороженько, бочком двинулась в сторону выхода. Ноги сами, против воли, несли меня все быстрее и быстрее, так что в мужчину, укрытого расшитой звездами мантией и едва вступившего в зал, я врезалась на полной скорости, чуть не выпихнув его обратно. Я потеряла равновесие, звучно шлепнулась на пол и тихонько ойкнула, до крови прикусив язык. Передо мной стоял маг, самый настоящей чародей! До меня долетел скорбный выдох семенящего следом за магом брата настоятеля, совершенно обескураженного моей хамской выходкой.

Но долгожданный гость, казалось, ничуть не рассердился. Наоборот, он заботливо поставил меня на ноги и чуть приподнял мой подбородок, вынуждая посмотреть ему в глаза. Я буквально млела от восторга, невоспитанно впившись пристальным взором в его смеющееся лицо. Я осознала всю вопиющую недопустимость своего поведения, но ничего не могла с собой поделать, ибо впервые в жизни увидела чародея так близко и даже ощущала тепло его сильной руки.

Он оказался так молод! В моем понимании все настоящие маги просто обязаны пребывать в весьма почтенном возрасте и не имеют никакого права выглядеть вот такими симпатичными молодыми мужчинами. Я растерянно захлопала ресницами и косноязычно проблеяла дурацкую пародию на обычное приветствие. Юноша звонко расхохотался, забавно мотая своими рыжими локонами, и оживленно повернулся к брату настоятелю, все еще сокрушенно качавшему головой.

— Вот видите, я же вас предупреждал, высокочтимый сьерр чародей... — извиняющимся тоном начал настоятель. — Она не только уродливая горбунья, так еще и никчемная дурочка, неспособная толком и двух слов связать...

— Предупреждали, — покладисто подтвердил симпатичный маг, и я мгновенно узнала этот красивый баритон, обладатель которого недавно спорил с представителями других гильдий. — Но это уже неважно, ведь я получил совершенно четкое распоряжение забрать последнего оставшегося сегодня ребенка. — На секунду голос молодого человека обрел необычайную твердость и поистине волшебную убедительность, но тут же смягчился: — А раз уж мне достался такой очаровательный эльф...

Я почувствовала, что мои заостренные уши неудержимо краснеют, а рыжекудрый маг снова засмеялся:

— Сначала она меня чуть не затоптала, а теперь покраснела — причем ушами. Вот так чудная девочка! Скажите, брат настоятель, каким методом вы умудряетесь воспитывать подобных, поистине сногшибательных индивидуумов?

— И пряниками, и кнутом! — с деланным смирением признался настоятель. — Как тому и учит нас великая Банрах!

По выразительному лицу чародея промелькнула мимолетная тень отвращения. А я тут же вспомнила о противостоянии богини и магов, поэтому заинтригованно затаила дыхание, ожидая услышать нечто интересное. Но чародей быстро совладал со своими эмоциями и решил отшутиться.

— Плохо, глубокоуважаемый брат! — с упреком изрек он, заговорщицки мне подмигивая. — Ведь в таком случае дети неизбежно вырастают толстыми и в синяках!

Не ожидая услышать столь несерьезную фразу от представителя наиважнейшей в Лаганахаре гильдии, я приснула, а настоятель шокированно выпучил глаза, не сумев придумать достойный ответ. Тогда чародей величественно взмахнул полами своей мантии, овевая меня запахом розмарина и одарив царственной улыбкой:

— Ты ведь хочешь пойти со мной, эльф?

Онемев от счастья, я закивала так бурно, что у меня чуть голова не отвалилась. Но маг и так понимал, что творится у меня в душе. Он улыбнулся одними глазами и добавил:

— Ну тогда ступай собери свои вещи, да не мешкай больше нужного, ведь глава гильдии Чародеев желает встретиться с тобой сегодня до заката.

Я буквально летела, торопясь в нашу девичью спальню, не чуя под собой ног, как если бы мои крылья внезапно стали такими же большими и серебряными, каковыми они привиделись мне прошлой ночью, освещенные неверным светом обманщицы Уны.

В спешке я совсем не заметила брата Флавиана, примостившегося в уголке коридора и печально наблюдающего за быстротечными перипетиями моей судьбы. Монах поднял пухлую руку, осеняя благословляющим жестом мою резво удаляющуюся спину.

— Храни тебя бог Шарро, дитя мое! — чуть слышно шепнул добрый наставник. — Ох, чует мое сердце, что помощь тебе еще понадобится, причем очень и очень скоро...

«И все-таки мечты сбываются!» — мысленно ликовала я, разнеженно зажмуриваясь, словно кошка, и подставляя лицо под теплые лучи Сола. Возможно, это стало всего лишь приятным совпадением, но для меня все выглядело иначе. Отнюдь не случайно эти два совсем не связанные между собой события вдруг совместились именно сегодня: первый теплый, по-настоящему весенний день и свершение моей заветной мечты. Меня пригласили в Звездную башню, и одному только Шарро известно, какие еще заманчивые перспективы откроются передо мной в дальнейшем. Да, я стану чародейкой — наперекор всем оскорбительным прозвищам и назло всем своим обидчикам!

В общем, у меня аж дух захватывало от предвкушения, но я резонно одергивала свое вошедшее в раж воображение, приказывая ему придержать удила и не нестись во весь опор. Строить радужные планы на будущее опасное и глупое занятие, ибо в них можно разочароваться. Но вот рассчитывать свои ближайшие шаги — дело чрезвычайно полезное и мудрое, а посему я решила не заглядывать слишком далеко вперед и в полной мере наслаждаться благоволящим ко мне текущим моментом. А что будет дальше — посмотрим.

И все равно, даже невзирая на недавно пережитый стресс, мне еще продолжало казаться, будто я вижу чудесный сон, расставаться с которым совсем не хотелось. Однако здравый рассудок властно напоминал о яви, подсказывая — ты вот-вот проснешься. И наверно, я бы согласилась заплатить любую цену — только бы хоть на миг оттянуть сей отрезвляющий момент пробуждения.

Волшебство, начавшееся с появлением молодого мага в дверях нашего церемониального зала, продолжилось немедленно, стоило мне сбежать с крыльца, неся порядочно оттягивающий плечи вещевой мешок. Тут я и обнаружила, что представители всех прочих гильдий уже отбыли вместе со своими новыми учениками, а вот рыжекудрый чародей не только никуда не спешил, но даже не проявлял ни малейшего нетерпения, в ожидании меня увлекшись игрой с нашей дворовой собачонкой Бубой. Он смирно сидел на скамейке и, немного фальшивя, мурлыкал себе под нос ироничную песенку, явно предназначенную для моих ушей:

В страшной башне над горою,
Между небом и землею,
Тьме — хозяин, свету — враг,
Жил могучий черный маг.

Наливал он в колбы зелье
И не ведал про веселье,
Души слабые губил,
Но ни разу не любил.

За грехи его расплата —

Не иметь ни дочь, ни брата,
Мыслить темные дела,
Вечно жить в оковах зла.

Он не зрел небес зарницы,
Не слышал песню птицы
И влачил свою юдоль,
Испытав лишь гнев и боль.

Он сгребал лопатой злато,
Жил спокойно и богато,
Постепенно гнил и чах,
Превращаясь в пыль и прах.

Не нашел себе невесту,
Так и умер безызвестным,
Ну а сказками о нем
Всех пугают даже днем.

Коли ищешь в жизни благо —
Не спеши податься в маги,
Много в мире дел других —
Обрати свой взгляд на них...¹

«Это предупреждение?» — растерянно подумала я. Он намекает на то, что участь мага отнюдь не так сладка, как мне это представляется? Он меня отговаривает? Ни за что! Возмущение переполняло меня до краев. Я все равно стану могучей чародейкой в расшитой звездами мантии и утру всем нос!

А молодой маг язвительно посвистывал, выжидательно поглядывая на меня и не забывая дразнить собачку.

— Ничего не понимаю! — Я обескураженно огляделась и сделала пару осторожных шажков в сторону ребячливого волшебника. — Мы пойдем в Блентайр пешком? Ой, простите меня за бестактность, почтенный сьерр чародей!

— Фу-у-у, как тебе не стыдно, дитя! — Молодой человек гибко поднялся с приютившей его не очень-то чистой скамьи, отряхивая пыль с колен и мантии, и беззлобно погрозил мне пальцем. — Твои слова старят до срока, девочка. Пожалуйста, зови меня просто Джайлз. А как твое имя? Или мне лучше называть тебя «эльф»?

— Нет, да, конечно... — Пытаясь справиться со своим волнением, я незаметно вытерла вспотевшие ладони о край рубашки. — Как пожелаете, сьерр чародей.

— Джайлз! — с напором поправил маг.

— Джайлз, — покорно повторила я.

— А твое имя?

— Йохана!

— Ух ты! — Юноша восторженно округлил глаза. — Настоящее эльфийское имя, распространенное в клане Полночных. Оно обозначает «неугасимая звезда». Не знаешь случайно, почему тебя так называли?

Я отрицательно помотала головой:

— Не знаю. Прошлой ночью я ненароком услышала о том, что являюсь безродной сиротой, в возрасте нескольких дней от рождения кем-то выброшенной под двери приюта.

— Поразительно, — задумчиво протянул маг и, очевидно пытаясь сдержать рвущиеся с

¹ В книге использованы стихи автора.

языка комментарии, поспешно прикусил изнутри свою правую щеку. — Твоя история становится все более интересной с каждой минутой. Подозреваю, что, отправляя меня в эту обитель, Кларисса действовала не просто по наитию, а обоснованно не сомневалась в твоём особом предназначении.

— Это как? — недоуменно спросила я.

— Чудесно! — Юноша звонко хлопнул в ладоши, уходя от ответа. — Скажи, Йона, а в вашем приюте не было ли какого-нибудь примечательного во всех отношениях мальчика?

— Был, — подтвердила я и печально склонила голову, вспоминая страшную участь, постигшую Ардена. — Он умен и красив, почти... почти как ты! — немного смутившись, наивно заявила я, своей неловкой лестью вызвав добродушную улыбку на губах мага. — Но его забрали жрицы богини.

— Вот как? — вопросительно выгнул бровь Джайлз, но заметил слезы, вновь наворачнувшиеся на мои глаза, и понимающе присвистнул: — Вот те раз! Да ты никак в него влюблена!

— Зато он меня не очень-то привечал, — сокрушенно пожаловалась я, спонтанно выкладывая ему все накопившиеся в моей душе обиды. Почему-то этот молодой маг сразу же внушил мне необъяснимое доверие. — Даже наоборот, постоянно дразнил и оскорблял.

— Ох, ну и святая же ты простота, Йона! — Джайлз картинно возвел глаза к небу, безмерно потрясенный моей вопиющей неискусственностью в вопросе взаимоотношения полов. — Забери Тьма этих безмозглых мальчишек! В младших классах они бьют симпатичных девочек портфелем по голове, а потом еще удивляются, почему все красивые девушки вырастают такими дурами. Запомни, эльф: мужчины частенько стесняются признаваться в своих истинных чувствах к женщине и поэтому пытаются как-то иначе привлечь внимание своей избранницы, порой делая это чересчур грубо и навязчиво.

— Да? — робко обрадовалась я, боясь поверить его словам. — Значит, Арден тоже ко мне неравнодушен?

— Скорее всего, дело обстоит именно так, — поддакнул чародей. — Просто твой красавец еще слишком молод и боится настоящей любви... А между тем любовь и есть истинное счастье, ибо все остальные доступные нам чувства — просто мимолетные радости жизни.

Я почувствовала, как сильно забилося мое сердце, грозясь выскочить из груди. Возможно ли это? Арден правда меня любит? И я снова дала себе нерушимое обещание: во что бы то ни стало найти моего милого и вырвать его из лап кровожадной богини Банрах.

Увлечшись столь интимной беседой, мы незаметно умудрились отойти на довольно значительное расстояние, все больше отдаляясь от навсегда оставленной мною обители. Мы поднялись на невысокий пригорок, едва покрытый проклюнувшимися зелеными травинками, еще слабыми и шелковистыми. Теплый ветерок овеивал мои разгоряченные щеки, охлаждая горящую от возбуждения кожу и умиряя не на шутку разыгравшееся воображение. Образ Ардена, гвоздем засевший у меня в сердце, неожиданно стал настолько осязаемым и реальным, что только сейчас я в полной мере осознала, как дорог мне этот противоречивый юноша, непробиваемый и ранимый одновременно.

Вот только, боюсь, я слишком поздно разобралась в своих подлинных чувствах к нему, научившись понимать единственного нужного мне человека, лишь потеряв его, как это обычно и случается у всех не шибко умных людей. Подозреваю, мне придется приложить немало усилий, чтобы снова встретиться со своим любимым. Если, конечно, наше воссоединение вообще сможет произойти, ведь отныне нам противостоят чудовищные по своей мощи враги — богиня, Пустошь и лиги песчаных дюн. А победить Банрах и пустыню пока еще не удавалось никому в нашем мире.

— Ах да, ты вроде интересовалась, каким способом мы доберемся до Блентайра? — напомнил Джайлз, решивший, что наше скорбное молчание слишком уж затянулось, и поэтому намеренно вырвавший меня из плена размышлений. — Разумеется, пешком и только напрямик, а не следом за медлительными повозками отбывших воссоединиться

представителей других гильдий. И если честно, я терпеть не могу верховую езду: трясешься в седле всю дорогу, до такой степени отбив себе все, что можно и что нельзя, — потом ни сесть нормально, ни лечь... Поэтому я предлагаю сократить расстояние, отделяющее нас от столицы.

— А это возможно? — скептически подняла бровь я.

— Само собой, — кивнул маг. — Расстояние — вообще вещь не физическая, а философская.

— Да? — не поверила я.

— Квартал до лавки за хлебом — далеко, — проказливо ухмыльнулся Джайлз, — а лига за вторым кувшином вина — рукой подать!

Я рассмеялась, восхищенная его шутиливой логикой.

— Значит, ты готова к необычному путешествию, Йона? — заговорщицки подмигнул чародей, воодушевленный моим хорошим настроением.

— Да!

Так ничего и не поняв из запутанных рассуждений про дорогу, я тем не менее была готова идти с чародеем хоть на край света и никогда не пожаловалась бы на усталость. Я намеревалась геройствовать и проявлять беспримерную выдержку столько, сколько потребуется. А еще мне очень хотелось узнать, кто может передвигаться быстрее лаганахарских коней, и так скачущих наравне с ветром?

— Тогда в путь, и да пребудет с нами милость бога Шарро! — торжественно провозгласил Джайлз, вызвав у меня очередной приступ удивления.

Право же, сегодняшний день оказался излишне богат на потрясения и открытия. Чародеи уважают эльфийского бога, вот это да! А впрочем, неужели я ожидала услышать от Джайлза нечто иное, помня об извечной вражде, существующей между магами и адептами богини Банрах?

Поначалу с нами не происходило ничего необычного, и что бы там ни утверждал Джайлз, но двинулись мы точнехонько по проложенной экипажами колее, отчетливо просматривающейся в бурой дорожной пыли. Из своих ночных экспедиций на крышу колокольни я вынесла однозначный вывод: если идти очень быстрым шагом, то можно добраться до Блентайра часов за восемь или около того. Но сейчас, словно стремясь опровергнуть мои подсчеты, чародей шагал неторопливо и размеренно, беззаботно любуясь достопримечательностями местного пейзажа, на мой вкус, довольно скромного и однообразного.

Спустя всего каких-то полчаса, когда стены монастыря почти исчезли из виду, а деревня Ролсби так и вовсе скрылась за холмами, Джайлз вдруг резко остановился и окинул меня намеренно саркастичным взглядом:

— Так-так, а вот это уже непорядок. Скажи, Йона, ты по-прежнему собираешься таскать на своем плече этот задрипанный мешок? Он вроде бы не выглядит излишне тяжелым, но все равно, согласишься — путешествовать налегке куда как приятнее! А когда он натрет тебе мозоль, ты просто перевесишь его на другое плечо? Неужели тебе мало уже имеющегося у тебя горба?

Я недоуменно уставилась на насмешника, не понимая, забавляется он или хочет меня обидеть. Но внезапно Джайлз посерьезнел и предложил:

— Давай-ка немного уменьшим твой груз. Прости меня ради Шарро, если я выразился излишне грубо или бесцеремонно, и поверь — помыслы мои чисты, у меня не имелось ни малейшего намерения хоть как-то тебя задеть.

Я понимающе улыбнулась, глядя в его чистые глаза:

— Кажется, мне ко многому придется привыкнуть, путешествуя в твоём обществе?

Джайлз поощрительно прищелкнул языком, а затем достал из кармана своей мантии флакончик, наполненный прозрачной жидкостью, раскупорил его и брызнул несколько капель на мешок с моими вещами. При этом он прошептал короткое заклинание, отчего

мешок начал неудержимо съеживаться и вскоре превратился в крохотный мешочек, размером едва ли крупнее яйца жаворонка. Я потрясенно вскрикнула.

— Обращайся с ним осторожнее, ведь его вес остался прежним, — любезно предупредил Джайлз, протянув мне превратившийся в кошелек мешок.

Я неосторожно приняла его на расслабленную ладонь и чуть не выронила, ибо крохотный с виду кошелек тянул на изрядный булыжник.

— Хочешь, я научу тебя этому простенькому заклинанию? Все эльфы имеют врожденную склонность к магии, так что у тебя должно получиться.

Я радостно закивала, потому что мне страсть как не терпелось хотя бы на чуточку приобщиться к тщательно охраняемым секретам чародейского искусства. Маг скептически хмыкнул и подал мне флакончик, едва не выскользнувший из моих дрожащих от предвкушения рук.

— Только не забудь напомнить мне о необходимости вернуть прежний вид твоему мешку, — предупредил он. — Естественно, после того, как мы прибудем в Блентайр.

Я несколько раз повторила подсказанное Джайлзом заклинание и, капнув жидкостью из флакончика, содержащего некое специальное средство, являющееся катализатором для волшебных слов, выжидательно уставилась на свой мешок. Внимательно наблюдающий за моим экспериментом чародей потрясенно выкатил глаза и оглушительно расхохотался.

— Ты перестаралась, дитя! — отсмеявшись и утерев выступившие на глазах слезы, констатировал он. — Забыла об уже и так малом размере своей вещи, поэтому она исчезла окончательно!

Я опечаленно смотрела на свои опустевшие ладони. Нет, конечно, в моем буквально испарившемся мешке не хранилось ничего ценного — только пара чистых носовых платков, поношенная рубашка, летние сандалии, симпатичные камешки, несколько книг и выдавший виды плащ. Но все равно, то было мое единственное имущество!

— Ничего, — поспешил утешить меня Джайлз, тоже выглядевший немного обескураженным. — Возможно, это даже к лучшему. Не стоит тащить в новую жизнь свои старые, потрепанные вещи, ведь груз неприятных воспоминаний имеет нехорошую привычку тянуть нас обратно, к прежним проблемам. А поскольку в постигшей тебя потере имеется и часть моей вины, то по вступлении в Блентайр я куплю тебе новую одежду.

Я восхищенно ойкнула, ибо давно уже мечтала о красивом столичном платье — непременно синего цвета, сшитом из добротного сатина и украшенном узким кружевным воланом. Похоже, на моем лице появилось откровенно глупое выражение, потому как маг иронично фыркнул и негромко пробурчал: «Девушка становится женщиной отнюдь не после первой интимной близости с мужчиной, а после первого посещения ювелирной лавки...»

Под аккомпанемент его мудрых рассуждений я незаметно опустила флакончик с волшебной жидкостью в карман своей рубашки.

— А теперь начнем существенно сокращать наш путь, как я и обещал. Считай это первым магическим уроком, к тому же бесплатным, — внушительно промолвил чародей, заметив, что я уже смирилась с потерей вещевого мешка. В глубине души я вновь испытала некоторую вполне обоснованную боязнь перед очередным поджидающим меня фиаско, но с энтузиазмом кивнула, готовая к новым приключениям.

Мы свернули с хорошо утоптанной дороги, дружно перепрыгнули через тянущуюся вдоль нее оросительную канаву, пересохшую лет сто назад, и сразу же по пояс погрузились в ломкий прошлогодний бурьян. Там и сям виднелись бледные куртинки первой молодой травы, с трудом пробивающиеся сквозь отмирающую почву. Слабые лучи Сола все-таки сумели проникнуть через свинцовую завесу облаков, изливая на землю свое благодатное тепло.

Ох, как же мне хотелось верить, что наш несчастный мир еще имеет возможность выжить и измениться к лучшему, став прежним — прекрасным и уютным. О, если бы в этом мире больше не убивали детей, уважали стариков и не боялись любить! Клянусь, я была готова отдать всю себя без остатка, лишь бы хоть чем-то помочь многострадальному

Лаганахару и населяющим его людям. Клянусь, если придется, то я не попрошу у бога Шарро ничего лично для себя, но самоотверженно пройду через любые испытания, только бы Блентайр сумел избежать губительного дыхания Пустоши и не оказался погребенным под барханами бездушного песка. Клянусь, я с радостью умру за Ардена... Тут я внезапно вздрогнула, поняв, что Джайлз терпеливо спрашивает у меня о чем-то важном, и, похоже, проделывает это уже отнюдь не в первый раз.

— Экий мечтательный эльф мне попался. — Маг и не думал сердиться. — А ну-ка, скажи, в какой стороне отсюда находится Блентайр?

Я решила, что чародей проверяет, старательно ли я училась в приютской школе, а поэтому немедленно напустила на себя жутко осведомленный вид и уверенно ткнула пальцем на юго-восток:

— Вон там!

— Молодец. А теперь давай выясним, насколько сильны твои врожденные магические способности. Попробуй мысленно прочертить прямую линию отсюда до города, выбирая наикратчайший путь, — и неважно, что ты не можешь видеть Блентайр.

Повинуясь его приказу, я зажмурилась для пущего эффекта и честно попробовала...

— Получилось? — заинтересованно осведомился Джайлз. — Отлично, а теперь назови первый ближайший к нам ориентир на прочерченном тобой пути. Только выбери что-нибудь не очень мелкое.

— Брод через Алларику, — предложила я, совершенно не понимая, к чему ведут все эти географические упражнения.

— Удачный выбор, я тоже о нем подумал. — Чародей крепко ухватил меня за руку и притянул вплотную к себе.

Заглянув в его лицо, я невольно попятилась, потому что в глубине светлых глаз мага возникли две огненные точки, тут же начавшие стремительно разрастаться, превращаясь в концентрически закручивающиеся красные спирали. Джайлз поднял руки и скрестил их над моим затылком, а с его губ сорвалось негромкое заунывное пение. Я ощутила исходящий от его пальцев жар, изливающийся на мою голову и окутывающий ее подобно капюшону. Еще никогда я не казалась себе такой сильной, способной, наверное, одним мимолетным взглядом свернуть горы и осушить реки.

— Замечательно! — устало выдохнул чародей, потряхивая ладонями, словно он только что прикасался к раскаленной кухонной плите. — Ты обладаешь огромным колдовским потенциалом, еще спящим и не развитым. Но, клянусь именем Шарро, когда-нибудь ты научишься им пользоваться и станешь готовой совершить многое.

Я недоверчиво хлопала ресницами, приняв его слова за всего лишь добродушное подтрунивание над бесталанной мною. Кто сможет — я? Да ну, как же, так прямо и поверила, держи карман шире! Ведь я — никто, просто безродный подкидыш, несчастная сирота, лишенная родительской любви, никому не нужная, вечно обсмеиваемая и всеми презираемая. Я — урод, трусливо не смеющий распахнуть спрятанные под рубахой крылья. Нет, однозначно, такие бездари, как я, магами не становятся!

— Опять ты углубилась в свои мысли, — ворчливо подметил молодой чародей. — Раз уж ты такая мечтательница, то сделай милость — вообрази, будто мы уже находимся там... И желательно — на другом берегу Алларики.

— Вообразить? — шокированно переспросила я. — Вот так просто вообразить, и все?

Джайлз ехидно хихикнул и крепко обнял меня за талию:

— Да, вообрази!

Честно говоря, поначалу это необычное задание не показалось мне очень сложным, раз уж речь шла всего лишь о банальном полете фантазии. Я плотно зажмурила глаза, дотошно и в мельчайших деталях представляя себе пресловутый брод, с обоих берегов реки отмеченный большими белыми валунами, и саму Алларику — шумно бурлящую подле них, но совсем еще неглубокую в это время года. А потом я просто вообразила себя и Джайлза, плавно летящих по воздуху и мягко опускающихся рядом с валуном на противоположном берегу,

точно у переправы...

Внезапно меня качнуло, я мгновенно распахнула глаза и отчаянно завизжала. Оказалось, что мы действительно плывем в восходящем воздушном потоке, приподнявшись довольно высоко над землей и паря подобно двум легковесным тополиным пушинкам.

— Мы летим? — всполошенно закричала я, не смея поверить собственным глазам. — Но я же не умею летать!..

— Не умеешь, но тем не менее летишь! — довольно усмехнулся чародей, продолжая держаться за меня.

— Если я не умею летать, значит, мы сейчас упа... — с безупречной логикой начала рассуждать я.

— Не смей!.. — предостерегающе вскрикнул Джайлз, но было уже поздно.

Мир неожиданно закувыркался вокруг меня, многократно переворачиваясь с ног на голову и обратно, я истошно заорала от испуга и судорожно вцепилась в безбожно сквернословящего мага.

— Йона, думай о полете! — настойчиво требовал он, пытаюсь перекричать свистящий возле нас воздух, но куда там — я запаниковала и мертвым грузом повисла у него на шее, жалобно скуля, словно побитый щенок. Земля приближалась. Я тоненько пискнула напоследок, и мы звучно обрушились прямо в реку...

— Тьма на мою голову! — сердито выругался Джайлз, бредя к берегу и отплываясь от попавшего в рот песка.

Место нашего неудачного приземления оказалось неглубоким, поэтому вода лишь незначительно смягчила боль падения, не защитив от возникновения многочисленных синяков и ушибов. Плюс к этому мы промокли до нитки и изрядно продрогли в жутко ледяной воде.

Я смущенно отфыркивалась, виновато шмыгая носом и незаметно потирая сильно отбитый бок, коим смачно приложилась о торчащий из воды голыш. Я ведь предупреждала, что не умею летать!

— А ты ни в чем не знаешь удержу, — лукаво ухмыльнулся Джайлз, без всякого почтения к своему официальному одеянию стаскивая расшитую звездами мантию и простежки ее выжимая. Моему смущенному взору предстала простая полотняная рубашка, ладно облегающая его стройный торс, и смешные штаны до колен. — Вот когда ты научишься правильно использовать таланты, данные тебе от рождения, то такому магу цены не будет!

— Если научусь! — сварливо поправила я. — Но, вероятнее всего, из меня попросту не выйдет никакого толку. Такая дура, как я, и правда бесценна, ибо не имеет никакой цены.

Джайлз восхищенно хохотнул, звучно щелкнул пальцами, сплетая заклинание и высушивая свою тщательно отжатую мантию.

— Не суди о себе пристрастно, ведь если верить своему отражению в луже — то каждый из нас жалок, мелок и грязен!

Но я, отменяя его доводы, лишь уныло шаркнула башмаком по песку.

— Знаешь, чем пессимист отличается от оптимиста? Пессимист говорит: «Хуже уже не будет!», а оптимист: «Будет, будет», — продолжил убеждать этот неунывающий чародей.

Я ответила принужденной улыбкой:

— Оказывается, у магов весьма специфичное чувство юмора!

— Не мы такие, жизнь такая! — с притворной скромностью развел ладони Джайлз. — Впрочем, вскоре ты сама убедишься в моей правоте. — С этими словами он легко подхватил меня на руки и птицей взмыл в небо, сразу перенеся нас на значительное расстояние.

Оставив позади негостеприимный берег Алларики, маг решил передохнуть и, снова засмеявшись, в театральной позе облокотился на валун, забавно жмурясь от лучей уже не на шутку раскошегарившегося Сола.

— У нас все очень хорошо получилось, эльф! Твоя энергия добавила мне сил. Еще несколько подобных прыжков — и мы достигнем столицы.

Увидев, как я испуганно заморгала, он отошел от камня и слегка коснулся моего плеча:

— Не бойся, обещаю — я не причиню тебе вреда. Не все из нас умеют делиться своей силой с другим человеком, а проделывать это искренне, без корыстных намерений, вообще способны единицы. Ты воистину нечто уникальное, Йона! Я все больше убеждаюсь в том, что, выбрав именно тебя, глава нашей гильдии преследовала какие-то загадочные, но значимые цели! — И, всласть насладившись моим смешанным с непониманием смущением, он весело потянул меня за рукав: — Ну как, ты все еще готова идти в Блентайр?

Я поджала губы, демонстрируя непоколебимую решимость и готовность отважно пройти по уготованному мне пути, преодолев его от начала до самого конца. Я все равно стану магом вопреки терзающим меня страхам и нехорошим предчувствиям, буквально переполняющим душу. Я намереваюсь храбро взглянуть в лицо своему будущему даже при самом неблагоприятном исходе приключений, в кои меня вовлекли спонтанно и без предупреждения. Я обязательно встречу с ним даже в том случае, если это лицо примет форму уродливой морды с кроважидным оскалом!

Передвигаясь таким чудесным образом, мы очутились у стен Блентайра всего через полтора часа после выхода из монастыря всемилостивой богини Банрах. Куда там до нас каким-то хваленым лаганахарским скакунам! Ориентиры почти все дорогу выбирала я, а Джайлз вежливо соглашался, изредка уточняя место. Миновав заброшенный колодец, накренившийся клен и ветхий мостик через приток Алларики, мы оказались почти у самых городских стен. К последнему этапу перелета я осмелела настолько, что начисто выбросила из головы воспоминания о собственной неудаче и принялась задавать вопросы:

— А почему мы не можем выбрать в качестве ориентира Звездную башню и приземлиться прямо там?

— Экая ты прыткая!

Мы только что преодолели предпоследний рубеж — высоченную гору, и невдалеке уже маячили стены столицы. Чародей улыбнулся по-прежнему приветливо, но как-то вымученно:

— Я еще не старейшина гильдии, чтобы так скакать, к тому же с эльфом на запятках. Очень любопытным эльфом, надо сказать.

— Прости меня, Джайлз, — виновато понурила я голову. — Я не хотела тебя расстраивать.

— Все нормально, просто я сам еще многого не знаю, ибо совсем недавно закончил этап ученичества и владею приемами чародейства вовсе не так уж хорошо, как ты, вероятно, себе вообразила.

«Слава Шарро, этот молодой маг не страдает повышенным самомнением и не впадает в пафос, рассказывая о собственных достижениях», — растроганно подумала я. Не люблю хвастунов!

— Ты лучше всех, Джайлз! — от всего сердца похвалила я. — Идем в город?

— Конечно, мой льстивый эльф! — Чародей зарделся как маков цвет. — К тому же — он игриво подмигнул, — надеюсь, ты еще не забыла о моем обязательстве? Ведь я хочу купить тебе платье.

Платье! Я чуть не подпрыгнула от восторга:

— У меня будет настоящее платье!

— Клянусь, самое красивое из всех, какие только можно найти в столице! — обещающе улыбнулся чародей. — Все-таки женщина всегда остается именно женщиной. Даже в том случае, если она имеет все предпосылки для того, чтобы стать магом... — Он помолчал и задумчиво добавил: — Возможно, величайшим магом нашего мира!

ГЛАВА 5

Известное всем и каждому выражение: «Тише едешь — дальше будешь» становится безупречно правдивым лишь в том случае, если ты путешествуешь в компании не обычного человека, а чародея. Впрочем, такое же парадоксальное нарушение законов логики касается

и пословицы: «Поспешишь — людей насмешишь». Перемещаясь по воздуху, мы с Джайлзом не только изрядно обогнали представителей всех остальных гильдий, но также удостоились отнюдь не смеха, а подобострастных поклонов со стороны сгрудившейся у ворот толпы, ожидающей приезда выборщиков, сопровождаемых своими новоиспеченными учениками. Вернее, подобного приема удостоился один лишь Джайлз...

С развлечениями в Блентайре всегда обстояло довольно туго, а торжественный въезд представителей всех общин и вовсе можно наблюдать нечасто — всего лишь раз в году. Именно поэтому данное мероприятие пользуется неизменной и вполне обоснованной популярностью среди любопытных зевак, не стесняющихся громко и в откровенных выражениях высказывать свои догадки относительно внешности и умственных способностей детей, успешно прошедших церемонию выбора и избежавших, таким образом, храмового котла. Жители нашего королевства испокон веков славятся остротой своих болтливых языков и неумным любопытством, быстро переходящим в откровенное нахальство. Короче, если повстречаешь коренного лаганахарца, то клювом попусту не щелкай, то есть не зевай и, если что, пеняй на себя.

Я испуганно сбавила шаг, увидев собравшуюся у ворот толпу ротозеев, насчитывающую никак не меньше пяти сотен человек, да пониже натянула на лоб капюшон плаща, чтобы скрыть остроконечные уши. Не дай Шарро, измученные ожиданием зеваки заметят мои сугубо эльфийские черты внешности — греха не оберешься. Могут и камнями закидать. Стараясь стать как можно незаметнее, я еще сильнее сгорбилась, скромно потупила глаза и мелко семенила, по мере возможности прячась за широкую спину Джайлза, невозмутимо шагнувшего прямо на расступавшуюся перед ним толпу.

Люди поспешно отступали в сторону, вежливо кланяясь статному, приветливо улыбающемуся юноше, облаченному в расшитую звездами мантию чародея, ибо маги обладают статусом неприкосновенности, а нанесенная им обида всегда карается одним только способом — смертной казнью. Но если прекрасный облик Джайлза вызывал у обывателей льстивые комплименты и завистливые вздохи, то спутницу мага людская молва не пощадила: горожане щедро одаривали меня шутками и издевками, ранящими куда больнее, чем удар тяжелым булыжником.

Несколько коротких мгновений, потраченных на то, чтобы миновать возбужденно гудящую толпу, стали для меня настоящим испытанием. И чего я только не услышала! Моя хрупкая фигурка, незавидный рост и нищенский наряд подверглись настолько сокрушительному остракизму, что, будь мое желание попасть в Звездную башню чуточку слабее, я бы, наверное, сгорела со стыда или провалилась под землю, наповал сраженная градом сыплющихся на меня насмешек. Но наконец-то все закончилось — мы пересекли караульную площадь, завернули за угол сторожевой башни и углубились в дебри торгового переулка.

— А ты молодец! — с восхищением признал маг, целенаправленно устремляясь в сторону торгующих выпечкой лотков. — Даже не дрогнула, не ответила на чужие глупости и подначки. Признаюсь, я специально повел тебя этим путем, решив понаблюдать за твоей реакцией. Запомни: толпа возбудима, труслива и мгновенно ведется на малейшую провокацию. Для того чтобы противостоять людской массе, нужно иметь крепкие нервы и завидное самообладание. А вот если ты научишься управлять толпой, — он насмешливо присвистнул и протянул мне теплую, усыпанную марципанами булочку, купленную у дородной торговки, — то сможешь влиять на ход любого события.

— Я испугалась, смертельно испугалась! — откровенно призналась я, облегченно переводя дух, с благодарностью принимая угощение и только сейчас начиная отдавать себе отчет в том, насколько сильно утомило меня наше необычное путешествие. Под ложечкой буквально сосало от голода, а натертые грубыми башмаками ноги опухли и мучительно ныли. — У меня никогда не получится сознательно влиять на кого-либо, поэтому пусть лучше они меня не замечают, я того не стою.

— Уж поверь мне — стоишь! Ты просто еще не разобралась в самой себе! — весело

рассмеялся Джайлз, с хрустом вгрызаясь в толстую краюху белого хлеба, густо намазанную золотистым медом. — Но ты ведь все равно нашла в себе силы превозмочь страх и не отступила перед возникшим препятствием. О, Йона, если ты и впредь станешь всегда руководствоваться этим разумным правилом, то гарантирую — ты имеешь все шансы пойти очень далеко.

— Насколько далеко? — наивно поинтересовалась я, облизывая пальцы, из-за сдобы ставшие сладкими и липкими. — Неужели до самого Зачарованного берега?

— Дальше! — с нажимом парировал Джайлз, испытующе глядя на меня.

— До Черных холмов? — недоверчиво рассмеялась я, принимая предложенную им игру в угадывание.

— Дальше! — солидным тоном произнес чародей.

— Да куда уж дальше-то? Если только до Пустоши! — всерьез испугалась я.

— Дальше!

— До Запретных гор? — с содроганием спросила я, отводя глаза, ибо наша игра, похожая на страшное предсказание, перестала мне нравиться.

Чародей кивнул. Я поежилась, потому что в те запретные, проклятые богиней Банрах края еще не забредал ни один живой человек. Возможно, лишь крылатые души, вылетающие из умерших тел, имеют дерзость посещать эти земли, по слухам ставшие последним приютом изгнанных из столицы Полуночных эльфов.

— Не стоит слишком часто заглядывать в будущее, можно ослепнуть, — успокоил меня Джайлз, бросая копошащимся в канаве голубям оставшиеся от хлеба крошки. — Предлагаю заняться более приятными делами.

— Мы пойдем в Звездную башню! — Я обрадованно всплеснула руками. — Я увижу главу гильдии?

— Не так быстро, мой прыткий эльф! — улыбнулся молодой маг. — Или ты и правда хочешь попасть туда в этом убогом приютском одеянии?

— Ой! — Я сконфуженно вцепилась в полы своего донельзя изношенного плаща. — Но другой одежды у меня нет...

— Будет, — ласково утешил чародей, — и весьма скоро. Неподалеку отсюда находится лавочка некоего чудаковатого старика, прежде служившего главным придворным портным. Поверь, уж если где-нибудь в Блентайре и можно найти красивое платье, так только у старого Иоганна, благослови бог Шарро его искусные пальцы!

Любой город является овеществленной проекцией проживающих в нем людей. Он идеально отображает их достоинства и пороки, вкусовые пристрастия и бытовые привычки. Построенный эльфами Блентайр напомнил мне прекрасное видение — белокрылого лебедя, гордо плывущего по волнам чрезвычайно широкой в этом месте Алларики.

Впервые в жизни попав столицу, я потрясенно вертела головой, неоднократно ловя себя на том, что моя нижняя челюсть непроизвольно отвисает, занимая донельзя дурацкое положение, совершенно несвойственное ей в любой другой, нормальной ситуации. Джайлз снисходительно посмеивался над моими бурными восторгами, иногда специально не мешая мне вдоволь налюбоваться впечатляющими достопримечательностями столицы, а иногда, наоборот, начиная пространно излагать историю возникновения той или иной улицы. Следовало признать, что из молодого мага получился отменный проводник — осведомленный, деликатный и остроумный.

Переходя через многочисленные площади Блентайра, петляя по узким улочкам торгового района, рассматривая изощренные вывески его лавок, словно соревнующиеся между собой в пышности названий и красоте оформления, умиляясь величественности мраморных статуй и наслаждаясь тенистыми парками, я поняла, что с первого взгляда раз и навсегда влюбилась в этот удивительный город. И тем горше становилось от мысли о печальном будущем великой столицы королевства Лаганахар, ибо беспощадные пески все ближе подбирались к стенам Блентайра, будто затягивая смертельную петлю удушающей

веревки, брошенной на горло одушевленного существа, ведь эльфы подарили городу частицу своей бессмертной души.

Ныне наш город был обречен на медленную мучительную смерть, а тщетные потуги жрецов и чародеев всего лишь немного оттягивали миг неминуемой катастрофы, усугубляя агонию столицы и многократно усиливая ужас его обитателей. И сегодня, глядя на валы бездушного песка, отчетливо просматривающиеся со стен столицы, я на деле убедилась в правдивости утверждения, гласящего, что быстрая гибель намного гуманнее и безболезненнее, чем вот такое долгое и постепенное угасание.

Но предательская мысль о справедливости и заслуженности постигшей Блентайр кары нет-нет да и мелькала у меня в голове. Люди жестоко изгнали тех, кто построил эти нерушимые стены и высокие башни. Люди почти истребили истинных хозяев Блентайра — эльфов, происходящих из двух великих кланов: Полуночных и Полуденных. Так стоило ли удивляться, что ныне люди сами умирали от отсутствия тепла, воды и пищи? Око за око, зуб за зуб, человек за эльфа — вот в чем выразилась справедливость закона выживания. Человеческий род медленно исчезал, пав жертвой Проклятой эпохи. Впрочем, подробности существования бывших жителей столицы, эльфов, тщательно скрывали от простых обывателей, руководствуясь немудреным правилом: меньше знаешь — крепче спишь.

В пику королевской политике умалчивания, всюю насаждаемой в Лаганахаре, я сумела прочитать Книгу Преданий и посему узнала многое из того, о чем совсем не полагалось знать. С болью в душе я рассматривала теперь дивное творение эльфийских зодчих, заваленное горами вонючих, гниющих отбросов. Я видела засоренные, давно пересохшие фонтаны Блентайра, растрескавшиеся стены домов и криво залатанные крыши. Медные, некогда до блеска начищенные флюгеры обезображены пятнами зеленой плесени; статуи, утратившие носы и пальцы рук, выглядели уродливее, чем зараженные проказой люди, а многолетние потоки птичьего помета неряшливо свисали с козырьков крыши.

Неосмотрительно отобрав у эльфов прекрасный Блентайр, алчные смертные явно откусили слишком большой кусок королевского пирога, пришедшийся им не по зубам. Загаженный город медленно погибал от человеческого безразличия и попустительства, а надвигающаяся на его стены Пустошь должна была всего лишь довершить начатое людьми злодейство. И в этом тоже угадывалась некая высшая справедливость: отнятый у эльфов город в итоге не достанется никому, уйдя в холодное небытие. Теперь нам предстояло полностью заплатить за грехи прошлого, некогда совершенные нашими глупыми предками.

К сожалению, тогда я еще не ведала всей истинной подоплеки межрасовой войны, положившей конец счастливой жизни Блентайра. А вступая на нелегкую стезю ученицы гильдии Чародеев, я даже и не подозревала о том, что вскоре мне предстоит узнать сокровенные тайны реальности, которые могут оказаться намного страшнее всех доселе услышанных или прочитанных сказок и легенд...

Человеческий разум способен на многое, но он тоже не является безграничным, отступая перед нерушимой силой времени и будучи не в силах остановить неумолимый бег мгновений. Время похоже на песок, безостановочно пересыпающийся в колбе бытия, опирающийся на подпорки из человеческого разума. Мы не властны заново придумать или исправить наше прошлое, ибо оно не зависит ни от чего и ни от кого. И точно так же мы не имеем возможности заранее узнать будущее, ибо ежесекундно выковышиваем звенья длинной цепи-жизни, питающейся нашими мыслями, словами и поступками. Но как бы там ни было, мы должны бережно хранить предания о прошлом, ведь только они и могут подсказать, каким станет наше ближайшее будущее, неотделимое от дней ушедших и возникающее как их закономерное продолжение. И только в этом состоит единственная минимальная власть над частицами времени, милостиво подаренная нам богами и природой.

Проходя через одну из площадей, мы с Джайлзом обратили внимание на группку бездельно шляющихся ротозеев, собравшихся вокруг невысокого тощего мальчишки, облаченного в некогда роскошный, а ныне сильно потрепанный парчовый плащ, небрежно залатанный лоскутами из более дешевой ткани.

— Он не имеет ничего общего с членами какой-либо гильдии, — удивилась я, с отнюдь не праздным интересом рассматривая худое, бледное, но поразительно одухотворенное лицо сего совершенно не поддающегося классификации персонажа. — Раньше я никогда не встречала людей, похожих на этого мальчика.

— А чем конкретно он так сильно тебя зацепил? — с любопытством поинтересовался Джайлз, останавливаясь и присоединяясь к небольшой толпе. — Вроде бы человек как человек — ничего особенного.

Но в его глазах уже зажегся неяркий испытующий огонь, вызванный моей наблюдательностью и неуемной жаждой новых знаний.

— Нет, он точно не такой, как все. — Я негодуяюще мотнула головой, выражая протест. — В нем присутствует нечто возвышенное, выбивающееся за рамки обычной повседневной приземленности.

— Для скромной воспитанницы приюта ты проявляешь слишком зрелую проницательность и поразительно тонко чувствуешь людей, — с одобрением проговорил чародей, ласково погладив меня по плечу. — Ты начинаешь вызывать у меня огромное уважение, Йона.

Я смущенно покраснела:

— Так кем же все-таки является этот мальчик?

— Пилигримом и уличным бардом, — коротко пояснил Джайлз, шаря в кармане своей мантии и извлекая серебряную монету достоинством в один риель.¹ — Они не входят официально ни в одну из гильдий, просто свободно скитаются по Лаганахару и самостоятельно зарабатывают себе на хлеб. Пикантная особенность его судьбы заключается в том, что подобных мальчиков обычно кастрируют еще в раннем младенчестве, дабы избежать утраты красивого тонкого голоса.

— Кастрируют? — не поняла я.

— То, что мешает плясать плохому танцору, тем более не поможет хорошему певцу, — с ноткой презрения рассмеялся чародей, бросая монету мальчишке, ловко поймавшему ее прямо в полете. — Присмотрись к нему повнимательнее, и ты поймешь, что на самом деле он далеко не так молод, каким кажется на первый взгляд.

Желая лично удостовериться в правдивости слов мага, я шагнула ближе, остановившись как раз напротив певца. От этих движений мой капюшон немного сдвинулся назад, частично открыв уши и волосы. Я быстро поправила плащ, но мальчишка уже впился бдительным взглядом в неосторожно расскреченные детали моей необычной внешности и потрясенно вскрикнул.

— Эль... — шокированно начал он, но тут его расширенные от возбуждения зрачки в упор встретились с моими сиреневыми глазами.

Певец тут же прикусил язык и замолчал, а я в свою очередь заметила широкие седые пряди, мелькающие среди его белокурых локонов, и паутинку из морщинок, предательски змеящуюся возле глаз. Бродячий певец оказался далеко не мальчишкой, хоть и умело пользовался своей обманчиво юной внешностью.

— Ты... — экзальтированно шептал он, не отводя от меня своего безумного взора. — Ты — Наследница! Я чувствую присутствие могучего крылатого зверя, слышу его рев, вижу оскал острых зубов... И он стоит у тебя за плечом...

— Мальчишка пророчествует! — возмущенно охнул какой-то дюжий мужлан в одежде метельщика.

— Скорее бредит, — ехидно поправил тощий целитель. — Возможно, он обкурился конопля.

— Сумасшедший! — боязливо взвизгнула какая-то женщина. — Гоните его в шею, чтобы он не накликал на нас беду!

¹ **Риель** — денежная единица Лаганахара. Один серебряный риель равен ста медным арани. Десять серебряных риелей составляют один золотой.

— Да-да, гоните! — слаженно подхватила толпа.

— Не смей! — Джайлз повелительно вскинул ладонь, мгновенно оборвав все негодующие вопли. — Разве вы не знаете, что все помешанные особо любимы судьбой, а через их уста пророчат сами боги? Кто посмеет обидеть избранника богов? Не ты ли? — Его палец обличающе указал на трусливо отшатнувшегося крепкого парня, подпоясанного кожаным фартуком мясника. — Или ты? — Он язвительно хмыкнул в сторону визгливой бабы, тут же молчком увильнувшей в сторону.

— Правильно! — донеслось из толпы, зачарованной силой убеждения молодого мага. — Безумец неприкосновенен!

Я восхищенно сглотнула, получив наглядное подтверждение недавнего урока Джайлза, сумевшего подчинить себе толпу.

— Спой нам, пророк! — между тем мягко попросил чародей, обращаясь к замершему певцу. — И не бойся, здесь тебя не тронут.

— Какую песню ты желаешь услышать, заступник? — сипло выдавил еще не оправившийся от испуга певец.

Джайлз едва открыл рот, намереваясь озвучить заказ, как вдруг я ощутила острый укол интуиции и попросила, невежливо перебивая чародея:

— Спой нам то, что подсказывает твое сердце!

Джайлз изумленно хлопнул ресницами, но утвердительно кивнул, поддержав мою просьбу.

— Я сам не помню, когда и от кого узнал эту необычную песню, — негромко пробормотал бродячий бард, вынимая маленькую гитару из привешенной за спиной сумки. — Я не понимаю, о чем в ней говорится, но сейчас мне почему-то хочется спеть именно ее...

Он немного помолчал, а потом плавно тронул струны своего инструмента, рождая непривычную нашему слуху мелодию, нежную и печальную. После вступительных аккордов в музыку гармонично вплелся его голос — звонкий, высокий, но при этом невыразимо плачущий и дрожащий, словно исполняющий гимн утерянной любви. Толпа зачарованно замерла, внимая разливающейся над площадью песне.

Я умоляю — промолчи
О том, что с нами не случилось,
От счастья выбросив ключи,
Я отдаюсь судьбе на милость.

Я не твоя, и ты не мой,
Чужие мы, и в этом горе
Не примет небо нас домой,
Волной холодной смоем море.

Ведь нынче в выборе своем
Мы предпочли пески разлуки,
Остался в сердце ты моем,
А я в твоём, себе на муки.

Меж нами тайны страшной грех,
Что, не сдержавши зова плоти,
Презрели сложности помех,
Соединив сердца в полете.

Так не ропщи в плену оков,
Себя судьбе своей вручи,
Мы много взяли у богов,

От счастья выбросив ключи...

Судя по содержанию и стилю, эта песня должна была исполняться женщиной, а отнюдь не мужчиной и волшебным образом передавала ауру невыносимого горя, постигшего героиню стихов. Я напряженно вслушивалась в куплеты, и мне показалось, будто они предназначены только для меня, но вот, увы, я пока не в состоянии постигнуть глубокий смысл, вложенный в их строчки. Однажды я, уверена, все-таки узнаю имя автора этих стихов и непременно разберусь в тайном смысле печальных слов, очевидно имеющих непосредственное отношение как к моему прошлому, так и к моему будущему. А возможно, я даже сумею помочь в том страшном горе, что причинили неизвестной мне девушке, проникновенно оплакивающей свои безвозвратно ушедшие чувства...

— Приди в себя, Йона! — Чародей бережно тронул меня за плечо, вырывая из плена грез. — Ты явно уловила в этой песне нечто большее, чем мы, сумевшие постичь лишь ее красоту и благозвучность. Но признаю, я никогда не встречал столь талантливого исполнителя и не слышал столь душераздирающих стихов.

— Сьерр певец! — Из толпы выступил толстый важный господин и вежливо поклонился едва замолкшему барду. — Я придворный капельмейстер. Разрешите мне выразить восторг перед вашим талантом и пригласить вас в королевскую театральную труппу. Там вы сможете добиться несказанного успеха, а также получите возможность жить в тепле и сытости до конца своих дней.

Толпа одобрительно зааплодировала, осыпая певца комплиментами и медными арани. Джайлз под шумок оттащил меня в соседний переулок и хитро ухмыльнулся:

— Учись уходить вовремя и не оставлять следов. Кажется, мы обеспечили безоблачное будущее для этого бродячего певца, но теперь нам пора подумать и о себе. Взбодрись, эльф, ибо нас ждут лавка старины Иоганна и Звездная башня!

Обещанная лавка скромно притулилась в узком переулке, аккуратно уместившись между фасадами двух высоких зданий, полностью затмеваящих ее яркостью облицовки и нарочито лезущей в глаза новизной черепичного покрытия крыш. Но ведь хорошее в рекламе не нуждается! А посему умный владелец любой лавки непременно сделает ставку не на кричащий облик своего торгового здания, а на качество продаваемых товаров или ассортимент оказываемых услуг.

Видимо, все это в полной мере распространялось и на предприятие старого Иоганна, потому что под ненавязчиво скромными стенами его лавки всю бурлила жизнь. Входная дверь то и дело хлопала, впуская покупателей или выпуская их обратно, уже нагруженных объемистыми пакетами из плотной бумаги. Пару раз по ступенькам вроде бы ничем не примечательной лавки поднимались разряженные в пух и прах дворяне, сопровождаемые образцово вышколенными слугами. Очевидно, торговля бывшего придворного портного шла просто блестяще.

— Нам сюда! — Джайлз крепко ухватил меня за рукав и потянул за собой, почти силком затаскивая на крыльцо.

Перед самым порогом я сконфузилась до такой степени, что споткнулась и чуть не упала. Мелодично тренькнул привешенный над дверью колокольчик.

Войдя внутрь помещения, я немедленно восхищенно ойкнула и замерла на месте. Ошибочно представившееся небольшим снаружи, здание на самом деле оказалось обширным и светлым, а его стены были заняты придвинутыми друг к другу стеклянными витринами, заполненными одеяниями всех гильдий. Я медленно шла вдоль вешалок с одеждой, с безмолвным восторгом подмечая и безупречное качество тканей, и совершенство покроя, и ровность мелких стежков. Из-за стеллажа высунулась гладко причесанная голова молодого рыжеволосого мужчины.

— Чего пожелает юная сьеррина? — Он окинул меня оценивающим взглядом, словно снял мерку и одновременно с этим прикинул толщину кошелька потенциальной покупательницы, хотя у меня, к моему огромному стыду, даже одного арани сроду не

водилось. — Плащ земледела или рубаху метельщика?

— Вот так, значит, ты встречаешь дорогих гостей, Милн? — насмешливо пожурил Джайлз, привалившийся к витрине с бархатными мантиями и спокойно сложивший на груди изящно скрещенные руки. — И куда, скажи на милость, подевались твои хорошие манеры?

— Здравствуйте, уважаемый и высокочтимый сьерр чародей! — Нимало не смущенный полученным упреком, Милн ужом вывернулся из-за прилавка и почтительно склонился до пола, приветствуя молодого мага. — Мы уже давно не имели удовольствия видеть вас в нашей бедной лавке! Что изволите заказать на сей раз: шелк для занавесей, парчу для парадных облачений, муар для подкладок церемониальных плащей?

— Ах ты, пройдоха, еще и приbedняться вздумал! — весело хохотнул чародей, проказливо щелкая приказчика по носу. — Тебя ничем не смутишь! Ты ведь даже мертвецу умудришься продать запасной саван!

— На чем и стоим! — С наигранной скромностью Милн горделиво развел свои плоские, будто лопаты, ладони, продолжая искоса меня разглядывать.

На его конопатом широкоскулом лице проступило заинтригованное выражение, буквально вслух вопрошающее: «А при чем тут эта замарашка?»

— Вот сейчас мы и проверим, так ли ты хорош в угождении клиентам, как утверждают заядлые модники нашей столицы! — Расшалившийся Джайлз подпихнул меня вперед, выставляя напоказ всю мою сомнительную красу. — Мне требуется полностью преобразить вот эту приехавшую из провинции девушку, причем так, чтобы она выглядела по меньшей мере любимой королевской дочкой, а еще лучше — самой королевой!

Глаза Милна обалдело сошлись к переносице, а я протестующе пискнула и попыталась юркнуть под прилавок.

— Куда? А ну стой, проказница! — Джайлз с хохотом выволок меня наружу и, явно бравируя своими непринужденными манерами, сдернул укрывающий мою фигуру плащ, с треском разорвав изношенную ткань.

В воздух взвилось небольшое облачко пыли. Приказчик кашлянул, чихнул и потрясенно вылупил свои грозящие выкатиться из орбит глаза, разглядев мои миндалевидные очи, буйные локоны и остроконечные уши.

— Эльф! — шокированно проблеял он. — Так это же самый настоящий эльф, забери меня Тьма!

— А ты кого ожидал увидеть? — всюю иронизировал Джайлз, неприкрыто наслаждающийся разворачивающимся перед ним зрелищем. — Песчаную стоножку или бурую крысокошку?

Но вместо ответа Милн вдруг еще резче свел к носу свои до предела распахнутые глаза и неловко отступил назад, с размаху плюхаясь на ягодицы да вдобавок хрипло голоса во все горло:

— Прадедушка, скорее иди сюда, нам срочно требуется твоя помощь!

Джайлз довольно прищелкнул языком и выразительно похлопал меня по плечу, намекая: «Смотри, что сейчас произойдет!» Я послушно уставилась туда, куда указывал его наставительно оттопыренный палец.

Расположенная напротив нас стена, очевидно скрывающая потайную дверь, бесшумно раздвинулась, пропуская в комнату невысокого, сгорбленного, седого как лунь старичка. В правой руке он сжимал лоскут редчайшего в наших краях серебристого шелка, производимого Полуденными эльфами, а в левой — иголку с вдетой в нее серебряной ниткой. Подслеповато прищуренные глаза нового участника разыгрывающейся в лавке трагикомедии добродушно взирали на мир через толстые линзы эльфийских очков, делая их хозяина похожим скорее на волшебника из детской сказки, чем на портного.

— И не нужно так громко кричать, — скрипуче проворчал старичок, приветливо мне улыбаясь. — Я, может, и слепой, но пока еще не глухой и отнюдь не дурак. Добро пожаловать в Блентайр, сьеррина Наследница.

— Как вы меня называли? — робко пролепетала я, шарахаясь от странного старика и

попадая в заботливые объятия Джайлза.

Чародей ласково прижал меня к своей груди, словно младшую, нуждающуюся в защите сестренку, и успокаивающе погладил по волосам:

— Не волнуйся, малышка, ты находишься среди друзей!

Старик согласно хмыкнул.

— Здравствуй, Джайлз, — с нескрываемой симпатией произнес он, пожимая ладонь молодого мага. — Какой замечательный подарок ты привел ко мне сегодня! А я уж начал бояться, что не доживу до этого знаменательного дня.

— Почему? — брякнула я, совершенно растерявшаяся и сбитая с толку.

— На прошлой неделе прадедушке Иоганну исполнилось сто шестьдесят семь лет! — внушительно пояснил Милн. — Он самый знаменитый долгожитель Лаганахара!

— Ого! — промямила я, так и не сумев подобрать нужных слов.

— Но я все же неспособен прожить целое тысячелетие, в отличие от некоторых, — неожиданно выдал портной, резво шуруя иголкой и не глядя на меня.

— Это вы о ком говорите? — не поняла я.

— О тебе, наша уважаемая Наследница! — проказливо хихикнул Иоганн.

— Ой, нет, — слабо простонала я, чувствуя, что пол внезапно поплыл куда-то вбок, уходя у меня из-под ног. — Мамочки, мне страшно...

Свет в глазах померк, и я почувствовала, как мое сознание начинает проваливаться в глухую, холодную черноту...

Отдаленный гул голосов болезненно впился в мозг, мешая наслаждаться тишиной и покоем. Я возмущенно поморщилась и еще сильнее зажмурилась, мечтая лишь об одном: поспать подольше, прежде чем нас опять загонят на эти треклятые капустные грядки, буквально усеянные омерзительно мохнатыми желтыми гусеницами. Но когда я жаловалась, что боюсь их пуще смерти, брат Флавиан лишь неодобрительно качал головой и выдавал длинные сентенции о неоспоримой пользе физического труда, облагораживающего наши души и укрепляющего тела.

— А ты уверен в том, что эта малышка и есть долгожданная Наследница? — взволнованно спросил чей-то красивый, смутно знакомый мне баритон.

— Твой скептицизм вполне обоснован, мальчик, — со старческим дребезжанием отозвался его собеседник. — Но ты ведь сам знаешь не хуже меня, что ее избранность можно проверить.

Я раздраженно нахмурилась, недовольная своим на редкость неинтересным сном, но надоедливые голоса не умолкали.

— Возможно, уже стало слишком поздно и процесс наступления Пустоши принял необратимый характер?

— Глупости, — протестующе усмехнулся старик. — Поздно бывает лишь в том случае, если ты сдался и опустил руки.

— Я согласен с тобой, Иоганн. — Более молодой участник диалога испустил громкий вздох облегчения. — А то, что я успел понять о Йоне в течение этого длинного дня, говорит о многом.

— И все же ты по-прежнему сомневаешься в ней, — ехидно поддел старый портной.

— Сомневаюсь, — немного виновато подтвердил чародей. — Пребывание в Звездной башне учит не доверять никому, даже собственной тени.

— Тогда давай разбудим нашу малышку эльфийку и... — предложил Иоганн, но не успел закончить фразу, прерванный моим недовольным ворчанием.

— Я уже не сплю, — сварливо сообщила я, очень неохотно смиряясь с мыслью о том, что все приключившееся со мной сегодня оказалось отнюдь не гадким сном, а сущей правдой. — Поспишь тут, как же.

Я подняла ресницы и встретила с устремленным на меня чародейским взглядом, так и горящим мрачным ожиданием чего-то важного и пугающего одновременно. Обнаружив, что лежу на кипе свернутых в рулончики плащей, я встала и сладко потянулась, чувствуя себя

намного лучше, ибо даже столь короткий сон значительно меня освежил, вернув гибкость мышцам и устранив нудный звон в голове.

— Извольте объяснить, уважаемые сьерры, к чему ведут все эти ваши туманные разговоры о Наследнице и наступлении Пустоши? — попросила я, учтивым наклоном головы благодаря Милна, поднесшего мне стакан яблочного компота.

— Йона, а ты никогда не задумывалась о том, что твоими родителями могли быть Полуночные эльфы, по крайней мере, хотя бы по одной линии родства? — В голосе старого Иоганна звучали нотки непоколебимой уверенности в собственной правоте.

— Эльфы никогда не бросают своих детей, — жестко отчеканила я. — Ведь рождение ребенка — чрезвычайно редкое событие и желанный праздник для всего клана бессмертных.

— Она права, — компетентно подтвердил Джайлз. — К тому же эльфы крылаты, а не горбаты.

— И кто из нас здесь слепой? — язвительно усмехнулся портной, резко шагнул ко мне и ножницами, зажатыми в ладони, стремительно располосовал мою рубашку, обнажив спину.

— Великий Шарро! — восхищенно ахнул чародей, протирая свои глаза, словно он пытался отделаться от неправдоподобного наваждения. — Это иллюзия или обман зрения?

— Они настоящие, — сообщил Иоганн, бережно прикасаясь к одному из моих крыльев и расправляя его нежные складки. — Полагаю, что подобной, совершенно несвойственной людям, частью тела может обладать лишь единокровная дочь Полуночных!

— Но я совсем не умею летать! — плачуще пожаловалась я, бессильно хлопая раскинутыми крыльями. Я даже подпрыгнула, стремясь подчеркнуть свои слова, но, естественно, тут же опустилась обратно. — У меня никогда еще не получалось взлететь хоть на пядь над землей.

— Экая ты торопыга! — ласково пожурил старый портной, любуясь моими раскрытыми крыльями, отливающими всеми оттенками серебряного и золотого цветов. — Скажи, а кто из нас обладает законным правом хвалиться, будто уже научился глубоко дышать, уверенно ходить и правильно жить? — Вопрос прозвучал риторически. — Помни: на познание себя порой уходят годы и десятилетия, а на овладение своими способностями — и того больший срок.

— Крылья эльфов имели черный цвет, — поспешно вставил Джайлз, едва справившийся с постигшим его потрясением. — А их души были...

— Тсс! — торопливо вскричал Иоганн, намеренно помешав чародею, очевидно чуть не сболтнувшему лишнее. — И теперь ты опасаясь, не наделена ли наша малышка черной душой в противовес своим сказочно красивым серебряным крыльям? Ха, ты сам-то веришь, что Йона плохая?

Джайлз громко сглотнул, бессильно пожимая плечами:

— Сие ведомо лишь богу Шарро. Ведь недаром сказано в пророчестве, высеченном на стене Немеркнувшего Купола:

Те, кто ушел, и те, кто тут,
Ее Наследницей зовут,
Она прощеньем наградит
И расы вновь соединит.

Из ниоткуда в никуда
Пройдет она через года
И вспять пустыню повернет,
Злых чародеев — изведет.

Он удрученно помолчал и добавил чуть слышно, словно извиняясь:

— Я ничего не имею против тебя, малышка, но я тоже чародей и не хочу умирать. И

еще, мы — не злые...

— Забери вас Тьма! — гневно выругалась я, обиженно молотя сжатыми в кулаки руками по широкой груди этого горе-предсказателя. — Ну с чего, с чего вы вдруг решили, будто я и есть та самая Наследница-убийца?

Чародей бережно поймал меня за запястья и виновато вздохнул, однако вовсе не торопясь приводить какие-либо аргументы в пользу своей версии.

— Оставь девочку в покое, Джайлз. Невозможно бежать впереди завтрашнего дня. Она либо до всего докопается сама, либо смирится и отступит, — саркастично хмыкнув, повелительно приказал старый Иоганн, заговорщицки подмигивая всерьез опечаленному чародею. — Ты привел ее сюда не ради чтения нотаций или запугивания, а с целью выбора наряда, подходящего для посещения Звездной башни. Так порадуй же малышку, найди ей самое прелестное платье.

— Пусть она выберет его сама, — добродушно улыбаясь, предложил маг, замечая, что я тут же встрепенулась и так жадно облизнула губы, словно собиралась попробовать на вкус все имеющиеся в лавке ткани, пуговицы и ленты. — Процесс примерки нарядов всегда является для женщин чем-то особенным, отнюдь не той обыденностью, каковой считаем выбор одежды мы, мужчины. Думаю, она наделена врожденным чувством вкуса.

— Каждая баба мечтает хоть раз в жизни сходить с авоськой не в продуктовую лавку, а в ювелирную! — угодливо заржал Милн.

Я ответила ему широкой улыбкой, однозначно подтвердившей правоту актуального изречения.

— Выбирай себе платье, дитя! — Портной широким щедрым жестом обвел стены, находящиеся позади него. — Разрешаю — забирай любое.

Я восторженно завизжала, потому что только сейчас поняла: потайная комната старого Иоганна служит хранилищем для самых лучших его произведений, достойных укрывать плечи прекрасных королей и обвивать стройный стан первых принцесс двора, ибо другой такой коллекции нарядов не сыскать в целом мире. Развешанные по стенам одеяния, скроенные из редчайших тканей и отделанные бесценными мехами, выглядели подлинными произведениями искусства, радуя глаз, но почему-то совершенно не грея мое сердце. Я медленно шла вдоль ряда чудных нарядов, придирчиво их перебирая и даже мысленно примеряя на себя, но при том совершенно четко понимала — все это не мое и сшито не для меня.

Внезапно, дойдя до самого темного угла комнаты, я увидела простой дерюжный мешок, небрежно брошенный на пол и перевязанный суровой пеньковой веревкой. Ни с того ни с сего моя душа вдруг буквально ушла в пятки... Я замерла от непонятно откуда взявшегося ужаса и вместе с тем чуть не взмыла в небо, затрепетав от всепоглощающего ощущения радости, вызванного интуитивным узнаванием энергии, исходящей от загадочного мешка. Похоже, в нем лежит нечто важное, связанное со мной незримыми узами самой судьбы. Нечто, уже очень давно ждущее именно меня, и только меня.

— Что это? — прошептала я онемевшими от волнения губами, вопрошающе указывая пальцем на мешок.

— Тряпье! — небрежно бросил Иоганн, но, к своему огромному удивлению, я заметила, как побледнело его лицо, а близорукие глаза затравленно забегали, выдавая овладевший им страх.

Сердце мое екнуло, ибо я убедилась: этот мешок скрывает какую-то страшную тайну или, еще того хуже, чье-то неискупленное преступление.

— Я хочу его! — ультимативно заявила я, требовательно дергая завязку мешка, представляющую собой скорее не веревку, а целый клубок из узелков, нанизанных один на другой.

Джайлз свистяще выдохнул сквозь неплотно сжатые зубы, на его лбу выступила испарина.

— Ты хорошо подумала, девочка? — с сомнением переспросил старый портной, нервно

теребя лоскут шелка. — Единожды выбрав оную вещь для себя, ты уже никогда не сможешь отказаться от нее, выбросить, продать, подарить или же как-то иначе избавиться от сего одеяния. Она принесет тебе множество несчастий и полностью изменит всю твою последующую жизнь. Она является настоящей квинтэссенцией горя и страданий, она...

— Я знаю! — нетерпеливо перебила я, почему-то мгновенно поверив в предупреждение Иоганна. — Я согласна!

И как только я произнесла эти слова, стягивающая дерюгу веревка, до сего мгновения ни в какую не поддававшаяся моим усилиям, неожиданно спала сама собой, а мешок распахнулся. Я осторожно перевернула его вниз раструбом и вытряхнула к себе на колени нечто непонятное, тяжелое и тускло поблескивающее, кажется, шелковое. Ткань податливо потекла по моим ногам, упала на пол, развернулась и превратилась в мужской костюм, расшитый неповторимо сложными, витиевато переплетенными узорами из черных нитей.

— Это оно, — растерянно простонал Джайлз, пугливо вздрагивая и отстраняясь от наряда так поспешно, словно тот оказался кожей, сброшенной смертельно ядовитой змеей. — Я узнал его, ибо оно досконально описано в запретных свитках, хранимых нашей гильдией!

— Оно?! — Я вопросительно выгнула бровь.

— Одеяние короля Арцисса — повелителя клана Полуночных эльфов, которое было на нем в момент ранения и последующей гибели! — торжественно провозгласил Иоганн, молитвенно воздевая к потолку свои морщинистые длани. — Йона, драгоценная наша девочка, сегодня собственность твоих предков сама пришла к тебе в руки, признав в тебе законную Наследницу расы Перворожденных!

— ...наше прошлое похоже на несмываемое позорное пятно, на клеймо, запятнавшее людские души! — неторопливо рассказывал старый Иоганн, поддерживаемый редкими, но непреклонными кивками молодого чародея. — Окружающий мир является не чем иным, как зеркалом, отображающим наши поступки и слова. — Он придушенно закашлялся и, деликатно отвернувшись, выплюнул сгусток зеленоватой мокроты в платок, подставленный ему Милном. — Если мы приходим в этот мир с добром, то рано или поздно приучаемся жить в гармонии и согласии с другими живыми существами, а если несем ему лишь зло, то стоит ли удивляться постигающему нас несчастью? Поэтому Пустошь ниспослана как наказание за совершенные преступления, за трагическую участь всех убиенных и изгнанных нами эльфов...

— Ты здорово рискуешь, — мрачно предостерег чародей. — Если гильдия узнает о проявленной тобой откровенности, ты имеешь шанс угодить в храмовый котел.

— Плевать! — отважно хихикнул Иоганн. — Если им так хочется меня сожрать, пусть валяют, авось да подавятся моими старыми костями. Я и так молчал слишком долго, трусливо притворяясь, будто не замечаю всей этой черной несправедливости, сотворенной с эльфами. Пришел мой час, теперь я должен говорить. Пускай моя откровенность вредна для гильдии Чародеев, я уверен — нет ничего плохого в том, чтобы иногда делать что-то хорошее.

— Но в Книге Преданий, — изумленно перебила я, — говорится совсем иное: несправедливость творили эльфы. Они не захотели делить с нами Блентайр, ибо люди забирали их пищу и пили их воду. Тогда они развязали страшную войну, проиграли ее и напоследок прокляли свой бывший, оставленный победителям, город, спасаясь бегством.

— Вранье! — уверенно заявил старый портной. — Сплошные ложь и обман, придуманные королем Джоэлом Гордым, дедом нашего нынешнего правителя Вильяма. Выгодные королям байки, поддержанные и приукрашенные продажными чародеями из Звездной башни. Войну начали отнюдь не эльфы, а люди.

— Но зачем? — Я потрясенно расширила глаза. — Выступать против бессмертных Перворожденных — это же настоящее самоубийство, сущее безумие и грех!

— Бессмертные-то бессмертные, — криво ухмыльнулся Джайлз, — да вот только даже

они оказались уязвимы для стрел и копий, а также совершенно беспомощны против клинков из хорошо закаленной стали. В этом смысле эльфы ничуть не отличаются от любого смертного человека.

— Всею виной любовь, — бывший придворный портной сокрушенно затряс остатками своих седых волос, — и прекрасная женщина конечно же. Запомни, дорогая, большая часть происходящих в нашем мире войн ведется ради покорения женщин и захвата власти. А в ментальном плане мужчины устроены так противоречиво, что им гораздо легче умереть за свою любимую, чем жить вместе с ней.

— Эврелика! — мечтательно вздохнул Джайлз. — Ее имя пропитано запахом луговых трав, оно напоено свежестью ночного неба, промытого едва отгремевшей грозой. Эврелика! Сколько боли и страданий принесла она людям и эльфам, став олицетворением и любви, и смерти.

Измученно приоткрыв рот, я безмолвно внимала вдохновенным излияниям чародея, буквально застигнутая врасплох этой спонтанной поэтичностью, так и рвущейся из глубины его души. Вот уж и не подумала бы, что этот смешливый маг способен на подобную лиричность.

— Эврелика? — переспросила я. — Никогда не встречала этого имени, оно не упоминается в Книге Преданий.

— Ну еще бы! — тонко улыбнулся Иоганн, внимательно прислушивающийся к восторженным репликам чародея. — Имя последней Повелительницы мантикор настолько тщательно стирали из всех наших летописей, что теперь мало кто вспомнит о ее существовании. А между тем она ведь не погибла в той финальной битве у Аррандейского моста, а просто ушла вместе с остатками разгромленного войска Полуночных, унесших с собой тело мертвого Арцисса. И лишь ее слезы...

— Мы ищем их до сих пор! — экзальтированно воскликнул чародей, так припадочно задержавшийся при последних словах Иоганна, словно страдал неизлечимой эпилепсией. — Хотя, признаюсь откровенно, мы уже и сами не верим в их реальность. Возможно ли, чтобы двухвековая быль превратилась в сказку, призванную зачаровывать доверчивых простаков?

— Да полно тебе переживать попусту, все это — чистейшая истина! — негодуяще отмахнулся старик. — Мой отец самолично участвовал в том бою и собственными глазами видел Полуночных эльфов, а потом неоднократно рассказывал мне обо всем произошедшем. Эврелика и вправду плакала над телом своего скончавшегося возлюбленного, причем ее слезы тут же превращались в сияющие жемчужины, позднее собранные Сильваной.

— Судьба Сильваны окутана покровом тайны. Предположительно, она умерла много лет назад, унеся с собой в могилу секрет нынешнего местонахождения слез, — сухо парировал Джайлз. — Забери ее за это Тьма, ведь мы так и не смогли найти не то что слезы Эврелики, но даже место погребения самой чародейки!

— Хватит! — замученно взвыла я, затыкая уши указательными пальцами обеих рук и замороченно мотая головой. — Хватит с меня ваших сумасбродных историй. Я уже окончательно запуталась и ничего не понимаю.

— Поймешь, — многозначительно пообещал Иоганн. — Прикоснись к одеянию Арцисса и тогда...

Но, даже не дослушав его инструкции, я, буквально изнемогая от жгучего любопытства, резко наклонилась вперед и положила обе ладони на извлеченную из мешка одежду. В следующий миг моя голова чуть не взорвалась от обилия посторонних звуков, запахов и видений, мощной лавиной ворвавшихся в воспаленный мозг, одним мощным рывком погрузившийся в поток времени и стремительно перенесшийся в прошлое на многие десятилетия назад...

ГЛАВА 6

Король Полуночного клана Арцисс сидел на поджаром вороном коне, своим высоким

стройным телом согревая прочное седло из черного дуба, которое два года назад собственноручно вырезал для него бывший друг — король людей Джоэл, носящий прозвище Гордый.

Арцисс смотрел на юг. На эти серые с серебром песчаные тучи, плотным строем шедшие по сумрачному лаганахарскому небу. Сгущающуюся над его головой темноту сопровождал странный гул, смутно похожий на чей-то голос, то неразборчиво выпевающий или, скорее, выкрикивающий некую воинственную, пафосно-бравурную мелодию, то гортанно лепечущий нежные, слабые звуки, напоминающие куплеты колыбельной песни.

Эльф еще никогда не видел и не слышал ничего подобного. Громоздясь в вышине, тучи закрывали собой всю обозримую линию небосклона, образуя непрерывную волнистую цепь. И они вовсе не были дождевыми или снеговыми. О нет, они имели именно этот необычный цвет — серый с серебром, схожий с цветом пепла погребального костра. Арцисс недоуменно нахмурился: «По ком горят такие костры?» Но ответа он не знал...

Грохочущий грозовой фронт казался темным, как погреб в полночь. В абсолютной черноте, где-то в глубине небесного провала, разрывая тучи на части, сверкали ветвистые фиолетовые молнии. Воздух стал густым... Густым от запахов пыли и грязи, сухих прелых листьев и так и не пролившегося дождя. Наступила весна, но, увы, посевы ржи и пшеницы не взошли. Ни один росток не решился пробиться сквозь мертвую землю, залитую кровью и опустошенную губительной, братоубийственной войной. Арцисс скорбно поерзал в седле, вспоминая недавние беззаботные времена. Тогда они с Джоэлом еще не были врагами, тогда они назывались братьями...

А тучи все плыли и плыли по небу, пугая и вместе с тем завораживая своей страшной, противоестественной красотой. Они казались серыми, словно дым от лесного пожара, хотя дым от пожара никогда не поднимался так высоко в небо. А что это за серебряные сгустки? Они настойчиво выпирали между серостью, как начищенная сталь — сквозь покрывший ее нагар. И от них веяло чуждой, непонятной, неодолимой магией.

Внимательно оглядев выбранный им пригорок, эльф сердито поскреб свой небритый щетинистый подбородок, схожий с природным ландшафтом. Короля окружали редкие прогалины, стыдливо просвечивающие между холмиками едва начавшего таять снега, редкие клочки травы и одиночные чахлые кусты. Деревьев тут уже не осталось, потому как они высохли все до единого, не сумев пережить минувшую морозную зиму. А относительно травы... Что ж, трава тоже оставалась прошлогодней. Из свежей не взошло ни травинки.

Арцисса ошарашил первый удар грома, интуитивно им ожидаемый, но все-таки слишком внезапный. Чистый, резкий, словно невероятного масштаба удар металла о металл. От грома задребезжали бляхи на упряжи его коня, мелко затряслись жалкие кустики, заломило судорожно сжатые челюсти — казалось, звук пронизал эльфа до самых костей. Король нервно дернул удила, вынуждая верного скакуна сделать несколько коротких шагов. Этот громовой удар раскатился где-то совсем близко, возможно, над крышами Блентайра, прекрасной столицы королевства. Арциссу немедленно захотелось поехать туда, чтобы проверить возможный ущерб. Удар молнии может убить человека или прогнать с земель, спалив его дом. Здесь, в Лаганахаре, очень многое может заменить трут — сухая трава, дранка и даже семена. Но тучи были еще далеко, а значит, молния не могла ударить в его владения. Серые и серебряные тучи накатывались и кипели, беспрестанно подпитывая и пожирая друг друга. Чего они хотели? Но он не знал ответа и на этот вопрос...

Король закрыл глаза, успокаиваясь, и глубоко вдохнул, пытаясь выровнять учатившийся пульс. Неужели ему показалось? Неужели он съезжает с катушек, как постоянно пророчит эта безумная кликуша Сильвана? Король с заметным усилием вновь овладел своими эмоциями и открыл глаза.

И вдруг треклятые тучи оказались рядом, прямо над его головой. Все это выглядело так, будто они неожиданно подкатились вперед, решив нанести стремительный удар именно сейчас, пока он отвел взгляд. Теперь они безраздельно господствовали в небе, уносясь вдаль во всех направлениях, массивные и подавляющие. Эльф почти физически чувствовал, как их

вес сдавливает окружающую атмосферу. Он с отвращением вдохнул неожиданно тяжелый от влаги воздух, а на его лбу выступил пот ужаса и удушья.

Облака вспенивались, насыщенно-серые и серебристые тучи сотрясались от белых, идущих изнутри вспышек. Внезапно тучи закипели и хлынули вниз прямо на него, словно воронка смерча. Он вскрикнул и поднял руку, будто пытаясь заслониться от невыносимо яркого света. Эта чернота... Эта бесконечная, удушающая чернота и смерть. Она поглотит его — он это подозревал...

Но неожиданно тучи исчезли.

Арцисс жалобно застонал, пальцами потирая невыносимо гудящие виски. Эльф не заметил, как выпустил удила, позволяя скакуну идти куда он сам пожелает. Король медлил с принятием решения, глядя в чистое синее небо и осознавая, что испугался пустоты. Тучи снова собрались на горизонте, но теперь уже довольно далеко, лигах в сорока отсюда. Они тихонько громыхали, как бы напоминая — мы здесь, мы еще вернемся. О чем они предупреждали? Но Арцисс не находил ответа и на этот вопрос...

Расстроенный, он трясущейся рукой подобрал поводья и внезапно обнаружил, что его сильная кисть, загоревшая за годы, проведенные под лучами Сола, покрылась сеткой старческих морщин. А ведь их не было еще каких-то пару-тройку дней назад... Морщины на руке вечно молодого, бессмертного Перворожденного?.. Что за глупость?!

«Это тебе показалось, Арцисс, — ободряюще сказал он себе, не желая поверить в очевидное. — Просто померещилось по причине усталости, недосыпания и волнений. Ты медленно съезжаешь с катушек, выражаясь словами Сильваны, это ясно как день. О, прекрасная чародейка, предательница, отрекшаяся от влюбленного в тебя Адсхорна, безумная пророчица, желаю тебе страшной смерти и вечного проклятия!..»

Шум, донесшийся до уха Арцисса, резко вырвал его из плена горестных размышлений, грубо возвращая обратно на безжизненную землю. Мимо холма тащился тяжело груженный фургон, запряженный парой изрядно отощавших волов. Король мгновенно узнал и этот зеленый полотняный верх нехитрой фуры, и сильно полинялый герб, красующийся на боку фургона, принадлежащего Туррану, лучшему кузнецу королевства. Очевидно, на сей раз во вместительном фургоне ехала вся его семья, забрав с собой все, что можно было вывезти со двора. Судя по всему, они переезжают. Но куда? Может, к родственникам? Арцисс с Турраном давненько не садились за партию в камни, уже... Да, уже целых девять недель... В последние месяцы выдалось не слишком-то много свободного времени, чтобы ходить в гости, — ведь пришла весна, и нужно сеять. Кому-то понадобится чинить плуги и точить косы... Кто же займется всеми этими наиважнейшими делами, если кузница Туррана опустеет?

Пока Турран пристраивал фургон рядом с холмом, король снял шлем и постарался придать своему лицу предельно беззаботное выражение, при этом прекрасно осознавая, что его улыбка смахивает скорее на оскал, а ввалившиеся от недосыпания глаза горят черным траурным огнем. Худощавый, белокожий и пепельноволосый кузнец передал поводья сидящей на козлах дочери и спрыгнул с фургона, подняв облако пыли, когда ноги коснулись мертвой земли. А за спиной по-прежнему зрела далекая гроза...

Кузнец низко уважительно поклонился, а затем подошел ближе к своему королю и закадычному другу детства. Он выглядел растерянным. Арцисс собрался было поприветствовать Туррана, но тот заговорил первым, грубо нарушая этикет.

— Я закопал мою лучшую наковальню на грядке, там, где Галализель когда-то выращивала клубнику, — извиняющимся тоном промямлил высокий кузнец. — Ты ведь помнишь, где это? Там же я спрятал и мои лучшие инструменты. Не хочу нагружать волов подобной тяжестью, они и так едва ноги таскают от голодухи... Инструменты обильно смазаны сурковым салом и лежат в моем дубовом сундуке. Я перевязал его куском шелка, чтобы дерево не промокло. Это на какое-то время должно уберечь инвентарь от ржавчины.

Король с усилием закрыл непроизвольно раскрывшийся рот, чуть не прикусив себе язык. Уж если кузнец спрятал свою любимую наковальню... Это значит, что в ближайшее

время он возвращаться не собирается.

— Дружище, что...

— Если я не вернусь, — Турран отвернулся, посмотрев на тучи, — ты откопаешь мои вещи и проследишь, чтобы о них позаботились? Продай их, Арцисс, или подари кому-нибудь, кто разбирается в деле. Я не хочу, чтобы кто ни попадя бил по моей певучей наковальне. Ты ведь знаешь, я собирал эти инструменты почти двадцать лет.

— Турран... — не веря собственным ушам, пробормотал король. — Куда ты собрался?

Кузнец вновь повернулся к нему, положив руку на лук драгоценного седла. Взгляд его серых глаз стал предельно серьезным, впившись прямо в изумрудно-зеленые глаза короля.

— Надвигается буря, — пояснил он. — Так что я решил — надо ехать на северо-восток, к морю, моей родной стихии...

— Буря? — наигранно удивился король. — Ты имеешь в виду вон ту, что маячит на горизонте? Верно, друг, она выглядит плохо. Да забери меня Тьма, она выглядит просто ужасно! Но какой смысл от нее бежать? Мы и раньше видели страшные бури.

— Видели, но не такую, сьерр, — печально вздохнул кузнец. — Эта буря не из тех, которые можно пересидеть, ибо в нее вплетена древняя магия.

— Это ты о чем говоришь, Турран? — не понял, а вернее, не захотел понять Арцисс.

Прежде чем тот успел ответить, его из фургона окликнула Галалиэль:

— Ты напомнил его величеству про котлы?

— Ах да, я едва не забыл, — чуть улыбнулся Турран, снисходя до малозначительных женских хлопот. — Моя жена до блеска начистила те луженные медью котлы, которые так нравятся твоему важному придворному повару. Если он все-таки захочет их забрать, то запомни — они стоят на кухне на столе. — Произнеся это, Турран прощально кивнул Арциссу и побрел обратно к фургону, сгорбившись и тяжело припадая на правую ногу.

Король сидел в каком-то оцепенении. Его друг Турран всегда славился непреклонной прямолинейностью: он никогда не обременял себя подбором более мягких, щадящих собеседника слов, предпочитая в лоб высказать все то, что накипело у него на душе, а потом хладнокровно пойти дальше. Это стало, пожалуй, главным качеством из всех тех, что нравились в нем королю. Но сегодня кузнец превзошел самого себя, ведь он только что напролом промчался сквозь разговор, уподобившись валуну, летящему сквозь отару овец, распугивая их. И королю внезапно стало страшно, жутко страшно.

Уже дойдя до фургона, кузнец вдруг обернулся и надрывно закричал умоляющим голосом:

— Уходи отсюда, друг! И забирай с собой весь свой двор, ибо там тебе понадобится каждый. Каждый! Потому что проклятые салладэ¹ идут на нас... — Он заботливо посмотрел на своего короля: — Запомни, они не остановятся, ибо им нужны наш Блентайр, наша Эврелика и наша кровь.

Арцисс обескураженно моргнул. Он уже перестал задавать себе безответные вопросы, но никак не мог прогнать их из головы. Они сбились в его мозгу, как глупое стадо, пытающееся гуртом прорваться наружу через единственные ворота, — топчущее и давящее тех, кто рядом.

— Бери с собой весь скот, друг мой, — убедительно добавил Турран. — В случае крайней нужды вы его съедите — ты сам или твои приближенные. И еще тебе понадобится молоко для детей. А если нет, то ты встретишь людей, у которых можно что-то выменять на говядину или баранину. Еды будет мало — все портится, а зимние запасы истощаются. Бери все, что есть. Сушеные бобы, овес, мед и фрукты — все.

Король бессильно покачнулся и оперся о шею коня. Он чувствовал себя слабым и разбитым. Наконец он выдал из себя единственный вопрос:

— Зачем и за что нам все это?

Турран помедлил, затем опять отошел от фургона и задушевно погладил шагреневый

¹ Салладэ — презрительное, бранное слово, на эльфийском языке обозначающее «мерзкие людишки».

сапог своего повелителя, поставленный в золотое стремя.

— Прости меня за то, что наша последняя встреча произошла так внезапно. Я... Ты же помнишь, Арцисс, как у меня обстоят дела с разговорами. Я не понимаю, что это за буря, но мне известно, что она означает. Я никогда не брал в руки меча, но моему отцу довелось сражаться в Лиднейских болотах, а еще — за мрамор из Дурбана, использованный при строительстве Блентайра. Но я все-таки унаследовал от него кое-что нужное, а именно — безошибочное предчувствие приближающейся беды, и потому утверждаю: эта буря означает, что наступает наш конец. Когда она явится, мы должны быть уже там, в безопасном месте, подальше отсюда.

Но вместо ответа король лишь болезненно вскрикнул и схватил кузнеца за плечо:

— Друг, что ты делаешь, ты меня предаешь?

Турран мягко толкнул его руку и отвернулся:

— Мы отправляемся на северо-восток. Грядет буря, и нам нужно ехать к морю...

— Ты собираешься сбежать на север из-за какой-то бури? Но это же сущее безумие!

Турран смотрел на него с жалостью и восхищением, впечатленный воистину королевским упрямством своего друга. А вдаль снова загрохотал гром.

«Кузнец прав, — скорбно размышлял Арцисс. — Посевы... небо... еда портится без видимой на то причины». Уже до разговора с Турраном король осознал всю безнадежность и шаткость их нынешнего положения. Глубоко внутри своей израненной, раздираемой противоречивыми предчувствиями души он знал, что эта буря не пронесется над его головой и не исчезнет просто так. С ней придется сражаться. Что ж, он готов к битве! Он не отступит даже в том случае, если ему предстоит в ней погибнуть!

А голос темноты ликующе взвыл, будто подслушав эти невысказанные мысли, и тотчас же рассыпался мелким, злорадным хохотом...

Я сделала несколько судорожных движений руками, словно пловец, пытающийся всплыть на поверхность засосавшего его водоворота, и пришла в себя. Откинула со лба мокрую от испарины прядь волос и сердито посмотрела на Джайлза, ведь это он всего лишь миг назад интенсивно шлепал меня по щекам, заставляя оторваться от сознания короля Арцисса! И, следовало признать, усилия молодого чародея увенчались абсолютным успехом. Но Тьма его забирай, ведь он вытащил меня из прошлого, выдернул из чужого сознания на самом интересном месте моего волшебного видения!

— Безобразие, — обвиняюще пробурчала я, сверля мага раздраженным взглядом. — Вот уж точно: сам не ам и другим не дам.

— Прости меня, Йона, — вздохнул затаптал чародей, пытаюсь хоть немного загладить свою вину. — Но я до смерти за тебя испугался, ведь ты лежала без движения и почти не дышала, бледная как полотно!

— Она просто впала в транс, — наставительно пояснил Иоганн, заботливо прощупывая мой пульс. — Но, кажется, теперь она пришла в норму. Малышка, тебя не тошнит, голова не кружится?

Я отрицательно помотала локонами:

— Нет, хотя мое видение казалось таким реальным, отчетливым и осязаемым!

— И кого ты видела? — оживился Джайлз, просительно теребя меня за рукав рубашки. — Ты сумела что-нибудь разузнать про слезы Эврелики?

— Нет, — снова сказала я. — Но я ощутила себя королем Арциссом и разговаривала с каким-то его другом, кузнецом по имени Турран.

— Ах! — Чародей восхищенно закатил глаза. — Значит, это действительно были они: король Арцисс Искупитель и мастер Турран Певучая Наковальня!

— Странные у них прозвища, — иронично хмыкнула я, недоуменно пожимая плечами. — И звучат совсем не по-людски.

— Верно подмечено, — улыбнулся старый портной. — Эльфы обожали давать друг другу меткие, подчас язвительные прозвища, досконально отображающие особенности

характера каждого живого существа. Так, короля людей, Джоэла, они прозвали Гордым, а сестру короля Адсхорна Эврелику — Прекрасной.

— Именно этот кузнец, входивший в клан Полуденных, и выковал впоследствии серебряный Непотопляемый Челн, отвезший тело мертвого короля к месту его подводного упокоения. А еще он создал те самые клинки... — Тут Джайлз осекся, поймав предостерегающий взгляд Иоганна, обозначающий: «Не спеши выдавать все главные секреты!»

— Полагаю, нашего Джайлза они бы уж точно назвали не иначе как Болтливый! — весело рассмеялась я, заметив их красноречивое переглядывание и стремясь замять возникшую неловкость. — Интересно, какого прозвища удостоилась бы я?

— Никакого! — Обиженный чародей звучно щелкнул меня по носу. — Ты ведь просто маленькая девочка, и никакие особые приметы у тебя еще не выросли!..

Он с ироничным намеком слегка приподнял рубашку у себя на груди, подсказывая, что именно у меня еще не выросло.

— А крылья? — Я возмущенно надула губы, невольно вспомнив те гадкие, так ничем и не помогшие мне капустные кочаны. — Ну и вредина же ты, Джайлз!

В углу комнаты тихонько хихикал Иоганн, наблюдая за нашей шутливой перепалкой.

— Я почти ничего не поняла из мыслей Арцисса, — смущенно пояснила я, чувствуя себя настоящей дурой. — Он смотрел на грозное небо и в основном думал лишь о его суровой красоте.

— Весьма похоже на эльфов, — согласно кивнул портной. — Они всегда питали склонность к излишней метафоричности и насыщали свою речь чрезвычайно пышными эпитетами и описаниями. Романтики... — В его голосе прозвучала явная нотка смешанной с восторгом зависти. — Последние романтики нашего умирающего мира.

— Поэтому они и проиграли в той войне? — нерешительно предположила я.

— Нет. — Старый портной смущенно кашлянул. — Ситуация оказалась куда прозаичнее. Эльфы превосходили людей во всем: в уме, красоте, магическом таланте и воинской доблести. Но битва у Аррандейского моста стала неожиданностью для всех, ведь именно тогда люди сумели разгромить объединенное войско двух эльфийских кланов и необратимо повернуть вспять ход войны. Наши чародеи объяснили свою победу своевременной помощью богини Банрах, однако, полагаю, не обошлось без чего-то посерьезнее... Я слышал путанные разговоры о предательстве и подлом сговоре, но, увы, подробности сего мне неизвестны. Все-таки, — он, будто извиняясь, торопливо прижмурил глаза, из которых стекали две струйки слез, — с той поры минуло уже более двух веков.

«Вот Тьма!» — мысленно ругнулась я, давая себе зарок обязательно разобраться в обстоятельствах тех древних событий.

— Арцисс видел надвигающуюся с юга бурю, а кузнец Турран упоминал о битве на Лиднейских болотах, а еще — о мраморе из Дурбана, использованном при постройке Блентайра...

— И то и другое — общеизвестные факты, — пояснил Иоганн. — Некогда, очень давно, эльфийские воины успешно уничтожили всех гигантских змей, населявших Лиднейские болота, и привезли в столицу народ ниуэ, освобожденный из плена этих тварей. Ниуэ вскоре стали их верными союзниками, а страшный Дурбанский карьер, охраняемый огнедышащими драконами, дал им тот чудесный мрамор, из коего и были возведены стены Блентайра.

— Ниуэ? — потрясенно ахнула я. — Я читала о них в Книге Преданий. И также о том, что после исхода эльфов наши чародеи проклинали народ ниуэ и полностью его истребили. А братья из обители богини неоднократно говорили нам, что, дескать, все это сказки и никаких ниуэ просто не могло существовать в нашем мире!..

— Сказки тоже на чем-то основываются, — многозначительно произнес Джайлз, улыбаясь настолько непонятно, что я так и не смогла прийти к какому-то определенному выводу о правдивости или ложности легенд, повествующих о народе ниуэ.

— А почему короля Арцисса прозвали Испытателем? — У меня на языке вертелся еще добрый десяток невысказанных вопросов, уподобившихся острым иглам, кои непременно требовалось извлечь, но внезапно нашу беседу нарушили семь размеренных колокольных ударов, гулко плывущих над городом.

— Семь часов вечера, — спохватился Джайлз, и я заметила, что он испытал огромное облегчение, избавившись от необходимости немедленно отвечать на мои вопросы. — Как бы нам не опоздать в Звездную башню!

Я мысленно саркастично хмыкнула и приказала себе больше не приставать к Джайлзу, ибо моя неумеренная любознательность могла пагубно сказаться на нашей едва зародившейся дружбе. Ведь мало кто станет уважать глупых девчонок, усиленно сующих нос не в свои дела, а тем паче — всемогущие чародеи.

— Правильно, — вторя Джайлзу, наигранно засуетился старый портной, — вам нужно спешить, а между тем малышка Йона так и не выбрала себе платье.

— Выбрала! — Я проказливо хихикнула, предвкушая, в какую несусветную панику вгонит сейчас их обоих мой неожиданный выбор. — На свой вкус конечно же.

— Черное с золотым! — обрадованно предположил старый портной. — Оно замечательно подходит к твоим локонам.

— Не-а, — категорично отказалась я.

— Голубое! — тоном абсолютно уверенного в себе профессионала непреклонно заявил Джайлз, указывая на изысканный кружевной наряд. — Подобного нет даже у главной королевской фаворитки.

— Нет, — небрежно отмахнулась я.

— Белое!

— Вишневое! — Предложения сыпались на меня словно из рога изобилия. Наконец мои наставники выдохлись и недоуменно замолчали.

— Мы перебрали все, — вымолвил расстроенный старик. — Больше у меня ничего нет. Неужели тебе не понравилось ни одно из моих творений? Все эти наряды пошиты для двора и ценятся на вес золота.

— Маэстро, ваши произведения великолепны, — я учтиво склонила голову, что вызвало у великого мастера прилив польщенного румянца к впалым щекам, — но я их попросту недостойна. Я хочу надеть платье погибшего короля.

— Невозможно! — оторопело выдохнул чародей, глядя на меня так, будто видел перед собой дух или привидение. — В Блентайре запрещено ношение эльфийской одежды!

— А у нас много чего запрещено! — Я дразняще подергала себя за остроконечное ухо. — Точно так же у нас запрещено быть эльфом, к тому же крылатым.

— Но эта одежда тебе слишком велика, — попытался урезонить меня Иоганн. — Она рассчитана на высокого мужчину мощного телосложения.

— А вот это мы разом поправим! — хулиганисто рассмеялась я и, вполголоса бормоча выученное заклинание, вынула из кармана пузырек с волшебной жидкостью, а затем брызнула ею на одежду покойного короля.

— М-да! — только и смог вымолвить шокированный моим поступком портной. — Джайлз, признавайся, это ты научил ее своим колдовским шуточкам, на нашу голову?

— Ученье, как известно, свет, — виновато пожал плечами чародей.

— А неученье — тьма, — справедливо закончила я. — Тьма — это наш первейший враг, так что...

Уменьшенный заклинанием наряд пришелся мне точно впору. Я натянула черные кожаные штаны, к коим прилагались элегантные шагреновые сапоги, оканчивающиеся удобными раструбами чуть выше моих колен. Странно, но в этой непритязательной на первый взгляд одежде мои ноги уже не казались чрезмерно тощими, а выглядели длинными и стройными. Я застегнула пуговицы серой шелковой рубашки, на спине снабженной хитроумно скроенным карманом, в который убирались компактно сложенные крылья, а поверх надела черный камзол, расшитый загадочными узорами. Мою голову закрыл

капюшон из тончайшей замши, с прикрепленной к нему короткой, доходящей до бедер пелериной, полностью замаскировавшей мой псевдогорб. Край пелерины оказался обшит тонким, гладким, уложенным в три ряда шнуром. Странно, к чему он тут? А впрочем, если я и не могу угадать сейчас предназначение этой странной отделки, то все равно признаю — она выглядит красиво и благородно. Все же эльфы знали толк в нарядах.

— Поразительно! — Иоганн умиленно всплеснул руками, любуясь совершенно преображенной мной. — Сейчас ты стала похожа на молодого титулованного сьерра, сына какого-нибудь князя, а возможно — даже короля! — Он заботливо поправил складки моей пелерины. — Готов поспорить, что никто не догадается о скрытых под ней крыльях и не увидит под капюшоном твои уши. Лучшего наряда для тебя и пожелать невозможно!

Но вместо ответа я прижала ладонь к небольшой прорехе, расположенной как раз напротив моего сердца. То был след от клинка, пробившего сердце великого эльфийского короля. И края разрезанной сталью ткани еще несли на себе капли его крови, огнем жгущей мои пальцы.

«Поговори со мной, Арцисс!» — мысленно позвала я, пытаюсь установить связь с отлетевшей в иной мир душой. Но мертвый король молчал.

— Идем же, Йона! — Джайлз цепко ухватил меня за руку и, действуя в своей, уже кажущейся привычной, манере, настырно потянул за собой. — Нас ждут в Звездной башне!

Очутившись в непосредственной близости от Звездной башни, Джайлз замедлил шаг, порылся в складках своего плаща и извлек маленький серебряный свисток, висящий на тонкой цепочке, обмотанной вокруг шеи мага. Он приложил инструмент к губам и свистнул, но звук получился настолько тихим, что я едва сумела его расслышать, до крайности напрягая слух.

— Что ты делаешь? — Я ничуть не забыла о том, что еще совсем недавно давала себе зарок больше не донимать чародея расспросами, но любопытство оказалось сильнее меня.

— Даю знать о нашем прибытии, — нехотя признался волшебник, бережно пряча свисток обратно под одежду. — Я кажусь тебе излишне скрытным, да? Но поверь, это всего лишь привычка, перенятая у старших коллег по гильдии. И она означает: береги свои знания, ведь других у тебя может и не быть. Понимаешь?

— А как же вы тогда учитесь? — Я торопливо стучала каблуками рядом с чарореем, примериваясь к его размашистой походке и стараясь не пропустить ни единого слова.

— Глава гильдии расскажет тебе о нашей специфической системе обучения, но лишь тогда, когда придет нужное время, — уклончиво отозвался Джайлз и кивнул с намеренно подчеркнутой чопорностью.

Я тут же поняла — он не имеет права предложить мне что-то иное.

— Йона, мы скоро окажемся в Звездной башне, и там ты сможешь увидеть много нового и необычного, а я — немного отдохну от твоей непоседливости.

После этой безобидной шутки мы слаженно рассмеялись, понимая, что между нами возникла взаимная симпатия, способная положить начало самой крепкой и искренней дружбе.

Следуя по пятам за чарореем и поднимаясь на холм, я попыталась немного пофантазировать и вообразить главу гильдии, впечатленная последними словами Джайлза, а особенно — нотками уважения, появившимися в его голосе при упоминании верховного патриарха их общины. Полагаю, главой чарореев непременно должен быть импозантный мужчина в летах, всеми чтимый и пользующийся беспрекословным авторитетом, самый мудрый и добрый в городе. Последний фактор казался мне особенно важным и значимым, ведь все хорошее в человеке видно сразу, ибо оно лежит на поверхности. А вот если ты хочешь увидеть истинное лицо человека, то нужно искать в нем нечто потаенное и плохое, обычно ювелирно замаскированное и глубоко заныканное. А еще брат Флавиан утверждал, что верить никому нельзя.

Вспомнив недавние наставления толкового монаха (неплохо разбирающегося в людях),

навечно запавшие мне в душу, я опечалилась. Интересно, почему это столь неподобающие сомнения и опасения пришли мне в голову именно при размышлении о личности неведомого главы гильдии Чародеев? Я сердито потерла лоб, отгоняя нехорошее предчувствие, и попробовала вновь сосредоточиться на своей приманчивой фантазии. Итак, на чем же я остановилась? Ах да: звезды на его мантии непременно должны иметь куда большие размеры, чем у рядовых магов, а вышиты они золотом... Нет, лучше жемчугом и алмазами! Глава гильдии Чародеев просто обязан выделяться высоким ростом и завидной статью, а его длинная черная борода красивыми волнами спускается на грудь...

На этом месте я вдруг запнулась. Отчасти из-за того, что уже не так сильно доверяла своему воображению (потерпев сокрушительное фиаско с Джайлзом, внешне весьма отдаленно похожим на чародея), но в основном потому, что мы подошли к подножию величественной Звездной башни и постучались в створку крепко запертых ворот...

Звездная башня заслуженно считается самым высоким сооружением в городе. Она превосходит, пожалуй, даже беломраморный королевский дворец и является местом постоянного проживания всех наиболее уважаемых чародеев нашего королевства. Точно так же, как и они, здесь некогда, много десятилетий назад, властвовали опальные ныне эльфийские маги. Их сегодняшние человеческие преемники страсть как не любили упоминать о своих знаменитых предшественниках, поскольку значительно уступали им в уровне мастерства.

В Книге Преданий рассказывалось о том, что нынешнюю гильдию Чародеев основала великая волшебница Сильвана, придворная дама короля Джозла Гордого. И якобы именно она являлась самой талантливой, самой перспективной ученицей эльфийских магов, сумев перенять (или украсть) немалую часть их секретов. На мой взгляд, официальные летописи уж как-то слишком слащаво и излишне многословно воспевают деяния Сильваны, пафосно именуя ее спасительницей королевства, избавившей Лаганахар от ига ненавистного Полночного клана.

Хотя, откровенно говоря, теперь я не очень-то торопилась верить в правдивость наших легенд, памятуя о явной неприязни, питаемой королем Арциссом к магичке Сильване. Вот только на чем основывалась эта неприязнь? Боюсь, сию запутанную головоломку мне тоже предстоит разгадывать длительное время, продвигаясь задом наперед, от конца — к началу этой истории, постепенно докапываясь до истины.

Впрочем, стоит ли настолько далеко заглядывать в будущее, если сейчас передо мной раскрываются ворота самой таинственной цитадели нашей столицы? На этой финальной ноте я успешно осадил себя мудрой мыслью и благоразумно вернулась к своим баранам, а вернее, чародеям. Отобранная у эльфов башня не только обладает неоспоримой исторической и архитектурной ценностью, но и располагает крупнейшей во всей округе библиотекой, всевозможными лабораториями и хранилищами артефактов. А также изредка служит местом проведения общего собрания старейшин всех гильдий.

И вот теперь, сегодня, я впервые в жизни вступаю в этот таинственный оплот верховной власти Блентайра, еще вчера казавшийся мне абсолютно недостижимым и недоступным. Запрокинув голову, я восхищенно рассматривала ровные и гладкие, будто стекло, стены Звездной башни, сложенные из одинаковых квадратов серого мрамора. Каждую плитку украшало серебристое изображение шестиконечной звезды, и поэтому издалека мощное строение выглядело стройной, уходящей в небо колонной, словно окутанной вуалью из светящейся изморози. От башни так и веяло холодом, высокомерием и вопиющим безразличием к нам, простым людишкам, униженно ползающим у ее основания. Мне стало не по себе, и я плотнее запахнула края своей пелерины.

Что-то мне ни капельки не верится в байку о том, будто это эльфы превратили свое сосредоточие мудрости в настоящее каменное чудовище, столь чужеродное миру и презрительное ко всему земному. Нет, тут явно что-то не так!.. Полагаю, произошедшая с башней отвратительная метаморфоза — творение отнюдь не эльфийских, а неумелых

человеческих рук.

Но, похоже, Джайлз совсем не замечал владеющих мною колебаний. Во всяком случае, едва войдя во внутренний двор башни, он тут же обрел свою прежнюю жизнерадостность и начал хоть и поочередно, но весьма бурно размахивать всеми четырьмя конечностями, указывая по сторонам и пространно рассказывая мне об устройстве магических чертогов его гильдии.

— Библиотека занимает самый последний, двадцатый этаж, но между ней и крышей размещается множество всяческих хитроумных приспособлений, спасающих нас от жары и холода.

Одновременно с этой репликой мы вступили в просторный светлый холл башни и начали подниматься по пологой винтовой лестнице, застланной богатыми коврами.

— На первом этаже находятся трапезная и поварня, над ними — лаборатории и лектории, выше — церемониальные залы, общежитие адептов, личные покои старейшин, жилые комнаты главы, а также прочие хозяйственные помещения.

— А где же двери в комнаты? — Я только сейчас поняла, что, переступив порог башни, пока еще не увидела ни одного предмета, хотя бы отдаленно смахивающего на дверь.

— Ими служат эти зеркала. — Молодой чародей указал на серебристые плоскости в рамах, расположенные вдоль всей лестницы. — Признаюсь сразу, каждое зеркало представляет собой обычную иллюзию и учит нас доверять не зрению, а разуму. Кстати, некоторые из них открываются словом, другие — особенно личные спальни — магическим пассом или особым ключом. В общем, каждый маг придумывает свой прием — кому что в голову взбредет.

Зеркала?.. Я поражено всматривалась в бесконечное количество рам, выполняющих функцию импровизированных дверей. Все они были самых разнообразных форм и размеров. Кто придумал столь нелепую и вместе с тем зловещую двусмысленность? Разве у нас в Лаганахаре не принято считать, что зеркало отражает не только брненное человеческое тело, но и его бессмертную душу?..

— Эти зеркала-двери создали наши чародеи? — осторожно, тщательно подбирая слова, спросила я.

— Нет. — Джайлз недовольно поморщился. — В башне вообще происходит много чего непонятного, а порой даже зловещего. Ходят сплетни, что при эльфах все двери имели обычный вид и превратились в зеркала сразу же после их ухода. Дескать, они охраняют башню от какого-то могучего зла, но от какого именно — мы не знаем.

«Странно», — еще сильнее задумалась я, с опаской поглядывая на тускло отблескивающие поверхности, напоминающие бездонные речные омуты. Ни один человек, будучи в здравом уме, не повесит в своем доме такую треклятую пропасть зеркал. Они запросто способны вытянуть из человека душу. А еще я слышала, что смотреться в зеркало во время еды нельзя — счастье проешь, при питье — пропьешь, спать рядом с ним — проспишь. А в отхожем месте зеркало и подавно лучше не вешать... Я иронично хмыкнула. Нет, эти зеркала явно что-то обозначают.

Над одной из лестничных арок я увидела вырубленную в мраморе рамку, содержащую короткую фразу на всеобщем лаганахарском языке.

«Верить в себя — опасно, не верить — глупо», — гласила непостижимая надпись. И я снова озадачилась, не сумев разгадать ее смысл.

Мы уже преодолели добрую половину этажей, и у меня потихоньку начинали ныть голени — сказывалось напряжение последних суток да этот непрерывный подъем по ступеням, казалось бесконечным.

— Ну вот мы и пришли!

Джайлз приложил к голове изображенной на гобелене мантикоры свою хрустальную звезду, висевшую у него на груди. Гобелен дернулся и сам собой утянулся вверх, открывая моему взору небольшой узкий коридор, с противоположной стороны которого струился неяркий свет и доносилась негромкая, мелодичная музыка. Я сделала пару опасливых

шажков и внезапно поняла, что молодой маг не собирается последовать моему примеру.

— Джайлз? — Я умоляюще протянула к нему руку, ожидая поддержки и ободрения. — Ты меня бросаешь?

— О да, — чародей преувеличенно сурово погрозил мне пальцем, — и я даже немного этому рад. Дети — прекраснейшие цветы жизни, но иногда на них бывает аллергия!

Я хотела обидеться, но заглянула в смеющиеся глаза мага и вовремя поняла — мой неисправимый балагур снова изволит шутить.

— Это был воистину светлый день, о мой мечтательный эльф! День нашего знакомства! — Волшебник чопорно улыбнулся, напуская на себя важно-официальный вид. — А теперь иди вперед и ничего не бойся, ибо для чародеев Звездной башни каждый гость священен и дорог.

— Свидимся ли мы еще? — печально спросила я, расстроенная необходимостью расстаться с едва обретенным другом.

Лицо Джайлза осветила широкая плутовская улыбка:

— Возможно — нет, а возможно — да. Во всяком случае, я надеюсь на лучшее и намереваюсь помочь тебе, Йона, на свой лад, конечно! Благослови тебя Шарро, малыш!

— Спасибо, — скованно прошептала я, потому что мои губы онемели от волнения.

— И тебе, Йона!

Гобелен начал разворачиваться обратно, скрывая от меня фигуру замершего в коридоре Джайлза.

— Иди и ничего не бойся, — повторно прозвучало его напутствие.

Мне не осталось ничего другого, кроме как воспользоваться советом. Я шла вперед, но, увы, ничего не бояться у меня как-то не получалось. В моем мятущемся воображении высокий и пышнобородый глава гильдии успел принять суровый и даже гневный облик, его глаза метали молнии, а с пальцев сыпались искры. Мне снова стало холодно. Я зябко обняла себя за плечи и решительно шагнула в раму высокого, красивого зеркала... Я очень надеялась на встречу с чем-то особенным, хорошим и благородным, но недремлющая интуиция подсказывала: «Не верь в выдумки, Йона, ибо жить — тяжело. А жить хорошо — тяжелее во сто крат!»

Стоило мне ступить в расстилающуюся передо мной комнату, как ковер под ногами начал сверкать радужными бликами, слепя глаза, отчего я перестала дрожать и была вынуждена поднять голову, чтобы пристальнее взглянуть на то место, в котором очутилась.

Личные покои главы гильдии Чародеев оказались небольшой полукруглой комнатой с неправдоподобно высоким потолком и широченным, во всю стену, окном, которое сейчас занавешивала тяжелая штора цвета розоватого рассветного неба. Свод помещения, имеющий темно-синий оттенок, усеивали десятки золотых звезд, почти ничем не отличающихся от настоящих.

Позади меня, по обе стороны от входа, стояли резные стеллажи с фолиантами, защищенные хрустальными створками, а в углу весело трещал огонь в камине, на котором я с изумлением увидела два зеркала, составленные так, что они образовывали острый, какой-то неправильный угол. Не знаю, намеренно или случайно это получилось, но смотрящийся в него человек при всем своем желании не мог одновременно увидеть себя в обоих зеркалах как-то иначе, чем с неравномерно разделенным надвое лицом. И в этом парадоксальном сооружении тоже было что-то противоестественное.

В другом углу чертога стояла совсем уж не соответствующая данному месту вещь, а именно — ненормально огромное потертое седло с непривычно высокой передней лукой. Мда, количество встретившихся мне загадок возрастало с каждым мигом... И притом, сколько бы я ни вертела головой, мне так и не удалось обнаружить источник чарующей музыки, доносящейся отовсюду, но зато я сразу поняла, почему комната выглядит полностью залитой светом. С потолка свисало множество небольших подсвечников, сделанных из стекла и имеющих форму звезд, — к опорной балке они крепились тремя тонкими цепочками. Все свечи были зажжены и сияли так ярко, что на глаза набегали слезы, и оттого мне показалось,

будто звезды сейчас начнут сыпаться прямо на голову.

Ближе к окну, возле стола в форме полумесяца, стояло кресло с очень изящной, обитой атласом спинкой, повернутое ко мне тыльной стороной. Эта спинка оказалась такой высокой, что я не смогла разглядеть ничего, даже макушку сидящего в нем человека. Музыка звучала по-прежнему громко, а занимающий кресло маг и не думал шевелиться. Я ждала, терпела и вздыхала...

Чуть позднее, устав и истомившись, я начала подозревать себя в том, что успела чем-то обидеть многомудрого хозяина Звездной башни. Или же волшебник просто осознал, как сильно ошибся в выборе кандидатуры нового ученика... Возможно, он намеренно испытывает мое терпение или же решает, под каким предлогом отослать меня обратно.

Но в этот самый момент кресло вдруг медленно и бесшумно повернулось, и я невольно поднесла руку ко рту, сдерживая крик изумления, уже готовый сорваться с моих губ...

Глава гильдии Чародеев оказалась женщиной!

ГЛАВА 7

Одиночество — одна из самых непознанных сторон человеческого бытия, по своей непредсказуемости сравнимая лишь с палкой о двух концах, способной являться и добром, и злом. Подобно палке, одиночество умеет подгонять и останавливать, стимулировать и травмировать, карать и защищать. Подчас желанное и долгожданное, оно быстро надоедает и начинает тяготить того, кто сумел-таки вымолить у судьбы сей сомнительный дар, но так и не научился правильно им распоряжаться.

Одиночество способно очистить душу и подарить здравые мысли, но тем не менее именно оно выполняет роль самого тяжелого наказания, сводящего нас с ума и подталкивающего к совершению экстремальных поступков. Одиночество врачует разбитые сердца и дарит спокойствие, но при этом оно же безмерно усугубляет любые наши пороки: мнительность, нетерпимость к чужому мнению, чувство соперничества и ревность, раздутую до уровня всепоглощающего пожара. Одиночество подталкивает нас к открытиям и отупляет, делает мудрее и низводит до животного состояния, учит спокойствию и отбирает последние крохи благоразумия.

Одиночество — это великий дар богов, оказывающийся по плечу далеко не каждому смертному. Одиночество — это кара, испытание, награда или достижение. И Тьма нас заberi, иногда одиночество может быть приятной штукой, но лишь в том случае, если рядом есть близкий человек, напоминающий тебе об этой избитой истине. Впрочем, авторство последнего определения принадлежало кому-то из эльфийских магов, а уж эльфы-то всегда отвечали за свои слова, куда лучше людей разбираясь в ментальных экспериментах и явлениях...

Так думала глава гильдии Чародеев — сьерра Кларисса, расслабленно откинувшись на спинку своего любимого кресла. Она в полной мере, до дна, испила чашу одиночества, выпавшую на ее долю, а к тому же давно пресытилась властью, богатством, магией и сопутствующими им привилегиями. Короче, следовало признать: сьерра чародейка, пару недель назад отметившая свой семьдесят шестой день рождения, безнадежно устала от жизни и тяготилась излишне затянувшимся одиночеством. А ведь когда-то у нее было все: родня, муж, новорожденный сын...

Закон мудр — он запрещает чародеям и чародейкам заводить семьи, оберегая Лаганахар от возникновения деспотичных родовых кланов. Боги жестоко карают ослушников, ниспосылая им горе и болезни. Бросив вызов богам, Кларисса дерзко переступила через многовековой обычай, убедив себя в своей способности обмануть жестокий рок. Но, к сожалению, выторгованные у судьбы годы расцвета и относительного благоденствия рано или поздно заканчиваются, и приходится платить по счетам. А то, что достается нам нечестным путем — с помощью обмана, шантажа или подкупа, приходится оплачивать тройной ценой. Жаль только, что мудрость никогда не сопутствует молодости, а

приобретается ценой седых волос, морщинистой кожи и расплывшейся талии.

Лично Клариссу спасало лишь то, что она неплохо владела магическим искусством, до нынешней поры вполне успешно борясь с наступлением старости. И все же, даже с учетом того, что чародеи живут намного дольше обычных людей, она так и не смогла овладеть тайной бессмертия. Считается, что одиночество — это и есть та особенная мзда, которую справедливые боги взимали с бессмертных эльфов, лишая их эмоций, чувств и душевной чуткости, а взамен даруя способность жить вечно. Вранье! Именно Перворожденные как раз таки умели любить и ненавидеть лучше всех на свете — так сильно, как людям и не снилось. Хотя уж в чем в чем, а в умении ненавидеть Кларисса уже давно превзошла любого эльфа!

Щедро наделенная от природы всеми мыслимыми и немыслимыми качествами, она так и не обрела личное счастье. Благородное происхождение и родственные связи (а Кларисса являлась, ни много ни мало, родной дочерью предыдущей главы гильдии Чародеев) позволили ей еще в очень юном возрасте занять пост преждевременно скончавшейся матери. Преступница пошла по стопам преступницы! Завистники шептались, будто это престолонаследование произошло не без участия рвущейся к власти дочери, но она заставила умолкнуть все болтливые языки, действуя где магией, а где — посредством клинка наемного убийцы.

С тех самых пор тайна скоротечной болезни ее матери, излечить которую оказались не способны лучшие маги и лекари королевства, постоянно обрастала всевозможными домыслами и выдумками, превратившись в страшную сказку, окружившую саму Клариссу ореолом мрачной загадочности. Поговаривали, будто перед смертью верховная чародейка Люцита харкала кровью и покрылась гнойными язвами, что случается при отравлении соком экзотического растения каркарут, но все эти разговоры никогда не принимались всерьез при королевском дворе. Поначалу потому, что Лаганахар нуждался в услугах магов, а потом — по причине страстной любви, вспыхнувшей в сердце молодого короля Вильяма, занявшего отцовский трон. А любовь, как известно, сметает любые препятствия и обеляет все грехи.

Верховная чародейка Кларисса была на тридцать пять лет старше короля Вильяма, но разве это имело какое-то значение? Конечно же не имело, если красота магички сияла ярче Сола, затмевая самых знаменитых прелестниц Блентайра. И Вильям не устоял. Разумеется, в любовной истории не обошлось без магии и приворотных чар, но тем не менее спустя какое-то время король и глава гильдии Чародеев сыграли пышную свадьбу, обменявшись брачными кольцами и клятвами в вечной верности. А вскоре королевство облетела радостная весть — королева ждет ребенка!..

Принцесса Аньерд, сводная сестра короля, всего лишь на три месяца отстала от своей новоиспеченной родственницы, разрешившейся от бремени прехорошеньким мальчиком, и родила дочь, происходящую неизвестно от кого. «От бродячего певца без роду и племени, которого встретила на осенней ярмарке!» — строптиво заявила венценосная распутница, снизойдя до объяснений с убитой горем семьей. Королевский двор пребывал в глубочайшем шоке и отчаянии, да к тому же по городу ходили упорные слухи о том, будто младенец родился уродом.

Едва оправившаяся от родильной горячки королева Кларисса не выдержала обрушившегося на корону позора. Она наняла пару лихих людишек и дала им жуткое поручение: выкрасть из колыбели крохотную дочку принцессы Аньерд, унести ее подальше от столицы, а там бросить или отдать на воспитание каким-нибудь скромным простолюдинам. Ночные тати успешно выполнили первую часть трудного задания, но дальше приключилось непредвиденное... Упав на колени перед троном королевы и бия себя кулаками в грудь, наемники клялись, что едва они вышли за городские стены, как на них внезапно налетел черный смерч, вырвавший из рук корзинку с незаконнорожденной малюткой и унесший ее в неизвестном направлении.

Клариссе пришлось поверить смертельно перепуганным ворами, а позднее она даже убедила себя в том, будто дочь принцессы погибла, тем более что сама Аньерд вскоре скончалась от горя и лихорадки, развившейся из-за не перегоревшего в груди молока. К тому

же королеве совсем не хотелось грустить, ведь она родила принца, нареченного Арденом и провозглашенного наследником престола. Но через три дня после смерти Аньерд маленький принц тоже пропал из дворца, и отыскать его не смог никто — ни чародеи, ни воины, ни охотники. Преисполненный горя король Вильям будто внезапно прозрел: он обвинил жену в обмане и изгнал ее из своего дворца.

С тех пор Кларисса безвыездно проживала в Звездной башне, по-прежнему занимая пост главы гильдии Чародеев. Она несказанно тосковала по своему потерянному сыну и страдала от затянувшегося одиночества. Но она отнюдь не смирилась с постигшей ее утратой и по-прежнему надеялась вернуть своего единственного ребенка. А помимо этого верховная чародейка мечтала реализовать еще один грандиозный план, чтобы превзойти в славе и величии не только свою покойную мать, но даже знаменитую бабушку — основательницу гильдии Чародеев, магичку Сильвану.

Жаль только, древние свитки, с превеликим трудом извлеченные из заброшенной эльфийской Библиотеки, оказались совершенно бесполезными. А еще Первая Книга!.. Согласно туманным намекам ее матери Люциты, лишь один человек в Лаганахаре сумел некогда прочесть этот трактат, написанный самими Неназываемыми, и постичь величайшие тайны мира. И этим человеком стала ее хитроумная бабушка. Вот только, согласно тем же намекам, платой за знания стали не золото и не серебро, а смерть. Возможно, именно этим и объясняется внезапное исчезновение Сильваны?..

Прислужники Клариссы, вернувшиеся из опасного похода, рассказали: они попали в Библиотеку, забрали свитки, видели древний фолиант собственными глазами — пребывающий в целости и сохранности и даже раскрытый на какой-то конкретной странице, — но не смогли пройти сквозь созданную вокруг него защиту. Посланцы многократно рисковали собственными жизнями, чудом избегнув поджидающих их ловушек, но приложенные усилия оказались напрасными — принесенные ими манускрипты не поддавались расшифровке. Их тексты не несли полезной информации, а читались как глупый, корявый стишок.

Нет, какой-то смысл в этих свитках конечно же имелся, но, увы, он упорно ускользал от понимания, что безмерно огорчало сьерру чародейку. Каким-то шестым чувством она осознавала — эти документы чрезвычайно важны для чего-то или для кого-то, а поэтому обязательно должны быть расшифрованы... Непременно!

Кресло повернулось, и из него поднялась статная, величественная женщина с поистине королевской осанкой, поприветствовавшая меня легким наклоном головы. Главную чародейку Лаганахара вряд ли стоило считать молодой девушкой, но в ее золотистых волосах, уложенных в искусную прическу, не блеснул ни один седой волос, нежная кожа лица отливала шелком, цвет губ напоминал землянику на лесной поляне, а белизна рук соперничала с речным жемчугом. Возраст чуть заметно притаился где-то в самых уголках ее миндалевидных зеленых глаз, скрытый за длинными ресницами. Я ошеломленно замерла и продолжала стоять как вкопанная, будучи не в силах отвести взгляда от хозяйки волшебных покоев.

— Здравствуй, малышка Йохана. Я — Кларисса, глава гильдии Чародеев, верховная волшебница Лаганахара. Надеюсь, дорога не очень тебя утомила? — Магичка говорила негромким, но глубоким и чрезвычайно благозвучным голосом. — Присядь, милая девочка, я хотела бы о многом с тобой побеседовать.

Звук голоса сьерры Клариссы разрушил чары, навеянные ее красотой. Я непроизвольно перевела взгляд ниже и заметила растрескавшийся от старости пергамент, аккуратно пристроенный на подлокотнике кресла и помещенный в специальный пюпитр. Покрывающие его руны имели явное отношение к эльфийской письменности, но вот сами начертанные на свитке фразы смахивали на какой-то бессмысленный детский стих. Беззвучно шевеля губами, я прочитала:

Ищи в душе своей ответ,
Как применить какой предмет,
Но помни, общий их удел —
Служить для честных, светлых дел.
Создатель тех вещей один —
Магистр верховный, Лаллэдрин,
И неслучайно ведь без дна
Пошита им была сума.
В кувшинчик каплю урони —
Да внутрь с надеждой загляни...

Разобрать дальнейшую часть текста я не успела. Заметив мой неуместный интерес, назойливо направленный на ее бумаги, волшебница небрежно накрыла пергамент краем шелковой шали, а затем взмахнула рукой, и в центре зала, возникнув из воздуха, тут же материализовался второй стул с твердой резной спинкой и бархатным сиденьем. Я сконфуженно моргнула, сделала два шага назад и замерла, смущенно разглядывая носки своих щегольских сапог.

— Что-то не так, милая? — тонко улыбнулась прекрасная чародейка.

В ее доброжелательном сопрано прозвучало столько силы и вместе с тем нежности, что я залилась краской смущения и виновато прошептала:

— Я не могу сиде... Можно мне получить другой стул, без спинки? — Я испуганно сглотнула, опасаясь своим нелепым отказом оскорбить гостеприимную хозяйку. — Ой, нет, прошу вас, не хлопчите, я могу и постоять...

— Конечно, извини, я совершила непростительную глупость! — Сьерра Кларисса вовсе не выглядела удивленной или обескураженной. — Так тебе будет удобнее? — Чародейка хлопнула в ладоши, стул мгновенно исчез, а на его месте появилась удобная скамеечка.

Скамеечка оказалась излишне высоковатой для меня, но я просто не посмела бы пожаловаться на столь малозначительную деталь, опасаясь разгневать прекрасную сьерру магичку. Но, к моему величайшему удивлению, стоило лишь усесться на предложенную скамеечку, как та вдруг начала опускаться сама собой и остановилась только тогда, когда мои ступни снова коснулись ковра.

— Думаю, ты голодна? — Глава гильдии улыбалась ласково и безмятежно. — Потерпи еще немного, обещаю — тебя накормят сразу же после окончания нашего разговора, договорились? А теперь, малышка, давай познакомимся поближе. Скажи мне откровенно, в какую из гильдий ты мечтала попасть, участвуя в сегодняшней церемонии выбора учеников?

— Повелительница... — Я смутилась и торопливо потупила глаза, ощущая себя нашкодившим щенком, застигнутым рядом с напряженной им лужей. — Дело в том, что я не смела и надеяться...

— Не смела и надеяться стать чародейкой, но ничего другого ты не хотела? Не так ли? — Казалось, сьерре Клариссе чрезвычайно понравился столь неожиданный поворот нашей беседы. — Значит, мы не ошиблись в своем выборе, ведь жизненное призвание каждого из нас предопределено свыше, задолго до нашего рождения... Видишь ли, моя милая девочка, судьба любит разыгрывать злые шутки, и иногда даже самые очевидные ее намеки оказываются всего лишь жестокой насмешкой. Но мне очень хочется верить в то, что ты пришла к нам по зову своего сердца и сможешь получить искомое. А теперь настало время рассказать тебе правду о нашей гильдии...

Правду? Я не верила собственным ушам. Опасаюсь, что, встопорщившись от недоверия, они своими острыми кончиками сейчас прорвут верх капюшона. Сомневаюсь, будто сьерра Кларисса действительно хочет поведать мне настоящую правду, а не преподнести очередную выхолощенную выдумку.

— Гильдия Чародеев — сильнейшая из всех существующих в Лаганахаре общин, — проникновенным тоном вещала магичка, — что бы там ни пели в своих хороводах охотники

и ни утверждали самоуверенные воины. Магия появилась вместе с рождением самого нашего мира, но людей, способных ею управлять, всегда было и будет очень мало. Магия — это чрезвычайно опасный дар, а власть, даруемая ею, предназначается отнюдь не для всех. Маг никогда не должен забывать о том, что он не король и не повелитель всего сущего, не первопричина всех происходящих вокруг него событий, а лишь смиренный слуга великой силы и его воле подчиняется весьма незначительная, едва ли тысячная часть этой силы.

Волшебница помедлила и перевела взгляд на огонь в камине:

— Девочка, нас очень мало в этом враждебном мире, но это не значит, будто мы цепляемся за каждого ученика, словно утопающий за соломинку. Нет, нас здесь ровно столько, сколько необходимо для стабильности нашего королевства. А поэтому если ты твердо решила пойти по пути постижения магии, то не жди, будто все двери тут же откроются перед тобой по первому требовательному жесту руки, а мы начнем учить тебя секретам нашего искусства и поможем стать одной из чародейек Блентайра.

Я шокированно воззрилась на волшебницу. «А как же тогда выбор учеников? Для чего нужна церемония? — вихрем пронеслось у меня в голове. — И что вы делаете со своими учениками?»

— Ты видела хрустальную звезду на груди у каждого мага?

Сьерра Кларисса собственническим жестом дотронулась до глухого ворота своего платья, закрывающего ее шею до самого подбородка. Однако при этом она, похоже, даже и не собиралась показывать свою личную звезду, чем удивила меня просто до оторопи. В моем понимании каждый чародей должен безмерно гордиться своим магическим амулетом и постоянно выставлять его напоказ. Но, по-видимому, сьерра Кларисса считала иначе. Волшебница глубоко вздохнула и продолжила:

— В этих звездах заключена вся наша мощь. А если кто-то вдруг заберет у мага его звезду, то после ее пропажи маг, конечно, не перестанет быть таковым, но для большинства сложных заклинаний у него просто не хватит сил. Эти хрустальные звезды не горят и не бьются, потому что их закаляют в пламени, вырывающемся из пасти дракона, они легче воды и потому не тонут. Их изготавливают только в нашей специальной лаборатории, и каждая звезда стоит дороже тысячи чистокровных скакунов.

— О! — восхищенно выдохнула я, онемев от переполняющего меня восторга.

— Запомни, Йона, каждая такая звезда представляет собой не только уникальное украшение, но и является вместилищем всех знаний, заклинаний и личных достижений любого из нас. Каждый чародей сам наполняет свою звезду, по мере того как приобретает жизненный опыт и накапливает магическую мощь. Я знаю, что вы с Джайлзом добивались до Блентайра довольно долго, а все потому, что силы пресловутого молодого волшебника пока недостаточно для того, чтобы за одно перемещение оказаться прямо у городских стен. Скажу тебе по секрету: подобные перемещения в пространстве вообще требуют колоссальных затрат личной энергии, это одно из самых сложных магических действий, и посему то, что совершил сегодня твой спутник, делает честь его упорству и старанию. Со временем из Джайлза получится очень сильный чародей...

Женщина замолчала, рассеянно теребя подол своего роскошного платья.

Похоже, ее мысли витали где-то далеко. На лице сьерры Клариссы отразилась сложная гамма чувств. Я не поняла, что именно отвлекло сейчас главу гильдии: зависть, ненависть, раздражение, — но ее прекрасные черты внезапно искривились и стали отталкивающе уродливыми. На одно краткое мгновение мне показалось, что верховная чародейка вот-вот забудет о моем присутствии, даст волю бушевающим ее эмоциям и явит мне свой истинный облик, разительно отличающийся от наигранно-слащавой улыбки, не сходящей с ее алых губ... Какой-то затаенной частицей своего разума, не по возрасту мудрой и будто внесенной в меня извне, я интуитивно уловила фальшь, проскальзывающую в голосе чародейки, и поэтому не питала доверия к ее красивым байкам, подозреваю — призванным задурить наивную голову потенциальной ученицы. Но нет, ожидаемого не произошло, магичка глубоко вздохнула и взяла себя в руки.

Я внимательно вслушивалась в произносимые сьеррой Клариссой пояснения, стараясь ничего не упустить и не забыть, но ее слова меня отнюдь не напугали. Да — удивили, да — насторожили, но мое желание стать членом гильдии Чародеев оставалось слишком велико, а посему ради достижения своей заветной мечты я была готова на все. Ну или почти на все.

Каюсь, я уже воображала себя взрослой важной сьеррой со сверкающей звездой на груди (но постеснялась представлять такое же шикарное платье, как у сьерры Клариссы), и, полагая, это видение словно бы осветило изнутри мое лицо, на котором заиграла неосознанная, предвкушающая улыбка. Заметив это, волшебница добавила:

— Думаю, ты уже слышала о нашем правиле, запрещающем отдавать другому магу знания, накопленные или полученные лично тобой. Каждый из нас ревностно бережет собственные силы и мечтает встать во главе гильдии.

«Ошибаешься, уважаемая, — с затаенным злорадством подумала я. — Не все проживающие в Звездной башне маги исповедуют твою жабую религию и давятся от жадности. Джайлз все-таки успел научить меня кое-чему!» И вот именно тогда я впервые поняла, насколько сильно отличается молодой чародей от своих эгоистичных коллег. Добро всегда пробьет себе дорогу. И неважно, сколько времени займет этот процесс, — рано или поздно злу все равно придется отступить и признать собственное поражение. Знание этого правила и дает нам надежду на лучшее будущее, хотя тогда я еще не подозревала, насколько тяжелым станет мой личный путь к добру и свету.

— Поэтому ты не встретишь в нашей башне ни одного ученика, — продолжила свою мысль глава гильдии. — В течение первого года ученичества всем адептам полагается путешествовать по королевству и наполнять свои звезды добытой ими информацией, набираясь знаний и сил для того, чтобы получить возможность вступить в ряды гильдии. Вот почему ученики нашей гильдии никогда не идут одинаковой дорогой — у каждого из них свой путь в магию, который лишь в общих чертах напоминает пути остальных. И именно поэтому мы называем свои хрустальные украшения так громко и многозначительно — Звезда моей души, ибо наши души почти в буквальном смысле заключены в этих волшебных сосудах... Ты хочешь что-то спросить у меня, Йона?

— Да! — Я внутренне сжалась, собирая в кулак всю подвластную мне силу воли и стараясь хоть на миг запрятать подальше свою природную застенчивость. К тому же я знала, что, задавая такой вопрос, нарушаю главное правило гильдии, но тем не менее рискнула и шепнула: — С чего мне следует начать свой путь?

Сьерра Кларисса рассмеялась. Ее смех получился таким глубоким, звучным и подкупающе искренним, словно я сообщила ей нечто очень приятное.

— Bravo, малышка, ибо ты повторила мой собственный вопрос, вот я и смеюсь! Каждый из нас начинает свой путь с выбора силы, той ее стороны, которую он намерен принять.

— Не понимаю, — жалобно пролепетала я. — Как можно выбрать то, чем еще не владеешь?

— Подойди к Двойнику Души, — чародейка повелительным жестом указала на двойное зеркало, стоящее на камине, — и загляни в его глубину... Увидишь, на какой его стороне, темной или светлой, отразится большая часть твоего лица.

Передвигаясь словно сомнамбула, я поднялась со скамеечки, приблизилась к зеркалу и...

Едва отразив мое разделенное пополам лицо, Двойник Души вдруг залился ослепительным золотистым сиянием, победно звякнул и рассыпался сотней мелких осколков.

— Ах! — ошеломленно вскрикнула я, не понимая смысла происходящего. — Я не прошла испытание?

— Невероятно! — Сьерра Кларисса смотрела на меня с испугом и восхищением. — Согласно легенде, принятой в нашей гильдии, зеркало разобьется лишь тогда, когда встретит душу более чистую и прозрачную, чем оно само.

Я смущенно покраснела и потупила взгляд:

— Это значит, что теперь мне выдадут мою личную звезду и разрешат отправиться на поиски силы?

— Открою тебе страшный секрет: я произнесла точно такую же фразу, когда получала свою звезду...

Волшебница пропела куплет на незнакомом мне языке, и в ее ладонь опустился пустой сосуд, подвешенный на тонкую золотую цепочку.

— Я даю тебе эту звезду, Йохана, новая ученица чародеев! — торжественно провозгласила сьерра Кларисса, надевая цепочку мне на шею. — С этого мгновения дорога, лежащая перед тобой, видна только тебе одной и никому другому. Возможно, первый год ученичества станет самым трудным периодом твоей жизни, но это этап, на котором ученику предстоит выполнить главное: преодолеть гнетущую неуверенность в собственных силах, познать и победить свои страхи, раскрыть и приумножить доставшиеся ему достоинства. Тебе предстоит побывать во многих уголках нашего мира, хранящих тайные знания, и найти именно те, которые окажутся созвучны твоей душе и поэтому наполнят твою звезду. Клянешься ли ты осуществить порученное тебе задание?

— Клянусь! — решительно ответила я, сжимая в ладони прозрачный, пока еще пустой хрустальный сосуд, отныне должный стать Звездой моей души. — Я обещаю пройти через уготованные испытания, не отступить и не сломаться, а также добыть знания, которые сделают меня достойной вступления в ряды гильдии Чародеев!

— Да будет так! — кивнула сьерра Кларисса, совершая почти незаметное движение пальцами, после которого звезда сразу же потеплела и мелко запульсировала, подстраиваясь под ритм моего сердца, а я поняла — теперь мы связаны невидимой неразрываемой нитью. Навсегда. И в жизни, и в смерти! Я и бесценная Звезда моей души.

— Иди же, ученица чародеев, и испытай свою судьбу! — Магичка торжественно простерла руку, указывая на выход из своих покоев. — Жду тебя обратно ровно через год. Ты должна прибыть точно в этот же день и принести с собой нечто важное и значимое, еще не известное никому из магов. Вернись или погибни!

— Клянусь! — повторила я, мысленно содрогаясь от ужаса и нехорошего предчувствия.

Теперь я поняла, почему в башне проживает столь незначительное число чародеев. Немногие из них сумели пройти путем постижения силы и вернуться живыми из своего страшного похода... Суждено ли мне снова увидеть высокие стены Блентайра? Но ответа на этот вопрос у меня пока не было.

— Иди же! — Магичка тихонько подтолкнула меня в спину. — Чего ты ждешь?

— Куда? — робко спросила я. — Куда мне идти?

Губы сьерры Клариссы искажила мстительная ухмылка:

— В первую очередь ты обязана посетить Зачарованный берег — обитель эльфов из Полуденного клана. Но учти, ученица, Перворожденные не очень-то привечают людей и редко впускают их в свои владения. Тебе придется добратся до центра Пустоши и познать ее гнев. Затем тебя ждут Белые горы, гнездиться и летать среди коих смеют лишь самые могучие из птиц. Ты должна побывать в лесу Шорохов, еще более негостеприимном и опасном, чем край эльфов. Это обязательные пункты пути каждого из адептов. Но твоя дорога может увести тебя значительно дальше, а дать намного меньше или гораздо больше ожидаемого. Не стремись выжить за счет других. Даже под угрозой смерти не сворачивай со своей дороги только ради того, чтобы сократить путь. Помни: магия скрыта во всем, что нас окружает, и наша задача — отыскать ее, овладеть тайнами колдовства и стать вершителем собственной судьбы!

В камине догорали последние поленья, свечи на потолке погасли все до последней, комната постепенно погружалась в полумрак, и я поняла, что наш разговор подходит к концу. Напутственная речь главы гильдии вызвала у меня двойственное чувство. С одной стороны, я ни на йоту не поверила сьерре Клариссе, сознательно проигнорировав пафос и

нарочитую красоту ее слов. Я не сомневалась в том, что верховная чародейка Блентайра врет. Самый верный признак правды — это простота и ясность. А вот ложь, в отличие от истины, всегда оказывается сложна, вычурна и влеречива. А с другой стороны, я почуяла — чародейка всеми силами стремилась скрыть от меня нечто страшное, старое и полузабытое. Нечто связанное со мной лично и со всем Лаганахаром... И вот то, о чем именно она умолчала, я и собиралась узнать в самое ближайшее время.

— Тебе придется пройти семь испытаний. Первое — здесь, в столице. Оно является начальным этапом твоего пути и предопределяет все последующие. Имей в виду, дорогая, тебе придется выбирать: какую сторону силы ты поддержишь изначально, какую сторону магии начнешь постигать — темную или светлую, хотя, даже точно определившись с выбором, ты можешь получить в итоге прямо диаметральный результат. Увы, я не властна раскрыть тебе суть остальных испытаний, ибо ничего о них не ведаю. Сейчас ты поешь, переночуешь здесь, в башне, а утром наш кастелян выдаст тебе немного денег и выведет за ворота. Эта небольшая помощь — то единственное, что мы можем дать каждому ученику, не нарушая законы и не поступаясь принципами нашей гильдии. Но в утешение скажу: деньгами знание не купишь, и многие детки из богатых семей уходили отсюда с набитыми золотом кошельками, а возвращались с пустыми звездами или не возвращались вовсе... А теперь признайся, Йона, ты запомнила все, о чем я тебе рассказала?

— Да... — Из-за усталости и резко усилившегося голода меня начало неудержимо клонить в сон, а от потери сознания удерживал лишь громкий голос волшебницы да мой сердито урчащий желудок.

— И помни: в конце своего пути ты должна вернуться обратно, то есть прибыть точно сюда же, в начало дороги испытаний, но имея внутри звезды больше знаний, чем там есть сейчас. Итак, до встречи через год. Можешь идти ужинать — трапезная находится на первом этаже, ты ее не пропустишь.

— Доброй вам ночи, высокочтимая сьерра чародейка! — Я поклонилась со всем доступным мне изяществом, спиной вперед выходя из покоев главы гильдии.

— Доброго тебе пути, эльф! Береги свои крылья... — насмешливо раздалось мне вслед, и я вздрогнула от неожиданности. Как, магичка знает, кем я являюсь на самом деле? Но почему она не призналась в этом раньше?

К несчастью, гобелен уже опустился, и поэтому я не могла ручаться за то, что верно расслышала последнюю фразу чародейки. Я еще немного постояла, недоумевая и теряясь в догадках относительно истинных мотивов поведения сьерры Клариссы, но так и не пришла к какому-либо вразумительному выводу. Потом я строптиво топнула ногой и, решив не ломать голову попусту, почти бегом бросилась вниз по лестнице. Да, признаю, у меня излишне ранимая душа, мне становится неприятно от любой нераскрытой загадки и больно от каждого обмана. И мне очень жаль, что дело обстоит именно так, ведь как раз поэтому мы и превращаемся в душевнобольных...

Гобелен опустился на прежнее место, скрыв ушедшую восвояси Йохану. Кларисса снова откинулась на спинку любимого кресла, задумчиво покусывая нижнюю губу и даже не замечая выступивших на ней капелек крови.

«Вот, значит, как оно сложилось! — неотступно вертелось у нее в голове. — Кто бы мог подумать, что древний дух бесследно сгинувших создателей Блентайра еще способен возродиться вновь, приняв облик юной, хрупкой девушки!» Чародейка презрительно усмехнулась. Зеркало разбилось — значит, в этот мир пришла совершенная душа... Почему, зачем? Какую пользу принесет эта тоненькая, будто тростинка, малышка? А ведь именно этой беззащитной девчушкой бог Шарро и пугал недавно ее — верховную магичку Клариссу, главу гильдии Чародеев, предрекая приближение новых времен и гибель всех магов! Да ну, пустое. Кларисса не сдержалась и нервно рассмеялась в голос.

«Готова побиться об заклад, — подумала она, — поставив на кон свою жизнь, что этот ребенок неспособен совершить ни одного из напрогноченных богом подвигов и уж тем более

остановить надвигающуюся на город Пустошь».

Кларисса, опальная королева Блентайра, вперила невидящий взгляд в камин, совсем не замечая, что огонь давно потух, а оставшиеся от дров угли подернулись толстым слоем серой золы. Что же ты наделала, бабушка Сильвана, заключая тот страшный договор! Неужели ты и в самом деле верила, будто усмиришь всесильную богиню и подчинишь ее своим чарам? Ты пыталась, но у тебя ничего не вышло! Тебе не помогли даже слезы Эврелики... Куда же ты исчезла, бабушка, пропав внезапно и бесследно? Если ты мертва, то где находится твоя могила?

Кларисса никогда не видела свою легендарную родственницу, но понимала — самонадеянная магичка Сильвана совершила роковую ошибку. Именно по ее вине вот уже два столетия весь народ Блентайра выплачивает ужасную дань, искупая грех бывшей основательницы гильдии Чародеев. Но, к сожалению, не все в этом мире можно искупить — даже кровью и смертью, и отнюдь не все проступки можно исправить — пусть и с помощью магии.

А эта невысокая, болезненно худощавая девочка — откуда она вообще взялась? «Она придет из ниоткуда и станет наследницей великих сил», — вспомнила Кларисса слова древнего пророчества, начертанного на стене Немеркнувшего Купола. Вот уж точно, девчонка пришла из ниоткуда, в этом Неназываемые не ошиблись. Она выросла в самом бедном сиротском приюте Блентайра и не знает своих родителей. И немудрено — малышку подбросили под двери благочестивой обители, оставив там, как никому не нужную вещь. У подобных ей выродков один путь в жизни — храмовый котел, так что сиротке еще повезло...

А в том, что девчонка является выродком, магичка даже не сомневалась. От бдительного ока Клариссы не укрылись ни спрятанные под пелериной крылья Йоны, ни ее чисто эльфийский разрез и цвет глаз, ни остроконечные уши... Искусная маскировка могла обмануть кого угодно, но только не верховную чародейку, ибо та знала о Перворожденных много такого, о чем даже и не догадывались рядовые жители королевства. И, чего уж греха таить, для обретения этих запретных знаний у Клариссы имелась своя собственная, вполне весомая причина.

Чародейка бросила беглый взгляд на седло, аккуратно пристроенное в углу комнаты, и по ее лицу расплылась довольная, высокомерная, но вместе с тем чуть сконфуженная улыбка. «Не буди лихо, пока спит тихо!» — частенько изрекают мудрецы, намекая на опасные последствия, возникающие в качестве результата копания в чужих тайнах. Да уж, чужие тайны смахивают на слегка притихшее гнездо лесных ос, только и ждущих удобного момента, чтобы вырваться на волю и пожалить всласть. А чтобы разозлить ос, достаточно сущей мелочи: одного короткого тычка палкой...

Если рассуждать объективно, с позиции изворотливых чародеев, все тайные события нашей жизни имеют вовсе не одну сторону, как полагают наивные обыватели, а две. Но вот умение правильно выбирать нужную сторону бытия дано далеко не каждому.

Впрочем, следует признать, что в противовес всей своей неискушенности и хрупкости эта девчонка опасна. Тьма знает, кем были ее родители, один из них уж точно принадлежал к числу чистокровных эльфов из клана Полуночных — это очевидно как день, и ничего тут не попишешь. Кларисса считала, что повелители вымерли все до единого, усеяв своими костями нелегкий путь побежденных, ушедших прочь из столицы и затерявшихся в районе Запретных гор. Полуночные эльфы всегда были исключительно теплолюбивыми существами, неприспособленными для выживания в холодном северном климате. А ведь именно на север, ведомые безутешной Эвреликой, ушли остатки крылатого клана, проигравшие финальную битву у Аррандейского моста и потерявшие в ней своего короля Арцисса.

Все-таки не стоит умалять заслуги Сильваны, исхитрившейся обеспечить победу в том финальном бою и сумевшей утвердить в Блентайре господство человеческой расы. Потерпевшие поражение Полуночные ушли на север и сгинули бесследно... Находчивая Сильвана приказала разыскать их останки и доставить обратно в столицу. Воины,

отправленные по следам ушедших эльфов, смогли собрать множество тел замерзших Первородженных и передали их чародеям. Но, к вящему разочарованию главы гильдии, среди тех скрюченных и обледенелых трупов так и не нашлось тел самой Эврейки, Овэлейна — оруженосца погибшего короля, Лаллэдрина — главного мага клана Полночных и многих других.

Убоявшись собственных сомнений, Сильвана предпочла поверить в гибель всего клана, убедив в спорном факте всех остальных людей. Но, похоже, дело обстояло совсем не так. Они все-таки выжили! Теперь Кларисса уже ничуть не сомневалась в том, что некоторые из Первородженных все же сумели уцелеть, непостижимым образом избежав мучительной смерти от голода и холода.

Итак, согласно неоспоримым фактам они и правда ушли на север... Да, но там же нет ничего, кроме снега, острых пиков неприступных гор, совсем не напрасно названных Запретными, и шквальных порывов жгучего, пробирающего до самых костей ветра, срезающего плоть с костей не хуже острой бритвы придворного цирюльника.

После пропажи новорожденного сына Кларисса организовала новую экспедицию, оправив на север наиболее опытных и надежных воинов. Бойцы отсутствовали тридцать дней, а потом вернулись — но не все... Из пятнадцати сильных, закаленных воинов в самом расцвете лет добраться обратно до столицы сумели лишь четверо. Они поведали королеве леденящую душу историю о морозе, царящем на подступах к Запретным горам, о сугробах высотой в три человеческих роста, о неприступных снеговых скатах на отрогах хребта, об алчно воющем холодном ветре, жаждущем теплой человеческой крови...

И тогда Кларисса поняла — в тех краях не выживет никто и никогда, а тем более изнеженные придворные эльфы, привыкшие купаться в роскоши и тепле. Недаром ведь Полуденные, покинув перед самой битвой своих братьев и союзников Полночных, отступили к теплому Зачарованному побережью, уйдя на восток, к морю. Следует вспомнить, что Полуденные всегда были немного трусоваты, предпочтя участь живых предателей, а не мертвых героев!

«И все же, — брови Клариссы недоуменно сошлись на переносице, — в жилах девчонки, несомненно, течет кровь Полночных! Кровь мертвецов? И как же это стало возможным?»

Но, увы, пока она так и не смогла найти ответ на сей неразрешимый вопрос. А кроме того, чародейку беспрестанно терзала и вторая, не менее насущная забота...

Ход времени неотвратим — с момента победы у Аррандейского моста, принесшей людям не славу и почет, а лишь горести и беды, минуло уже целых два столетия. Да, они получили Блентайр, но страшный долг — результат заключенного Сильваной соглашения — неумолимо висел над их головами, приближая миг окончательной расплаты. Бог Шарро покинул земли Лаганахара, а Пустошь наступала... Год за годом, пядь за пядью она безостановочно пожирала плодородную почву, все ближе придвигаясь к стенам столицы, неся с собой засуху, холод или жару, голод и смерть.

Лаганахар медленно умирал — почти погребенный под песчаными барханами, лишенный милости пресветлого Шарро, отвернувшегося от людей, ставших убийцами его детей эльфов. Но Кларисса не сдавалась. Год за годом она отправляла в путь все новых и новых учеников своей гильдии, обманутых ее лживыми рассказами. Она посылала их навстречу опасности и испытаниям, но мечтала при этом лишь об одном: вдруг кто-то из них случайно сумеет раздобыть нечто судьбоносное, способное остановить жадную богиню и приручить пустыню. Увы, пока подобного чуда не произошло. Подавляющее большинство учеников просто погибали, не вынеся тягот пути, а те, кто вернулся, действительно становились неплохими чародеями, обрета знания и силу. Последним из таких счастливиц оказался Джайлз, представляющий сейчас реальную угрозу для единоличной власти Клариссы. Чародейка разгневанно поморщилась.

Мальчишка стал слишком опасен. Он молод, перспективен и абсолютно чужд самолюбования. Он не стремится устранять конкурентов и не лебезит перед авторитетом

старейшин. Он уважает дружбу и ценит простодушные порывы. Пожалуй, он способен пойти очень далеко и даже — тут чародейка почти задохнулась от негодования и спонтанно нахлынувшего страха — стать очередным главой гильдии. И подумать только, когда-то она сама его приютила, лично привела осиротевшего мальчугана в Звездную башню, дала ему еду, кров и лучшую наставницу. Нет, определенно его нужно убрать! Устранить немедленно, пока еще не стало слишком поздно.

— Я сама займусь этим вопросом, — вслух произнесла магичка, испытав несказанное облегчение от принятого решения. — Джайлз должен умереть. Что же касается малышки Йоханы, то я предпочитаю немного подождать и проследить за ее достижениями. Похоже, пресветлый Шарро очень в ней заинтересован, раз уж сам приготовил для нее звезду и готов показать мне сына за участие в судьбе его протеже. Хотя если девочка способна стать причиной гибели моей гильдии, то, возможно, я неосмотрительно рублю сук, на котором сижу... Что же мне предпринять? Разум призывает немедленно убить эльфийского выродка, но эмоции приказывают подождать и попытаться вернуть сына! Следует повременить, ведь наша крошка эльфийка пока еще даже не догадывается о талантах, скрытых в глубине ее хрупкого тельца или унаследованных от могущественных родителей. Но она уже носит эльфийское одеяние, покрытое забытыми рунами. Интересно, как она сумела его добыть?.. Подозреваю, она случайно или отнюдь не случайно способна добыть многого, гораздо большего, чем все предшествовавшие ей адепты. Вдруг она и впрямь сумеет добыть нечто важное, способное померить аппетиты Банрах? А вдруг она сумеет найти пропавшие слезы Эврелики?..

Кларисса сосредоточенно заломила бровь, взвешивая все доводы «за» и «против».

— Если этот артефакт попадет в мои руки, то, пожалуй, я уже не буду зависеть от девчонки или милости Шарро. Тогда я смогу вернуть сына и завладеть всем Лаганахаром...

От подобной захватывающей перспективы у Клариссы сбилось дыхание.

— Во всяком случае, не стоит пока торопиться с устранением Йоны, — усмехнулась она. — Лучше я проявлю терпение и поступлю иначе: дам кое-кому поручение проследить за ее передвижениями, а также попутно проверю ее везение и силу воли. Полагаю, моя крылатая попытка будет находиться под надежным надзором, ибо лазутчики ниуэ никогда не теряют единожды взятый след, не меняют однажды усвоенных убеждений и не отступают от своих покровителей. Ниуэ слишком многим обязаны нам, магам, спасшим их от смерти, а потому отлично осознают доставшееся им место и возвращают свои долги.

Так рассуждала чародейка, даже и не подозревая о том, что раз в несколько сотен лет в мире все-таки настает такой ответственный момент, когда в мироздании попирается любой, пусть самый непреложный закон. К тому же практика показывает — все правила создаются для того, чтобы однажды появился тот, кто окажется способен нарушить эти самые, неоднократно проверенные до него, правила...

Первая, маленькая, случайная неправда, неосмотрительно произнесенная человеком, всегда имеет свойство разрастаться и расширяться, превращаясь в огромную ложь. Человек все больше привыкает врать и делает это все чаще, быстро поняв приносимую обманом выгоду и поэтому в дальнейшем прибегая к ней вполне осознанно и целенаправленно. Так происходит постепенное очерствение сердца и почернение души. Путь добра труден и тернист, но вступающий на стезю зла должен помнить: сиюминутные выгоды и победы, предлагаемые нам темной стороной бытия, никогда не даются даром — их приходится отрабатывать, рано или поздно.

Сильвана, покойная бабушка Клариссы, прекрасно понимала всю обманчивую привлекательность зла, но тем не менее уже не смогла свернуть с единожды избранного пути. Эта же страшная участь постигла и саму Клариссу...

Приворожив к себе короля Вильяма, магичка вроде бы стремилась к положительному результату, утешаясь бесхитростной фразой: «Благая цель оправдывает любые средства». Ну да, любые — даже самые жестокие и кровавые. Она мечтала родить наследника или наследницу, способного впоследствии стать великим чародеем и остановить наступление

Пустоши. Однако нельзя построить собственное счастье, разрушая счастье других людей.

Казалось бы, первая часть задуманного плана осуществилась — у королевы родился долгожданный сын, нареченный Арденом и изначально наделенный всеми нужными качествами: красотой, пропорциональным телосложением и завидной резвостью. Мальчик радостно гукал в колыбели, с аппетитом сосал грудь кормилицы, крепко спал и смотрел на мир широко открытыми черными глазенками. Кларисса плакала от радости, а восторженный король вышел на балкон, неся наследника престола на руках, дабы самолично явить верноподданнически рукоплещущей столице ее потенциального правителя.

Но счастье длилось недолго — через три месяца принц Арден бесследно исчез. Так заплатила Кларисса за совершенный ею обман и за свою жестокость, проявленную к новорожденной дочке несчастной принцессы Аньерд, произведшей на свет нечто непонятное — кособокое, горбатое, тощее, костлявое и остроухое.

Замкнувшись в Звездной башне, отлученная от королевского двора, чародейка привыкла ко лжи, уже позабыв, что есть правда, и совершенно не отличая ее от вымысла. Она не жалела свою мать, беспощадно загубленную дочерью с целью скрыть корни собственного сомнительного происхождения. Она лгала ученикам, произнося пышные фразы о постижении магии, но лелея лишь мысль о собственном величии и славе новой спасительницы Блентайра, ведь именно этот титул некогда даровали ее преступной прародительнице Сильване. Она говорила о создаваемых в их лабораториях звездах, якобы отлитых из чистейшего хрусталя, но и эти сказки не соответствовали действительности — за ними скрывалась ужасная истина.

На самом деле хрустальные звезды являлись не чем иным, как сердцами погибших эльфов, чьи тела собрали и препарировали чародеи. Именно эти замерзшие до состояния хрусталя органы и обладали уникальной способностью собирать и накапливать магию, делая своего владельца могущественным магом, умеющим повелевать стихиями и творить чудеса. О да, люди были слишком многим обязаны загубленным ими эльфам, и их кровавый долг отнюдь не уменьшался, а многократно возрастал с каждым годом. Тьма накрывала весь Лаганахар и обитающих в нем злодеев...

«Интересно, из чьего сердца сделана доставшаяся Йоне звезда? — мысленно вопрошала Кларисса, изнемогая от неудовлетворенного любопытства. — Та самая, которую дал мне для этой цели сам бог Шарро?»

Но кто, кроме бога, мог знать ответ на этот сложный вопрос?

Чародейка растегнула глухой ворот своего платья, вынимая личную, спрятанную под ним звезду. Она с неприязнью вспомнила, каким ярким серебристым светом сияет амулет Джайлза, воспроизводя цвет души молодого мага. Среди обитателей Звездной башни бытовала некая легенда, повествующая о том, будто главная чародейка гильдии намеренно прячет свою звезду от глаз окружающих ее магов, дабы не ослепить их насмерть неповторимым золотым сиянием. Но все это было очередной ложью, байкой, созданной самой Клариссой.

Магичка разжала ладонь, скрывающую ее собственную звезду, и вперила в нее панически расширенный взор, надеясь узреть хоть какое-то крохотное изменение к лучшему... О нет, Кларисса вовсе не считала себя злодейкой или убийцей, просто она мечтала прогнать Пустошь, спасти Блентайр и единолично править городом... Увы, ожидания чародейки не оправдались: изменений не произошло — ее звезда по-прежнему имела все тот же мертвенный, угольно-черный цвет. Цвет души самой Клариссы...

ГЛАВА 8

В нашей жизни все когда-то случается в первый раз. К примеру, сегодня, впервые за все свои шестнадцать лет, я проснулась не на деревянной лавке, а в настоящей постели с периной и льняной простыней, да еще и под шелковым ватным одеялом. В комнате никого не было... Просто никогошеньки! Подумать только, я ночевала одна... И отнюдь не в

тесном, переполненном девчонками холодном дортуаре, а в самой настоящей спальне в Звездной башне, да к тому же в моем единоличном распоряжении имелось аж три подушки (две обнаружились утром на полу), а окно комнаты выходило на центральную городскую площадь. Расскажи я об этом кому-нибудь из моих приютских друзей — ни за что не поверят! Как не поверят они и в рассказы о прочих чудесах сего волшебного места. А хотя куда же они денутся, если отныне у меня появилось нечто вещественное, способное убедить любого скептика. Я осторожно сжала в ладони небольшую хрустальную звезду, с которой не рассталась даже на время сна.

«Теперь мы навсегда станем единым целым, — мысленно пообещала я, обращаясь конечно же к своему новенькому амулету. — С сего момента ты будешь считаться символом и атрибутом моей новой жизни, ибо теперь я называюсь...»

— Ученица гильдии Чародеев! — вслух произнесла я, смакуя каждую букву и почти физически ощутив на языке сладкий вкус этих невероятных слов.

Вчера я получила официальный статус ученицы гильдии Чародеев! На душе у меня удивительно потеплело. Заветная мечта сбылась.

Время, судя по всему, было еще не позднее, но, похоже, в Звездной башне вставали рано, потому что, когда я добралась до трапезной, там не обнаружилось ни одной живой души.

«Впрочем, как и мертвой!» — Я позволила себе немного поиронизировать, помня, в каком именно месте нахожусь, и готовясь встретить кого угодно, начиная от привидения и заканчивая каким-нибудь ужасным зубастым монстром. Но мои фантазии пропали втуне, ибо трапезная оказалась абсолютно пустой, если, конечно, не принимать в расчет тарелки с простой, но сытной пищей, оставленные на столе. Судя по количеству столовых приборов, наличествующих в единственном экземпляре, завтрак предназначался исключительно для меня. Трапезничая в полнейшей тишине и стараясь не чавкать, я азартно опустошила миску с овсяной кашей, с аппетитом слопала ломоть теплого белого хлеба с сыром и запила немудреную еду кружкой парного молока.

Странно, но вчера вечером я тоже поужинала в одиночестве... Правда, тогда я не обратила на это ни малейшего внимания, ибо почти засыпала от усталости и поэтому, практически не жуя, быстренько проглотила отлично прожаренную отбивную, вяло реагируя на окружающие детали или же на отсутствие таковых. Под своей тарелкой я нашла бумажку с номером приготовленной для меня комнаты, где и провела ночь. Кроме вышеперечисленного, в моем активе пока не числилось никаких других происшествий.

Покончив с завтраком, я немного растерялась и даже взгрустнула. Пока не жалуюсь на провалы в памяти, так что отлично помню обещание сьерры Клариссы, касающееся денег, но вчера за ужином я не увидела на столе ни единого медного арани. Более того, я не встретила и никакого сьерра кастеляна, способного оказать обещанную мне помощь.

Мое недоумение продолжало расти, но удивляйся не удивляйся — а денег от этого не прибавилось, ведь в комнате их тоже не обнаружилось. Что ж, видимо, придется мне о них забыть, ибо самое глупое, что я могла сейчас сделать, — это обидеться на незнакомого человека, укоряя его за забывчивость. «Наверное, — беззлобно рассудила я, — у этого неуловимого кастеляна и без меня наберется целая куча забот. Наверное, он все-таки придет, если я осмелюсь задержаться в башне и подожду еще немного...»

Я честно подождала, стараясь не заикливаться на этих щекотливых «наверное»...

Хмурый блеклый кругляш Сола уже явственно перевалил за половину неба, а я все ждала, сидя в своей комнате и глядя на заполненную людьми площадь Поющих Ручьев. От вынужденного безделья я даже вспомнила, почему ее так называли. В стародавние времена наши маги еще не умели останавливать весенний разлив Алларики, да и сама река, если верить легендам, была не в пример полноводнее и шире, чем сейчас. Поэтому в те дни, когда она выходила из берегов, весь город оказывался залит водой — ну конечно, не до крыш, но все же относительно высоко, примерно по щиколотку... А по главной городской площади бежали сотни ручьев, потому что она выложена наиболее крупными, красивыми

булыжниками, разделенным ровными декоративными канавками. Ручейки весело звенели, перекатываясь через камни, что и дало площади ее звучное, столь красноречивое название.

Время шло, но кастелян так и не появился. Меня начало изрядно тяготить это бестолковое рассиживание в четырех стенах, пусть даже и в Звездной башне. Я никак не могла отделаться от свербящей в голове мысли: «Меня ждет первое испытание!» Да к тому же я твердо верила в то, что к моему нынешнему времяпровождению оно не имеет ни малейшего отношения. Откровенно говоря, я бы никогда не отважилась искать кастеляна самостоятельно, нахально бродя по башне. Еще, не дай Шарро, потревожу кого-то из магов да выкажу себя бестолковой, абсолютно никчемной дурочкой. По той же причине (побоявшись показаться беспомощной) я с сожалением отказалась от идеи разыскать Джайлза. Он ведь не показал, где находится его комната, а значит, не намеревался приглашать меня в гости.

Поразмыслив еще немного, я завернула в салфетку ломоть хлеба, оставшийся от завтрака, положила его в карман камзола и медленно, а вернее, очень медленно покинула Звездную башню. Совершая такой поступок, я вполне отдавала себе отчет в том, что не имею никакого нужного для путешествия имущества — ни вещей, ни денег, а следовательно, могу рассчитывать лишь на собственное везение и снисходительность судьбы. Но стоило ли сожалеть о невозможном, если иного выхода, кроме как отправиться в путь, у меня просто не было?..

На площади Поющих Ручьев царил типичное для полудня оживление. Я со смешанным чувством симпатии и сожаления следила за спешащими по своим делам горожанами, за копошащимися возле кучи капустных кочерыжек детьми, за деловито прогуливающейся группкой мужчин, облаченных в судейские плащи, за спорящими на углу торговцами...

Раньше я никогда не задумывалась над подобными вопросами, но сейчас до меня дошло: каждый житель Блентайра находился на своем месте и занимался полезной для Лаганахара работой... А я, что здесь делаю я? Я совершенно не представляла, куда пойду в следующий миг и чем займусь в ближайшие дни. Мое будущее еще не определилось и не имело ясных очертаний. Предстоящие испытания еще не начались, а поэтому казались сейчас не более чем страшной историей, по какому-то недоброму умыслу рассказанной хозяйкой Звездной башни.

Меня охватил безотчетный страх, и я поспешно сунула руку под камзол, судорожно сжимая свою хрустальную звезду и испрашивая у нее помощи. Но, к моему величайшему разочарованию, звезда молчала, не издавая ни звука, не подавая ни малейшего сигнала... Помнится, мне велели учиться самостоятельно вершить собственную судьбу, но я вполне осознавала, как далеко нахожусь сегодня от подобных героических свершений, пребывая лишь в самом начале жизненного пути и чувствуя себя совершенно незащищенной под гнетом обстоятельств, одиночества и неприкаянности. Я мечтала обрести целый мир, но пока не могла похвастаться наличием хотя бы капли смелости, необходимой для того, чтобы разобраться в себе и сделать первый шаг.

Наконец я с грехом пополам усмирила свои бурно фонтанирующие эмоции, восстановила сбившееся от волнения дыхание, утерла выступившие на глазах слезы, шумно высморкалась, набралась решимости и попыталась определиться, куда именно мне следует идти. От площади Поющих Ручьев расходились целых пять улиц, проложенных в форме симметричных лучей. Все они выглядели примерно одинаково, поэтому для начала я просто прошла по кругу, огибая периметр площади и стараясь не выбирать специально какое-то конкретное направление, а интуитивно слушаться своего внутреннего голоса и ждать, что возле нужной улицы у меня, как это всегда происходит в сказках, внезапно екнет сердце. А в том, что меня втянули в какую-то страшную сказку, я даже не сомневалась...

Улица Ростовщиков... Уже от одного ее названия мне стало подозрительно неудобно на

душе, но, заглянув за угол, я не заметила там ничего мрачного. На залитой приглушенным дневным светом мостовой царила самая обычная суматоха, слышались сварливые голоса бранящихся женщин и рев капризничающих детей. Из ближайшей лавки, очевидно принадлежащей вполне успешному меняле, доносился тоскливый стук ссыпаемых в мешок медных монет. Пахло щелоком и свежесваренным луковым супом. В общем, я не обнаружила здесь ничего особенного, но почему-то подумала — раз уж мне по некоей смутной причине не нравится название этой улицы (возможно, такую антипатию вызвало воспоминание о собственных удручающе пустых карманах), то ничего хорошего там не встретишь, и, значит, я туда не пойду.

Улица Терпких Ароматов... Я звонко чихнула от невообразимой смеси всевозможных запахов, вызывающих в носу жутко-свербящее ощущение. Уже в самом начале улицы я почувствовала едва уловимое мускусное амбре, причудливо переплетающееся с другими ароматами, названий которых я не знала. Запахи духов напомнили мне о роскошных покаях сьерры Клариссы, и я недовольно поморщилась, невольно удивляясь своей странной неприязни к верховной чародейке. Да что же это со мной, ведь магичка не сделала мне ничего плохого? Немного подумав, я решила, что пойду этой дорогой только в том случае, если мне не приглянется никакой другой, более импонирующий вариант.

Улица Отчаявшихся Сердец... Почему-то в Книге Преданий не нашлось ни одной легенды, которая могла бы правдоподобно объяснить причину возникновения такого необычного названия: пугающего, обреченного, безысходного. Я сразу поняла, что мне определенно не стоит начинать свой путь со столь мрачной улицы, ассоциирующейся с нехорошими предчувствиями. Поэтому я торопливо прошла мимо.

Переулок Хмельной Браги... Я недоуменно почесала в затылке. Интересно, почему это здесь, среди прочих широких улиц, неожиданно затесался сей жалкий, совершенно не подобающий Блентайру переулок? И как он смог остаться столь узким и полутемным, если начинался не где-нибудь, а у главной площади города? Разве люди не понимают простой истины, доступной даже ребенку: алкоголь не помогает решать жизненные проблемы? Впрочем, если разобраться, то и у молока обнаруживается тот же самый эффект... Но, по-видимому, завсегдатаям пивных забегаловок, буквально запрудивших переулок, это местечко казалось весьма милым и полезным, раз уж его не снесли и не перестроили. Я брезгливо повела носом и решительно двинулась дальше.

Улица Дерзких Надежд... Название этой улицы звучало довольно привлекательно, хотя мне не очень-то хотелось именовать свои мечты дерзкими — лучше уж глобальными, смелыми или как-то еще в таком же стиле. Но в глубине души я понимала: то, на что я замахнулось, и является самой большущей дерзостью, а также вполне подходит под определение «надежда». Именно надежда на счастливое будущее вела меня вперед, но пока не привела никуда... Вот почему я продолжала неуверенно топтаться у первого дома вышепоименованной улицы, умоляя судьбу не издеваться над несчастной мной, а сжалиться и послать знамение или знак.

Лица встречающихся людей не отражали ничего необычного. Стены ближайших зданий имели банальный серый оттенок, протекающий по тротуару ручеек нес стойкий смрад помоев, а давно не мытые оконные стекла напоминали бельма слепца. Короче, абсолютно ничего вокруг не говорило о сути ожидающего меня испытания, и вообще этой улице не было до меня ну совершенно никакого дела. Задумчиво постукивая по камню носком сапога, я усиленно ломала голову над предположением, каким может оказаться мое первое испытание, но так и не смогла придумать ничего вразумительного. А если я ничего не придумала, то куда же мне идти? Как узнать, что конкретно нужно искать? Я терялась в догадках и продолжала топтаться на месте, боясь пропустить долгожданный путеводный знак...

Неожиданно чуть впереди зазвучала какая-то музыка, и до моего уха долетели начальные строчки задорной народной песенки, исполняемой молодым мужским голосом:

На чердак заброшу латы,
Закопаю меч в саду,
Больше в жизни я, ребята,
На дракона не пойду.

Ну подумаешь — принцесса,
Пруд пруди таких принцесс.
Под давлением прогресса
Захирел любви процесс.

И солиста тут же поддержал сбивающийся на хохот хор из нескольких подпевал, с энтузиазмом голосащих кто в лес, кто по дрова:

Вы поймите — я всех круче!
Но вопрос не в том стоит.
Ведь принцесс на свете — куча,
А драконы — редкий вид.

Коль убью такого зверя
И не станет их окрест,
В дикий мир придет потеря —
Совесть сразу нас заест!

Но певец насмешливо выслушал припев, приструниваяще цыкнул на своих безбожно фальшивящих друзей и продолжил:

Как увидел я дракона —
Так жениться расхотел.
Не нужна мне и корона —
Без нее навалом дел.

Скакуна пришпорю — ходу!
Ох, дракон тот — не слабак.
Кучу слопал он народу —
Принцев, да и просто так.

Люди на улице останавливались, прислушивались и обменивались веселыми улыбками. А певец заливался соловьем:

Меч остер, но у дракона
Зубы больше под губой,
Нет у нас в стране закона —
Женихов слать на убой!

Я найду себе доярку —
Сало, хлев и самогон,
Жизнь моя пройдет не ярко,
Но... корова — не дракон!

Я фыркнула, чуть не подавившись смехом, и решительно шагнула в глубину улицы Дерзких Надежд. И Тьма меня заберет, если эта песня не являлась самым настоящим вестником судьбы, зовущим к подвигам и приключениям! Жаль только, что тогда я не

обратила внимания на один немаловажный факт: герой песни от подвигов все-таки отказался... Увы, я вспомнила об этом намного позднее, когда мой выбор был уже сделан.

Никаких иных знамений судьбы я не получила. Встречные прохожие не подавали мне никаких знаков, а чаще — грубо толкали, потому что я с любопытством вертела головой, выбиваясь из общего потока торопливо шагающих людей и заметно тормозя движение. Но, видимо решив исправить подобное упущение providения, мой пустой желудок неожиданно взбунтовался и начал подавать первые тревожные сигналы, выражающиеся в громком урчании. Да уж, голод проснулся совсем некстати, заставив меня конфузливо краснеть, поэтому я усиленно игнорировала его позывные, стараясь не думать о том, что в карманах у меня не отыщется ни одного арани, даже случайно завалившегося за подкладку.

«Если придется совсем туго, — печально размышляла я, — то у меня остается запасной вариант: вернуться в Звездную башню и попросить еды...»

Нет! Я возмущенно рубанула рукой по воздуху, споря со своим все усиливающимся голодом. Нет, я ни за что не опущусь до попрошайничества! Клянусь, я скорее сдохну, чем начну побираться! В тот миг во мне проснулась отнюдь не спешивость, совершенно сейчас неуместная, а прорезалось нечто большее. Все обстояло намного серьезнее, ибо я вспомнила слова сьерры Клариссы, наставительно рассуждавшей о том, что я имею право снова появиться в Звездной башне лишь в случае, если принесу с собой больше знаний, сил и опыта, чем имелось у меня в начале пути. А значит, я не могу вернуться туда с пустыми руками! Не могу унижаться, плакать и отступать перед трудностями, ведь я стала ученицей гильдии Чародеев, а подобное звание обязывает ко многому. Отныне я должна быть сильной!

Вдохновив себя эдакими героическими мыслями, я гордо расправила плечи, чуть пошевелила затекшими крыльями (дабы устранить застой крови, а заодно повторно удостовериться в своей избранности) и отважно зашагала вдоль по улице Дерзких Надежд, преисполненная верой в свою удачу, без сомнения поджидающую меня где-то там, за ближайшим углом...

Признаюсь откровенно, для выбора именно этого пути у меня имелась еще одна довольно существенная причина: улица Дерзких Надежд вела к Немеркнушему Куполу. Я уже неоднократно читала об этом архитектурном чуде в различных монастырских книгах, но лишь сегодня впервые в жизни получила возможность лицезреть его воочию.

Кстати, собственно Купол, а вовсе не Звездная башня (как кичливо утверждают самовлюбленные чародеи) является самым древним зданием Лаганахара, считаясь его душой и средоточием. Ну да, тем исконным строением, краеугольным камнем цивилизации, вокруг которого и возвели позднее весь город Блентайр. И как гласят рукописи, создателями Немеркнувшего Купола стали отнюдь не люди и даже не мудрые эльфы, а некие архаичные, давно исчезнувшие из нашего мира существа.

Мы не имеем ни малейшего представления о том, зачем возводился Купол, как выглядели его творцы и к чему они стремились. Мы знаем о них лишь одно: они вошли в историю под именем Неназываемых, и это загадочное слово вызывает интуитивный, ничем не обоснованный страх в сердце каждого из ныне живущих. А все оттого, что мы не только неспособны понять цели поступков творцов, но даже не сумели постигнуть истинного значения, вкладываемого в это чуждое нашему слуху слово — Неназываемые. Ужасный итог их существования таков: наши предтечи бесследно сгнули в пучине веков, так и оставшись неуиденными, непонятыми и неслышанными. И я не могу придумать иной, более скорбной участи, чем эта.

Значительно уступая цитадели чародеев по высоте, Купол между тем мгновенно покоряет сердца всех без исключения людей. Причем не только заезжих гостей, но также и коренных жителей столицы. Он мгновенно пленял воображение совершенством безыскусных форм, удивительно гармонично сочетающихся с неповторимой, но простой и строгой мозаичной отделкой стен. Подойдя к нему с любой из четырех сторон, вы увидите правильный мраморный куб, увенчанный прозрачным хрустальным куполом, диаметр которого немного меньше ширины стен. Таким образом, потолочный купол опоясан узкой

прогулочной дорожкой, окружающей его со всех сторон и служащей отличной обзорной площадкой, с которой открывается прекрасная панорама города.

Все четыре стены купола имеют по паре дверных створок, никогда не запирающихся на замок. Согласно одной из легенд Лаганахара в день своего совершеннолетия каждый эльф обязательно приходил в Купол и после недолгой молитвы, посвященной богу Шарро, выходил через одну из дверей, выбирая тем самым жизненный путь. Считалось, что отдавший предпочтение северным воротам навсегда становился воином, южным — путешественником или творческой личностью, восточным — ремесленником, а западным — общественным деятелем. И лишь в некоторых редких случаях испытываемые покидали Купол как-то иначе, обрекая себя на героическую, загадочную, а подчас и трагическую жизнь. Но вот как в точности это происходило, осталось величайшей тайной Блентайра, и вместе с исчезновением эльфийской расы люди лишились шанса сию тайну разгадать.

Брат Флавиан неоднократно рассказывал о том, что ни одна из гильдий так и не смогла доказать свое право собственности на этот величественный древний памятник, поэтому Купол оставался пустым и бесхозным вот уже добрых две сотни лет, с тех самых пор как из Блентайра сбежали все эльфы. Городские стражники проверяли его каждый вечер: слишком уж удобным могло показаться это место пусть и редким, но все же иногда встречающимся в столице бродягам и прочим не очень симпатичным личностям. Впрочем, полагаю, стражники совершали свои обходы скорее по привычке, потому как в ночное время стены Купола сияли отпугивающим серебристым светом, внушая подсознательный ужас любому приближающемуся к нему человеку.

А вот днем сюда мог войти каждый, кто желает полюбоваться чудной мозаикой, украшающей все четыре стены святилища, или развлечь себя поисками источника света в никогда не погружающемся в темноту помещении без единого окна или свечи, а также забраться наверх и созерцать город. По всем этим причинам Купол и по сей день остается одним из самых посещаемых зданий, слывя главной достопримечательностью Блентайра. И следует ли удивляться тому, что я тоже поспешила воспользоваться столь удачно подвернувшейся возможностью посетить Купол? Потянув за дверное кольцо, я вошла в просторное квадратное помещение.

К моему величайшему изумлению, здание пустовало, я не обнаружила в нем ни одного заезжего ротозея. Я в раздумье остановилась на пороге, недоумевая, куда подевались вездесущие зеваки и бойкие мальчишки, неутомимо шныряющие даже в самых отдаленных закоулках города. Дубовая створка, звучно захлопнувшаяся за моей спиной, ощутимо ударила меня по ягодицам, будто подпихивая вперед и принуждая сдвинуться с места. Я испуганно ойкнула, повернулась и, ухватившись за ручку, нажала на створку. Но не тут-то было — дверь не поддавалась.

Несколько минут я неутомимо пихала и даже пинала монолитную древесную плиту, безошибочно убеждаясь: эта никогда не закрываемая дверь с чего-то изменила своей многовековой привычке и не думает отворяться. Стараясь не поддаваться охватившей меня панике, я медленно прошла вдоль стен, поочередно пробуя распахнуть оставшиеся три двери и приходя к очевидному выводу — они тоже не намерены открываться, видимо условившись навечно замуровать меня внутри Купола. Вот так сюрприз!

Я растерянно почесала под капюшоном своей пелерины, сердито присвистнула и, напустив на себя наигранно-беззаботный вид, принялась старательно изображать обычную экскурсантку, вознамерившись ответно удивить тех глупых выдумщиков, которые заперли меня в Куполе. Не хватало еще доставлять им удовольствие, демонстрируя обуявший меня ужас. Э-э нет, кем бы вы там ни были: богами, дураками или похитителями детей — нате-ка выкусите, не на такую простушку напали!..

Я даже и не пыталась искать источник непрерывно заливающего Купол света, справедливо полагая, что вряд ли сильно преуспею в этих розысках. Шутка ли — суметь превзойти несколько поколений дотошных магов, сменившихся в городе, но так ни на йоту и не приблизившихся к разгадке одной из важнейших тайн древнего эльфийского святилища.

Равномерный, молочно-белый свет, постоянно струящийся с хрустального свода Купола, появлялся неизвестно откуда и никогда не потухал, ничуть не искажаясь при смене времени суток.

Не собираюсь ломать голову над происхождением освещения — я готова принять неугасимость Немеркнувшего Купола за непреложную закономерность нашего мира. Ибо какой смысл пытаться понять то, что не поняли величайшие мудрецы Блентайра? Прочитав книгу о Немеркнувшем Куполе, я неоднократно представляла, как поднимусь на его крышу, но сегодня, впервые попав внутрь здания, я сразу же обратила внимание на мозаичные картины, покрывающие его стены. Наверное, на моем поведении сказался тот факт, что я продолжала упрямо искать знаки судьбы, призванные разъяснить мне характер моего первого испытания.

Итак, значительную часть каждой стены занимали массивные двустворчатые двери, выполненные из прочных дубовых досок. Выше них располагались удивительные по красоте мозаичные картины, чьи краски оставались по-прежнему сочными и свежими, невзирая на чудовищный возраст самого здания. Мозаика на противоположной от меня стене изображала битву двух гигантских мантикор, белой и черной, причем на спинах обеих тварей можно было без особого труда разглядеть маленькие человеческие фигурки, сжимающие в руках какие-то клинки. Зачем эти люди взобрались на спины мантикор, неужели они и впрямь поверили, будто способны повлиять на исход сражения гигантов?

Такой вполне закономерный вопрос сразу же пришел мне в голову, ибо из Книги Преданий я четко усвоила: некогда в нашем мире существовал еще и третий — весьма немногочисленный эльфийский клан, называвшийся Повелителями мантикор. Только они умели каким-то непостижимым образом вступать в ментальный контакт с крылатыми чудовищами, получая не власть над летающими созданиями, а их дружбу и преданность. Но притчи превратились в сказки, а Повелители исчезли все до единого, хотя никто не знал, как именно и почему это произошло.

На картине присутствовала и вторая возмутительная нестыковка. Пристально всмотревшись в мозаику, я обнаружила (или данную деталь нарисовала моя возбужденная фантазия), что наездник белой, меньшей по размеру мантикоры словно окружен неким нечетким ореолом, который при известном допущении вполне можно принять за крылья. Если очень захотеть, конечно... Я еще интенсивнее поскребла под капюшоном, пытаясь активизировать мыслительный процесс, зашедший в безнадежный тупик. Так и не придумав ничего умного, обратила свой заинтригованный взор на три другие стены.

Поговаривают, что на стенах Купола отображены не просто какие-то отвлеченные от действительности картины, а запечатлены основные вехи истории всего Лаганахара, его прошлого и будущего. И вот теперь, глядя на представшие передо мной мозаики, я вдруг осознала, почему даже самые острые умы королевства терялись в догадках, расшифровывая, какую из картин следует считать первой — то есть отправной точкой нашей жизненной дороги.

В данных картинах не просматривалось никакой логики, ибо они выглядели не самостоятельным явлением, а воспринимались как иллюстрации к некоему утраченному тексту... На одной из картин была изображена молодая женщина в красных одеждах, протягивающая вперед раскрытую ладонь, на которой лежала небольшая морская раковина; а на второй — зрелый мужчина в черном плаще, извлекающий из складок своего одеяния нечто абстрактное, напоминающее короткую палку...

«Заberi меня Тьма!» — мысленно ругнулась я, восхищенно любуясь чудесными мозаиками. Представленные на них люди были выполнены с таким неповторимым искусством и выглядели настолько живыми, что казалось — еще миг, и они сойдут со стен, вздохнут и заговорят со мной. Сдается мне, что, выстраивая Купол, неведомые мастера превзошли самих себя и сотворили нечто волшебное, то, чему суждено навечно остаться непонятым и неразгаданным... Так рассуждала я, тогда еще совершенно не догадываясь о том, что именно мне предстоит воплотить в жизнь сюжеты всех храмовых картин, заплатив

болью, кровью и потерями за раскрытие самых потаенных секретов бесследно сгинувших эльфийских кланов.

Я подняла голову и обернулась, намереваясь рассмотреть последнюю, четвертую мозаику, находящуюся как раз за моей спиной. В отличие от предыдущих, прекрасно сохранившихся картин, эта экспозиция была видна нечетко, потому что изображение пересекала широкая красная трещина, расколовшая мозаику по диагонали. Не знаю, как и когда это произошло, до войны или после нее, но трещина сильно смахивала на глубокую кровоточащую рану, разделившую контуры меча и шестиконечной звезды, подобной той, что красовалась сейчас у меня на груди. А над мечом и звездой (кстати, образующих старинный герб Лаганахара) вился изящно выписанный текст, состоящий из нескольких четверостиший.

Поначалу мне показался совершенно незнакомым язык, на котором была выполнена надпись, но, присмотревшись, я с удивлением поняла, что без каких-либо проблем вполне способна читать написанные на стене слова. Надпись гласила:

Неназываемыми дан
Блентайру скорбный, тяжкий дар:
Здесь три влюбленных пары есть,
Пытайтесь их судьбу прочесть.

Попытку вычеркни одну —
Она несет в себе войну,
Вторая — разожжет вражду,
Усугубит она беду.

Бед разрывая череду,
Подарит третья вам звезду,
Дитя, что море усмирит,
Мир на любовь благословит.

Те, кто ушел, и те, кто тут,
Ее Наследницей зовут,
Она прощеньем наградит
И расы вновь соединит.

На море, в небе, и в любви
Ты эту землю сохрани,
Ценою пролитой крови
Надежду миру подари.

Из ниоткуда в никуда
Пройдет она через года
И вспять пустыню повернет,
Злых чародеев — изведет.

А если кто-то вдруг решил
Ее лишить волшебных сил,
То, значит, он большой глупец,
Ведь миру враз придет конец...

Я сразу же вспомнила: часть именно этого пророчества уже прозвучала из уст Джайлза в лавке старого Иоганна, но ни тогда, ни теперь я так и не сумела постичь смысла этих строк.

А кроме того, я сильно сомневалась, что во всем Лаганахаре найдется хотя бы один человек, разбирающийся в сути пророчества намного лучше меня. Я уже даже и не пыталась скрестить под капюшоном, дабы расшевелить мозги, ибо понимала всю тщетность своих потуг. Окружающие меня загадки множились с каждым мигом.

Признаюсь, мне бы очень хотелось, чтобы сейчас в мозаике (неважно, в какой конкретно) внезапно открылась потайная дверь, за которой обнаружилась бы лестница, ведущая на свободу. Я спустилась бы по ступенькам, а там... Да, далее могли последовать любые варианты развития событий...

К сожалению, наяву со мной не происходило ничего подобного. А ощупывать и выстукивать стены я не отважилась — и без того скоро сама себя за чокнутую принимать начну.

Не придумав ничего лучше, я вышла точно на середину святилища и уселась на пол, согнув ноги в коленях и положив на них свободно раскинутые руки, повернутые ладонями вверх. Таким образом, я приняла максимально расслабленную позу, приготовившись безропотно встретить любую участь, уготованную мне судьбой. Иногда правильным решением оказывается самое неправильное...

А что еще мне оставалось? Глупо биться и рыдать, бесцельно растрачивая последние силы? Попадшаяся в капкан лисица спасается, отгрызая зажатую ловушкой лапу, но я не имела возможности последовать ее примеру. Меня немного подташнивало от голода и жажды, голова кружилась, мысли путались, а распухший, жесткий и шершавый от обезвоживания язык едва помещался во рту. Вскоре мой подбородок начал клониться на грудь, веки отяжелели, а недавние мысли и переживания отошли на второй план, уступив место накатывающему сну. Плечи поникли, глаза застлала темная пелена, и я совершенно перестала сопротивляться тяжелой дреме, послушно плывя по ее волнам...

Внезапно словно тысячи колких песчинок защекотали у меня в мозгу, складываясь в слова и фразы, произносимые чьим-то властным, чеканным голосом.

— Зачем ты вступила на путь испытаний, дитя? — спросил красивый, звучный баритон.

— Я запуталась! — плаксиво пожаловалась я. — Я понимаю, чего хочу, но не знаю, каким образом сумею реализовать свои мечты.

— Хорошо сказано, ибо честное признание слабости есть признак силы! — одобрил невидимый мужчина. — Если бы все люди точно знали, чего они хотят, то уже давно стали бы счастливыми. Ты почти готова принять наследие своих предков. Но вот сомневаюсь, достойна ли ты его... — Испытующие интонации несли долю заметного сомнения.

— Как это недостойна? — возмутилась я. — Почему?

— Каждый добровольно вступивший в этот храм данным поступком подтверждает свою готовность пройти ожидающую его проверку, после чего выходит в одну из четырех дверей, избирая свой жизненный путь. Кем хочешь стать ты, Йохана, и чего желаешь более всего?

— Я хочу предотвратить гибель Лаганахара, стать чародейкой, спасти Ардена и разобраться во всех произошедших в Блентайре событиях! — торопливой скороговоркой выпалила я, боясь упустить хоть один пункт.

— Что? — насмешливо переспросил голос. — Ты хочешь всего сразу? Дерзкая девчонка, твоя жадность воистину безгранична. Подобными знаниями не обладают даже мудрейшие маги нашего мира.

— Разве это плохо — проявлять жадность к знаниям? — искренне удивилась я. — Я не ищу славы и богатства, я не жажду власти и титулов. Я только надеюсь помочь другим и не прошу ничего для себя лично!

— А утереть нос обидчикам? — желчно напомнил голос.

— О-о-о, — виновато смутилась я, — это было так мелко и эгоистично... Так по-детски. Надеюсь, свои глупые мечты я переросла!

— Неужели так быстро? — не поверил баритон.

— Ага! — самоуверенно хмыкнула я. — Сейчас я нахожусь в самом подходящем для свершений возрасте: дурь уже прошла, но маразм еще не начался!

— Ладно, уговорила. А как же твоя другая заветная мечта о месте в рядах гильдии Чародеев? — ехидно поддел незримый собеседник.

— Без магии мне не удастся остановить Пустошь, — аргументированно объяснила я.

— А ты отнюдь не глупа! — снисходительно рассмеялся голос. — Хорошо, проверим, готова ли ты вступить на нелегкую стезю испытаний. Твоя последующая жизнь будет разделена на три этапа, поэтому на каждый из моих вопросов ты должна отвечать тремя словами. Итак, скажи мне, Йона, что в нашей судьбе никогда не возвращается обратно?

— Время, слова и упущенные возможности! — не задумываясь, произнесла я.

— Молодец, ты не ошиблась! — весело похвалил голос. — А что никогда не следует терять?

— Спокойствие, надежду и честь. — Я не сомневалась в правильности своего ответа.

— Что в жизни наиболее ценно? — продолжал допытываться невидимый мужчина.

— Принципы, дружба, любовь, — убежденно изложила я.

— А что в нашем мире не обладает надежностью?

— Власть, удача, состояние.

— Что определяет жизненный путь человека?

— Труд, честность, достижения.

— Что разрушает человека?

— Предательство, гордыня, злость.

— Замечательно! — эмоционально воскликнул мой невидимый экзаменатор. От его доселе покровительственных интонаций не осталось и следа, они сменились на восхищение и уважение. — Полагаю, ты готова приступить к испытаниям, выпавшим на твою долю. Не обещаю, что найдешь все искомое и получишь желаемое, но дорогу осилит идущий. Какой путь ты выберешь — вверх или вниз?

Честно говоря, я не совсем поняла смысл последнего вопроса, но решила не заноситься и выбрала наиболее скромный вариант:

— Я пойду вниз!

— Отлично! — В голосе промелькнули ликующие нотки. — Ты меня не разочаровала. Тебя ждут три этапа пути, и на каждом из них ты будешь постигать суть одного из своих высказываний. Но помни, Йона, чтобы на практике проверить все перечисленные тобой постулаты, может не хватить одной жизни.

— Типа у меня есть какая-то вторая жизнь! — ворчливо парировала я, опять ничегошеньки не поняв.

Мой собеседник дружелюбно рассмеялся:

— За свое счастье можно заплатить, делая счастливыми других, это продлевает жизнь. Не забудь мое напутствие! Мы еще встретимся... — Голос становился все тише и тише, пока не замолк окончательно.

Я удивленно потянулась следом за ним, но испытала внезапный приступ острой боли и... проснулась.

Оказалось, что я плашмя растянулась на каменном полу Немеркнувшего Купола, уткнувшись лбом в одну из мраморных плит. А настигшая меня боль стала следствием соприкосновения двух абсолютно несовместимых по прочности объектов — твердого мрамора и моего основательно ушибленного носа. Я мысленно выругалась и поднялась на ноги, дивясь столь вычурному сновидению, очевидно вызванному жаждой и голодом. Ну как тут не вспомнишь любимое изречение брата Флавиана: «Лежу — не спится, я — молиться; а потом гляжу — ба-а-а, да я же не жрамши лежу!»

ГЛАВА 9

Полагаю, за стенами Купола давно воцарилась глухая ночь, ибо, разглядывая его

прозрачный свод, я легко различала непроницаемую черноту, разливающуюся за пределами хрустальной полусферы. Я уныло сидела на полу, мучаясь непреодолимым желанием сжевать последний ломоть хлеба, завалившийся у меня в кармане после сегодняшнего (вернее, вчерашнего) завтрака и уже дошедший до состояния сухаря. Здравый рассудок приказывал мне потерпеть и приберечь сухарь на совсем уж крайний случай, а пустой желудок пищал и урчал на все лады, настоятельно требуя пищи. Он не понимал ни вразумляющих уговоров, ни ложных просьб подождать — он настойчиво озвучивал главную естественную потребность молодого, растущего организма. Короче, мне жутко хотелось есть.

Пытаясь хоть как-то обмануть ту бездонную прорву, в которую стремительно превращался мой пищеварительный тракт, я сначала неловко елозила по полу, а затем вскочила и начала отплясывать нервную чечетку, сильно смахивающую на ту, которую изображали мои подруги по приютскому дортуару, стоя в очереди к единственному отхожему месту, имевшемуся в нашей спальне. Кстати, в моем подпрыгивании не было ничего удивительного, поскольку другие физиологические потребности терзали меня ненамного слабее голода, доводя до истерического хихиканья. Немеркнувший Купол неоднократно описан в старинных манускриптах... Хм, о-пи-сан! Интересно, оный древний храм еще ни разу не подвергался каким-либо осквернениям? Скорее всего, нет, но ведь все в этом мире когда-то случается впервые.

Выделявая коленца на мраморных плитах, опрятно посыпанных белым речным песком, я случайно попала каблуком в какую-то небольшую выбоинку и повторно сверзилась на пол, добавив к ушибленному носу основательно отбитый локоть и поцарапанную щеку. Поругиваясь вполголоса, я сердито рассматривала причину своей очередной неприятности, оказавшуюся не чем иным, как щелью между двумя неплотно пригнанными друг к другу каменными плитами. Я задумчиво повозила ногой, разгребая тонкий слой песка и недоумевая, как это дотошные эльфы недоглядели столь значительного изъяна, заметно уродующего пол Купола. Но очищенная от песка щель выглядела довольно длинной, к тому же ее пересекала вторая выбоина, расположенная строго перпендикулярно по отношению к первой.

Несколько мгновений я тупо рассматривала свою неожиданную находку, а затем испустила громкий радостный вопль, бросилась на колени и вцепилась в мрамор всеми десятью пальцами, стараясь расширить узкое отверстие. Сердце мое преисполнилось надежды на спасение, ибо обнаруженная мною щель была не просто дефектом каменной плиты, а краем умело замаскированного люка, ведущего куда-то вниз, под основание Купола. Фраза о выбранном пути, необдуманно ляпнутая мной совсем недавно, оказалась пророческой!

Я пыхтела и сопела, ломая ногти и в кровь обдирая кончики пальцев, но треклятая плита не поддавалась. Вернее, люк подземного хода весил так много, что я не только не имела возможности его поднять, но даже не сумела сдвинуть с места кусок немыслимо тяжелого мрамора, намертво запечатавшего выход на свободу. Глотая злые слезы, я упрямо трудилась над люком, позабыв обо всем на свете. Внезапно за моей спиной раздалось негромкое жалобное поскуливание, сопровождаемое непонятным цоканьем, быстро сменившимся тяжелым дыханием и судорожным бульканьем. Обмирая от страха, я медленно повернула голову и встретилась с пристальным взглядом налитых кровью глаз, в упор разглядывающих мою распластанную на полу фигуру...

Я испуганно зажмурила глаза, а потом снова подняла ресницы, в глубине души надеясь, что мерзкое наваждение сгинуло, оставив меня в покое. Увы, ожидаемого чуда не произошло: представшее передо мной чудовище никуда не исчезло, являясь по-прежнему безупречно реальным и осязаемым. Этим живописным воплощением моих самых страшных ночных кошмаров оказался гигантский белый пес, не уступающий по величине полугодовалому теленку. И ладно бы дело ограничилось только его чудовищными размерами, так нет — все обстояло намного хуже...

В отличие от пресловутого безобидного травоядного мой неожиданный гость был вооружен огромными клыками, виднеющимися в его приоткрытой пасти, причем каждый из таких зубов был длиной с мою руку от локтя до запястья. Подойдя вплотную ко мне, тварь вновь распахнула пасть, а я зажмурилась еще пуще, понимая — сейчас мое путешествие закончится, не успев толком начаться, потому как эта здоровенная животиная уж точно не сеном и морковкой питается, а, вероятнее всего, глупыми девчонками, сующими свой любопытный нос куда не следует.

Морда чудовища приблизилась к моему лицу, и меня овеяло горячее влажное дыхание, несущее с собой не очень-то приятный запах псины. Я лишь успела невольно сжаться в комочек, мысленно напрягая воображение и представляя зрелищную сцену своей неминуемой гибели, должной произойти в сих острых зубах, как вдруг моей щеки коснулось что-то мягкое, мокрое и теплое. Я шокированно вскрикнула, вытаращила глаза, и... меня тут же ласково лизнули повторно, на сей раз попав точно в травмированный нос... Моему распухшему носу сразу полегчало.

И как же он сумел пробраться через закрытые двери? Я изумленно рассматривала огромного белого пса. «Каким образом попал он внутрь Купола?» — гадала я.

Собаченция смотрела на меня донельзя умильным и абсолютно беззлобным взглядом, жалобно поскуливая, — на ее шее я обнаружила глубокую, переходящую на грудь резаную рану, явно нанесенную каким-то грозным оружием. Рана сильно кровоточила, что, очевидно, причиняло псу сильную боль и быстро высасывало последние силы из его мускулистого пушистого тела. Собака безвольно опустила на пол, ее глаза затянула тонкая пленка третьего века, наглядно демонстрируя — смерть подкралась совсем близко и не собирается щадить свою жертву.

Мохнатый хвост пса безостановочно мел пол, доказывая миролюбивость его намерений, не подразумевающих никакой агрессии. Я бросила безрезультатно трудиться над люком и попыталась ладонью зажать рану своего нового знакомого, но все оказалось напрасным: мои усилия ни к чему не привели, а капли крови обильно стекали между моими пальцами и окрашивали пол Купола в ярко-алый цвет. Пес жалобно поскуливал, издавая умоляющие звуки, больше похожие на плач ребенка, и явно понимая — вместе с кровью из него вытекает сама жизнь, торопящаяся покинуть брренное тело.

Не знаю, как и почему он получил свою рану, но я не хотела смириться со столь несправедливой смертью, бездейственно наблюдая за гибелью молодого, красивого животного. Я вытащила из кармана своего камзола флакончик с остатками волшебной жидкости, принадлежащий ранее Джайлзу, и на мгновение задумалась. Чародейское снадобье смогло уменьшить мою одежду и начисто уничтожило мешок с вещами, но вот окажет ли оно столь же впечатляющее воздействие на живую плоть?

Впрочем, у нас не оставалось иного выбора, ибо пес умирал... Я взглядом испросила его согласия и, получив в ответ еще одно ласковое прикосновение шершавого языка, скороговоркой пробормотала отлично запомнившееся заклинание, а затем аккуратно наклонила флакончик и вылила остатки заполняющей его жидкости прямо в центр раны... Раздалось громкое шипение, пес вздрогнул всем телом, а его шея окуталась облачком белесого дыма, от которого у меня безудержно защипало глаза. Я вытерла свои слезящиеся веки и, о счастье, обнаружила, что рана исчезла, а на ее месте появился большой выпуклый шрам, еще совсем свежий, синевато-багровый. Волшебная жидкость помогла!

Пес облегченно вздохнул и положил на мое колено свою умную тяжелую морду, испачканную потеками голодной слюны.

— Бедняга, да ты совсем отошал! — Я без раздумий вынула из кармана свой заветный сухарь и сунула его в собачью пасть, проигнорировав жалобное урчание собственного желудка. — Это, конечно, не абы что, но — чем богаты, тем и рады!

Пес в мгновение ока проглотил угощение и довольно облизнулся, а его морду расколола широкая благодарная ухмылка. Немного пошатываясь от слабости, он поднялся на лапы и принялся неистово скрести щель между двумя мраморными плитами. Его мощные

черные когти уподобились десятку остро отточенных лезвий, упорно кромсающих неподатливый камень. Я помогала ему как могла. Потом пес подсунил нос под чуть приподнявшийся край плиты и навалился на нее всем весом своего могучего тела. Я явственно услышала, как заскрипели его сухожилия, пес взвизгнул от натуги, но люк вдруг ответил жалким пораженческим краканьем, сдался и неохотно отвалился вбок, открывая моему исполненному радости взору темный, ведущий вниз провал подземного хода.

Наш путь наружу был свободен! Пес ухватил меня зубами за рукав и уверенно потянул за собой, готовый первым спуститься по крутым, уходящим в неизвестное ступеням. Я немного поколебалась, но все-таки последовала за ним, пребывая в абсолютной уверенности, что с каждым шагом все больше приближаюсь к своему первому настоящему испытанию... Однако перед тем как спуститься, я вытянула палец, испачканный собачьей кровью, и непроизвольно нарисовала на стене крохотную руну, являющуюся начальной в моем имени. Зачем я это сделала? Думаю, ответа на данный вопрос не знали даже сами Неназываемые...

Песок пересыпался с неумолкающим сухим шорохом, беспрестанно скребя по кожаному боку повозки. Этот монотонный звук постепенно сводил Ардена с ума, ввергая в тихое, бессильное бешенство, увы, неспособное вылиться во что-либо более действенное. Юноша лежал на полу просторной, тщательно затемненной кибитки, этого излюбленного средства передвижения всех лайил, совершенно не переносящих открытого дневного света.

Ночью его охранники выбирались из-под спасительного полога, изготовленного из отлично выдубленной кожи, и, взнуздав двух крепких вороных жеребцов, упоенно скакали по пустыне, оглашая гортанными криками ее безлюдные равнодушные барханы. Высоко запрокинув свои узкие подбородки и жадно дергая заметно выступающими кадыками, твари пили кровь, залитую в небольшие, сшитые из телячьих кишок бурдюки, надежно запечатанные магией, надолго сохраняющей их любимый напиток безупречно свежим и теплым.

Но утром, с восходом Сола, они торопливо укладывались по обе стороны от пленника, по-кошачьи сворачивались в клубок и засыпали глубоким сном, более похожим на затяжной обморок. Обе воительницы-лайил вызывали у Ардена лишь отвращение и неприязнь, хотя он по достоинству оценил хищную форму коротких, слегка изогнутых сабель-кастане, привешенных к поясам тварей. Он также имел возможность понаблюдать за тем, как ловко управляется первая жрица со своим экзотическим клинком, с одного взмаха срубив голову здоровенному, отчаянно мекающему барану. Его завяленным на костре мясом и кормили Ардена на протяжении всего однообразного, ввергающего в ступор путешествия, затянувшегося так надолго, что юноша уже потерял счет дням, прошедшим с момента его пленения.

А дни и правда неотличимо походили друг на друга, размеренно пересыпаясь, словно песок пустыни, ибо все доступное Ардену разнообразие заключалось лишь в том, что иногда ему давали пригоршню янтарно-желтого, сладкого, как мед, винограда или ломоть испеченной на углях лепешки, душистая мякоть которой всегда оказывалась изрядно сдобренной кусочками примешанного к тесту сала и продолговатыми семечками тмина. Немудреными кухонными заботами ведал четвертый участник их небольшого отряда: дюжий смуглокожий парень, обладатель низенького выпуклого лба, уродливо нависающего над маленькими, глубоко посаженными глазками, и сломанного, плебейски приплюснутого носа с вывернутыми наружу ноздрями.

Первые несколько дней Арден не оставлял попыток разговорить этого человека, которого обе лайил называли непривычным для слуха именем Гамаль. Но вскоре он отказался от идеи склонить на свою сторону вечно нахмуренного возницу, днем занимавшего место на козлах повозки, а ночью спавшего между ее колесами, подстелив под себя обрывок кошмы. А произошло вот что. В какой-то из вечеров одна из лайил, иронично следившая за напропалую острящим Арденом, вдруг не вытерпела и сделала повелительный жест хлыстом, приказав Гамалю открыть рот. Юноша заинтересованно заглянул в

разверзшееся перед ним зловонное отверстие и помимо гнилых зубов обнаружил там кривой обрубок обрезанного почти под корень языка, видимо грубо зарубцевавшегося уже много лет назад. Таким образом, Ардену сразу же стала известна причина постоянного молчания Гамалы, даже на самые пикантные шуточки отвечающего неразборчивым хмыканьем и безучастным пожиманием громоздких, будто мельничные жернова, плеч.

Арден понял, что он всецело находится во власти своих тюремщиков: двух не знающих пощады тварей и туповатого немого здоровяка, беззаветно преданного богине Банрах. Очевидно, змеелика не имела неосторожной привычки раскрывать свои тайны кому попало и отнюдь не собиралась выпускать из цепких пальцев столь завидную жертву, коей являлся Арден. Участь его была предрешена, и надежды на спасение не осталось. Юноша впал в ленивое, безразличное оцепенение, послушно глотая подносимую к его рту пищу и воду, а большую часть суток проводил во сне, оставаясь связанным по рукам и ногам да к тому же уложенным на ковер, расстеленный на полу кибитки. Он знал — его везут в отдаленный храм богини, расположенный в самом сердце Пустоши, но ничего не мог с этим поделать и не имел возможности сбежать. Он спал и копил силы, изредка мысленно возвращаясь к событиям дня церемонии выбора учеников и вспоминая обещание Йоны, которое ныне казалось ему всего лишь невинным обманом или жестом сострадания, призванным смягчить отчаяние обреченного на смерть юноши.

На протяжении многих лет Арден увлеченно следил за тем, как растет и изменяется эта удивительная девочка, превращаясь в прекрасную девушку, маленькую и тоненькую, словно тростинка. Казалось — сожми ее покрепче, двумя пальцами, и она тут же согнется или сломается, уступив напору грубой силы. Но, к огромному изумлению Ардена, с Йоной не происходило ничего подобного. Мужественно снося все обиды и насмешки, она умудрялась в любой ситуации сохранять чувство собственного достоинства и настолько разительно отличалась от прочих приютских девчонок, что юноша только диву давался, испытывая странную, непонятную робость от ее мимолетного взгляда, слова или просто присутствия.

О да, остальные монастырские воспитанницы (конечно, только те, которые чем-то привлекли внимание Ардена) вели себя совершенно иначе, становясь податливыми, как воск, под напором его обаяния и самоуверенности и послушно опрокидываясь на спину, стоило лишь ему этого пожелать. Но Йона была совсем другой... Арден безмерно восхищался ее чудными глазами, точеной фигуркой, уже начавшей соблазнительно округляться, добрым нравом, уживчивым характером и живым, острым умом. Очувтившись рядом с этой девочкой, он всегда сердился на самого себя, осознавая: желание защищать и оберегать столь волшебное создание захлестывало его с головой, лишая воли и здравомыслия. Нередко, спрятавшись за одной из колонн длинной монастырской галереи, он восторженно следил за проходящей мимо Йоной... А затем, опустившись на колени, страстно целовал следы ее крохотных ступней, отпечатавшихся на пыльном полу темных коридоров...

И вот теперь, трясаясь в шаткой кибитке, он более всего скучал из-за ее отсутствия, а еще — отчаянно переживал, гадая, какая же судьба постигла девушку, которая так и не дождалась слов его любви, возможно даже не догадываясь об испытываемых им чувствах. Подменяя нежность грубостью, а ласку оскорблениями, Арден наказывал себя за нерешительность, изнемогая под грузом своей тайной любви. А что тут поделаешь, если в данном противоречии и заключается вся сущность человеческого мышления: женщины нередко произносят всякие глупости, тогда как мужчины совершают их еще чаще.

Огонь прожорливо истреблял сухие ветки колючего вереска, собранные Гамалем. Арден сосредоточенно всматривался в танцующие язычки пламени, напоминающие кроваво-красные глаза его охранниц. Первая лайил, носившая имя Каадсур и затаившая на него злобу за полученный в обители удар, уже проснулась, легко прыгнула с бортика кибитки и тоже подсела к костру.

— Наслаждаешься? — В ее мяукающем голосе слышались издевательские нотки. — Что ж, я не против — успевай, пользуйся последними мгновениями своей относительной

свободы, ибо завтра к вечеру мы прибудем в храм Песка, после чего ты никогда уже больше не увидишь это небо, звезды и траву.

Арден вздрогнул всем телом и непонимающе уставился на воительницу:

— Почему не увижу?

— Перестань запугивать мальчишку, Каадсур! — посоветовала вторая лайил, выбираясь из кибитки и сочувственно косясь на юношу. — Он и так выглядит излишне вялым и заторможенным, а повелительница желает получить своего нового жениха свежим, бодрым и готовым к исполнению супружеских обязанностей.

— Ну еще бы не желать! — похотливо осклабилась тварь, зовущаяся Каадсур. — Признайся честно, Веершир, ты бы и сама не отказалась от столь аппетитной плоти и молодой крови, струящейся в его венах!

— Возможно, — сухо ответила Веершир. — Но подобные мечты лишены смысла, ведь Арден предназначен для нашей богини.

— Заклинаю вас, — судорожно выдохнул Арден, пытаясь совладать с тошнотой, подкатившей к горлу, — объясните, что именно вы имеете в виду?

— А ты разве не понял? — мурлыкнула пребывающая в веселом настроении Каадсур, рукоятью своей кастане приподнимая его склоненный на грудь подбородок. — Ты — сладкий! — Она с вожделением облизнулась. — Ты обречен служить нашей госпоже, и уж будь уверен — она знает толк в плотских утехах с красивыми молодыми мужчинами!

Ее черный коготь медленно скользнул по щеке юноши, спускаясь все ниже и ниже, пока не замер, остановившись возле пояса штанов Ардена и надавив на самую чувствительную часть его тела.

— Признайся, вкусненький, — насмешливо ухмыльнулась лайил, — ты перепортил немало приютских девчонок и уж точно сумеешь доставить удовольствие нашей госпоже.

Арден безуспешно задергался, пытаясь освободиться от неприятного прикосновения, но обвивающие его путы держали крепко, не позволяя даже отклониться. Лайил запрокинула назад свою зубастую морду и глумливо расхохоталась:

— Несколько раз в году богиня избирает себе очередного жениха, обычно — самого красивого и сильного мужчину из расы людей. Супруг богини дарит ей свои ласки и кровь до той самой поры, пока... — Она замолчала, наслаждаясь затравленным видом Ардена. — Пока она не опустошит его досуха!

— Досуха? — недоуменно переспросил изрядно напуганный, уже неспособный связно мыслить юноша. — Как это?

— А вот так, дурень! — Обутая в высокий сапог нога Каадсур с размаху опустилась на спинку пробегающего подле костра жука. Послышался негромкий треск... Лайил снова подняла ступню и насмешливо продемонстрировала юноше мокрые желтые ошметки, пятном расплывшиеся по подошве ее сапога. — Ясно?!

Вместо ответа Арден судорожно сглотнул, отказываясь верить в столь очевидное объяснение.

— Но почему женихом богини должен стать именно я? Я не хочу, я буду сопротивляться!

— Как, ты намереваешься выступить против воли богини? — притворно удивилась Веершир, не веря собственным ушам. — Я не ослышалась — ты дерзнешь противостоят ее решению?

— Глупец! — убежденно заявила Каадсур, кинжалом счищая со своего сапога остатки раздавленного ею жука и бросая их в костер. Над огнем поднялся гадкий, едкий запах. Гамаль пошевелил носом и флегматично отодвинулся, не осмелившись выразить даже малейшее неудовольствие.

— Бесполезно! — резонно подвела итог мудрая Веершир, с состраданием взирая на юношу. — Такова твоя судьба.

— Мне обещали помощь! — звонко возразил Арден, с вызовом глядя на лайил.

— Кто, неужели бог Шарро? — недоверчиво спросила та, небрежно отмахнувшись от

его слов, словно услышала некое беспочвенное, наивное, детское хвастовство. — Учти, он нынче стал совсем слаб, поэтому не рекомендую слишком на него полагаться.

— Девушка, — гордо пояснил Арден. — Одна очень умная и сметливая девушка!

— Ага, — Каадсур иронично сплюнула в костер, наглядно выражая свое отношение к словам Ардена, — девка, значит! И ты, дурак, поверил какой-то обычной человеческой девке? — Она грубо расхохоталась. — Идиот! Можно подумать, ты не знал, что ваши тупые самки только и умеют что ноги раздвигать!

Арден гневно скрипнул зубами, отказываясь воспринимать эту низменную характеристику, примененную к Йоне. И нечто неведомое, скрытое в самой глубине его мечущейся в поисках выхода души, подсказало: верь в нее, ибо она не такая и способна на многое!

Каадсур продолжала хохотать во все горло, Гамаль отстраненно жарил лепешки, и даже обычно спокойная, удивительно невозмутимая Веершир осуждающе покачала головой, на сей раз совершенно не разделяя ложных иллюзий своего пленника. Но ни один из них не знал о том, что весь этот устрашающий разговор стал достоянием еще неких условных ушей, ибо Голос Пустоши, неотступно сопровождающий кибитку лайил, конечно же не имел физических органов слуха, но видел, слышал и знал все, что происходит в Лаганахаре. А теперь Голос насмешливо взвихрил желтый песок пустыни и одобрительно засвистел, намекая: чем сильнее мы пытаемся избежать чего-то предсказанного, тем быстрее оно сбывается...

Мысленно я уже настроилась на различные каверзные ловушки, непременно должны поджидать нас в заброшенном эльфийском подземелье, и поэтому была безмерно удивлена, когда, в противовес своим мрачным предчувствиям, очутилась в высоком сводчатом туннеле, более чистом и опрятном, чем некоторые загаженные всевозможными отбросами улицы Блентайра. Пес, ведомый своим собачьим чутьем, уверенно бежал в авангарде, весело помахивая пушистым хвостом. От его недавней слабости не осталось и следа. Я недоуменно пожала плечами и заторопилась следом за своим новоприобретенным другом, решив всецело положиться на его инстинкт.

Через несколько мгновений мы подошли к имеющей форму развилки площадке, от которой отходили сразу три коридора. Над каждым проходом висела небольшая табличка с начертанными по-эльфийски указаниями. Я уже смирилась с тем необъяснимым фактом, что почему-то вдруг начала разбираться в языке, прежде абсолютно мне незнакомом, а посему не заморачивалась на лишние самокопаниях. Я вслух прочитала короткие и идеально красноречивые инструкции.

«Выход к Алларику» — гласила табличка над крайним правым коридором. «Серая долина» — над левым, «Переулок Кинжалов» — над средним.

Я растерянно потеряла отделку капюшона, по-прежнему покрывающего мою голову.

— Вот Тьма! — сердито хмыкнула я, поочередно переводя исполненный сомнения взгляд с одного прохода на другой. — Откуда же я знаю, куда нужно идти дальше?

Соблазн выбрать правый коридор и покинуть город был очень велик, тем более что я никогда не слышала этого странного названия — Серая долина, а неприятное словосочетание «переулок Кинжалов» внушало вполне понятные опасения. Мне приказали искать первое испытание, а отнюдь не неприятности на свои ягодицы, любопытный нос и прочие жизненно важные органы.

— Ты случайно не в курсе, какой путь нам следует выбрать? — Я перевела взгляд на пса, постаравшись придать глазам жалобно-вопрошающее выражение, впрочем мало уповая на то, что собака хоть сколько-нибудь разбирается в столь актуальных для меня вопросах.

К моему бесконечному удивлению, собаченция басовито гавкнула и без колебания потрусила в сторону среднего прохода. А я так и продолжала стоять на месте, не испытывая ни малейшего желания снова углубляться в замысловатые, чуждые для меня переплетения городских улиц. Тогда пес опять ухватил меня за рукав и настойчиво потянул за собой.

— Э-э-э, мы так не договаривались, — возмутилась я, упираясь и отбрыкиваясь. Каблуки моих сапог глубоко пропахали песок, устилающий пол туннеля, а рукав камзола угрожающе затрещал. — Возможно, в благодарность за спасение жизни ты вознамерился довести меня до своей самой излюбленной помойки, но я, знаешь ли, все-таки предпочитаю отправиться за пределы городских стен.

Не разжимая плотно стиснутых клыков, пес протестующе зарычал, красноречиво демонстрируя свое неодобрительное отношение к моим планам на будущее. Я задумчиво прикусила изнутри левую щеку, понимая, что изрядно проигрываю своему спутнику как в силе аргументов, так и в способе их применения. Почему он не хочет покидать город? Неужели знает о том, что мне приказано искать первое испытание именно в черте Блентайра? Но откуда и как?..

— Ну ладно, — нехотя согласилась я. — Придется мне стать смелой, раз уж запахло быть трусливой!

Тут пес согласно мотнул головой, чуть не повалив меня на пол. Я осторожно погладила его ухо, выказывая добровольность своих последующих действий, после чего пес сразу же отпустил мой многострадальный рукав и размеренно затрусил рядом. «Уж слишком он умный, почти как человек! — мельком подумала я, положив ладонь на холку пса и меланхолично шагая рядом. — Складывается впечатление, будто эта собака нарочно ведет меня в нужную ей сторону...» Впрочем, сия здравая мысль тут же испарилась из моей головы, потому как впереди я неожиданно увидела нечто уж совсем невероятное...

Странно, но, спустившись в пресловутый подземный ход, мы вовсе не угодили в какую-то непроницаемую темноту, а попали во вполне прилично освещенное место, залитое приглушенным сиянием, испускаемым крупными голубоватыми кристаллами, неравномерно вкрапленными в стены туннеля. И вот сейчас, прищурив глаза и стараясь приспособиться к скудному освещению, я потрясенно рассматривала густую толстую паутину, затянувшую каменный коридор. Каждая нить этого чудовищного кружева превосходила по толщине мой палец, и нетрудно было предположить, какими гигантскими размерами должен обладать паук, сумевший сплести столь колоссальную паутину. Я затравленно ойкнула и сделала шаг назад.

— Я же тебе говорила, — сдавленно прошипела я, предпочитая не создавать излишнего шума, — нужно было идти по правому проходу...

Пес виновато заскулил, поджимая хвост. Я беззвучно развернулась на каблуках, собираясь вернуться обратно к развилке, но обнаружила, что проход исчез, а за моей спиной располагается абсолютно гладкая, монолитная каменная стена.

«Тьма заberi этот Купол вместе с его секретами! — охваченная паникой, импульсивно пожелала я, недоверчиво ощупывая камень и убеждаясь в его стопроцентной реальности. — Здесь двери и проходы закрываются сами собой, без предупреждений и извинений...» — Я не успела закончить свои запоздалые мысленные разглагольствования, потому что пес вдруг вздрогнул всем телом, истерично взвыл и прижался к моему боку. Покачнувшись от его толчка, я случайно подняла глаза к потолку и тут же заголосила в унисон собаке, ибо обнаружила над своей головой огромного паука, лапами прицепившегося к шероховатому своду туннеля и разглядывающего меня с явным гастрономическим интересом. Не теряя времени на размышления, я вихрем дунула вперед по коридору, устремляясь точнехонько в поджидающую меня паутину...

Я все же оказалась права — каждый подземный ход непременно таит в себе нечто опасное! Я на бегу корила себя за доверчивость, клянясь: если выживу сегодня, то уже никогда, ни за что и ни с кем не полезу ни в какие подвалы, Тьма их заberi! Пес не отставал ни на шаг, почти наступая мне на пятки и жарко дыша в спину. Перед самой паутиной я чуть притормозила, успев прочитать четверостишие, написанное на стене, прямо над переплетением липких белых нитей:

Как нити, спутаны пути,

Сумей одну из них найти,
Твой выбор — судеб круговерть,
Кому-то жизнь, кому-то смерть.

«Всеблагой бог Шарро, помоги!» — взмолилась я, понимая, что могу выбрать только одну нить паутины и порвать ее, пробивая себе выход на свободу. И если мой выбор окажется правильным — то я останусь жива, а если нет — стану пищей для паука, чьи огромные жвала уже щелкают у меня за плечом... Положившись на волю providения, я зажмурила глаза и, вытянув перед собой руки, с последним отчаянным усилием рванулась в центр паутины, чувствуя омерзительное прикосновение липких тенет, обволакивающих все мое тело. Видимо, эта паутина висела тут далеко не первый год, потому что ее белесое полотнище несло на себе кучу всякого мусора: чьи-то начисто обглоданные кости, ржавый кинжал, обрывки золотисто-алой ткани, пух, перья и Тьма знает что еще.

Очевидно, я стала отнюдь не первым и уж точно не последним живым существом, пытающимся прорваться через этот занавес смерти. Судя по виду паутины, мне все же повезло значительно больше, чем многим из тех, кто проходил через нее до меня. Нить, случайно попавшая под руку, растянулась и лопнула с разочарованным треском, оставив в моей ладони коричневый пергаментный обрывок, до сего момента висевший в паутине. Я рыбкой проскользнула в образовавшееся отверстие и быстрее ветра помчалась дальше, провожаемая злобным бурчанием неповоротливого, оставшегося без пищи паука. Пес преданно последовал за мной, успев приподнять заднюю лапу и наградить поруганную ловушку презрительной струйкой некоей желтой, не очень-то ароматной жидкости.

Несколько секунд спустя я заметила неровный круг блеклого внешнего света, спасительно замаячившего впереди нас. Я остановилась, ладонями отряхнула запылившуюся одежду, стараясь придать себе опрятный вид, и внимательно всмотрелась в свою негаданную добычу. Ею оказался неровно оборванный кусок пергаментного свитка, темный и помятый, уляпанный несколькими подозрительно смахивающими на кровь пятнами. Я недоуменно повертела его в пальцах, размышляя, не выбросить ли, но потом все-таки передумала и сунула в карман, решив отложить разгадку очередного ребуса, буквально свалившегося как снег на голову, до более спокойных времен.

А вскоре выяснилось, что свет, струящийся в подземный ход, попадает туда через обычную канализационную решетку, старую и никак не закрепленную, да еще и предусмотрительно расположенную на задворках какого-то обветшалого, никому не нужного домика. Я легко сдвинула проржавевшую конструкцию, выполненную из нескольких железных прутьев, кое-как подтянувшись, уцепившись за опорные скобы и натужно напрягая свои хилые бицепсы, и вылезла-таки из подвала. Пес выпрыгнул из туннеля намного резвее меня и радостно облизал мое вспотевшее лицо. Я настороженно выпрямилась, но, к счастью, мои опасения не оправдались — хибара пустовала, зияя выбитыми окнами и жалобно хлопая раскачивающейся на ветру полуоторванной дверью.

Все вокруг: стены домов, погнутые трубы водостоков, выщербленный деревянный настил, заменяющий мостовую, развешанное на веревках тряпье — выглядело донельзя нищенским и убогим. Сам воздух здесь буквально пах бедностью, продажностью и опасностью, вызывая подспудное желание поскорее убраться из этих негостеприимных мест. Судя по всему, я попала именно туда, куда и намеревалась попасть с подачи белого пса, действующего заодно с неисправимой выдумщицей судьбой, а конкретно — в переулок Кинжалов.

Ночь закончилась. По небу расплывались неровные световые блики, порожденные скупыми лучами Сола, с трудом пробивающимися сквозь рыхлые облака грязно-серого цвета. Да уж, ну и погода сегодня, просто загляденье! Но, рассуждая по справедливости, требовалось признать: она идеально сочетается с моим отвратительным настроением и самочувствием. На душе было пасмурно, точно так же как и в небе у меня над головой. Облака выглядели весьма обнадеживающе, но я подозревала — нечего даже надеяться, что

эти ноздреватые комки сырой ваты прольются вдруг благодатной дождевой водой. Нет, этого счастья мы не дождемся.

Я сердито шмыгнула носом и утерла его кулаком. М-да, все-таки прав был брат Флавиан, утверждая: «Наш мир окрашен в предсмертный, последний доступный ему тон — серый». Серым стало все: небо, земля, жидкие куртинки травы, дома... А люди, они тоже стали серыми? Я с сомнением покрутила головой, взглядом выискивая хоть кого-то живого. Но конечно же не увидела никого, кроме белого пса, потерянно жмущегося к моим коленям. Похоже, ему тоже не очень-то нравился этот треклятый переулочек Кинжалов...

Интересно, почему пес так стремился сюда попасть? Я потратила несколько драгоценных мгновений, сосредоточенно размышляя над нелегким вопросом, но так и не пришла ни к какому выводу. Очевидно, пес знал об этих местах куда больше моего — нечто эдакое, специфическое, остающееся пока совершенно недоступным моему разуму. А для того чтобы прояснить сложившуюся ситуацию, требовалось сделать сущую мелочь — выбраться из-за развалин заброшенной халупы и выйти в переулок.

Набрав полную грудь воздуха, я мысленно приказала себе не дрейфить, поправила немного сбившийся капюшон, прикрывая свои эльфийские уши и волосы, а затем делано вальяжной походкой направилась вниз по улице, стараясь выглядеть самоуверенной и беззаботной. Я миновала первый дом, потом второй. Благоразумно обогнула кучкующихся на углу мужчин, не обративших на меня никакого внимания, хотя вид у них был воинственный, и позволила себе расслабиться, решив: все нормально, мне не грозят никакие неприятности. Но как выяснилось немного позже, радоваться было рано...

Я шла долго. Меня пошатывало от слабости, голода и жажды. Глаза застилал туман, я постоянно спотыкалась, а в желудке словно поселился живой колючий клубок боли, сотканный из огня и жутких тягучих ощущений. Именно про такие и говорят «сосет под ложечкой». Проходя мимо лотка уличной торговли, я незаметно стянула первый же съестной товар, случайно подвернувшийся под руку, — здоровенную черную редьку, кривую, будто голень ноги брата настоятеля, и твердую, как моя вера в бога Шарро.

Торопливо завернув в ближайший дворик, я взглядом поискала какой-нибудь резервуар с водой, но, не обнаружив ничего похожего на бочку или лохань, обреченно махнула рукой и прожорливо вгрызлась в немывтый, жутко грязный корнеплод. Редька оказалась жесткой и невыносимо горькой... Я едва сумела проглотить пару кусков ее совершенно несъедобной сердцевины, как меня бурно вывернуло прямо в растущий поблизости чертополох. Я вытерла рот рукавом и еще немного постояла, покачиваясь и мечтая лишь об одном — как бы избавиться от этого гадкого вкуса, буквально впитавшегося в мои десны и вызывающего обильное слезотечение. Пес сочувственно поскуливал, улегшись чуть поодаль и не сводя с меня своих пронизательных серых глаз.

«Что ему нужно?» — в очередной раз задалась я этим вопросом, озадаченная столь пристальным вниманием умного животного. Он ведет себя очень странно и как-то не по-собачьи. Поведение этого пса не имело ничего общего с важными манерами монастырского сторожевого волкодава Туки или с заискивающим подхалимажем нашей дворовой шавки Бубы. Однако, даже ломая голову над необычным поведением собаки, я все равно не могла отсиживаться здесь вечно, а поэтому мне пришлось снова выйти в переулок с автоматически зажатой в руке немного погрызенной редькой.

Если бы я хоть немного пожила в Блентайре и узнала местные нравы, то, скорее всего, точно согласилась бы отдать пару лет своей жизни, лишь бы мне помогли поскорее выбраться из этого злчного места. Переулочек Кинжалов, хоть и получивший свое устрашающее прозвание в некие незапамятные времена, старательно оправдывал имя и по сей день. Далеко не всем путникам удавалось бестрепетно пройти по этой грязной улочке от начала до конца, сохранив ровный шаг и с высоко поднятой головой. Многие начинали бежать без оглядки уже на середине, а наиболее осмотрительные возвращались и благоразумно шли другой дорогой. Но, увы, я впервые бродила по городу, ища сама не зная что, и поэтому ничего не знала о той своеобразной, отнюдь не доброй репутации, которой

обладал выбранный мною путь.

Конечно, меня немало удивило почти полное отсутствие людей, но время было совсем раннее — многие зажиточные горожане еще не проснулись, а те, кто победнее, уже трудились в поте лица, и им было не до прогулок. Нетрудно представить, какой огромный шок я испытала, увидев богато наряженного юношу, внезапно вывернувшего из темной, ничем не примечательной подворотни. Голову красавчика венчала шапка золотистых, тщательно уложенных кудрей, а его одежду явно сшили на заказ, причем у отличного портного. Я оторопело застыла на месте с отвисшей челюстью и выпученными глазами, шокированно рассматривая эдакое несусветное чудо, резко диссонирующее с убожеством задрипанного переулка, служившего прибежищем для всякого подозрительного сброда. Юноша польщенно улыбнулся, наслаждаясь произведенным эффектом и вместе с тем безразлично рассматривая мое бледное усталое лицо и неряшливо измазанный желчью камзол.

«Что понадобилось этому красавчику в переулке Кинжалов? — пыталась понять я, пребывая в плачевном состоянии, заключающемся в неспособности сконцентрироваться и рассуждать логично. — Ему здесь не место...»

— Это тебя называют Йоханой? — то ли спрашивая, то ли утверждая, нараспев произнес юноша, сладко присюсюкивая и манерничая. — А знаешь, ты выглядишь еще непрезентабельнее, чем мне тебя описывали.

Я гневно засопела и без того заложенным носом, похоже не выдержавшим удара об пол Купола и спасовавшим под воздействием ночного холода.

— А не пойти ли тебе во Тьму? Кому какое дело до того, как я выгляжу?

— Фу! — Юноша кисло ухмыльнулся, старательно изображая огромное моральное и физическое превосходство надо мной. — Ну и манеры же у тебя, подруга. Подозреваю, мастеру Леонидасу придется немало потрудиться, обучая тебя изящному поведению и...

— Кому-кому потрудиться? — потрясенно перебила я, ощущая, как мое насмерть перепуганное сердце гулко бухнуло и провалилось куда-то в пятки. — Подобные слащавые имена возможны лишь...

— Точно, в квартале гильдии Порхающих, ты не ошиблась! — Юноша злорадно хихикнул. — Поздравляю, ты прибыла домой, сестра!

Я обреченно застонала, осознав, что попала в очередную ловушку судьбы. Но сдаваться без боя я не собиралась.

— Как вы узнали, где именно меня следует искать? — спросила я, горя желанием выпытать у своего собеседника имя поганого предателя.

— О, — высокомерно хмыкнул красавец, — ты настолько глупа, подруга, что нам не составило особого труда подослать некоего умного человека, сумевшего втереться к тебе в доверие. К тому же нам помогли чародеи. А как же иначе, ведь мы всегда делимся с ними частью нашего дохода... Запомни, в этом мире продается и покупается все: услуги, обман, предательство.

«Подослать?» — Отупевший от голода мозг метался, словно попавшая в западню мышка, тщетно перебирая всех немногих моих знакомых. Меня предал тот, кому я доверяла? Кто же это может быть: брат Флавиан, Иоганн, Милн, Джайлз? Самым горьким потрясением стало осознание того, что я оказалась подло обманутой именно в тот момент, когда едва начала доверять людям.

— Кто он, говори, или выпарапаю тебе глаза! — хрипло рыкнула я, испугав красавца.

Юноша побледнел как полотно и слегка приоткрыл свои пухлые, щедро покрашенные губы, видимо собираясь удовлетворить мое любопытство:

— Он...

— Розариан, молчи! — Требовательный гневный окрик, подобный наказующему удару бича, прилетел с другой стороны переулка. Юноша испуганно сгорбился и поспешно захлопнул рот.

Я оглянулась. В нескольких шагах от меня стояли сьерра Каталина собственной персоной, а также тот самый представитель ее гильдии, который участвовал давеча в

церемонии выбора учеников и увел с собой Элали. Дама-попечительница довольно потерла ладони и расплылась в обманчиво-приветливой улыбке:

— Ну вот мы и встретились снова, моя милая девочка! Теперь-то ты уж непременно отправишься с нами и станешь наложницей князя!

— А ваш князь хотя бы осведомлен относительно моего возраста? — возмущенно пискнула я. — Согласно законам Блентайра девушкам разрешается выходить замуж лишь после достижения восемнадцати лет.

Ярко раскрашенное лицо сводни расплылось в издевательской улыбке:

— А кто тут говорит о замужестве, глупышка? Повторяю: ты станешь его наложницей! Быстрее, чем пукнуть успеешь... — Ее толстые губы издали неприличный, глумливый звук. — О, поверь мне, крошка, педофилы — в целом неплохие люди. Просто их дети испортили!

Я затравленно вздрогнула всем телом. Ловушка захлопнулась...

Ошибаются все, да вот только одни делают это часто, а другие — постоянно. Боюсь, я принадлежу именно ко второй, хронически невезучей категории дураков.

Красавец Розариан обидно заржал, сразу утратив добрую половину своей привлекательности.

— Не гогочи, — насмешливо посоветовала я, — ибо, когда ты смеешься, твой нос безобразно заостряется, а два передних зуба выступают вперед, делая тебя похожим на крысу!

— Что? — Юноша немедленно подавился хохотом и угрожающе сжал кулаки. — Дрянь, ты еще и огрызаешься? — Он не верил собственным ушам. — Да как ты смеешь!

— Все это так мило! — Сьерра Каталина патетично всплеснула своими полными, увешанными серебряными браслетами запястьями. Чеканные кольца мелодично зазвенели. — Полюбуйся, Леонидас, она ведет себя, будто загнанная в угол кошка — шипит и царапается... Ты умница, дорогая, ибо мужчины обожают умирять непокорных красавиц! Строптивые девушки стоят намного дороже, потому что они пробуждают в мужчинах страсть.

— Что? — в свою очередь завопила я. — Да как вы смеее торговать мною, словно я не человек, а всего лишь бездушный рыночный товар? — Я несколько не разбиралась в сексуальной реакции мужчин, но неосторожные слова этой алчной сводни повлияли на меня, точно упавшая на трут искра, разбудили шквал неуправляемой ярости. — Я с вами не пойду и не желаю видеть никакого князя!

— А твоего согласия никто и не спрашивает, радость моя! — воркующе пропела сьерра Каталина, крадущимися шажками подступая ко мне и плотоядно шевеля жадно растопыренными пальцами. — Успокойся и смирись! Не станешь же ты с нами драться?..

— Драться? — растерянno переспросила я, только сейчас вспомнив о зажатой в руке редьке. — Драться! А-а-а...

Кто сказал, что единственным овощем, способным вызывать у человека слезы, является исключительно лук? А вы когда-нибудь увесистой редькой по репе получали?..

Обкусанный мною корнеплод смачно обрушился точно на темечко достопочтенной сьерры Каталины. Раздалось оглушительное карканье... Сводня закатила глаза под лоб и плавно осела в серую уличную пыль, а я расстроено стояла над ней, разглядывая тощий хвостик, оставшийся от разломившейся редьки.

— Мастер Леонидас, ну сделайте же что-нибудь с этой бешеной девчонкой! — истошно запричитал красавец Розариан, на всякий случай отпрыгивая подальше от меня. — Вы только посмотрите, что сотворила эта дикая тварь с нашей любимой сьеррой Каталиной...

— Не голоси, мальчик! — брезгливо поморщился мужчина. — Сейчас мы ее утихомирим. Эй, охрана! — Он начальственно повысил голос. — Все сюда, быстро! Повелеваю схватить строптивную девчонку и препроводить ее ко мне домой!

Повинуясь его приказу, из соседнего двора тут же выскочили двое вооруженных до зубов мужчин, а еще трое аналогичных головорезов картинно нарисовались на

противоположной стороне улицы. Я отчаянно вскрикнула, понимая, что мой путь к отступлению отрезан окончательно, отбросила ставший бесполезным обломок редьки и умоляюще обхватила шею белого пса, до сего момента безучастно сидевшего у дощатого бордюра пешеходной части тротуара.

— Друг, помоги мне! — просила я, но пес лишь виновато отвернул морду и малодушно отвел глаза, видимо не желая впутываться в мои проблемы. — Помогите мне, люди! — взывала я, но никто не отозвался. — Помогите мне, бог Шарро! — обреченно прорыдала я, мысленно прощаясь со свободой, счастьем и едва обретенной мечтой.

— Тише, девочка, все будет хорошо! — внезапно над моим ухом прозвучал ласковый мужской голос, и высокая, закутанная в черный плащ фигура стремительно материализовалась у меня за плечом. Затянутой в перчатку рукой незнакомец нежно погладил меня по голове, а затем решительно задвинул к себе за спину.

«Откуда он взялся? — недоумевала я, с облегчением утыкаясь носом в складки его плаща, полностью закрывшего мне весь обзор. — Не с неба же спустился, в самом-то деле?»

— Ну как, уважаемые сьерры, — насмешливо произнес мужчина, и я услышала лязг вынимаемого из ножен клинка, — погремим мечами? — В его голосе сквозило ленивое пренебрежение, какое могут позволить себе лишь самые непобедимые бойцы. — Или вы только с беззащитными девушками воевать умеете? — Вопрос повис над переулком.

— Кто ты такой, Тьма тебя заберет? — обескураженно спросил сьерр Леонидас, пытаясь спрятаться за своих охранников, которые в свою очередь малодушно обшаривали глазами пустынный переулок, ища, куда бы затихариться от греха подальше.

— Ну Тьма не Тьма, — незнакомец небрежно смахнул капюшон, прикрывающий его голову, и обернул лицо к моим обидчикам, — но нечто типа того...

По переулку прокатился всеобщий вопль ужаса, вырвавшийся из семи здоровых мужских глоток.

Заинтересовавшись, чем вызвана столь бурная реакция, я просительно постучала кулачком в широкую, безопасную спину, отгородившую меня от всего мира с его неисчерпаемыми бедами и проблемами. Мой защитник немедленно обернулся...

Возможно, причиной моего последующего обморока стали голод и усталость. Но, вероятнее всего, я просто не сумела совладать с обуявшим меня ужасом, ибо у отважного незнакомца... не было лица! На его месте располагалось мертвенное, идеально круглое, белое пятно, абсолютно лишенное глаз, рта и носа...

Помню еще, что я успела тоненько вскрикнуть, падая в заботливо подхватившие меня руки, и временно утратила всякую связь с реальным миром...

ГЛАВА 10

Меня привели в чувство деликатные, но вместе с тем довольно интенсивные похлопывания по щекам. Уже отнюдь не в первый раз за последние пару дней я осторожно приоткрыла глаза, почти уверовав, что мои недавние злключения окажутся лишь сном — неприятным, но, к счастью, быстро забывающимся... К сожалению, я ошиблась — и тоже отнюдь не впервые.

Улица опустела, а валяющиеся на земле шляпа и скомканный носовой платок наглядно свидетельствовали о том, что мои несостоявшиеся обидчики уже покинули переулок Кинжалов, причем, судя по всему, они проделали это не задумываясь и с завидной скоростью. А тем человеком, который разделял мое уединение, стал тот самый странный мужчина без лица. Правда, сейчас я не имела сомнительного удовольствия лицезреть его черты (вернее, их полное отсутствие), потому что капюшон плаща незнакомца вернулся на свое прежнее место, придавая моему защитнику вполне благопристойный вид.

— Как ты себя чувствуешь, дитя мое? — заботливо спросил безликий, помогая мне подняться, бережно отводя чуть в сторону и усаживая на кривоватую скамейку, прислоненную к стене дома.

Я с удовольствием уселась туда, куда предложили, и устало оперлась локтями на колени. Невозмутимо улыбнулась своему спасителю, стараясь не выглядеть слишком жалкой, но предательски подрагивающие коленки красноречиво выдавали мою слабость.

— Спасибо, хорошо! — Невероятным усилием воли я постаралась придать голосу всю максимальную твердость, доступную ему сейчас. — Кто же вы все-таки такой? Уж не Неназываемый ли?

— Я! О...

Незнакомец не скрывал самоиронии, а я слушала его и удивлялась, каким же, интересно, образом он может видеть и разговаривать, не имея ни глаз, ни рта.

— Когда-то я являлся всем в этом мире, а сейчас стал никем и ничем, вернее — даже меньшим, чем ничего. Так что, прошу, не нужно имен, называй меня сьерр Никто!

Похоже, он получал огромное удовольствие от своего нестандартного чувства юмора, потому как вложил в придуманное для самого себя прозвище огромную гамму эмоций — от гордости до презрения. Представившись, он отвесил элегантный поклон.

— Очень приятно, — любезно отозвалась я, кажется уже утратившая способность удивляться чему бы то ни было. — А я — Йохана.

— Я знаю твоё имя, звезда! — Незнакомец попытался погладить меня по спине, но я вовремя уловила его намерение и предусмотрительно уклонилась в сторону. Ещё не хватало, чтобы он заметил мои крылья!..

Сьерр Никто понимающе хмыкнул:

— Не бойся, я знаю о тебе все, а возможно, даже больше, чем ты сама о себе знаешь.

Я скептически покосилась на закутанную в плащ фигуру:

— А докажете!

Из-под капюшона прозвучал сдавленный смешок:

— Больше всего на свете ты мечтаешь вновь встретиться с юношей по имени Арден и вырвать его из рук богини Банрах.

Я некрасиво разинула рот, чуть не став заикой из-за меткости его прозорливых слов.

— Ничего себе фокус! Кто вам об этом рассказал — Джайлз, брат Флавиан?

Вместо ответа меня немедленно наградили вторым, ещё более интригующим звуком, чем-то средним между кашлем и фырканьем.

— Все ищешь предателя? — наконец поинтересовался капюшон.

Похоже, сьерр Никто каким-то непостижимым для моего рассудка способом оказался свидетелем трагической сцены, совсем недавно разыгравшейся в переулке Кинжалов.

— Да! — утвердительно кивнула я, буквально стораю от любопытства и праведного гнева. — И найду рано или поздно!

— Ты жаждешь определенности, — до моего слуха долетел тяжелый вздох, — но этот мир — серый, а посему многим из его обитателей трудно сразу разобраться со своим местом в жизни и однозначно встать на одну из сторон силы.

— На сторону добра или зла? — дотошно уточнила я, дабы избежать ошибки в понимании сущности нашей беседы.

Сьерр Никто повторил мой жест и согласно наклонил капюшон:

— Да, твои спутники пока ещё колеблются, но момент их выбора уже близок.

— Мои спутники? — ошеломленно переспросила я. — Но здесь же никого нет, кроме нас с вами! — Я широко развела ладони, подчеркивая пустынность переулка. — Вы ничего не перепутали?

Капюшон моего собеседника протестующе мелко затрясся, а его смех перешел в неразборчивое бульканье. Похоже, оригинальное чувство юмора сьерра Никто ничуть не уступало его экстравагантной внешности. Но я категорически не разделяла владеющего им веселья.

— Что тут смешного? — возмутилась я, обиженно сжимая кулаки. — Я одинока и запуталась, мне страшно и голодно, мои силы на исходе...

— Да ну, так уж и на исходе? — ненатурально усомнился мой спаситель. — Как же

плохо ты еще себя знаешь, моя дорогая девочка.

— Я вам не девочка! — Мои губы дрожали, язык заплетался, на глаза набежали злые слезы. — А все «дорогие девочки» проживают на улице Сладких Поцелуев... — Я не удержалась от сарказма.

— Куда ты и попала бы, не подоспей я вовремя, — многозначительно уточнил капюшон. — Но, слава Неназываемым, этого не произошло — очевидно, Колокол Судьбы ударил в нужный момент!

— Чего? — совершенно запуталась я, начавшая сильно сомневаться в адекватности своего странного защитника. — Колокол Судьбы?

Сьерр Никто плотнее завернулся в складки своего черного бархатного плаща и уселся рядом со мной. Я с подозрением оглядела его сухощавую угловатую фигуру и опасно отодвинулась, ибо только теперь заметила — от этого мужчины не исходит запаха живой плоти, а его грудь не движется, что указывает на отсутствие дыхания. Да кто же он такой, Тьма его заberi?!

Но мужчина не обратил ни малейшего внимания на мою импульсивную реакцию и заговорил:

— Ты уже побывала в Немеркнушем Куполе, а значит, твой жизненный путь определился. Но чтобы воплотить в реальность пророчество Неназываемых, этого слишком мало. Ты должна найти пропавший Колокол Судьбы и собственноручно откорректировать отзваниваемую им мелодию. И тогда ваше прошлое изменится, будущее покорится твоей воле, а ты сумеешь спасти Ардена!

— Ничего себе задание! — Я шмыгнула своим многострадальным носом, ошеломленная услышанным. — И где мне предстоит искать этот самый Колокол?

Сьерр Никто неопределенно передернул плечами и раздраженно добавил:

— Ты разве не поняла? Я же объяснил: Колокол Судьбы — пропал! Раньше, до начала войны и исхода эльфийских кланов из Блентайра, он висел в Немеркнушем Куполе. Но в день решающей битвы у Аррандейского моста произошло слишком много страшного и печального — одним из таковых событий стало исчезновение артефакта. Ныне в Куполе сохранился лишь излученный Колоколом свет, накопленный стенами святилища. Но скоро город умрет, погребенный под слоем песка, Купол — померкнет, а вместе с тем погибнет и весь наш мир.

— Так научите меня, — я пылко ухватила за рукав сьерра Никто, начисто позабыв про все свои страхи перед ним, — что следует сделать, чтобы найти Колокол, спасти Ардена и весь мир в придачу!

— Не знаю, дитя, — виновато покачал головой безликий. — Возможно, тебе сумели бы помочь Неназываемые, но они покинули наш неблагодарный мир, преданные и зачарованные.

— Тьма, как много предателей у нас развелось! — взбудоражено вскрикнула я.

— Еще больше, чем ты думаешь, — огорченно поддакнул мой спаситель. — Впрочем, скоро ты сама все о них узнаешь.

— Так ты ничем не можешь мне помочь? — насупилась я, осознав, какой непомерный груз взваливают сейчас на мои хилые плечи.

— Я не имею права вмешиваться в твою судьбу, — жалобно посетовал сьерр Никто, покаянно склоняя голову на грудь. — Я и так уже переступил запретную черту и сильно навредил самому себе. К счастью, в этой части города сохранилось множество старинных артефактов, заложенных в фундаменты домов и позволяющих мне являться сюда во плоти. Мне не разрешено давать подсказки, но я хочу внушить тебе главное правило нашего мира, звучащее так: «Если жизнь тебя бьет, значит, она тебя любит». А еще учти, Йона: выйдя за стены Блентайра, ты будешь вынуждена принимать решения самостоятельно, ибо за пределами города я бессилен.

Я задумчиво прикусила губу:

— И это все? На этом напутствии ваша миссия считается оконченной?

— Не совсем. — Сьерр Никто довольно расправил плечи и вытянул из складок своего одеяния нечто небольшое, завернутое в кусок серой замши. — Ты должна обрести знания и стать чародейкой, но негоже тебе, девочка, путешествовать без оружия.

Он развернул сверток, и я восхищенно ахнула.

Скрываемый под замшей предмет оказался вложенным в ножны стилетом, тонким и изящным, по длине равным моей руке от запястья до локтя. Сьерр Никто извлек оружие из ножен, и я очарованно залюбовалась обтянутым кожей эфесом, увенчанным огромным и прозрачным, как вода, алмазом, чеканной гардой и замысловатой вязью сложно переплетающихся рун, покрывающих весь клинок. К сожалению, я не знала языка, на котором была выполнена эта надпись. На ножнах стилета красовалось изображение песчаной бури, взвихрившейся в большой чаше, и этот рисунок почему-то заставил мое сердце забиться сильнее и вызвал бурный приток крови к щекам. Почему картинка показалась мне такой знакомой?.. Я бережно провела пальцем по клинку, отмечая его остроту и безупречное совершенство форм.

— Прими это оружие и всегда носи при себе! — Сьерр Никто привесил стилет к моему поясу. — Ибо оно принадлежало твоему отцу.

— Отцу? — Я судорожно вцепилась в рукоять стилета. — Так вы его знаете? Кто он, где он находится сейчас?

Ответом мне стала тишина. Я недоуменно подняла ресницы... Скамья рядом со мной опустела, а сьерр Никто исчез так же беззвучно, как и появился. Я растерянно пожала плечами, встала и, немного прихрамывая, медленно побрела по переулку.

Пройдя совсем немного, я услышала печальное, ненавязчиво напоминающее о себе поскуливание. Оказалось, это мой белый пес выбрался из ямы под забором, в коей, похоже, отсиживался на протяжении всего нашего нелегкого разговора со сьерром Никто, и теперь несмело трусил вслед за мной, издавая робкое, просительно-извиняющееся по-хныкивание.

— А, это ты! — Я снисходительно кивнула. — А как же твоя политика невмешательства?

Пес усиленно замахал хвостом, дескать, прояви великодушие, прости дурака!

— Так и быть, прощаю на первый раз! — Я участливо потрепала пса по голове, понимая, что ему и без меня изрядно досталось, рана едва успела зажить, а поэтому на его месте я бы тоже десять раз подумала, прежде чем вступать в новые неприятности. — Пойдем поищем что-нибудь съестное.

Мы прилежно искали в две пары глаз, полторы ноги (ибо я хромала все сильнее) и четыре лапы, но так и не смогли разжиться ни глотком чистой воды, ни заплесневелой хлебной коркой. Еда в Лаганахаре стоила баснословных денег, ведь каждый последующий год выдавался более неурожайным, чем предыдущий, а минувшая зима стала самой холодной за последние пятьдесят лет. Население Блентайра сильно сократилось, и до нашей монастырской обители не раз доходили зловещие слухи о каннибализме, процветающем в самых бедных кварталах столицы. Чудовищные слухи, проверять или опровергать которые почему-то не хотелось.

В теперешние трудные времена люди уподобились хищным животным, иступленно борющимся за выживание. Большинство из них полностью утратили человеческий облик и без сожаления поправили свои прежние моральные ценности, абстрагировавшись от таких, казалось бы, исконных понятий, как честь, совесть, стыд, дружба, ставших для них пустым звуком, бесполезным сотрясанием воздуха. Ныне в Блентайре признавали лишь закон силы, власть оружия и произвол наглости. Сильный пожирал слабого, а слабейшему оставалось последнее — тихо забиться в какую-нибудь нору и безропотно подышать от голода и болезней. И похоже, меня ожидала именно такая участь...

Близился полдень, а мы все продолжали безуспешные поиски еды. Единственной нашей удачей стала чудом не пересохшая грязная лужа, а вернее, щель между двумя досками, заполненная зеленоватой, протухшей водой. Мы с псом в четыре жадных глотка опустошили сей зловонный источник живительной влаги, честно говоря по большей части

состоящий отнюдь не из воды, а из вонючей жидкой грязи, даже не осознав, какую гадость пьем.

Несколько раз мы проходили мимо призывно распахнутых дверей самых непотребных харчевен, откуда вырывались отвратительные миазмы дурно приготовленной пищи, которая казалась сейчас слаще нектара и желаннее амброзии. Правда, мой голод уже притупился до какой-то странной степени, превратившись в тупую, ноющую боль, ставшую для меня почти привычной и родной. Я шаталась и спотыкалась, мои глаза застилал багряный туман, во рту держался горький привкус желчи.

Пес уныло брел за мной, повесив хвост и прижав уши, а его похожий на тряпку язык висел почти до земли — распухший, давно не смачиваемый слюной. Мы оба чувствовали — близится тот момент, когда мы уже не сможем идти дальше и просто свалимся в ближайшую придорожную канаву, безучастно ожидая приближения Тьмы, способной заключить нас в свои черные объятия и избавить от страданий. Мы почти призывали смерть, устав бороться за жизнь.

Пару раз на протяжении своего скорбного пути, ведущего неизвестно куда, я останавливалась и оценивающе рассматривала чудесный кинжал, подаренный сьерром Никто. Подозреваю, что любое старинное оружие обладает собственной историей, судьбой и характером, а возможно, даже душой. От моего стилета так и веяло теплой, дружественной энергией, а еще — запахом невероятных странствий и приключений, достойных быть воспетыми в балладах и легендах. Но, и в этом я не сомневалась ни на миг, клинок также впитал в себя и память о жутких испытаниях, выпавших на долю ее бывшего владельца — моего отца!..

«Каким он был?» — Этот невысказанный вслух вопрос вяло крутился в моем затуманенном голодом мозгу. Судя по всему, отец принадлежал к касте воинов, причем занимал довольно высокое положение, ибо подобный клинок — пусть даже не меч, а всего лишь стилет — стоит бешеную кучу золотых риелей. Держать при себе подобное оружие — несусветная глупость и довольно опасное занятие, ведь немалая часть жителей Блентайра промышляет исключительно грабежом и разбоем. А поэтому один вид моего чудесного оружия способен подействовать на них как приманка и может стоить мне головы. Первой мыслью было вышвырнуть эту штуковину подальше, а второй — продать и на вырученные деньги купить еды. Но, выдвинув узкое лезвие из ножен, я залюбовалась волшебной игрой света на клинке, по которому вилась причудливая вязь непонятных слов.

Я пристально посмотрела на стилет, вспомнила его безликого дарителя и предпочла все-таки оставить клинок у себя. Едва приняв сложное решение, я внезапно осознала, что с этого самого момента перестала сомневаться в своем предназначении, ибо убедилась в очевидном и поверила в свое благородное происхождение. Легенды обрели реальность, ведь как ни крути, но против фактов не попрешь. Стоит только взглянуть на мой стилет, как сразу же становится понятно: его выковали эльфы, а значит, мои родители тоже принадлежали к одному из эльфийских кланов. Ну, во всяком случае, отец. А еще я поняла, что хочу разузнать об участии своего бесследно сгинувшего родителя ничуть не меньше, чем отыскать Ардена или стать настоящей чародейкой.

Итак, круг моих насущных задач расширился, а вот сил на их выполнение у меня оставалось все меньше и меньше...

Ребекка нехотя приоткрыла правый глаз, затем — левый, сладко потянулась и зевнула, показав четыре небольших, но чрезвычайно острых клыка, совершенно незаметных под сомкнутыми губами. Пожалуй, то была единственная неприятная черта, дарованная частью нечистой крови, струившейся в венах этой симпатичной, мускулистой, медноволосой девушки: нечеловеческой формы зубы, унаследованные ею от деда, великого воина ночного народа лайил.

В остальном Ребекка ничем не отличалась от обычных людей, ну разве что выгодно выделялась среди них своим высоким ростом, прекрасными зелеными, чуть раскосыми

глазами, смуглой кожей и пышными рыжими локонами, спускающимися до самой талии. Чистокровные лайил выглядят совсем не так привлекательно — они обладают удлинёнными, хищно выступающими вперед челюстями, кроваво-красными зрачками и жесткими черными волосами, сильно смахивающими на шерсть.

Впрочем, до Ребекки неоднократно доходили вполне достоверные слухи о том, что ее знаменитый дед лэрд Финдельберг, известный под прозвищем Законник, в молодости был наделен поразительно утонченной внешностью и пленял своей нехарактерной для лайил красотой каждую встречную женщину, в том числе и благородных эльфийских дам. К сожалению, сама Ребекка запомнила деда отнюдь не соблазнительным красавцем, а преждевремененно отцветшим, сгорбившимся от дряхлости и раскаяния стариком, уныло влачащим последние дни своего существования.

Ну еще бы, ведь лэрд Финдельберг прожил долгую и бурную жизнь, будучи современником и ровесником давно канувших в небытие великих героев прошлого — королей Арцисса, Адсхорна и Джоэла. Подумать только, ее дед имел возможность лично лицезреть трех проклятых королей, а возможно, и общался с ними на равных. Недаром же он стал возлюбленным верховной жрицы Чаншир — младшей сестры короля Джоэла Гордого, будущей бабушки самой Ребекки. Вот так и возник их род, смешавший в себе две крови: людей и лайил. Неправильная семья, наказанная грузом страшной тайны, способной спасти или уничтожить весь Лаганахар.

А ныне, после кончины деда, Ребекка осталась единственной и последней хранительницей этой тайны, с каждым днем тяготившей ее все сильнее и сильнее. И немудрено, ведь на ее долю выпало тяжкое испытание — жить, делая вид, будто не происходит ничего необычного. Это особенно трудно, если на самом деле тебе суждено искупить чудовищные грехи и восстановить попорченную справедливость. Ну и как, скажите, вообще можно жить с подобным грузом на душе и совести, если эти грехи — отнюдь не твои?

Ребекка аккуратно застелила кровать — красиво сложила серое солдатское одеяло, отогнув наружу обшитую шнуром кромку, и отступила в сторону, любуясь результатом законченной работы. «Если взялась что-то делать, то делай это хорошо!» — так учил ее покойный лэрд Финдельберг, и теперь, следуя заветам деда, девушка собиралась блестяще выполнить навязанное поручение, которое, откровенно говоря, изрядно ей претило и шло вразрез с ее личными представлениями о чести и долге. Но ведь господ не выбирают, не так ли?

Девушка оделась, заплела в косу свои длинные волосы и взяла с комода медный наголовный обруч, украшенный двумя нитями, заполненными нанизанными на них серебряными колечками. Этим нитям полагалось красиво обрамлять лицо, а число колечек обозначало количество врагов, убитых данным воином. Да, Ребекка была воином, причем весьма искусным и уважаемым в рядах городской дружины, в коей она и служила на протяжении последних пяти лет. В отличие от чистокровных лайил, плохо переносивших дневной свет, Ребекка воспринимала дневное время положительно, правда, она тоже недолго любила жару и долгое прикосновение прямых лучей Сола к поверхности своей кожи. Поэтому воительница выбрала именно ночную работу, обладая ценным талантом отлично видеть в темноте и передвигаться тише тени.

Кстати, в этих качествах тоже не было ничего удивительного, ведь, согласно древним легендам ее народа, лайил произошли от кошек, а родная стихия всех кошек — темнота, тишина и самые укромные городские закоулки. Будучи очень практичной молодой особой, Ребекка ничего не совершала просто так, а потому привыкла извлекать максимальную выгоду из любого встречающегося на ее пути создания. Участь полукровки тяжела и незавидна, поэтому тут уж волей-неволей приходится учиться не впадать в альтруизм, а также привыкать обходиться без сопливых сантиментов. Откровенно говоря, выгоду можно извлечь из всякого, даже самого никчемного, существа, ибо кровь течет в жилах каждого, включая нищих, больных и уродов. Ведь чужая кровь для лайил — это всегда жизнь.

Нет, в пик своего вечно голодным родичам, Ребекка не настолько отчаянно нуждалась в крови. Но все же и она не могла полностью обходиться без данного напитка, уже через месяц слабея и впадая в беспробудный сон, способный перетечь в тихую безболезненную смерть. Поэтому раз в две недели она охотилась, выбирая для этой цели самые нищие городские кварталы, населенные метельщиками и земледельцами. Власти не придавали особого значения естественной убыли населения, сквозь пальцы посматривая на регулярные исчезновения одного-двух плебеев и преднамеренно исповедуя здравый принцип: не суй нос в чужие беды, дабы у тебя не добавилось своих.

Впрочем, Ребекка никогда не переступала допустимую черту относительной гуманности, неизменно избирая на роль своих жертв либо выловленных ею злодеев: воров, обманщиков и прочих прощелыг, либо награждая поцелуем смерти безнадежно больных стариков, и без того готовящихся вскоре перейти в мир иной. Но чаще всего она просто платила им за кровь, предлагая пару серебряных риелей в качестве компенсации за возможность насытиться, чем оказывала неоценимую услугу семьям нищенствующих горожан. Стоит ли упоминать о том, что умирающие старики с готовностью шли на такую выгодную сделку, осознавая, что смерть одного способна стать благом для другого, дорогого тебе человека.

В мире Лаганахара продавалось и покупалось все, включая жизнь и смерть, что значительно упрощало процесс бытия. Но хотели бы вы жить в таком мире?

Воительница с гордостью надела свой воинский обруч и посмотрелась в маленькое, установленное на комод зеркало. Тусклый свет Уны с трудом продирался сквозь плотные оконные занавески, загадочно очерчивая узкое девичье лицо. Ребекка бережно перебирала колечки, вспоминая: вот это — убитый ею выродок, пожиратель младенцев, несколько месяцев терроризировавший весь Блентайр, а это — насильник молодых девиц из квартала целителей, не избежавший ее острого клинка. Да, Ребекка имела полное право гордиться своими заслугами, хотя со стороны воспринималась просто еще одной хищной, кровожадной тварью, практически ничем не отличающейся от своих жертв.

Хочешь понять человека — загляни ему в душу и не верь тому, что лежит на поверхности. Наша истинная сущность спрятана глубоко и открывается отнюдь не каждому. И этому ее тоже научил дед, великий знаток самых низменных пороков и наиболее возвышенных качеств, присущих каждому из нас. А еще, даже обладая неоспоримыми достоинствами, все мы не лишены забавных комплексов и недостатков, причем зачастую таких, признаться в которых стыдимся самим себе. Ребекке уже исполнилось двадцать лет, а она еще ни разу не целовалась и вообще — не имела сердечного друга, внушая подсознательный страх почти всем своим товарищам по службе, сторонившимся непонятной полукровки. Ребекку мучило одиночество...

«Блентайр — город большой и красивый, но при этом консервативный до мозга костей и ханжеский просто до невозможности, — мысленно рассуждала воительница, всматриваясь в свое отражение. — У нас приличной девушке и выйти-то некуда, если только замуж... Но разве найдется кто-нибудь смелый, готовый дерзнуть жениться на полукровке, к тому же внучке самого Финдельберга Законника? Разве что принц! Но куда там, ведь до наших захолустных улочек и кони-то не всегда добираются, а принцы — и того реже...»

Она печально вздохнула, прекрасно понимая всю незавидность своих замысловатых жизненных коллизий. Душа пуста, если в ней не живет любовь. И ни одно сокровище мира неспособно заполнить подобную пустоту. А то, что ей предлагают некоторые блудливые типчики, является совсем не любовью, а всего лишь отвратительным, пошлым суррогатом.

Неожиданно до ее тонкого слуха долетел отдаленный колокольный удар, обозначающий, что ночная смена началась, пора выступать в дозор. Ребекка торопливо зашнуровала высокие, доходящие до колен сапоги, поправила воротник серой рубашки и застегнула замшевый жилет. На ее спину привычно легли перекрещенные ремни двух коротких клинков-акинаков, коими девушка владела в совершенстве. Она давно заслужила звание настоящего виртуоза фехтования, сходиться в поединке с которым не осмеливались

даже самые прославленные рубаки из числа столичных стражников. Воительница откинула крышку глубокого подпола, холодного, выложенного по дну пластинами медленно тающего льда, и извлекла квадратную стеклянную бутылку, наполненную густой красной жидкостью.

Нет, то была не кровь. Ребекка безумно любила томатный сок, давно подметив — употребляемый в больших дозах, он длительное время способен заменять очередной сеанс кормежки, существенно отодвигая тот момент, когда она уже оказывалась неспособна обманывать свой организм и начинала остро нуждаться в порции свежей человеческой крови. Проблема заключалась в том, что в Блентайре томатный сок являлся куда большей роскошью, чем кровь, и стоил не в пример дороже. Ребекка в несколько жадных глотков осушила объемистую посудину до дна, сыто рыгнула, покраснела и прикрыла рот ладонью, смутившись неизвестно кого. Ну да, ничего не скажешь, хорошенькие же манеры она демонстрирует — совсем осолдафонилась. Ребекка покаянно мигнула, вновь заикливаясь на своем затянутащемся девичестве.

В дверь ее дома негромко постучали. Девушка выбранилась, поминая Тьму, поставила на стол опустевшую бутылку, захлопнула крышку погреба и выскочила на крыльцо, торопясь присоединиться к отряду стражников, слаженно марширующих по улице. Вместо замка она легкомысленно вставила в пробой дверных железных ушек обычную кленовую веточку, нимало не переживая за сохранность своего имущества. Во-первых, у нее отродясь не водилось ничего ценного, кроме любимого дедушкиного кресла-качалки. А во-вторых, дом Ребекки, как и сама его хозяйка, пользовался дурной славой, и вряд ли в Блентайре нашелся бы хоть один не дорожащий своим здоровьем смельчак, который рискнул перешагнуть порог ее жилища.

Хотя нет, кроме рассохшегося, тоненько поскрипывающего кресла лэрд Финдельберг оставил своей внучке еще две вещи. А именно обрывок какого-то пергаментного листа, побуревшего от старости и покрытого разнокалиберными пятнами, под которыми смутно угадывался фрагмент непонятного текста, и нечто иное — буквально вплавившееся в душу и характер девушки. Свиток хранился в подвале, надежно упрятанный под пресс для выжимания помидоров. Второй же дар она предпочитала постоянно держать при себе, используя чуть ли не по сто раз на дню, ибо это наследие являлось безмерно обожаемым ее дедом ругательством, в очередной раз подтверждавшим легендарность предка.

Итак, воительница поспешно догнала шагающий в ногу отряд и скромно пристроилась в последнем ряду.

— Сожалею, сьеррина Ребекка, — лейтенант городской стражи, лэрд Роннеган, не по уставу одетый в крикливый красный плащ, поприветствовал ее коротким, фамильярным взмахом руки, — но твой обычный напарник Гарриет-лучник сегодня малость приболел. Слег с жаром и сильным кашлем. Вот я и думаю теперь, кого бы приставить к тебе вместо него, а? Может, выберешь любого новобранца по своему усмотрению?

— Новобранца? — Воительница презрительно оттопырила нижнюю губу, абсолютно несогласная с идеей своего начальника, с коим, честно говоря, никогда особо не ладила. Хотя с кем она вообще ладила?

Ребекка скептически рассматривала троих безусых парней, совсем недавно зачисленных к ним в отряд.

— Да чтоб его три раза мантикора переварила! — эмоционально пожелала лайил, мысленно завидуя своему бравому деду, несомненно имевшему честь воочию лицезреть этих мифических существ. — Воля твоя, командир, но менять им пеленки и вытирать сопли я не нанималась... Мне твоих сосунков и даром не надо, и за риели не надо!

Под ее оценивающим взглядом новобранцы стушевались и начали недвусмысленно переступать ногами, непроизвольно подтверждая насмешливое утверждение девушки. По рядам опытных стражников прокатилась волна язвительных смешков, ибо все знали: Ребекке палец в рот не клади — откусит не по локоть, а по колено, да еще и кровь из тебя высосет. И как только старина Гарриет умудряется находить общий язык с этой чумовой девкой?

— По улицам полагается парами ходить, — наставительно выкрикнул кто-то из

стражников. — Так в уставе караульной службы прописано!

Ребекка пренебрежительно щелкнула языком, доходчиво намекая, в каком именно месте организма мантикоры она видела этот треклятый устав.

Смешки усилились.

— А у вас что, нет парня? — блеюще вякнул самый смелый из новобранцев.

Ребекка одарила его клыкастой улыбкой, заставившей наглеца подавиться собственными словами.

— Нет, это ни у одного парня нет меня! — насмешливо изрекла она. — И не будет, не дождетесь такого счастья, олухи!

Лэрд Роннеган демонстративно кашлянул, пряча в усы язвительную ухмылку. Увы, он неплохо разбирался в оружии, но ничего не смыслил в психологии и тонких душевных порывах, а посему не знал, что одиночество и непонятость — обычный удел любой неординарной личности. Жаль только, что эта своенравная красотка не желала завязать более близкое знакомство, отвергая его ухаживания, порой довольно настойчивые и нескромные. Ну да ничего, однажды все изменится — несговорчивая девушка попросит его милости, и тогда, как говорится, и на его улице перевернется телега с пряниками. В этом любвеобильный лэрд нисколько не сомневался.

— Соглашайся, я же предлагаю тебе все самое лучшее, — мягко произнес он, имея в виду неоспоримую истину: «Работа — не баба, от нее не сбежишь». Хотя, возможно, он подразумевал нечто совсем иное.

— Я пойду одна, мне не привыкать! — самонадеянно хмыкнула девушка, отбрасывая за плечи полы плаща и проверяя, легко ли вынимаются из ножен ее парные клинки.

Ребекка с детства усвоила неписаное правило, гласящее: «Одиночество всегда является закономерной изнанкой свободы». Она небрежно кивнула начальству, дескать: «Даю всем понять — я заступила на дежурство», и спокойно зашагала вниз по улице, направляясь к самому злачному городскому району, носящему многозначительное название — переулок Кинжалов. При этом отважная лайил даже и не догадывалась о том, что сегодня взамен заболевшего стражника ее напарником временно стала сама судьба!..

Не знаю, сколько времени мы потратили впустую, занимаясь бесплодными скитаниями по городу. Стемнело и сильно похолодало. В воздухе висела плотная пелена тумана, превращающегося не в капли влаги, а в бесчисленные, мелкие, словно песок, снежинки. От внезапно вернувшегося зимнего мороза у меня сводило голые кисти рук и пощипываю кончик носа. Напуганная, усталая и голодная, я уже не выискивала путеводные знаки судьбы, а просто бестолково бродила по улицам, с каждым мгновением все больше склоняясь к горькой мысли о необходимости вернуться в Звездную башню и отдать обратно свою хрустальную звезду.

«Ты не заслужила такой чести, — думала я, старательно отворачиваясь от дверей пекарни, откуда доносился соблазнительный запах свежей сдобы. — Кем же ты себя возомнила, дурочка? Да тебе нет места даже среди нищих, а куда подалась — в чародеи! Ишь какая самонадеянная!..» Но сама мысль о необходимости отказаться от своей заветной мечты ужасала меня почти до безумия, ибо зачем же тогда жить?

Человек жив лишь до тех пор, пока жива его мечта. Она окрыляет и служит источником неисчерпаемого вдохновения. Мечта помогает нам не замечать многие бытовые неудобства, смягчает боль и одиночество, да к тому же является той спасительной звездой, разгоняющей тьму в конце темного туннеля, обрести которую должен каждый. Да, следует признать — путь самореализации (а ведь вся наша жизнь и есть долгий путь погони за ускользающей мечтой) труден и тернист. Хватит ли у нас смелости, терпения и воли для того, чтобы добиться счастья, заключающегося в реальном воплощении своих намерений?

Могут пройти не месяцы, а годы, прежде чем ты сумеешь осуществить свою мечту, но помни — никогда не отказывайся от того, что задумал, какими бы недостижимыми ни выглядели твои устремления. Человек способен совершить невозможное, борясь за

исполнение своих задумок. И разве не ради этого мы рождаемся на свет? Мечты должны сбываться, а люди просто обязаны быть счастливыми! Никогда не смейся над мечтами других, ведь в нашем мире возможно многое, подчас — самое невероятное. Утрачивая способность мечтать, мы превращаемся в зверей, а люди, которые не имеют целей, имеют очень немного... И мне их искренне жаль!

Ближе к ночи мой энтузиазм истощился окончательно, а сама я впала в дремучее уныние и отчаяние. Белый пес почти плакал, будто измученное дитя, волоча левую заднюю лапу и глядя на меня помутневшими, слезящимися глазами. Смирившись с неизбежной смертью, приход коей уже воспринимался мною как милость, я опустила прямо на мостовую под окнами какого-то большого и шумного здания и прикрыла глаза, чувствуя, как все глубже и глубже погружаюсь во что-то липкое, холодное и мерзкое. Я сделала последнюю попытку вырваться из этого предсмертного обморока, приоткрыла веки и неожиданно увидела рослую, заинтересованно склонившуюся надо мной тень. Тень улыбнулась, обнажив пару острых клыков, плотоядно блеснувших в свете проглядывающей сквозь облака Уны.

«Ну вот и все, — безразлично подумала я, уже не боясь ничего и никого, ибо все мои прежние страхи притупились вместе с желанием жить. — Это лайил. Сейчас я умру, возможно, быстрее, чем от голода и жажды...» Я откинула голову, подставляя твари оголенное горло, и выжидательно зажмурилась, сквозь пушистую завесу ресниц подглядывая за своей будущей убийцей.

Тень наклонилась ближе, ее глаза сияли, словно пара больших светлячков.

«Зеленые глаза... у нее зеленые глаза? — удивилась я. — Но у лайил не бывает зеленых глаз!..»

И тут к моему носу вдруг плотно прижали тряпку, пропитанную чем-то сладким на вкус и пахнущую одуряюще приторно. Я протестующе рванулась, но чужие пальцы держали крепко, заставляя вдохнуть. Мне показалось, будто я плыву куда-то далеко, вдоль русла Алларики, беззаботно покачиваясь на мягких, ласковых волнах. Боль, голод и жажда отступили, превратившись в нечто малозначительное и преходящее.

— Спи, малышка! — повелительно прошептал красивый голос, и, уже более не сопротивляясь, я послушно погрузилась в глубокий сон без сновидений...

Сгустившийся над городом туман не имел абсолютно никакого запаха, к тому же оказался совершенно невесомым, поэтому Ребекка немного заблудилась, ощупью двигаясь сквозь это белое и непрозрачное марево, не чувствуя ничего, кроме сырости и холода. Обутые в тонкие сапоги ноги мерзли. Капли сконденсировавшейся влаги оседали на ее плаще, и она с удовольствием бы их слизнула, но, увы, они слишком быстро превращались в узорчатые хрупкие снежинки. Девушка остановилась, поправила перевязь с клинками, потерла лодыжкой об лодыжку, а затем и попрыгала, пытаясь хоть немного согреться.

— Весна, — скептически произнесла она вслух, испытующе щурясь на скрывшиеся в тумане стены домов, — заberi ее Тьма! Совсем погода sdурела.

Дыхание с паром вырывалось изо рта, красноречиво свидетельствуя о стоящем на улице морозе, ядреном — отнюдь не весеннем.

— Начальство сбрендило, чародеи обленились, вдобавок ко всему заболел мой единственный, пожалуй, настоящий друг Гарриет-лучник...

Девушка изнывала от скуки и осознания собственной ненужности, ибо в этот собачий холод никто не рискнул бы высунуться за порог, даже воры и грабители. Улицы пустовали, а самой Ребекке сильно хотелось не поймешь чего: то ли семечек, то ли замуж... Сердце замирало от томительного предчувствия скорой неизбежности, заставляя ее лишь упрямее склонять голову и все настойчивее продираться через слои тумана. Она словно шла навстречу своей судьбе, пока еще не разобравшись, следует ли порадоваться или, наоборот, опечалиться, столкнувшись со столь непоправимым, не зависящим от нее фактом и ощущая себя пешкой в чьей-то чужой запутанной игре.

Между тем туман поднялся уже выше головы, даже мостовую под ногами стало едва видно. Вот как сверзится она сейчас в какую-нибудь глубокую яму и останется на всю дальнейшую жизнь хромой инвалидкой, никому не нужной и не интересной... Стражница замерзла почти до невменяемого состояния, на чем свет стоит костеря всех кого ни попадя, но в глубине души понимая, что в своих бедах ей нужно винить лишь себя. Ибо не иначе как Тьма ее дернула выбрать себе настолько обременительную работу.

— Чтоб тебя мантикора три раза переварила! — вслух пожелала Ребекка, ни к кому конкретно не обращаясь, но чувствуя, что на душе немного полегчало.

Затем она решительно подпернула сапоги и завернула в переулок Кинжалов, самую мерзкую и опасную часть ее привычного маршрута.

— Вот сейчас обойду эти трущобы и отправлюсь в трактир пить горячий сбитень на меду!

Этот напиток стоил дорого, но от одной мысли о нем в животе девушки сразу же разлилось предвкушающее тепло. Она довольно хмыкнула, завернулась в плащ и ускорила шаг, бдительно посматривая по сторонам. Впрочем, ее исполнительность оказалась напрасной — в переулке не было ни души. Сжимая трясущиеся от холода челюсти, она вдруг ясно представила, как же это здорово: сидеть в тепле у огня, потянуться к пламени заочевшими руками, и запах дыма, и треск дров... Притворяясь зевающей, девушка прикрыла рот ладонью и, стискивая зубы, чтобы они не стучали, попробовала исподтишка размять онемевшие щеки. У нее сводило губы, а ресницы покрылись белой опушкой изморози.

Переулок Кинжалов почти закончился, и Ребекка подошла к щедро освещенному трактиру, заполненному вовсю горланящим песни народом: свободными от дежурства стражниками, состоятельными горожанами и удравшими из королевского дворца дворянами, уставшими от капризов своего повелителя. Все это не совсем натуральное веселье заливалось потоками сбитня, вина и пива, что еще раз доказывало — люди осознают шаткость своего положения и гуляют так, будто доживают последние дни. Впрочем, сие утверждение вполне соответствовало жестокой действительности, ибо ни для кого в столице уже не являлось секретом, что Блентайр умирает...

Лайил облегченно вздохнула и уже было собралась войти внутрь теплого помещения, как вдруг заметила хрупкую детскую фигурку, беспомощно распростертую под стеной трактира. Рядом с ребенком лежал большой белый пес, судя по всему тоже находящийся при последнем издыхании. Ребекка скабрезно ругнулась, точным движением бросила машинально выхваченные клинки обратно в ножны и приблизилась к своей неожиданной находке. Сначала она подумала, что нашла мальчика, причем не из простых, одетого в богатую, нарочито неброскую одежду, но потом пригляделась внимательнее и ахнула...

Этот изящно очерченный профиль, кажущийся необычайно хрупким на фоне белесого тумана, эти длинные пряди иссиня-черных волос, гладкий, нежный лоб, закрытые глаза миндалевидной формы... Нет, подобные черты не могли принадлежать мальчику! И как она умудрилась ошибиться? Очевидно, ее обманула узкобедрая невысокая мальчишеская фигурка, но это, бесспорно, была девушка, еще совсем юная, едва вступившая в пору девичества. Ребекка тут же ощутила ничем не истребимую женскую солидарность, объединяющую ее и сию бездомную малютку, и умилилась до слез.

Лайил участливо наклонилась к девочке и увидела, что веки умирающей крохи затрепетали от испуга, а ее почти примерзшие к земле руки селятся оттолкнуть, защититься... Тогда лайил извлекла из сумки тряпку, пропитанную усыпляющим составом, предназначенную для усмирения особо ретивых правонарушителей, и наложила на нос девочки, погружая незнакомку в долгий сон без сновидений.

— Спи, малышка! — повелительно прошептала стражница.

А затем одной рукой она уверенно подхватила свою необычную находку. Крякнув, взвалила на другое плечо вяло огрызнувшегося пса и решительно потопала в сторону дома, чуть покачиваясь под тяжестью двойной ноши, но отнюдь не собираясь бросать ни девочку,

ни собаку.

Оказавшись в родной хибарке, Ребекка отдала псу почти весь запас имеющейся у нее еды и радостно удостоверилась: собака ест, а значит, выживет. Воительница бережно раздела спасенную малышку и задумчиво присвистнула, обнаружив на ее спине нечто сказочное, давно уже не встречавшееся в Блентайре и повергшее лайил в бурный восторг. Она оберла мокрым полотенцем спасенную эльфийку, уложила в свою постель, а сама опустилась в дедушкино кресло и углубилась в пространные размышления...

Лучик дневного света шаловливо проникал сквозь серую, плотно задернутую оконную занавеску и играл пылинками, порхающими над дощатым, плохо отмытым полом. Белый пес сладко дрых на домотканом половичке, уронив голову на передние лапы и счастливо приоткрыв пасть. Рядом с ним стояла дочиста вылизанная глубокая миска, еще хранящая запах перловой каши, щедро сдобренной салом и костями. Я обрадованно улыбнулась, мысленно возблагодарив нашего доброго спасителя, избавившего несчастное животное от мучительной голодной смерти. Кстати, где же он сам, этот неизвестный спаситель, и куда мы попали?

Я с трудом оторвала от подушки свою разрывающуюся от боли голову, пытаюсь осмотреться по сторонам. Приютившая нас комнатуха оказалась небольшой и вопиюще неухоженной. Кроме кровати, на которой я и лежала, в ней располагался перекошенный шкаф с необструганными дверцами, черный от копоти камин, комод с зеркалом и чрезвычайно большое, кажется, снабженное полозьями кресло, задвинутое в самый дальний, темный угол, куда совершенно не попадали единичные лучи Сола, умудрившиеся пробиться через занавеску. Кресло размеренно покачивалось...

За раскрытой дверью комнаты смутно просматривалась небольшая прихожая, заваленная старым, затянутым паутиной барахлом. Я понимающе усмехнулась и повела носом — в хибарке пахло плесенью, запустением и еще чем-то сладковатым, незнакомым. Как я ни старалась, так и не смогла идентифицировать этот слабый, едва уловимый аромат. Проанализировав свои впечатления, я пришла к однозначному выводу: хозяином домика является конечно же мужчина, причем не сильно зацикленный на поддержании порядка и не очень-то обременяющий себя домашними хлопотами. Я неловко повернулась, кровать скрипнула...

Пес лениво приоткрыл левый глаз и застучал хвостом по полу, показывая — все хорошо, мы находимся в безопасном месте. Кресло качнулось сильнее и остановилось, а из его недр поднялась высокая, атлетически сложенная фигура. Я опасливо подтянула одеяло, укрываясь им до самого носа и настороженно следя за хозяином домика, приближающимся к кровати. Ему хватило всего лишь четырех шагов, чтобы пересечь свободное пространство комнаты и остановиться возле меня. Царящий в хибаре полумрак скрадывал очертания тела, выявляя лишь общий контур — пропорциональный, подтянутый, мускулистый. Я различила длинные волосы, заплетенные в две косы, широкие плечи и обшитый железными бляхами жилет, скроенный из плотной замши. Ноги незнакомца облегали темные штаны, под коленями переходящие в удобные сапоги. Хозяин наклонился еще ниже и двумя пальцами осторожно прикоснулся к моей щеке.

— Хочешь пить или есть? — заботливо спросил он, и я мгновенно узнала тот самый красивый голос, что ранее приказал мне спать. — Клянусь Тьмой, твой оголодавший пес умял мой недельный запас каши и все имеющееся в доме сало! — Ироничный тон этого добродушного сообщения вызвал у собачьего хвоста новый приступ бурного шевеления. — Но для тебя, малышка, я отложила немного хлеба и сыра.

«Отложила?!» — Я изумленно подпрыгнула на перине, встретившись с пристальным взглядом изумрудно-зеленых глаз и замечая все остальное, до сего момента замаскированное сумраком: округлые бедра, изящный изгиб алых губ, небольшие груди, соблазнительно бугрящиеся под жилетом, нос с горбинкой и черные брови вразлет...

Ох, как же я ошиблась, приняв своего заботливого хозяина за мужчину... Ошиблась,

потому что передо мной предстал не хозяин, а хозяйка. Нас спасла девушка!

«Итак, все, о чем мне твердили с самого рождения, оказалось враньем!» Ребекка молча методично раскачивалась в кресле — лишь полозья ритмично постукивали об пол да понимающе поскрипывала сплетенная из ивовых прутьев спинка. Вот если бы еще ее мысли текли так же плавно, подобно движениям удобной качалки... Девушке внушали, что эльфы погибли все до единого, ибо те, кого не зарезали в финальной бойне у Аррандейского моста, бежали на север и там сгинули, утонув в бескрайних снегах и не выдержав чудовищного холода. Ведь они были такими нежными... Лайил будто воочию видела зверски истребленных эльфов Полуночного клана, их высокие стройные тела, прекрасные удлинненные глаза и гибкие пальцы. Прирожденные аристократы — именно такими их описывал дед, способный часами рассказывать о чудесах эльфийского двора, о благородстве короля Арцисса и непревзойденном очаровании его невесты — Эврелики Прекрасной.

Эврелика! Ребекка мысленно охнула, потому что поняла — у спасенной ею малышки обнаружилось слишком много общего с легендарной эльфийской красавицей. Те же буйные черные локоны, необычный цвет глаз и губы, напоминающие едва распустившийся розовый бутон. Вот только у Эврелики никогда не было того, чем обладает эта малышка, — двух полупрозрачных серебристых крыльев, похожих на полотна лунного света, на паруса надежды и мечты!

Ребекка вздрогнула и зябко обхватила себя за плечи. Дремлющий возле кровати пес лениво шевелил хвостом, выражая недвусмысленную симпатию к приютившей их девушке. Уж он-то явно не считает ее своим врагом... Огонь в камине потух, но в комнатухе еще удерживалось накопленное за день тепло, а спасенная девочка сладко спала в ее кровати, беззащитно посапывая упрямо вздернутым носиком. Лайил обернулась и, пользуясь преимуществом своего острого зрения, повторно вгляделась в личико чудесной малютки. Она вызывала у девушки восторг, но вместе с тем и испуг, основанный на душевных терзаниях и острой неуверенности в благоприятном исходе предназначенной ей миссии.

Ребекка сильно сомневалась в благополучном разрешении того опасного дела, которое завещал ей дед... Что представляет собой эта девчушка, кажущаяся столь хрупкой и беззащитной? Ребекка растерянно прикусила губу, осознавая, что здесь не поможет обычная логика и дедукция, ибо ментальные возможности эльфов выходят за рамки обыденного восприятия, не поддаются анализу, а тем более предвидению. Эльфы, они же не такие, как все прочие расы... Их недаром называют Перворожденными!

Раскачиваясь по-прежнему, она усиленно напрягала память, стараясь собрать воедино все разрозненные и хаотически перемешанные частицы доступной ей информации. Получается, что чародеи и богиня Банрах боятся отнюдь не напрасно — ведь пророчество Неназываемых, кажется, начинает сбываться: в Блентайре появилась крылатая девушка, просто неспособная оказаться кем-то иным, кроме как носительницей крови сгинувших эльфов. Ну в самом-то деле, не куры же ее породили! Тут Ребекка саркастично фыркнула. Нет, среди разумных существ в их мире крыльями обладали только эльфы из клана Полуночных, следовательно, спасенная ею малышка доводится дочерью кому-то из них.

Но когда и каким образом попала она в город? Ребекка тщетно ломала голову, так и не сумев придумать ничего путного. Она все еще пребывала в состоянии шока: ну как же так, ведь у них в Лаганахаре крылатые эльфы давно уже считались некими порочными тварями, злейшими врагами рода человеческого, публично преданными проклятию и полностью исчезнувшими с лица земли... И тут вдруг такая неожиданность!.. Да еще буквально чуть ли не на голову свалившаяся! И как теперь прикажете поступить с завещанием деда, Финдельберга Законника? А впрочем, не сама ли Ребекка лелеяла мечту уволиться со службы и отправиться на поиски следов последних эльфийских повелителей? Ведь дед безоговорочно верил в то, что они выжили и сумели избежать загребуших лап человеческих чародеев.

И вот судьба шутя подкинула ей явное доказательство правоты предка, тут уж не

отвертись — Ребекка ласково усмехнулась, — ибо это самое доказательство самозабвенно сопело сейчас на ее подушке, по-детски засунув в рот большой палец правой руки и пуская слюнявые пузыри. Такое милое, наивное и незащищенное! И этому ребенку суждено стать воплощением древнего пророчества, начертанного на стене Немеркнувшего Купола? Нет, лайил напрочь отказывается верить в подобную несуразицу. Да этой малютке в пору еще в куклы играть, а не сражаться за спасение мира, тягаясь с всемогущими чародеями!

Лоб девушки прорезала скептическая морщинка. Эта малышка показалась ей предельно безвредной, и в то же время неплохо разбирающаяся в людях воительница не могла не принять во внимание некоторые вполне очевидные признаки, способные сильно поколебать ее уверенность.

Кстати, вышеупомянутый ребенок до последнего боролся за свою жизнь, даже на краю гибели не желая сдаваться и отступать, а это говорило о неустрашимом характере и об огромной силе воли. Благородные черты наводили на закономерную мысль о наличии восприимчивого пытливого ума, а форма лица выдавала наличие задатков редкой красоты, которая в будущем обязательно достигнет своего расцвета и совершенства. Эльфийка отличалась маленьким ростом и хрупким телосложением, но пропорции ее фигуры были безупречны и гармоничны, а значит, после соответствующих тренировок она может стать отличным бойцом.

«Да, — тут лайил уверенно кивнула, — эта девочка отнюдь не так проста, как показалось на первый взгляд. Но лишь близкое, непосредственное и дружеское общение может наглядно показать, достойна ли малышка великого наследия своих предков».

Ребекка тяжело вздохнула, ибо сердце ее разрывалось от противоречивых устремлений. С одной стороны, она поклялась выполнить просьбу умирающего деда и намеревалась во что бы то ни стало сдержать данное ему слово. Но с другой...

Воительница неохотно прикоснулась к нагрудному карману своего жилета, в котором лежала некая чужеродная вещь, вызывающая у нее лишь отвращение и жгущая пуще огня. Что же ей делать? Послушаться зова сердца или пойти на поводу у долга? Лишиться покровительства одной всесильной особы или забыть о данной деду клятве? Как ни поверни, она в любом случае станет предательницей... Впервые в жизни Ребекка мучилась столь сильными угрызениями совести, перебирая возможные варианты развития событий, колеблясь в выборе, но так и не находя правильного решения.

«Всякая проблема имеет три решения: простое, удобное и ошибочное, — промелькнуло у нее в голове. — Возможно, при нежелании остановить выбор на первом или втором варианте мне просто нужно совершить нечто третье, совершенно бредовое и нелогичное? Смутить судьбу непонятным ей поступком, и тогда капризной фортуны поневоле придется выложить спрятанные в рукаве карты, выдав свои ближайшие намерения? А если мне...» Но додумать она не успела, потому что ее внимание привлек негромкий звук. Это старая кровать невольно заскрипела под напором пусть легкого, но все же ворочающегося на ней тела.

«Она проснулась!» — поняла Ребекка. Встав с кресла, она подошла к спасенной ею девочке.

— Хочешь пить или есть? — заботливо спросила девушка, бережно прикасаясь к щеке малютки и стараясь определить, не поднялся ли у той жар. — Клянусь Тьмой, твой изрядно оголодавший пес умял мой недельный запас каши и все имеющееся в доме сало! — шутливым тоном произнесла лайил, с радостью заметив, что, услышав эти слова, пес отчаянно принялся мести хвостом пол. — Но для тебя, малышка, я отложила немного хлеба и сыра.

Но вместо ответа девочка вдруг панически отшатнулась и забилась в угол кровати, глядя на Ребекку исподлобья сквозь упавшие на лицо пряди волос. Ее сиреневые глаза враждебно косились на спасительницу, а скрюченные пальцы с выставленными вперед ноготками делали эльфийку похожей на маленького, смертельно испуганного зверька.

— Я приняла тебя за мужчину! — наконец сдавленно сообщила девушка, сипя пересохшим от жажды горлом.

— О, — весело рассмеялась Ребекка, — какое приятное совпадение! Признаюсь, впервые увидев тебя там, под стеной трактира, я тоже решила, что ты — мальчик. Но поверь, я...

— Нет, — угрюмо перебила малышка, — ты все поняла неправильно. — Уж лучше бы моя промашка соответствовала действительности и ты в самом деле оказалась мужчиной: грубияном, пьяницей и насильником!

— Почему? — оторопела Ребекка. — Во имя Тьмы объясни, почему ты предпочла бы встретиться с каким-нибудь сексуально озабоченным отморозком?

— Почему? — возмущенно закричала девочка. — И ты еще имеешь наглость спрашивать меня об этом? Да потому, что вместо мужчины я встретила кое-кого пострашнее и поопаснее — пожирательницу трупов и убийцу невинных! Не отпирайся, я сразу тебя узнала — ты лайил, кровопийца, крадущееся в ночи порождение Тьмы! И я знаю, что ты принесла меня к себе в дом с одной только целью — помышляя сожрать мое тело и выпить мою кровь!

Часть вторая ЧАРОДЕЙКА

ГЛАВА 1

Ребекка смеялась так долго и звонко, словно специально смаковала все издаваемые ее горлом звуки и получала от них истинное наслаждение. Наконец она замолчала, сморгнула повисшую на ресницах слезинку и примирительно улыбнулась:

— Не ожидала от тебя подобной экспрессии! Вроде бы еще совсем недавно почти умирала, а сейчас глянь-ка — сыплешь беспочвенными обвинениями и, похоже, сама готова растерзать ту, которая спасла тебе жизнь.

— Извини! — виновато бормотнула девчушка, расслабленно роняя на колени свои пальцы, угрожающе скрюченные еще мгновение назад. — Я понимаю, если бы не ты, то мы бы оба, — она красноречиво покосилась в сторону бездеятельно лежащего на полу белого пса, — замерзли до смерти. И кстати, если бы ты хотела меня сожрать, то сделала бы это на улице, а не тащила к себе в дом. Ведь мертвое тело — это улика. Так почему же... — Малышка недоуменно вздернула бровки и растерянно замолчала.

— Ты имеешь в виду, почему я тебя не убила? — закончила за нее лайил, отворачиваясь и делая вид, будто усиленно занята дровами и камином, а на самом деле — скрывая смешанное с радостью облегчение.

Девочка безмолвно кивнула.

— Все очень просто, — улыбнулась Ребекка, снова склоняясь над кроватью и пристально глядя в вопрошающе расширенные сиреневые глаза. — Во-первых, я не ем детей, тем более девочек. Во-вторых, я не ем магов. Ну и в-третьих, я не ем крылатых эльфов.

— Ах! — обреченно вскрикнула малышка, съезживаясь под одеялом. — Ты видела мои крылья?! Ну тогда я точно пропала!..

— Ни-ни, — Ребекка сердито погрозила пальцем, но ее зеленые глаза продолжали смеяться, — ничего подобного. Наоборот, отныне я собираюсь помогать тебе во всем и защищать от любого врага.

— Что? — Эльфийка изумленно приоткрыла рот. — Это шутка такая, да-а-а?

— Нет! — Лицо лайил приняло предельно серьезное выражение. — Клянусь тебе, дочь Полуночного клана, что с сего момента добровольно признаю себя твоей охранницей и присягаю тебе в верности до гроба! — Она вынула из ножен два клинка и торжественно протянула их девочке: — Принимаешь ли ты мою дружбу, малышка?

Маленькая эльфийка очарованно погладила блестящие лезвия парных акинаков.

— Да, — тихонько шепнула она. — Да, ибо я тебе верю.

Практически каждому из нас хоть однажды в жизни приходилось втираться в доверие к другому человеку. Умники называют подобные эскапады дипломатией, правдолюбцы — обманом. Но большинство людей считают свое криводушие всего лишь удобным приспособленчеством, вызванным непреодолимыми обстоятельствами судьбы. А далее, реализовав тщательно продуманный план и заручившись благоволением нужной вам персоны, вы вступаете в сложные отношения с собственной совестью, способные привести к самому непредвиденному результату, ибо совесть — это та странная штука, которая приходит без приглашения и уходит не попрощавшись...

Согрешили вы или, наоборот, совершили благой поступок — покажет время. Если ваш обман вскроется, то простят ли вам пресловутые ухищрения? А если не вскроется, то как долго вы сможете уважать самого себя, нося на сердце тяжкий груз неискупленной вины? Сделки с собственной душой относятся к числу наиболее тяжких испытаний, уготованных нам жизнью, а если вы к тому же попутно залезли в чужую душу... Шпион, сумевший проникнуть внутрь отлично укрепленной крепости, стоит десятка тех, кто остался за ее стенами. Хотя нет, тем неудачникам куда легче — ведь они еще никого не обманули и не предали...

Итак, моя спасительница оказалась лайил. Я растерянно забила в угол кровати, совершенно не представляя, что же делать дальше, но на всякий случай выставила вперед единственное доступное мне сейчас оружие — ногти, готовясь дорого продать свою жизнь. Приглушив полуопущенными ресницами блеск испуганных глаз, я исподтишка рассматривала жуткую тварь, к своему бесконечному изумлению находя ее отнюдь не жуткой, а весьма симпатичной и располагающей к себе личностью. Хотелось бы мне знать, почему эта девушка так разительно отличается от тех двух лайил, которые совсем недавно посетили нашу скромную обитель и увели с собой Ардена, хотя, бесспорно, моя спасительница принадлежит к тому же виду, что и они.

Я бы затруднилась точно объяснить, что именно в ее чертах вызвало у меня подсознательную симпатию, старательно скрываемую мной от собеседницы. Но уж точно меня не подкупила ее приятная внешность и не обманул дружелюбный, мелодичный голос. Ценой собственного печального опыта я, кажется, уже пришла к вполне справедливому выводу: не торопись открывать душу первому встречному, ибо он может злоупотребить твоим доверием.

Но куда прикажете девать прозорливую интуицию, так и нашептывающую — верь этому человеку, он хороший! И возможно, он просто сам еще не знает, какие великие кладези доброты и всепрощения скрываются в его душе. Так научи же его разбираться в самом себе! Помни: люди не рождаются плохими, люди рождаются хорошими. А вот предателями, трусами и лицемерами их делает жизнь, неумение мечтать и отсутствие ясной цели. И учти: не верить в эти утверждения — глупо, а верить — опасно.

Я слышала множество страшных баек, повествующих о творимых лайил зверствах. И теперь мне было нелегко свыкнуться с мыслью о том, что все доселе известные факты мало соответствовали истине. Вернее, слухи о лайил конечно же не ввали, просто спасшая меня девушка, пусть и принадлежащая к роду ночных тварей, стала первым приятным исключением из почти стопроцентного правила. Я ей верила! Особенно после того, как выяснила, что хозяйка приютившего меня домика уже поняла, кем я являюсь на самом деле, и даже видела мои крылья. И она не только предложила мне помощь, а того пуще — принесла нерушимую клятву верности, присягнув на своем оружии.

Спаси меня бог Шарро, ведь не исключено, что в дальнейшем я горько раскаюсь в своей скоропалительной доверчивости и умоюсь кровавыми слезами, расплачиваясь за собственные ошибки. Но если это и произойдет, то весьма и весьма не скоро. А пока — я ей поверила! Возможно, тем самым я совершила непростительную оплошность всей своей жизни, но если мы не допустим ошибок в молодости, то о чем же тогда станем вспоминать в старости?..

Лайил убрала свои блестящие клинки обратно в ножны и вдохнула с видимым облегчением, будто сожгла за спиной последний мост, отрезая себе путь к отступлению, ну или проделала нечто аналогичное, столь же судьбоносное. Я, конечно, сразу же подметила бурную реакцию, последовавшую за сказанным мною «да», но не поняла ее подлинного смысла. Просто запомнила, даже не догадываясь, к каким страшным последствиям приведет в дальнейшем моя тогдашняя наивность...

— Меня зовут Ребекка, — представилась лайил и добавила с непосредственной улыбкой: — Понимаешь, все случившееся с нами произошло так спонтанно... Ты впала в беспамятство, и поэтому мне пришлось тащить тебя на плече целых три квартала. Поначалу я решила, что ты бродяжка, но потом оценила богатство твоего одеяния и заметила хрустальную звезду у тебя на груди... — Девушка сочувствующе вздохнула: — Так, значит, ты еще одна кинутая магами простушка!

— Что значит «кинутая»? — Мой страх постепенно отступал, но зато вернулся зверский голод. При этом я специально не стала заострять внимание на том факте, что впала в «беспамятство» отнюдь не без помощи самой лайил.

— Знаешь, сколько подобных тебе учеников каждый год бродит по городу, разыскивая обещанные им испытания? — Верхняя губа лайил презрительно приподнялась, показывая небольшие аккуратные клыки. — Некоторым хватает ума сразу же повернуть домой, а другие уходят в запретные земли и возвращаются в лохмотьях, с ранами и разбитыми надеждами. Если вообще возвращаются... Тебе еще повезло, ты отделалась только голодным обмороком. Почему ты ушла от родителей и поверила чародеям?

— У меня нет дома, и я ничего не знаю о своих родителях! — призналась я, украдкой сглатывая обильно выделяющуюся слюну и стараясь унять спазмы в животе. — Я выросла в приюте и очень хочу стать чародейкой!

— Ну ты совсем еще ду... дитя! — Ребекка выразительно покрутила пальцем у виска, намекая на другое, более обидное, но, безусловно, идеально подходящее мне определение, однако дипломатично не произнесенное ею вслух. — Как тебя зовут-то, бедняжка?

— Йохана!

— Ого! — Ребекка восхищенно присвистнула. — Неугасимая звезда!

— Ты знаешь эльфийский? — в свою очередь удивилась я. — Откуда?

— А я вообще много чего интересного знаю, — не удержалась от маленького хвастовства моя спасительница. — Дед научил. Он был лайил и имел титул лэрда. Его женой стала человеческая девушка.

— Так ты полукровка! — радостно воскликнула я, импульсивно хватая Ребекку за руку. — Вот почему ты так сильно отличаешься от остальных тва... ой, извини, — я виновато осеклась, возвращая долг вежливости, — детей ночи. Ты наполовину человек!

Девушка довольно кивнула.

— Стоп! — Я недоуменно нахмурилась. — В приюте нам преподавали историю Лаганахара, и из учебника я четко усвоила: единственным лайил, получившим дворянский титул лэрда, стал великий воин Финдельберг...

— ...прозванный Законником, — досказала за меня Ребекка. — Ну да, так оно и есть — я его родная внучка.

— Того самого Законника, — ошарашенно прошептала я, сомневаясь в правильности своего вывода и боясь, не ослышались ли мои остроконечные эльфийские уши.

Ребекка хмыкнула, горделиво и вместе с тем печально:

— Того самого, ты не ошиблась.

— Обалдеть! — эмоционально выдала я, понимая, что начинаю приобщаться к самым героическим страницам истории нашего королевства, принявшим облик этой высокой рыжеволосой девушки, по ее собственному признанию всего лишь полночи назад несшей меня на своем плече.

Вольно или невольно, но наши прежде независимые судьбы неожиданно пересеклись в одной точке пространства и времени, созданной слепым случаем! И только несколько дней

спустя мне предстояло узнать, что слепым в той ситуации оказался вовсе не случай, а я сама...

— Малышка, а может, я просто провожу тебя обратно в обитель? — великодушно предложила лайил. — Наймусь на работу в ваш монастырь и всегда буду рядом с тобой? — Она выразительно сжала мою ладонь, намекая: соглашайся.

— Я не могу, — честно ответила я. — Мне нужно пройти свое первое испытание...

— Вот заладила словно кукушка! — в сердцах рявкнула Ребекка. — Пойми, тебя обвели вокруг пальца, а ты продолжаешь упрямо твердить свое. — Девушка нахмурилась и тут заметила, что я судорожно держусь за живот. — Эй, ты же голодная, поди? А я и позабыла уже, отчего ты в обморок-то грохнулась. У меня по ночам служба, я в это время не ем, но сейчас пошарю — может, в доме завалялось что-нибудь вкусное, посытнее куска хлеба с сыром...

Как оказалось, на полках домика лайил завалялось много всякой всячины — полкружка колбасы, пара ломтей хлеба средней степени черствости, засохшее яблоко, кусок сыра и даже фляжка сомнительно пахнущего бузинного первача.

— Экспроприировала у местных самогонщиков, — ничуть не смущаясь, бесцеремонно пояснила Ребекка, споро расстилая мятую скатерть и накрывая на стол.

Не заставив себя долго упрашивать, я вылезла из-под одеяла, поежилась от разливавшейся по комнате прохлады и под села поближе к тарелкам. Ребекка бросила псу горбушку хлеба и колбасную кожурку, приткнулась на колченогий табурет, вытащила из кармана вяленую капустную кочерыжку — лакомство, популярное среди простонародья и принялась с удовольствием ее грызть, изредка одобрительно поглядывая на меня, — уплетавшую все подряд, причем настолько увлеченно, что аж за ушами пищало.

— Ты ешь, пей, не стесняйся. — Хруст стал громче. — Как говорится: кушайте, гости дорогие, все равно выбрасывать! — Она приглушенно хихикнула. — Не равняйся на меня.

В руках девушки появилась небольшая бутылочка, наполненная чем-то подозрительно алым. Я перестала жевать и замерла...

— А у тебя нет обычной чистой воды? — Я категорично отодвинула от себя фляжку со спиртным. — Извини, но этот напиток не для меня.

— Воды? Вот чудачка — самогон гораздо питательнее. — Ребекка осуждающе фыркнула, но воды налила. — Мой дед считал самогон самым подходящим напитком, после крови, конечно, а насчет всего остального шутил: «Пей вода, ешь вода — сра... — она виновато покосилась на покрасневшую меня и замяла конец грубого слова, — не будешь никогда!»

— Прости, можно тебя спросить?..

Я заметила, как лайил сразу же настороженно прищурила глаза. «Чего она так всполошилась?» — удивленно подумала я, но вслух произнесла совсем иное:

— Ну нечто интимное, касающееся конкретно тебя...

— Ладно, ваяй. — Ребекка с аппетитом принялась за вторую кочерыжку, изредка отхлебывая из своей бутылочки. Ее руки подозрительно дрожали, что привело меня в окончательное недоумение.

— В эту бутылку налита человеческая кровь? — прямолинейно выпалила я и сама испугалась собственной смелости.

— Что?! — Девушка уставилась на меня вытаращенными глазами. — Ик! — Она возмущенно икнула, и несколько следующих мгновений мы сидели молча, сердито сверля друг друга взглядами в упор, напоминающими два скрещенных дуэльных клинка.

Первой не выдержала Ребекка, она насмешливо хмыкнула, а затем залилась искренним громким хохотом:

— Ну ты даешь, малышка! Думаешь, я стала бы пить при тебе кровь? Нет, там всего лишь томатный сок. Я вообще употребляю кровь крайне редко, раз или два в месяц. А вот если бы... — Лайил прикусила язык и замолчала, кажется поняв, что чуть не сболтнула лишнее. — А, ладно, еще перепугаешься. Это неважно, — наигранно махнула она рукой. —

Сыта?

— Да, спасибо тебе. — Я смущенно теребила оборку своего рукава, не осмеливаясь озвучить чрезвычайно важный вопрос, так и вертящийся у меня на языке.

— Кстати, я тоже хочу тебя спросить. — Девушка закупила свою недопитую бутылочку и ладонью смахнула со стола хлебные крошки. — Твои крылья... почему ты не улетила из города?

— Ну... — Я смущенно потупилась и замерла в такой позе, ибо боялась поднять глаза, ожидая услышать вполне справедливую насмешку. Я хотела соврать, но, как назло, на ум не приходило никакой более или менее убедительной лжи.

— Только без обид — я просто спрашиваю, — торопливо добавила лайил, по-своему расценив мое затянувшееся молчание. — Ты пойми, крылья — это отнюдь не уродство, как утверждают наши дуралей-чародеи.

— Да я и не обижаюсь, — печально пожала я плечами. — Может, я и в самом деле урод, потому что не умею летать!

— Шутишь? — не поверила моя добровольная охранница. Ее симпатичное волевое лицо приобрело растерянное выражение. — Почему не умеешь?

— Боюсь, со мной что-то не так. — Я горестно шмыгнула носом. — Я урод, инвалид, бесталанное убожество!

— Э-э-э... — Теперь пришел черед Ребекки опустить глаза. — Полагаю, ты излишне самокритична. Можно мне на них еще раз посмотреть?

— Ну если я смогу таким образом хоть немного отблагодарить тебя за помощь и еду... — Я рукавом рубашки вытерла набежавшие на глаза слезы. — К тому же надо проверить, целы ли они...

Ребекка встала и одним небрежным движением руки отодвинула стол в сторону. Меня поразила ее сила. Я немного помялась, покраснела от скромности, но потом все же стянула через голову длинную полотняную ночную рубашку, одолженную мне нашей любезной хозяйкой. Белый пес накрыл морду лапой и смущенно засопел. Я повернулась к лайил спиной и замерла.

— Ничего себе... — Та только вполголоса охнула от изумления. — А ведь они и правда настоящие! Как же ты ухитрялась скрывать их от всех?

— Ага, настоящие. — Я с наслаждением пошевелила лопатками, заставляя свои крылья встряхнуться и затрепетать, как тянущиеся навстречу Солу цветочные лепестки. — Понимаешь, до десяти лет я на самом деле считала себя горбатой. А затем на моем горбе внезапно прорезались две раны, причинявшие мне жуткую боль. Из этих ран и начали расти крылья...

— Ничего себе, — повторила Ребекка и уважительно присвистнула. — Знаешь, ты очень сильная и храбрая девочка, если сумела скрыть и свои муки, и сами крылья. А еще, — она оценивающе обошла вокруг меня и сочувственно заглянула в глаза, — признайся, ты ведь мужественно сносила насмешки и презрение других детей?

Я молча кивнула, вспомнив об Ардене, но пока не стала рассказывать о нем Ребекке, ибо не все секреты своего сердца мы готовы раскрывать вот так сразу, даже тем, кто претендует на роль наших друзей.

Девушка внимательно следила за моей реакцией и, кажется, и так обо всем догадалась. Ее высокий лоб прорезала суровая морщинка.

— Ох уж мне эти мужчины! — Алые губы сложились в презрительную гримаску. — Как же сильно они усложняют нашу жизнь. А ведь если разобраться, становится ясно, что мужчина — самое бесполезное создание на земле. Они же не представляют собой ничего ценного: грудь без молока, яйца без скорлупы, мешочек без денег... Да восемьдесят процентов женщин не выходят замуж лишь потому, что из-за кусочка колбасы нет смысла держать дома целую скотину!.. — Она задыхнулась от возмущения и замолчала, но мне показалось, что в ее голосе промелькнули нотки застарелого отчаяния и тоски, плохо замаскированные самообманом, уже вошедшим в привычку. — Не сожалею об

отсутствующем мужчине, малышка!

Я невольно рассмеялась, очарованная ее вдохновенной речью. Ребекка посветлела лицом и весело затормошила меня, ухватив за плечи:

— Твои крылья — просто чудо! А ты можешь их раскрыть?

— Не знаю. Но надо попробовать... — Я начала осторожно по чуть-чуть расправлять свое бесполезное украшение. — Отойди в сторону...

Лайил послушно отступила на пару шагов и повторно присвистнула от изумления, когда крылья раскрылись до конца.

— Надо же! — Я радостно выдохнула. — Они ничуть не пострадали в перипетиях прошлой ночи, не сломаны и не помяты!

— Ну-ка, повернись ко мне лицом. — Ребекка неодобрительно поджала губы, рассматривая мою худобу, торчащие ребра, ключицы и едва наметившуюся грудь. — Ты совсем тощая, это никуда не годится. Ну да такое горе поправимо. — Ее голос дрогнул от неподдельного участия, и тут же, словно одергивая саму себя, она поспешно сменила тему: — Ты знаешь, они у тебя словно отлиты из серебра...

— Это только так кажется! — Я компактно сложила крылья и вернулась к чрезвычайно важному для меня вопросу: — Ребекка, а как обстоит дело с моим камзолом и штанами? Они, наверное, совсем испорчены?

— Вовсе нет! — Лайил довольно хлопнула себя по ляжкам. — Не знаю, как и где ты умудрилась раздобыть эльфийский наряд, но его ткань обладает чудесными свойствами. Стоило мне встряхнуть твою одежду, как грязь тут же осыпалась с нее, словно сухая труха, даже следа не осталось.

Охранница покопалась в ларе и подала мне мой наряд, выглядевший безупречно чистым.

Я тщательно оделась, приведя себя в приличный вид, и старательно причесалась гребнем, подаренным мне доброй Ребеккой.

— А это что за штука? — На ладони лайил лежал мой стилет. — Откуда у тебя такая роскошная вещь?

— Стиллет.

Я потянулась за клинком, но Ребекка отвела руку, испытующе глядя на меня:

— Сама вижу, что это не бантик! — Она профессиональным жестом извлекла клинок из ножен и поднесла к свету камина, после чего подозрительно потрогала изукрашенное рунами лезвие. — Он откован эльфами и стоит уйму денег. Даже невзирая на миниатюрные размеры и обманчивую безобидность. И только не ври, что такими клинками вооружены все безродные приютские воспитанники!

— Мне его подарили. — Почему-то очень не хотелось рассказывать кому-либо о встрече с сьерром Никто. — Один хороший знакомый.

— Знакомый, говоришь... — Голос у Ребекки изменился, она пристально смотрела мне в глаза. — Станные же у тебя знакомые. Что ты собираешься делать с этой красивой зубочисткой?

— Как — что? — удивилась я. — С собой носить на всякий случай. Вдруг пристанет кто...

Ребекка продолжала разглядывать меня с непонятной настороженностью, будто пытаясь поникнуть в мои мысли, а потом иронично хмыкнула:

— Лучше бы твой знакомый дал тебе денег на еду. От риелей было бы куда больше толку и пользы, ибо оружие — это детям не игрушка. Ты хоть обращаться-то с ним умеешь?

Я честно помотала головой — дескать, совсем не умею.

— Ну так не годится! — Лайил возмущенным жестом поправила воинский обруч, словно моя неосведомленность задевала ее честь. — На кой он тебе сдался, твой роскошный стилет, если ты не умеешь им пользоваться? — Лайил вернула мне клинок. — Ну да ничего, я тебя научу, но только не сейчас, а ближе к вечеру. — Ребекка неприязненно покосилась на оконные шторы, подсвеченные ярким дневным светом: — Не люблю Сол. Отдохни

немного... — Она щедрым жестом снова предложила мне свою кровать.

— А ты? — Я без протестов откинула жесткое покрывало и, стянув сапоги со штанами, заворочалась, устраиваясь поудобнее на животе. После обильной трапезы я ощущала только лень и сытое оцепенение. Прежняя слабость и острая головная боль накатили на меня с новой силой. Хотелось одного — уткнуться носом в подушку и спать, спать, спать...

— А что я? — Лайил философски пожала плечами и подтащила поближе к кровати кресло-качалку диковинного вида. — Вот и дедушкино наследство пригодилося. Я тут покемарю вполглаза. Я редко крепко сплю, непривычно. Жизнь у нас, полукровок, такая, — она заговорщицки подмигнула, — опасная.

Я согласно улыбнулась.

— А ты спи, малышка, ничего не бойся.

Ребекка укутала мои плечи одеялом, а сама с ногами забралась в кресло, похоже намереваясь поразмыслить над тем, какой же странный подарок в моем лице подкинула ей фортуна и как сложится наша дальнейшая судьба. Последнее, что я увидела, перед тем как погрузиться в сон, был ее чеканный профиль, красиво вырисовывающийся на фоне затемненного окна. Я с удовольствием смежила веки и беззвучно возблагодарила бога Шарро за эту загадочную девушку, без сомнения ниспосланную мне именно им, а затем беззаботно заснула, не опасаясь больше ничего и никого на свете...

Я проснулась от холода и боли в затекших локтях. Поленья в камине прогорели полностью, огонь погас, а комната остыла. Судя по сгустившемуся за занавесками полумраку, время приближалось к ночи. Я задумчиво потерла подбородок, потыкала кулаком слежавшуюся подушку и попыталась вспомнить обрывки своего запутанного сна.

Да, без сомнения, мне снился Арден. Он находился в каком-то запертом темном помещении. Возможно, мои ощущения были спровоцированы неприятным покалыванием, волной растекающимся по моим неловко подвернутым рукам, но мне показалось, что Арден тоже испытывает боль от толстой веревки, опутывающей его заломленные за спину запястья. Его мысли блуждали в полусне, постоянно возвращаясь ко мне. Он просил о помощи, в этом я не сомневалась, как не сомневалась и в жгучем безысходном отчаянии, переполняющем сердце юноши. Ближайшее будущее внушало моему любимому лишь страх и отчаяние, правда, он не совсем понимал природу надвигающейся на него опасности...

Внезапно в комнате раздался осторожный, едва слышный шорох... Я подняла голову, поначалу заподозрив, что приглушенные звуки производит моя спасительница, но тут же обнаружила, что Ребекка крепко спит в кресле, положив поперек коленей свои обнаженные клинки. Пользуясь ее состоянием, я могла теперь без помех рассмотреть всю комнату, не опасаясь обидеть хозяйку косыми взглядами или иной неодобрительной мимикой. Выяснилось, что одну из стен этой совмещенной со столовой спальни занимает кособокоое сооружение из неуклюже сколоченных полок. Причем на нижних хранилась одежда, а на верхних бессистемно громоздились мешки с какими-то съестными припасами. Кадка с водой у двери, задвинутый обратно в угол стол, пара табуретов — вот и все нехитрое убранство.

«Но ведь гильдия Воинов — вторая по значимости в городе, — оценивающе размышляла я, дивясь вопиющей захудалости скромного обиталища лайил. — К тому же Ребекка доводится внучкой чрезвычайно известному в Лаганахаре бойцу. Почему же она живет настолько просто?..»

Мои рассуждения оборвал повторный шорох, идущий от двери и точно не имеющий никакого отношения к отдыхающей в кресле девушке. Я насторожилась.

Порыв неожиданно теплого ветерка вдруг взвихрился вокруг кровати, задев мои плечи и взъерошив волосы.

— Поторопись! — тихонько шепнул он мне на ухо. — Поспеш, Наследница, ибо ход времени неумолим и ты можешь опоздать. Арден умрет, а Колокол Судьбы забудет мелодию ваших сердец, и тогда ты уже никогда не сумеешь воссоединиться с любимым...

— Умрет! — забывшись, в голос вскричала я, подпрыгивая на кровати. — Где он и что

ему угрожает?

Но мой невидимый собеседник не расщедрился на подсказку, а лишь разразился невыразительным смехом, похожим на скрежет пересыпающегося песка:

— Помнишь слова, произнесенные тобой в Куполе? Ты говорила о непоправимости упущенных возможностей и ценности любви. Разве ты уже успела забыть свои цели и принципы?

— Я все помню! — еще громче подтвердила я, вздрагивая всем телом, ибо ощутила приближение чего-то страшного, жестокого и неотвратимого. — Но, к сожалению, я пока еще не научилась применять свои знания на практике. Что же мне делать?

— Так научись, и побыстрее! — Песок не просил, а приказывал. — Остерегайся предательства! — В голосе промелькнуло сочувствие. — Бойся предателей!

— Кто ты? — рассердилась я, возмущенная этими повторяющимися намеками.

Помнится, совсем недавно сьерр Никто тоже говорил нечто подобное... А теперь я получила второе аналогичное предупреждение. Не этих ли знаков судьбы я ждала? От чего они меня предостерегают?

— Кто ты? — с нажимом повторила я. — Покажись!

Но ответом стала равнодушная тишина, а теплый ветерок исчез так же неожиданно, как и появился.

— Кто здесь? — всполошенно закричала проснувшаяся Ребекка, хватаясь за свои клинки. — Убью!

— Привет! — Я рассмеялась, изрядно позабавленная ее запоздалой реакцией, села в кровати и обвела комнату взглядом, пытаюсь отыскать хоть малейший след своего невидимого собеседника. Увы, таковых не обнаружилось, и, хотя предостережения, высказанные неведомым голосом, не шли у меня из головы, я все-таки поостереглась рассказывать о них Ребекке и постаралась скрыть свое волнение, намеренно заняв ее и себя разговором на другую тему: — Почему ты тут живешь?

— А почему бы и нет? — Лайил звучно зевнула и потянулась, хрустя суставами. — Чем тебе тут плохо?

— Мне хорошо, даже очень хорошо, — поспешно заверила я. — Но ты же воин! А я думала...

— Вот ты о чем... — Девушка хмыкнула и принялась самым тщательным образом рассматривать свои ногти. — Ты веришь в сказки, будто воины едят на золоте и пьют на серебре, так?

Я кивнула.

Лайил скептически фыркнула:

— Ты, наверное, не раз слышала о том, что в нашем мире все продается и покупается? — Она не ждала моего ответа, и так не сомневаясь в справедливости данного утверждения. — Но ведь лучше всего у нас живут не те, кто продает свой труд и способности, а те, кто торгует честью, стыдом и совестью. Так вот, — ее губы сложились в кривую ухмылку, — возможно, мне еще не предложили за них подходящую цену.

— Или ты вообще не продаешься! — шепнула я так тихо, что Ребекка не услышала моей реплики.

— И к тому же я внучка Финдельберга Законника, а его наследство оказалось слишком обременительным и сомнительным для того, чтобы светить его на людях... М-да, как тут не ввернуть фразу насчет того, что у каждого светлого будущего есть свое темное прошлое?

— О чем это ты говоришь? — не поняла я, преисполненная любопытства.

Но вместо разъяснений Ребекка раздосадованно шлепнула себя по губам, словно приказывая молчать, и решительно поднялась с кресла.

— Несу всякую чушь, сама не ведаю что... — Лайил покраснела. — Не обращай внимания на мое брюзжание. Давай-ка лучше займемся твоим стилетом.

Она явно уходила от ответа. Я смиренно пожала плечами, будто соглашаясь, мол, как тебе угодно, и принялась одеваться. Но именно в тот самый момент я мысленно дала себе

обещание когда-нибудь вернуться к этой теме, понимая — Ребекка явно что-то от меня скрывает, причем скрывает намеренно, а значит, секрет прямо или косвенно связан с моей судьбой.

Ребекка терпеливо дождалась, пока я застегну пуговицы камзола и зашнурую завязки сапог, после чего уселась на кровать и пристально всмотрелась в мои зрачки:

— Что ты намереваешься делать дальше?

— Мне надо найти мое первое испытание. — Я изъяснялась спокойно и ровно, стараясь не рассердить девушку, похоже совершенно не выносившую даже малейшего упоминания о чародеях.

— Хы-ы-ы, — иронично выдохнула моя спасительница, цинично усмехаясь. — Прекрати уже повторять свои прежние ошибки, пожалей оттоптанное тобой грабли! На кой тебе сдались эти цели и испытания? Если мир не дал тебе ничего, то пошли всех на фиг и получи от этого удовольствие!

Если честно, я обнаружила в ее эгоистичной философии немало здравого смысла и, возможно, имела все основания слепо последовать данному совету, ибо пока не получила от жизни ничего, кроме обид, потерь и несправедливости. Да, но как можно отказаться от самой заветной своей мечты и от любви?

— Почему ты так яро не любишь магов и считаешь всех их учеников недалёковидными дурачками? — напрямую спросила я, но лайил лишь пренебрежительно поморщилась и сделала отстраняющий жест, должный обозначать: сама все поймешь со временем.

— И тем не менее я ни за что не отрекусь от своей мечты! — упрямо заявила я.

— Значит, все-таки будешь пытаться стать чародейкой? — Кажется, в наигранно насмешливых интонациях лайил проскользнула тень некоего уважения ко мне, неприятного ей самой. — Но учти: наш город — отнюдь не песочница, здесь не место вышедшей на прогулку малышне. Одной тебе придется туго.

— Ничего, справлюсь. — Поев и выспавшись, я уже успела немного подзабыть страхи ушедшего дня, а поэтому недавние беды утратили актуальность и отошли на задний план. — Иначе нельзя.

— Нельзя, чтобы тебе кто-нибудь помогал?

— Нет, почему же... — Я задумалась. Мне ни о чем таком не говорили. — Вроде бы нам не запрещено принимать помощь. А к чему ты клонишь?

— А я уж почти поверила, что у вас там одни садисты собрались. — Ребекка обрадованно улыбнулась. — Ладно, тогда решено: сначала немного потренируемся, а потом, ближе к полуночи, вместе отправимся искать твое первое испытание. Надеюсь, им окажется не укрощение взбесившейся крысокошки?

— Ребекка, ты хочешь мне помочь? Правда? — Я громко взвизгнула от счастья и бросилась на шею лайил, уже утратившей в моем восприятии репутацию злобной, кровожадной твари. — Ой, извини! — Я смутилась и отстранилась, устыдившись столь бурной вспышки эмоций и осознав, что излишне тороплюсь сократить разделяющую нас ментальную дистанцию.

— Упаси нас Шарро от встречи с крысокошками! — содрогнулась я от ужаса — в нашей обители очень любили пугать малышей, рассказывая перед сном всякие жуткие истории о повадках этих мерзких хищников. — Нет, мне нужны знания.

— Ну почему ты такая застенчивая неженка? — проворчала девушка добродушно-насмешливым тоном. — Чуть что, сразу сыплешь всякими пафосными «простите», «спасибо»...

Но я видела, что Ребекке приятна моя доверчивость.

— Все, давай договоримся впредь обходиться без реверансов. Ведь мы же друзья? — В ее голосе прозвучала непонятная мне тревога.

Я усиленно закивала.

— Заметано! — Лайил весело подмигнула и вытащила из потухшего камина кусочек угля.

«Кто умеет сам — тот делает, кто не умеет — тот учит других!» — частенько утверждал брат Флавиан, но, похоже, это выражение не имело никакого отношения к личным достоинствам Ребекки. Я изумленно наблюдала за тем, как она подошла к деревянной двери и очертила на ней большой круг, в который поместила еще один — поменьше, а в их центре — нарисовала жирную точку. Закончив с приготовлениями, моя охранница критически обзрела свое творение и достала из-за пояса кинжал.

— Вот, смотри внимательно. Метать кинжалы можно из положения сидя и стоя, на бегу и в прыжке, да хоть лежа. Наиболее важное для процесса правило — безошибочно выдержать баланс приложения силы и выбрать правильную траекторию полета. — Она взяла свой кинжал за кончик лезвия и плавно отвела руку назад, упруго согнув локоть. — Запомни, малышка, главное — представить, что твой нож уже вонзился в цель, точно в нужное место, поняла?

— Нет!

Ребекка сердито засопела, раздосадованная моей тупостью:

— Смотри на меня!

Девушка, размахнувшись, с виду совсем легко и непринужденно послала вперед увесистое оружие. Кинжал сделал полный оборот вокруг своей оси, пролетел через всю комнату и вонзился точно в середину мишени.

— Понимаешь, ты должна вообразить, что твоя рука стала очень длинной, дотянулась до двери и вонзила клинок ровнехонько в цель.

— У меня ничего не получится, Ребекка, — удрученно простонала я. — Ведь я же не воин, да и силы такой у меня нет.

— Твой стилет тем и хорош, что почти не требует приложения каких-либо усилий, — уверенно заявила моя наставница. — Настоящая эльфийская работа... — В голосе девушки сквозила легкая зависть. — Он отлично сбалансирован и легок, как пушинка. Давай иди сюда и попробуй!

Я послушно подошла к лайил, достала стилет из ножен и встала в подсказанную ею стойку. Сейчас, при свете заглядывающей в окно Уны, клинок показался мне еще более красивым, чем прежде. Почему все-таки сьерр Никто подарил мне это чудесное оружие? Полагаю, он не хуже меня знал о том, что я не обладаю ни малейшими навыками в боевых искусствах и неспособна прибить даже мышь.

Тут я заметила, что Ребекка нетерпеливо покусывает нижнюю губу и ждет. Я смутилась, попыталась взять стилет за лезвие, но тотчас же отдернула руку и уронила оружие на пол. Из двух моих порезанных пальцев сочилась кровь...

— Хм, думаю, тебе стоит держать его за рукоятку. — Ребекка вздрогнула, непроизвольно облизнулась, мельком взглянув на мои травмированные пальцы, и тут же отвела взор. — Да, так будет лучше...

Я ожесточенно дула на свои порезы, пытаюсь вспомнить методику, с помощью которой мне еще в приюте удавалось быстро залечивать ссадины и ранки. Обычно для этого требовалось уединиться в укромном уголке, сосредоточиться и полностью расслабить мышцы... Жаль, но сегодня я не располагала подобными условиями, а поэтому мне не оставалось ничего иного, как просто поднять руку вверх и ждать, пока кровь не остановится сама собой.

— Ну и чего ты стоишь столбиком, словно суслик в полдень? — возмутилась не отличающаяся выдержкой лайил. — Больно? Сунь пальцы в стакан с водой и хватит отлынивать от тренировки!

Впрочем, в голосе Ребекки не чувствовалось особой строгости.

Я подождала еще пару мгновений, потом покладисто пополоскала два пальца в воде и взяла стилет за рукоять:

— Как это делается?

— А то я не тебе объясняла весь процесс всего миг назад! — Учитель из Ребекки

вышел нетерпеливый. — Просто метни его для начала так, как тебе самой кажется наиболее удобным, а я укажу на допущенные ошибки...

Признаюсь откровенно, я никогда не обманывалась относительно своих более чем скромных способностей и не воображала, будто обладаю орлиной зоркостью или невероятной меткостью, приписываемой членам гильдии Охотников. А посему я решила положиться на удачу: старательно зажмурила один глаз (не знаю зачем), отвела назад дрожащую от напряжения руку и что есть силы запустила стилет в дверь...

«Словно полено швырнула! — с раскаянием подметила я, сгорая от стыда. — Неумеха!» Как и следовало ожидать, рукоятка оружия гулко ударилась о дерево чуть повыше намалеванного Ребеккой круга, и стилет позорно шмякнулся на пол.

— Вот видишь, ничего путного из моей учебы не выйдет! — печально сообщила я, стараясь сдержаться и не расплакаться. — У меня абсолютно нет координации, не развит глазомер, а руки вообще не из того места растут!..

— Как ты собираешься искать свое треклятое испытание, если все время повторяешь: «Ничего не выйдет»? — Лайил взбешенно сверкнула глазами, медленно подняла оружие с пола и подала его мне рукояткой вперед. — Вторая попытка!

Я покорно взяла стилет, поняв, что отделаться от воительницы мне не удастся, и сосредоточилась на предстоящем броске.

«Как там она говорила? Руку — что, а ногу — куда?» Плохо усвоенные инструкции хаотично вертелись у меня в голове, создавая сумбур в *мыслях* и смятение в душе. Шарро меня спаси, я никогда не сумею проделать все верно и правильно!

И тут неожиданно со мной приключилось то, о чем я даже помыслить не смела...

ГЛАВА 2

Мне показалось, будто кто-то незримый внезапно встал у меня за плечом, отечески погладил по затылку, а затем властно перехватил запястье, направляя бросок и вкладывая в мои мышцы свою силу. Зрение мгновенно стало острее во сто крат, мускулы налились доселе несвойственной им упругостью, а в душе разыгрался боевой азарт. Теперь я ощущала себя не прежней стеснительной девочкой-эльфиечкой, слабой и беззащитной, как мушка-однодневка, а могучей воительницей, по навыкам и умениям во много раз превосходящей даже давно сроднившуюся с оружием Ребекку. Стиллет соколом сорвался с моих пальцев, угрожающе свистнул в воздухе и по самую рукоятку вонзился в дверь, насквозь пробив толстую доску. Я звучно выдохнула через неплотно сжатые зубы, смакуя сладостное, постепенно утихающее бурление крови в венах и медленно спадающее возбуждение.

— Э-э-э... у-у-у... а-а-а! — оторопело произнесла лайил и закашлялась. Заботливо придерживая ладонью свою заметно отвисшую нижнюю челюсть, она хрипела и судорожно ловила воздух беспомощно распахнутым ртом.

Испугавшись этого непроизвольного приступа удушья, я торопливо схватила со стола наполненный стакан, тот самый, в котором недавно полоскала свои порезанные пальцы, и подала Ребекке. Лайил в два счета выдула смешанную с кровью воду... Ее глаза медленно выпучились, она сдавленно ругнулась, уронила опустевшую посудину, сделала несколько шагов назад, ударилась о кровать и спиной повалилась на аккуратно сложенное покрывало.

— Да чтоб меня мантикора три раза переварила! Что это было?

— Не знаю, — неопределенно пожала я плечами, подходя к двери и безуспешно пытаясь извлечь из нее намертво засевший в доске стилет. — Оно само, я не виновата...

— Как не знаешь? — скривилась лайил, не отводя ошеломленного взгляда от перекатывающегося по полу стакана. — Вот Тьма, ты специально мне его подсунула?

— Подсунула? — не поняла я. — Нет, я просто хотела тебе помочь...

— Ага! — Ребекка озадаченно подергала себя за мочку правого уха. — Помочь, значит? Само, значит? Да у нас просто так даже крысокошки не котятся!

— Так получилось! — виновато просопела я, упираясь ногой в косяк и что есть мочи

дергая злополучный стилет.

Раздался громкий треск... Я пушинкой отлетела к кровати и плюхнулась точно на Ребекку, в довершение ко всему еще и приложив ее по лбу своим клинком, увенчанным изрядным куском доски, выломившимся из двери вместе со стилетом.

— Ой, извини! — жалобно пискнула я, скатываясь на пол и провинившимися глазами снизу вверх взирая на лайил, задумчиво потирающую багровую шишку, зреющую на ее белой коже, ровнехонько над переносицей. — Я не специально...

— Извинить за что? — задорно расхохоталась охранница, одним пальцем поднимая меня с пола. — За твои потрясающие неспециальные воинские навыки? Или за то, что ты дала мне выпить свою кровь? А ты хоть понимаешь, что теперь я даже на расстоянии буду чувствовать твой запах и смогу найти тебя в крошечной темноте?!

Я сконфуженно молчала, будучи не в силах подобрать подходящие слова, пока Ребекка рассматривала меня со странной смесью удивления и обожания.

— Забавно, — буркнула она себе под нос, на всякий случай испытующе щупая мой бицепс, легко умещающийся у нее в ладони. — И в высшей степени волшебное... Похоже, ты отнюдь не так проста, какой кажешься на первый взгляд. Возможно, ты и в самом деле станешь достойной Наследницей сгинувших кланов и сможешь ответить на мучающие меня вопросы.

— Какие? — осведомилась я, задирая подбородок и вопросительно всматриваясь в лицо рослой воительницы, возвышающейся надо мной на целых четыре головы.

— Увидим, — коротко усмехнулась она, покровительственно поглаживая меня по плечу. — Скажи, ты еще не отказалась от идиотского намерения выполнить наставления магов и отправиться на поиски своего первого испытания?

— Не отказалась! — упрямо заявила я и тут же осеклась, почувствовав себя неблагодарной эгоисткой. — Ребекка, я чрезвычайно признательна за помощь и оказанное гостеприимство, но пойми — у тебя нет передо мной никаких обязательств и ты вовсе не должна отравляться со мною...

— Ого, как пафосно мы заговорили! — Лайил иронично выгнула бровь, поправила перевязь для клинков, крест-накрест перечеркивающую ее мощную спину, а затем взяла со стола акинаки и вложила их в ножны. — Запомни, малышка, нельзя обидеть дружеской помощью, а вот отказом от дружбы — можно.

Я смущенно побагровела и прикусила свой глупый язык:

— Прости!

— Мы же уже договаривались, — мягко упрекнула меня охранница, снимая с полки вещевой мешок и складывая в него остатки продуктов. — И условились впредь обходиться без политеса и не тратить время на бессмысленные препирательства... Нам пора в путь!

— Ты все-таки идешь со мной? — забеспокоилась я. — Но ведь твое дежурство...

— Ерунда, они и так задолжали мне пару выходных. От начальства не убудет.

Девушка решительно подтянула пояс, привычным жестом проверила наличие своего воинского обруча, удерживающего надо лбом ее волосы, и завернулась в серый плащ:

— Идем! — Но вместо того чтобы направиться к двери, она почему-то шагнула в сторону камина...

— Хм! — Я озадаченно кашлянула, донельзя удивленная ее странным поведением.

Но вместо объяснений Ребекка пошарила рукой по каменной кладке, видимо на ощупь отыскивая нечто, недоступное моему взору.

— Заржавел, — сердито буркнула она. — Ведь после смерти деда я никогда им не пользовалась.

— Заржавел? — недоуменно переспросила я, тщетно напрягая зрение, но так ничего и не замечая.

— Шарнир, — девушка крикнула и всем весом своего мускулистого тела навалилась на один из боковых камней давно потухшего камина, — приводящий в действие люк потайного хо... — Договорить она не успела, потому что камень под ее рукой вдруг задвинулся в глубь

стены, послышался надсадный грохот, и задняя панель камина медленно поехала вбок, открывая зев потайного хода.

Я восхищенно охнула.

— Прошу! — Ребекка жестом фокусника указала на освобожденный проход. — Он выведет нас на окраину города.

И я совсем уже намеревалась воспользоваться ее приглашением, как вдруг совершенно позабытый нами белый пес, до сего момента мирно дрыхнувший у кровати, с веселым гавканьем сорвался со своего коврика и, опережая меня, метнулся в провал темного туннеля, беззаботно взмахнув пушистым хвостом.

— Нахал! — Чуть не сбита им Ребекка сердито подобрала упавший с плеч плащ и осуждающе посмотрела вслед торопыге. — И куда, спрашивается, он так вчистил?

— Это нетрудно узнать! — улыбнулась я, следом за псом спускаясь по твердым земляным ступеням, начинающимся сразу же по ту сторону камина.

— Дед ходил этим путем на свидания, — насмешливо рассказывала лайил, неслышными шагами покидая свой домик и нажатием на другой камень предусмотрительно закрывая проход за нашими спинами. — Поскольку родня Финдельберга не одобряла его выбор, он длительное время держал в секрете свою связь с человеческой девушкой.

— А как ее звали? — совершенно без задней мысли поинтересовалась я, глядя себе под ноги и непрерывно запинаясь об камни, в изобилии разбросанные по полу туннеля.

Ребекка замялась, но я как-то упустила из виду тот факт, что мой вопрос остался без ответа. Мы шли уже довольно долго, и я совершенно отвлеклась от окружающей действительности, погрузившись в мир грез и воспоминаний. Мысли блуждали где-то далеко, ибо я понимала — там, за спиной, я оставила не только бедный домик Ребекки, но и всю свою прежнюю, спокойную жизнь, возврата к которой не будет.

Куда я иду и что ожидает меня впереди? Возможно, я обрету счастье и верну утраченную любовь, но также вполне вероятно, что я погибну страшной смертью, сломавшись под грузом надвигающихся на меня испытаний... Видит Шарро, я готова принять все трудности, уготованные мне неумолимым роком. Я должна помнить: там, где нет горя, нет и радостей. Зависит ли мое будущее от меня или же оно предопределено заранее и окажется намного сильнее моего терпения, выдержки и благонравия? Верю ли я, что удача достается храбрым и сильным? Верю ли я в любовь и последний шанс на спасение нашего мира, напрямую зависящий от меня?

Совсем не случайно я вспомнила сейчас слова любимой песни Ардена, которую я однажды подслушала, будучи не замеченной им. Юноша лежал на крыше сарая, как обычно отлынивая от работы, и лениво перебирал струны гитары, что-то расслабленно мурлыкая себе под нос. А потом неожиданно взял несколько вступительных аккордов, и с его губ полилась прекрасная песня, похожая на безбрежную реку, несущую вперед, к новым свершениям и надеждам. Эти слова навечно запечатлелись в моей душе!

Я невольно подчинилась зову сердца и тихонько запела ту самую песню, чувствуя правильность выбранного пути, ведущего меня к моему Ардену:

Я думаю, что вовсе не напрасно
Весна приходит, растопив сугробы,
Ты о природе не суди пристрастно,
Мы все, по сути, слишком узколобы.

Нам не узнать, откуда ветры дуют
И почему летать умеют птицы,
Но наши души запросто рифмуют
Любви и жизни чистые страницы.

Нам не понять, за что такую муку

На род людской наслали злые боги,
Когда на нас обрушили разлуку
Да в жизнь ссудили разные дороги.

Не делят страсть по времени и силе,
Из чьих-то песен не воруют строки,
Мы ничего у жизни не просили,
Мы все, по сути, вечно одиноки.

Но думаю, весна не зря приходит,
Тоску и снег смывая свежей кровью,
Она нас в путь неведомый уводит,
В далекий край. За счастьем и любовью...

Последнее слово песни еще затихало в галерее подземного туннеля. Еще продолжала печально вздыхать Ребекка, очарованная красивыми образами, как вдруг я остановилась и замерла, напряженно вглядываясь в окружающий нас полумрак. Мои глаза медленно расширились, почти вылезая из орбит, ибо прямо перед собой я видела белого пса, жалобно повизгивающего, упавшего на землю и корчащегося в безудержных судорожных конвульсиях. Все его тело выгибалось дугой, а в следующий миг уже скрючивалось и сворачивалось в клубок, очевидно терзаемое жесточайшей болью.

На морде несчастного животного запеклась кровавая пена. Клубы пыли, поднятые этим затыжным припадком неведомой мне болезни, взмыли в воздух, полностью закрывая обзор. Но наконец-то мучительный собачий визг затих, а взвевая им пыль осела. И тогда я потрясенно закричала, не смея поверить собственным глазам, потому что пес куда-то исчез, а на его месте я обнаружила...

Вот Тьма, я ничего не успела обнаружить, потому что Ребекка вдруг с рычанием бросилась вперед и мертвой хваткой вцепилась в распростертое на земле существо...

Жизнь соткана из бесчисленных бед, неприятностей и обязанностей, начисто лишаящих ее какого-либо удовольствия. Эту досадную истину он усвоил уже в раннем детстве, будучи еще совсем глупым молодым щенком. Тогда его интересы не простирались дальше игры в камушки и вылазок в соседние пещеры, приводивших к стычкам с чужими семьями, которые усердно охраняли свои территории. Из рассказов старших членов своей стаи он четко усвоил — беззаботное существование Белых псов закончилось, когда из города ушли эльфийские кланы, неизменно покровительствовавшие роду ниуэ.

Согласно рассказам старейшин дружба с эльфами завязалась у ниуэ многие сотни лет назад, после того как крылатые воины Полуночных уничтожили мерзких детей богини Банрах — гигантских змей, населявших Лиднейское болото. Немногочисленным Белым псам, вторым после эльфов отпрыскам бога Шарро, оставался крохотный клочок более-менее сухой земли, расположенной в самом центре непроходимых топей, ведь все остальное пространство занимали змеи. А их ядовитые клыки и мощная чешуя оказались не по зубам Белым псам, загнанным в самую топь.

Но крылатые воины не ведали страха и не признавали преград. Они искали редкую голубую глину, необходимую для строительства их молодой столицы, а нашли несчастный народ ниуэ, погибающий от голода и загнанный в безвыходное положение. Но ведь всем известно, что безвыходной мы называем ту ситуацию, выход из которой нам не нравится... И выход имелся: ниуэ могли умереть и таким образом избавиться бы от преследования со стороны жутких змей, но, как и все, они очень хотели жить...

Этот бой стал кровавым и изматывающим. Трупы изрубленных в куски гадов сбрасывали в болото, отправляя в объятия их злобной прародительницы. Поговаривают, что именно с тех самых пор змееликая богиня Банрах страстно возненавидела эльфов и

покаялась отомстить. О да, бесспорно, она отличалась завидным терпением, присущим всем хладнокровным тварям, и умела ждать. Банрах не сомневалась — рано или поздно ей выпадет счастливый шанс и представится удобная возможность поквитаться с любимыми детьми ее слюнтяя-брatца, пресветлого бога Шарро. Змееликая оказалась права — шанс действительно выпал... А пока, в ожидании лучших дней, богиня возмущенно следила за тем, как мертвые гибкие тела ее любимцев бесследно исчезают в багровой от крови трясине.

Что же вы натворили, неосторожные эльфы? Зачем, действуя вольно или невольно, вы напрочь рассорили брата и сестру, свет и тьму, добро и зло, двух великих богов, ставших наследниками древних Неназываемых — предтеч, уже мало интересующихся судьбой созданного ими мира... С того самого дня и завертелся неумолимый жернов рока, перемалывая души и судьбы, а царящее в Лаганахаре равновесие сил оказалось нарушено, уступив место черной зависти, мстительности и затаившейся до поры до времени жажде власти. В мир Лаганахара пришла война!

Разгромив лиднейских чудовищ, крылатые воины с триумфом вернулись обратно в строящийся Блентайр, привезя с собой не только искомую глину, но и отважных ниуэ, собратья которых во множестве полегли, сражаясь со змеями. Белые псы не обладали бессмертием, в отличие от своих благородных спасителей, недаром называемых Перворожденным и богоравным народом избранных. Эльфы кичились собственным величием и легкомысленно позабыли немудреную истину: чем выше взлетел — тем больше падать. Они не хотели признавать того, что рано или поздно падают все, даже те, у кого есть крылья!..

Умение предвидеть будущее является чрезвычайно редким даром, который избранной расе не достался, а посему их нынешнее безоблачное процветание не омрачалось ни одной печальной мыслью. Действуя сугубо ради славы своего клана, Полночные совершили новый подвиг — посетили неприступный горный хребет, опоясывающий долину Дурбан, и добыли сказочно прекрасный белоснежный мрамор с розовыми прожилками, из коего они возвели стены и башни своей столицы. Блентайр рос и хорошел буквально на глазах, обоснованно заслужив звание богатейшего города, равного которому не сыщешь во всем Лаганахаре. Мраморные карьеры Дурбана охраняли свирепые огнедышащие драконы, но и они не смогли противостоять силе эльфийских клинков и искусству магов из Звездной башни.

А между тем обогретые и привеченные в Блентайре ниуэ множились и благоденствовали, оказавшись неоценимыми союзниками и помощниками эльфийских кланов. Ниуэ построили подвалы и подземелья Блентайра, расширив для этих целей обширные природные пещеры, расположенные под городом, а потом стали хранителями и сторожами столицы. Отличаясь могучим телосложением, покладистым характером и безоговорочной преданностью, народ Белых псов добровольно выполнял функцию помощников обреченного на истребление клана и частично разделил его ужасную судьбу...

Финальная битва у Аррандейского моста изменила все. Отныне Блентайр принадлежал победителям: людям и их ближайшим прихлебаям — не ведающим жалости лайил, порождениям Тьмы.

Да, не в добрый час благородные эльфы проявили гостеприимство, приняв в своем городе кочевое племя людей, уставших от тягот бесконечных странствий и стремящихся к оседлой жизни. А следом за людьми в Лаганахар пришли лайил. Эти кровососы и паразиты поначалу скромно заполонили самые тихие улицы столицы, но быстро заявили о своих желаниях и потребностях, а затем и вовсе принялись безудержно рваться к власти, достатку и уважению.

Поговаривают, что лайил — результат неудачного эксперимента Банрах. Змееликая богиня пыталась создать расу безупречных бойцов, но где-то сильно ошиблась. Кровососы представляли собой что-то среднее между кошкой и человеком, не выносили прямых лучей Сола, пили кровь, отличались невероятной силой и гибкостью и не признавали никаких законов, кроме права сильнейшего. Они не чтили кодекс чести и не слышали зова совести,

потому что последней у них просто не было. Лайил служили лишь самим себе, никогда не забывали нанесенные обиды и, как это и водится у слабых душой мерзавцев, не умели прощать и щадить. Некоторое время они униженно пресмыкались перед хозяевами города, но затем в одночасье перешли на сторону людей, став ближайшими слугами жестокой богини, покровительницы всего человеческого рода.

Итак, противостояние сил определилось окончательно: с одной стороны — два эльфийских клана, Полуночные и Полуденные, и их верные друзья ниуэ, а с другой — люди и переметнувшиеся к ним лайил. Возможно, все могло бы сложиться иначе, если бы в ход событий не вмешались предательство, амбиции и жажда мести. Ну а началось все конечно же с любви...

Дождавшись заветного часа, богиня Банрах жадно уцепилась за подвернувшийся шанс и сполна расквиталась с изрядно насолившими ей эльфами. Крылатые захлебнулись собственной кровью, потерпев страшное поражение в борьбе, а остатки их побежденного войска отступили из города, унося тело своего погибшего короля Арцисса, после произнесенного им предсмертного пророчества получившего прозвище Искупитель.

Его овдовевшая до свадьбы невеста, Эврелика Прекрасная, безудержно рыдала над погибшим, и четыре слезинки, скатившиеся по ее бледным щекам, превратились в четыре волшебные жемчужины, подобранные коварной магичкой Сильваной. Именно эта женщина и сумела добиться помощи богини, обеспечившей победу в решающем бою. Хотя нет, усилий Сильваны могло оказаться недостаточно, если бы на ее стороне не выступила сама случайность, способная в одночасье сносить города и уничтожать судьбы.

Их было трое детей из правящего человеческого рода: король Джозэл и две его сестры — чародейка Сильвана, лучшая ученица эльфийских магов, и жрица Чаншир, служительница богини Банрах. Впрочем, все почему-то забывают о том, что изначально их было четверо, но Родрик, младший отпрыск королевского рода (шестнадцатилетний избалованный мальчишка, высокомерный почище любого Перворожденного), грубо оскорбил Эврелику и пал от руки ее брата, Адсхорна Полуденного, правителя морских эльфов.

«Не впускайте в свой дом чужаков, дети мои!» — тщетно зывал добрый бог Шарро, но эльфы не послушались и позволили кочевникам осесть в Блентайре. Позднее город разделили по справедливости: морской клан Полуденных обосновался в Западном порту, крылатые Полуночные жили на юге — их квартал опоясывал здание Немеркнувшего Купола, а люди получили северную окраину столицы. Скрытные лайил предпочли заграбастать самые опасные восточные улочки, а спокойные и чуть медлительные ниуэ выбрали нижний ярус города.

Тут нужно упомянуть и о третьем эльфийском клане — Повелителях мантикор, которые появлялись везде, приходили когда хотели и исчезали без предупреждения. Больше всего на свете они ценили свободу и встречный ветер в лицо, ведь им принадлежало все небо! Не наделенные врожденной способностью дышать под водой, как Полуденные, и не обладая собственными крыльями, как Полуночные, представители этого клана владели даром дружбы с мантикорами, поднимающимися гораздо выше и летающими куда быстрее любого эльфа. Их род не отличался многочисленностью, в нем насчитывалось едва ли три десятка юношей и девушек, а во главе Повелителей стояла родная сестра короля Адсхорна — юная Эврелика, наипрекраснейшая из всех дев Блентайра.

Столица отмечала праздник цветов, знаменующий середину лета, когда все они повстречались на площади Поющих Ручьев: принцесса Эврелика, король Полуночных Арцисс и его названный брат, король людей Джозэл. И вот тогда-то случилось это непоправимое несчастье, ибо два короля разом полюбили одну и ту же девушку, а она с первого взгляда влюбилась лишь в одного из них...

Мы много говорим о жизни, а значит, много говорим о любви. Хотя никто в мире не ведает, сколько нам еще ее осталось — этой жизни, а значит, любви. Нам бы еще жить да жить, а значит, любить, но получается, что мы вспоминаем об уже минувшей жизни, а

значит, о минувшей любви. Или же мы мечтаем о будущем, ибо настоящего не существует, ведь в тот самый момент, когда мы о нем говорим, оно уже становится прошлым. Ход времени неумолим, ведь именно время без остановки вращает скрипучее колесо нашего существования, сменяя дни месяцами и годами, чередуя сезоны природных циклов и поколения людей. Уходит и забывается все: жизнь и молодость, слава и богатство. Не уходит и не забывается только любовь...

Любовь! Как часто мы впустую произносим это священное слово, так и не научившись понимать вкладываемый в него смысл, не постигнув сути любви и не объяв ее масштабы. Мы говорим о ней приземленным и обыденным языком, словно пытаемся вульгарно примазаться к самой вечности. Любовь — что это и где это? Увы, нам не дано понять, как она возникает и почему не проходит вместе с жизнью, не отступает перед смертью и не знает пощады. Мы все — ее вечные рабы. Любовь! Как легки твои касания и как тяжелы наносимые тобой увечья...

Ниуэ сражались бок о бок с Полуночными и разделили горечь их поражения. Белые псы испытали сильнейший шок, ибо они и помыслить не смели о том, что какие-то зарвавшиеся смертные сумеют разбить их обожаемых покровителей, завалив телами убитых эльфов оба берега полноводной Алларики. Ниуэ впали в ужас, ведь на их глазах творилось нечто немыслимое.

Но с фактами не поспоришь. Они видели, как пришедший из Пустоши ветер — настоящая буря, несущая дыхание и песок пустыни, — обездвиживал прославленных крылатых воинов, связывая их по рукам и ногам, бросая с небес на землю прямо на копья не знающих пощады победителей. А те, кто уцелел под клинками людей, пали от ножей лайил, подобно мерзким шакалам рыскающим на поле боя и пирующим на многочисленных трупах. День битвы у Аррандейского моста стал закатом эльфийской расы...

И все-таки некоторые из них уцелели. Отважнейшие бойцы клана и величайшие маги Полуночных, покинувшие Звездную башню, непробиваемым щитом сплотились вокруг последней выжившей девушки из рода Повелителей мантикор, принцессы Эврелики, сжимающей в объятиях смертельно раненного возлюбленного.

Ох, зря не послушался король Арцисс мудрого друга, кузнеца Туррана, ушедшего к Зачарованному побережью... Предатель — так называли Туррана многие, но король его не осуждал, ибо понял — от судьбы не сбежишь. А судьба у каждого своя... Жаль, он умер слишком рано и не успел узнать, что за магическая сила сумела вызвать из центра пустыни эти серо-серебристые тучи, напитав их песком и бросив на лучших бойцов королевства, смяв их, словно хрупких бумажных кукол. Неужели трусливые салладэ, некогда гостеприимно принятые в белостенном Блентайре, настолько утратили чувство благодарности и доросли до подобной мощи?.. Нет, это невозможно — им кто-то помогал!.. Но вот кто и почему?

Отбиваясь от наседающих противников и ощущая на себе липкие сети чужой магии, король тщетно взывал к богу Шарро и самим Неназываемым. Его не слышали... И тогда, уже будучи израненным, он вложил остатки энергии в крохотное существо, которое зрело под сердцем Эврелики, — в своего будущего сына. А затем произнес несколько напевных слов, обретших силу неотвратимого пророчества, и вплел свою бессмертную душу в этот пришедший из Пустоши ветер, мечтая лишь об искуплении допущенных ошибок. Скатились по щекам четыре слезинки Эврелики, становясь частью королевского пророчества, а Арцисса поглотила вечная тьма.

Но его смерть не пропала втуне, ибо, впитав в себя частицу света, ветер Пустоши изменился, обретя разум, желание и волю. Выжившие Полуночные отступили на северо-восток, к Зачарованному берегу, ведомые Эвреликой и унося с собой тело мертвого Арцисса. Эльфы ушли, но ветер остался, жадно завывая вокруг стен Блентайра и намереваясь отомстить. Он подхватывал пригоршни песка и бросал их на городские крыши, с каждым годом все крепче сжимая удушающее кольцо голода, засухи и непогоды. Впитав в себя душу короля Арцисса, ветер стал Голосом Пустоши, злорадно наблюдающим за медленным угасанием своей бывшей столицы.

— Так не доставайся же ты никому, прекрасный Блентайр! — злорадно выпевал Голос, обретший собственный разум.

С тех самых пор Блентайр оказался обречен на смерть, а его жители начали выплачивать свой бесконечный долг крови.

Но ниуэ не ушли. Они не обладали бессмертием и мужеством своих покровителей, а потому не имели ни малейшего шанса преодолеть заснеженные северные равнины и неприступные горные пики.

Победители полностью истребили мантикор, но в последний момент, уже зачитав смертный приговор, пощадили Белых псов, ибо огромный многоярусный город остро нуждался в сторожах и слугах. Впрочем, в этой нелегкой ситуации последнее слово осталось за новыми чародеями, дерзко занявшими покои свергнутых учителей.

Маги схитрили: объявили ниуэ перебитыми, но на самом деле наложили на них особые заклинания, обеспечив таким способом их вечную покорность и послушание. Отныне верные соратники Полуночных стали рабами человеческих магов, их подневольными шпионами и соглядатаями.

Все вышеупомянутое в полной мере относилось и к тому Белому псу, который корчился сейчас на полу подземного туннеля, сам не понимая причину происходящей с ним метаморфозы...

Я изумленно нахмурилась, рассматривая два сплетенных в клубок тела, перекатывающихся у меня под ногами. Оказалось, что это практически невозможно — вот так взять и сразу разобраться в мельтешащей путанице, состоящей из четырех интенсивно пинающих друг друга ног и четырех же усиленно тузящих противника кулаков.

Четыре ноги и четыре руки?.. Стоп! Я ошеломленно подергала себя за ухо, надеясь, что боль прояснит мой затуманенный непониманием рассудок. Получается, сейчас передо мной находятся два человека? А куда же тогда подевался мой белый пес? Хотя, скорее всего, я была неправа, называя их людьми, ибо из переплетения сцепившихся в потасовке тел до меня доносились отнюдь не нормальные человеческие голоса, а хриплое гневное мяуканье, чередующееся со свирепым собачьим рычанием... Совершенно запутавшись и не понимая, что мне следует предпринять, я набрала в грудь побольше воздуха и громко закричала:

— Приказываю вам уgomониться! Приказываю именем Финдельберга Законника!

Сама не знаю, почему я упомянула именно это имя, но мой призыв оказался неожиданно действенным. Переплетенный клубок распался, разделившись на два растрепанных и поцарапанных тела. Напрягая зрение в полутьме коридора, я присмотрелась к ним внимательнее.

Слева от меня сидела Ребекка, недовольно вытягивающая из своей полурасплетенной косы пряди выданных с корнем рыжих волос. Выглядела она отнюдь не самым лучшим образом: на лбу красовался оставленный мною синяк, а под правой бровью наливался здоровенный сиреневый фингал. Она возмущенно зыркала зелеными глазами, недружелюбно косясь на своего недавнего противника. Проследив за ее взглядом, так и полыхающим негодующим огнем, я невольно обратила внимание на второго участника их недавней стычки и потрясенно присвистнула...

Мой белый пес куда-то пропал, а вместо него к нам присоединился высокий белокурый юноша мощного телосложения, облаченный в серые замшевые штаны, мягкие сапожки и кожаную жилетку на голое тело. Шею парня немного уродовал большой, подозрительно свежий шрам... Светлые завитки обильно курчавились на его широкой груди, а длинные прямые волосы опускались ниже плеч, на щеках красовались ровные щегольские бакенбарды. Ясные серые глаза забавно контрастировали с несколькими кровоточащими царапинами, пересекающими его лицо и, бесспорно, оставленными когтями Ребекки. А в целом он производил вполне благоприятное впечатление, показавшись мне довольно симпатичным, миролюбивым и неглупым человеком. Хотя человеком ли?

— Ты кто? — требовательно спросила я, обращаясь к блондину в жилетке. — Как ты

здесь очутился и куда подевался мой пес?

Но чрезмерно бойкая на язык лайил мгновенно опередила едва успевшего открыть рот незнакомца и возмущенно фыркнула:

— Я — дура, ибо должна была сразу же догадаться, кем на самом деле является этот блохастый пустобрех! Увы, они уже давно не появлялись в городе, а поэтому я успела начисто позабыть о существовании Белых псов и ошибочно считала их погибшими...

— Предательница! — Услышав подобную отповедь, юноша возмущенно скрипнул зубами. — И дочь предателей!

— Сам ты предатель! — взбешенно парировала девушка, снова выставляя когти. — Трус и лизоблюд!

— Кровососка!

— Пожиратель объедков!

— Кошка драная!

— Брехун помоечный!

— Сестра крысокошки!

— Фр-р-р, мяу!

— Р-р-р, гав!

Я обалдело схватила за голову, сделала шаг назад, оступилась на подвернувшемся каблуке и неловко плюхнулась на пятую точку. Теперь мы все трое сидели на запорошенном сухой грязью полу туннеля, одаривая друг друга настороженными взглядами.

— Почему вы оба среагировали на имя Финдельберга? — наконец спросила я, обрывая их затянувшуюся перепалку.

— Ну как же, — Ребекка горделиво вскинула украшенное синяками лицо, — ты разве забыла? Он приходится мне дедом, и к тому же это он добился принятия закона, дающего лайил равные с людьми права! Поэтому его и прозвали Законником!

— Так ты внучка Финна? — Юноша угрожающе сжал кулаки и зарычал на тон мрачнее: — Мой народ ненавидит этого выродка! Сначала он подсказал Сильване и Чаншир, как можно победить эльфийские кланы, а потом посоветовал превратить нас в рабов...

— Он спас вас от казни, — сухо поправила Ребекка, высокомерно поджимая губы. — Скажите спасибо моему дедушке. Если бы не он, все вы уже давно стали бы покойниками!

— Лучше смерть, чем участь прислужников чародеев! — возразил блондин. — Сама-то небось ставишь свободу превыше всего!

— Тупая псина! — ехидно хмыкнула несговорчивая Ребекка. — Жизнь всегда лучше смерти, даже такая помоечная жизнь, как ваша!

— Кровососка! — не соглашаясь с ее доводами, повторно выпалил юноша. — Трупоедка!

— Пожиратель объедков!

— Кошка драная!

Ссора покатила по уже проторенной дорожке.

— Стоп, угомонитесь! — завопила я, окончательно выведенная из терпения. — Ради Шарро, поясните мне, о чем вы говорите и кто ты такой?!

— Я? — Юноша важно приосанился. — Я Беонир, сын Беодара, внук великого вожака Беовульфа, который вместе с эльфами привел наш народ с Лиднейских болот!

— Э-э-э... — Я оторопело вытаращилась на рослого, хвастливо поигрывающего внушительными бицепсами Беонира. — Хочешь сказать, что ты...

— Ну да! — глумливо расхохоталась Ребекка, гибко вскакивая на ноги и поднимая меня с пола. — Он — сын народа ниуэ, а точнее, блохастый бродячий пес, шавка, обитатель канализационных подвалов!

— Ого! — Я потрясенно клацнула зубами, чуть не прикусив себе язык и не сводя с Беонира восхищенно вытаращенных глаз. — Так вы, получается, не сказка и существуете на самом деле?!

— Угу, — хмуро проворчал он, по нашему примеру вставая и принимаясь методично

очищать от пыли свои красивые штаны. — Будут тут еще всякие горбатые сопливки считать, что мы живем в канализации.

— Повыступай мне еще! — Не на шутку рассерженная Ребекка злобно пнула его по коленке. — Чтоб тебя мантикора три раза переварила, пустолайка. Имей в виду — Йохана вовсе не горбунья, а крылатая эльфийка из рода Полночных эльфов!..

— Ик! — Рука Беонира замерла на штанине, а сам он как подкошенный шлепнулся обратно на пол и устоялся на меня испуганно выкаченными, наливающимися слезами глазами. — Правда? Ой, да как же это... А я-то пообещал ее... — Он глухо застонал, покаянно бия себя кулаками в грудь и кусая побледневшие губы. — Ох, несчастье-то какое...

— Ты чего рыдаешь? — Я участливо наклонилась к юноше, совершенно не понимая причины столь бурного горя. — Что с тобой случилось?

— Случилось? — Усилием воли Беонир справился с захлестывающими его эмоциями, распахнул мокрые ресницы и воззрился на меня донельзя виноватым, растерянным взором.

На мгновение наши глаза встретились, и мне показалось, будто в тени его густых ресниц плещется самое настоящее раскаяние вперемешку с отчаянием и непонятным облегчением.

— Хорошо, что я не успел... — Он вдруг по-детски обиженно скривил лицо и демонстративно заканючил: — А чего она пинается? Больно же! — Слезы вновь заструились по щекам юноши, но в глубине его зрачков ярко разгоралось ничем не замутненное, неподдельное счастье.

Я растерянно пожала плечами, интуитивно догадываясь — меня только что мастерски обвели вокруг пальца, кстати, абсолютно непонятно почему и зачем.

— Я же говорю: он — убогий на мозги инвалид! Такие даже нашей жалости не заслуживают... — удовлетворенно констатировала Ребекка, в противовес своим колким словам великодушно протягивая руку и юноше тоже, намеренно сделавшему вид, будто он не замечает сего благородного жеста. — Йона, прикажешь прогнать его на все четыре стороны?

— Прогнать? — задумчиво повторила я, вдруг вспомнив некие загадочные, почти стершиеся из памяти и лишь сейчас ставшие понятными слова сьерра Никто, касающиеся моих будущих спутников. — А может, не стоит?

— Как это не стоит? — не поверила Ребекка, ревниво косясь на Беонира. — Очень даже стоит! Ну на кой ляд он нам сдался, ушибленный на всю голову?

— Я пойду с вами! — категорично заявил ниуэ, но тут же спохватился и просительно улыбнулся: — Можно? Обещаю, я вам пригожусь.

— Зачем ты нам нужен, балбес? — резонно усомнилась Ребекка, недоверчиво прищуриваясь свежим фингалом. — Может, это и радует, что ниуэ выжили, да вот плохо — что из ума...

— Девушка, кем вы себя мните? — оскалился Беонир, бесповоротно выведенный из себя и, видимо, лишь поэтому непоследовательно перешедший от неприкрытого хамства к ледяной вежливости.

— Да какая тебе разница, кем я себя мну! — не осталась в долгу лайил, очевидно задетая за живое этим, казалось бы, абсолютно безобидным замечанием. Она угрожающе сжала кулаки и чуть пригнулась, готовая опять броситься в драку.

— Люблю доводить девушек до состояния «щас как дам»! — язвительно отчеканил ниуэ, пружинисто сгибая колени и предвкушающе прижмуривая глаза.

Мне показалось, что разделяющий их воздух накалился до предела, подобно сухому труту, готовому вспыхнуть от мельчайшей искры. Я торопливо встала между непримиримыми противниками и корректно попросила Беонира изъясняться доходчивее.

— Я всю жизнь прожил в подземельях и поэтому отлично ориентируюсь во всех его потайных ходах, поворотах и закоулках, — услужливо пояснил он. — Повторяю: я вам пригожусь!

— А с чего ты решил, будто нам нужно попасть в подземелья? — с подозрением

удивилась я, отлично помня, что ничего подобного мы точно не собирались делать, а о подземелье даже не упоминали.

Юноша шмыгнул носом, словно хотел выиграть время и пытался подобрать наиболее правдоподобный ответ, а у меня опять возникла стойкая убежденность в том, что меня обманывают.

— Ну вы же вроде бы намереваетесь выбраться из города? — предположил ниуэ, придавая своему лицу самое простодушное выражение. — Так?

Я неопределенно пожала плечами, ощутив, как крепнет мое инстинктивное желание разобраться в той странной ситуации, в которую я оказалась втянута совершенно против своей воли и намерения.

— Мы ищем знания.

— Слегка расплывчатое определение, должен признать. — Парень озадаченно потер подбородок. — Женщины любят темнить и частенько скрывают от окружающих свои подлинные мысли. Но я полагаю, тебе нужны не самые обычные знания, да? Во всяком случае, уж точно не такие, которые объясняют, как затащить мужика в постель? А то выбирай, можем просто пойти и спросить любую девку на улице... — Он шаловливо улыбнулся, хотя его глаза оставались непонятно серьезными.

— Нет, — я смущенно закрыла капюшоном свои пылающие уши, — конечно же нет...

Расстегнув камзол, я извлекла наружу спрятанную на груди звезду и предъявила ее юноше:

— Я ученица гильдии Чародеев и должна пройти семь испытаний!

— Крылатая эльфийка, ставшая ученицей человеческих чародеев?! — Побелевший как мел Беонир схватился за щеки и сдавленно охнул. — Меня об этом не преду... — Он испуганно прикусил язык и замолк, беспомощно моргая своими длинными ресницами.

— Чего-чего ты там сейчас вякнул? — испытующе прищурилась лайил. — А ну колись давай!

— Я говорю, что наши старейшины никогда не предупреждали меня о возможности подобного симбиоза, — поспешно залопотал ниуэ, то краснея как вареный рак, то снова бледнея. — Маги с эльфами — злейшие враги, поэтому чтобы эльфийка пошла в Звездную башню... Это же нонсенс!

— А они ничего не знают о моем происхождении! — лихо соврала я, старательно делая непроницаемое лицо.

Но, кажется, мне не поверили, потому что Ребекка скептически фыркнула, а Беонир преувеличенно сосредоточенно дергал шнурки, украшающие его жилет.

Повисла неловкая пауза...

— Так как насчет знаний? — с вялой улыбкой робко напомнила я.

Ребекка облегченно отмерла и насмешливо пихнула Беонира кулаком в бок.

— Ну раз уж ты в самом деле стала ученицей чародеев, значит, ищешь нечто, не предназначенное для всех, правильно? — Беонир с шумом вдохнул и выдохнул, а я почти услышала, как он усиленно шевелит мозгами, стараясь придумать нечто существенное, способное убедить нас в его полезности. — Значит, просто шатаюсь по улицам, мы это вряд ли найдем. Похоже, требуемые тебе знания придется искать в самых укромных заброшенных уголках.

— Ага, — вынужденно согласилась я, поморщившись. От сего любезного предложения у меня ничуть не прибавилось веселья, ведь повторная перспектива снова лезть куда не следует уж точно не относится к числу особо радостных и приятных. — Ты знаешь подобное место?

— Ну да, конечно, знаю, даже несколько.

Юноша говорил медленно, намеренно растягивая слова, словно сомневаясь в правильности своих догадок. А может, он сомневался в себе или во мне?

— Думаю, нам придется пройти через подземелья Блентайра и спуститься ниже, дабы проникнуть в его заброшенные пещерные ярусы.

— В столице таковые имеются? — изумилась я. — Но я никогда о них не слышала.

— Еще бы, — ворчливо встряла Ребекка, заботливо поправляя мой камзол. — Об этих проклятых местах постарались забыть все: люди, чародеи, жрецы... Клянусь памятью деда, без опытного провожатого туда не попасть, и я безмерно уважаю храбрецов, осмеливающихся соваться в это преддверие бездны. А теперь застегни одежду, малышка, не дай Тьма, ты простынешь и заболеешь, а ведь нас ждет трудный и долгий поход.

— На нижних ярусах бываем мы, ниуэ! — многозначительно вставил Беонир, взирая на лайил уже более снисходительно, без прежнего отвращения. Полагаю, ему здорово польстила ее фраза насчет храбрости. — И я готов отвести вас туда, хотя предупреждаю честно — мы рискуем своим рассудком и здоровьем, спускаясь на эти старинные подземные этажи, ведь возможно, что, решившись на такое безумие, мы уже никогда не увидим дневного света.

— Почему? — робко вякнула я, замирая от нехорошего предчувствия.

— Ну те, кто имел несчастье побывать ниже уровня канализационных стоков, как правило, не больно-то разговорчивы, — замялся Беонир, — и даже не шибко-то живы! — Его извиняющаяся улыбка немного смягчила жуткий смысл озвученной им страшилки. — Например, в детстве мне довелось слышать некие путанные рассказы о Смертной Тени, обитающей под Немеркнушим Куполом, о потайной Библиотеке и Лазарете эльфийских чародеев, а также о Серой долине.

— О, я хочу попасть именно туда! — забыв об осторожности, импульсивно вскрикнула я. — Я уже видела табличку, указывающую на проход к Серой долине, но ты сам не позволил мне туда пойти... Помнишь?

— Нет, — отрицательно мотнул головой юноша. — Когда мы находимся в обличье собаки, причем не по своей воле, наш разум затуманивают наложенные магами чары, делающие нас послушными их воле. Сам не понимаю, как и почему я снова обрел человеческую внешность. Ведь по воле человеческих магов наш народ уже давно живет в облике собак и безропотно выполняет указания сьерры Клариссы.

— Главы гильдии Чародеев? — недоуменно переспросила я. — А как же ее высокие идеи и помыслы? Значит, я была права, подозревая ее в фальши?

Но вместо ответа ниуэ виновато отвел глаза и смущенно вздохнул, красноречиво умоляя меня пощадить его чувство собственного достоинства. Я недоуменно захлопала ресницами, но положение спасла Ребекка, пустившаяся в пространные объяснения.

— Дуралей блохастый! — Лайил насмешливо прищелкнула языком, подчеркивая обидный смысл своего утверждения. — Лишь такому деревенщине, как ты, простительно не знать о могучих эльфийских артефактах, захороненных в самых разных частях города. Наверное, мы миновали одно из таких мест, и поэтому наложенные на тебя чары спали. Но примитивные собачьи мозги не предназначены для хранения ценной информации, а посему ты не помнишь о деяниях эльфийских ма... — Она вдруг осеклась, схватила меня за плечи, больно сжала и повернула к себе: — Малышка, так ты уже посетила подземелье Купола и встречалась... — ее голос сорвался от страха и перешел в неразборчивое хрипение, — со Смертной Тенью?

— Кажется, да, — неуверенно произнесла я, словно сознаваясь в закоренелом грехе и растерянно разводя ладони. — Если, конечно, ты подразумеваешь того огромного паука...

— И ты выжила? — в унисон вскричали Беонир и Ребекка, обмениваясь обалделыми взглядами. — Но это же воистину невероятное чудо!

Я коротко изложила факты, умолчав о старинном пергаменте, выпавшем из разорванной паутины и угодившем точнехонько мне в руки. Почему-то мне показалось, что хранимые им сведения еще ой как пригодятся мне в дальнейшем, но это произойдет не здесь и не сейчас.

— Мы тебя не покинем! — слаженным дуэтом заявили лайил и ниуэ, выслушав мое лаконичное повествование. — Теперь мы убедились в твоей избранности, дочь Полночных эльфов, и готовы преданно следовать за тобой всюду, куда бы ты ни пошла.

— Хорошо, — согласилась я, осознав, что мне предстоит преодолеть немало трудностей, а посему чья-то дружеская помощь окажется совсем не лишней. — Но только обещайте, что впредь вы не станете затевать гадкие свары и заключите перемирие.

— Ладно, — нехотя проворчал юноша, смущенно ковыряя землю носком своего сапожка. — Но пусть она прекратит называть меня блохастым пустобрехом!

— А ты перестань именовать меня кровосоской! — требовательно заявила Ребекка. — И тогда я тебя не трону. Усек?

— Усек! — нехотя пошел на попятную Беонир.

Он протянул девушке примирительно раскрытую ладонь, и они скрепили свое соглашение крепким, хоть и немного натянутым рукопожатием. Я с сомнением улыбнулась, не очень-то веря в их выдержку и терпение. Недаром в народе издревле бытует справедливая фраза «живут как кошка с собакой», четко отображающая абсолютную несхожесть таких вот двух натур. Но как бы там ни было, выбирать мне не приходилось, а потому предстояло путешествовать в компании двух непримиримых врагов, на практике проверяя состоятельность заезженной пословицы.

Таким образом, мы немного разобрались в наших отношениях и выработали план дальнейших действий, после чего рачительно собрали вещички, высыпавшиеся из мешка Ребекки, и, ведомые Беониром, уверенно двинулись в путь, следуя вдоль подземного туннеля.

ГЛАВА 3

Не стану утверждать, что я успокоилась, полностью поверила в прямоту моих спутников и прониклась к ним безоговорочным доверием. Нет, на самом деле все обстояло совсем не так. Сотни разрозненных мыслей, колебаний и противоречивых сомнений бродили в моей голове, постепенно складываясь в ничуть не меньшее количество вопросов. Почему Ребекка принесла клятву верности почти незнакомой ей девчонке и какую выгоду она рассчитывала обрести, сопровождая меня в поисках опасных испытаний?

Анализируя постигшие меня неприятности, я уже утратила часть своей детской наивности и пришла к вполне закономерному выводу: альтруизма не существует. Каждый из нас остервенело борется за теплое местечко под Солом, желая заполучить как можно больше всевозможных благ: богатство, власть, социальный статус и славу. Правда, в мире имеются и диаметрально противоположные ценности, относящиеся к иному полюсу: дружба, совесть, честь, милосердие и любовь. Ищет ли Ребекка что-то из этого? К сожалению, пока у меня не находилось ни единого довода в пользу последней версии. Откровенно говоря, вообще-то я и сама пока не слишком преуспела в обретении какого-либо из вышеперечисленных даров судьбы, по моим личным меркам и составляющих истинный смысл жизни. Обрету ли я их когда-нибудь в будущем? Кто знает...

Что же касается Беонира, столь неожиданно ворвавшегося в мои зловключения, то он представлялся мне личностью в высшей степени мифической и даже ирреальной, значительно превосходящей всех остальных моих знакомых по степени загадочности и непонятности. И немудрено, ведь представители его народа умели по собственному желанию принимать человеческий или животный облик, что отнюдь не вписывалось в рамки банальной обыденности. Интуитивно я ощущала исходящую от него ауру роковой предопределенности, напрямую связанную с моим путем обретения себя.

Молодой ниуэ казался одним из тех центральных персонажей, коим суждено сыграть главную роль в уготованных мне испытаниях. Вот только кем он станет: моим другом и спасителем или же зловещим губителем всех надежд и мечтаний?.. Увы, мой воспаленный от обилия впечатлений разум тщетно метался в поисках ответов на все эти не озвученные вслух вопросы.

Методично шагая вслед за Беониром и упражняясь в пока ничем не подтвержденных выводах, я умудрялась сохранять абсолютно невозмутимый вид, делающий честь

воспитанию, полученному мной в монастыре. Оказывается, там меня научили не только хулиганить и лазить по крышам, но еще и неплохо владеть собой, убедительно притворяться наивной глупышкой и цепко подмечать любую малозначительную деталь, важную для формирования стойкого мировоззрения и непоколебимых принципов.

Следовало предполагать, что последующим моим воспитанием займется сама жизнь... Маленькая тихая сиротка Йона навсегда осталась в прошлом. И надо признаться — я не без сожаления попрощалась с ее беззаботными ужимками и проказами, начиная понимать: право называться Наследницей эльфийского клана — занятие в высшей степени ответственное и опасное, способное привести меня к самым непредсказуемым последствиям. А возможно, не только меня одну, но и весь наш мир...

Между тем мы продолжали методично продвигаться в указанном Беониром направлении. Судя по тому, как сильно устали мои ноги, пройденное расстояние оказалось немалым. Мышцы икр налились свинцовой тяжестью, а в каждом сапоге будто угнездились по здоровенному булыжнику, изрядно натирающему пятки и превращающему каждый шаг в муку.

— Устала? — с сочувствием спросила Ребекка, замыкающая наш небольшой отряд. — Ноги стерла?

— Ничуть! — с наигранной бодростью отнекивалась я, не желая выглядеть в ее глазах никчемной обузой. — Если потребуется, могу идти хоть сутки, хоть двое! — Моя хвастливая реплика принадлежала к категории бахвальства «врет и не краснеет».

— Ну да, жди, так я тебе и поверила, — скептически пробурчала лайил. — Ты же сейчас повалишься от усталости, вон тебя уже качает.

Я возмущенно повернулась, взирая на свою заботливую охранницу предельно честным взглядом, запнулась об какой-то камушек и едва не упала, вовремя подхваченная ее крепкой рукой.

— А я что тебе говорила?! — гневно рявкнула лайил, бережно прижимая меня к своей груди. — Эй, Беонир, садист ты беспородн... тьфу, беспардонный, — быстро поправились она, — далеко ли нам еще топать по этому гадскому подземелью?

— Второй поворот налево, а дальше прямо... до самого утра! — насмешливо отозвался юноша, но заметил раздувающиеся от гнева ноздри Ребекки и мгновенно посерьезнел. — Да нет, совсем чуть-чуть осталось.

— Полагаешь, это очень умно — шутить столь важными вещами? — вкрадчиво поинтересовалась лайил, продолжая укачивать меня в своих объятиях так нежно, словно я была беспомощным ребенком. — И послала же нам Тьма идиота!

— Сама ты идиотка! — неосторожно повелся на ее подначку вспыльчивый Беонир.

— В очередной раз убеждаюсь в том, что все мужики — козлы! — язвительно добавила масла в огонь Ребекка.

— Эй, телка, это ты просто не там паслась! — Ниуэ одарил девушку притворно-сочувственным взглядом, но она лишь брезгливо отодвинулась от него подальше и выразительно покрутила пальцем у виска, намекая, что, дескать, нечего валить с больной головы на здоровую.

— Считаешь себя особенной, да? — снисходительно хмыкнул Беонир, не желая уступать языкатой девице. — Сверхженщиной? Убеждена, что другие по сравнению с тобой — просто тупое быдло? Дура набитая, вот ты кто!

— Некоторые ошибочно полагают, что для того, чтобы прослыть умным, достаточно обозвать всех дураками! — поддела девушка. — И потом, с чего это я набитая-то? Да у тебя силенок не хватит меня набить...

— Зато я — умнее! — хвастливо заявил Беонир, впрочем, ничем не обосновывая столь пафосное самоопределение.

— Видела я сегодня в зеркале одного умного человека... — многозначительно процедила Ребекка, намекая конечно же на себя любимую. Очевидно, ее сильно покорибили последние слова Беонира.

— Так чего же не обернулась? — издевательски расхохотался юноша, показывая безупречно белые зубы.

— Издеваешься, да? — с негодованием процедила девушка, готовая попать недавно принесенную клятву о мире и устроить новую драку.

— Нет! — Ниуэ наставительно вытянул палец, утыкаясь им в ее грудь, прикрытую обшитым железными пластинками жилетом. — Просто не зарывайся и не доставай меня своим высокомерием. Обидеть меня ты не сможешь, но расстроить — запросто. Помни, удача не любит грубых и заносчивых, а везение чрезвычайно переменчиво. Поэтому может выпасть такой день, когда ты окажешься голубем, и, наоборот, случаются дни, когда ты, — тут он философски улыбнулся, — выполняешь роль памятника...

Несколько мгновений они молча стояли друг напротив друга, обмениваясь негодующими взглядами и поигрывая напряженными мускулами. Оба высокие (Ребекка была всего лишь на палец ниже ниуэ), сильные и красивые. А потом вдруг напряженное выражение покинуло их лица, они расслабились и громко расхохотались, похоже убедившись в равенстве своих сил. И тут же что-то неуловимо изменилось между ними, свидетельствуя — наконец-то мы стали настоящей командой.

— Ладно, — лайил панибратски хлопнула Беонира по плечу, — счет один-один, сойдемся пока на дружеской ничьей. Полагаю, пацанчик, тебе еще представится подходящий случай убедить меня в своей крутости.

— Ты сомневаешься в том, что я настоящий мужчина? — иронично приподнял бровь ниуэ. — Типа вот так, без доказательств, этого не видно?

— Хм... — Ребекка бесцеремонно обшарила глазами стройную фигуру юноши и намеренно сфокусировала свой нахальный взгляд в области его ширинки. — Настоящего мужчину отличает способность брать на себя ответственность за все совершенные им поступки. А не только яйца...

При этих словах Беонир зарделся как маков цвет.

— ...ибо яйца могут быть и у любой курицы! — цинично закончила Ребекка.

Я улыбалась и молчала, в глубине души немало обеспокоенная столь рискованным поворотом событий. А ну как теперь эти двое примутся наперебой совать голову в пасть каждой поджидающей нас опасности, соревнуясь, кто же из них круче?

Мы заночевали прямо на полу подземного хода. Возможно, слово «ночевка» не совсем точно характеризовало тот небольшой отдых, который мы могли дать своим порядком измотанным телам и душам, но Беонир уверял — снаружи давно уже наступила ночь, а сам он обладает безупречным чувством времени и никогда не ошибается в этом вопросе.

Впрочем, сейчас мне было все равно. Проглотив краюшку хлеба с сыром, предложенную заботливой Ребеккой, и запив немудреную трапезу парой глотков воды из принадлежащей охраннице фляжки, я закуталась в плащ, улеглась на бок и тут же провалилась в глубокий сон без сновидений. Хотя, утверждая сей факт, я, кажется, немного покривила душой... В ту ночь мне спалось довольно беспокойно, потому что, даже невзирая на владеющую мной жуткую усталость, меня продолжал неотступно преследовать чей-то неведомый голос, то насмешливо предрекающий неисчислимые беды, сгущающиеся над нашими головами, то умоляющий поторопиться и спасти погибающий Лаганахар. Поэтому, когда пришла пора вставать, я чувствовала себя в ненамного лучшей форме, нежели до сна, да вдобавок так и не поняла, насколько долго продлился наш отдых.

Итак, наступившее (по утверждению Беонира) утро, застало нас уже на ногах. Пропустив меня вперед, дабы не утруждать себя регулярными оглядываниями в мою сторону, лайил и ниуэ шумно топали сзади и громогласно хохотали на все подземелье, увлекшись пространной беседой, состоящей из смеси довольно обидных подколов, грубоватого флирта и безудержного хвастовства. Я же брела, будто в полудреме, подгоняемая их подстегивающими репликами, и иногда прислушивалась к самонадеянным фразам, звучащим у меня за спиной.

— И вовсе я не язва! — на повышенных тонах доказывала Ребекка, стремясь убедить ниуэ в своей адекватности. — Это просто у меня склад ума такой!

— Склад-то твой, красавица, по ходу, грабанули! — весело ржал юноша, доводя девушку почти до белого каления и явно наслаждаясь ее запальчивостью.

— Ага, значит, ты считаешь меня красивой? — возликовала Ребекка, намеренно пропуская мимо ушей все неприятные ей слова и выделяя приятные.

— Да это просто эффект новизны сказывается, — не растерялся находчивый Беонир. — Но он скоро пройдет. Мужчины относятся к женщинам точно так же, как сами женщины относятся к своей одежде: за пару недель надоедает и хочется чего-то новенького.

— Вас, мужчин, не поймешь! — раздосадованно фыркнула моя болтливая телохранительница, сердито бряцая клинками. — Вы крайне нелогичные существа: постоянно твердите, дескать, все женщины одинаковые, и при том постоянно меняете одну возлюбленную на другую, противореча самим себе! Все мужчины — ужасные бабники!

— Ну так уж прямо и все, — не согласился Беонир.

— Да, все! — ультимативно обобщила девушка. — А разве остальных, не бабников, можно называть мужчинами?

— Мы, ниуэ, однолюбы! — гордо провозгласил юноша. — Мы уж если влюбляемся, то на всю оставшуюся жизнь.

После сего красивого заявления Ребекка почему-то примолкла, сосредоточенно прикусила губу и задумалась.

Я мысленно усмехнулась, немало позабавленная их шутливой перепалкой. Мне на ум немедленно пришли аргументы из философских рассуждений Джайлза, утверждавшего: подзадоривая девушку, юноша, таким образом, привлекает к себе ее внимание. А теперь, наблюдая за тем, как два закоренелых врага усиленно обхаживают друг друга, я пришла к однозначно напрашивающемуся выводу: если любовь способна перерасти в ненависть, то и недавняя ненависть подвержена обратной метаморфозе, прочнее стальной цепи сковывая два молодых пылких сердца. Судя по всему, я удостоилась чести присутствовать при завязке будущего нежного чувства, обещающего стать весьма сильным и бурным.

Однако вскоре мне надоело анализировать их флирт, и я переключилась на разглядывание окружающих нас стен, пытаясь хоть как-то занять свой вялый рассудок и не уснуть. Следует признать, ландшафт подземного коридора не отличался ничем впечатляющим, удручая однообразием и простотой. Воздух заметно потеплел, свидетельствуя о немалой углубленности этой части туннеля, спирально спускающегося все ниже и ниже под город. Я ощущала резкий запах аммиака, скорее всего исходящий из уже упомянутых Беониром канализационных стоков.

Иногда тишину переходов нарушал тонкий крысиный писк, выдавая негодование исконных обитателей подземелья, возмущенных вторжением незваных гостей. Серый песок, устилающий пол туннеля, невыразительно поскрипывал под нашими сапогами. Свисающие со свода подземелья корни каких-то растений, гнилые и мертвые, иногда вскользь касались наших макушек, вызывая на редкость гадостное ощущение, которое ассоциировалось в моем воображении с выбравшимися из могил трупами, жаждущими любым доступным им способом остановить наше продвижение вперед.

— Беонир, а мы случайно не заблудились? — жалобно протянула Ребекка, похоже немного оробевшая перед величием и бесконечностью подземного туннеля. — Второй день уже идем ведь.

— Нас невозможно сбить с пути, нам по фигу, куда идти! — иронично продекламировал наш провожатый, одаривая девушку лукавым взглядом.

— И вовсе нет, — вмешалась я, решив прервать их затянувшиеся заигрывания. — Или вы уже позабыли о настоящей цели нашего похода?

Ребекка виновато шмыгнула носом, Беонир смущенно засопел.

— Обижаешь, эльфийка! — Он просиял услужливой улыбкой. — Я узнаю это место. В общем, я вел вас именно сюда и теперь очень рад, что мы сумели без проблем достичь

отправной точки нашего будущего маршрута.

— А что такое примечательное ждет нас в этом месте? — с замиранием сердца осторожно осведомилась я, измученная ожиданием своего первого испытания.

— Нашего будущего маршрута? — оторопела Ребекка, взирая на нахального ниуэ вытаращенными зелеными глазами. — Э-э-э, а до этого мгновения мы чем, спрашивается, занимались, никак в бирюльки играли?!

— Мы добирались до Пасти Бездны! — торжественно провозгласил наш проводник. — Вы ее видите?

— Нет! — хором завопили мы с Ребеккой, безрезультатно напрягая зрение и тщетно сясь хоть что-нибудь рассмотреть среди разливающейся по подземелью полутьмы.

— Да вот же она! — делая еще несколько шагов вперед и указывая пальцем, подсказал ниуэ. — А сейчас признайтесь, что еще никогда в жизни вы не встречали ничего более прекрасного и ужасного одновременно!

Мы с Ребеккой настороженно вытянули шеи и наконец-то увидели нечто невероятное, потрясшее наше воображение...

— Признайся, сладенький, ты никогда не видел ничего более завораживающего! — с обманчивой лаской пропела Каадсур, при этом больно дергая Ардена за прикрепленную к его ошейнику цепь и заставляя юношу выглянуть из кибитки.

Она демонстративно откинула кожаный полог, впуская внутрь повозки поток свежего, прохладного ночного воздуха. Пленник потрясенно расширил глаза, вовсе не желая хоть как-то проявлять переполняющие его эмоции, но все-таки вынужденный безмолвно согласиться с утверждением жестокой тюремщицы, ибо явившееся его взору зрелище обладало воистину волшебной, ни с чем не сравнимой прелестью.

Их кибитка остановилась на вершине огромного песчаного бархана, откуда Ардену открылся вид некоего царственного сооружения, целиком выполненного из одного лишь песка. Не уступая по размерам самым знаменитым цитаделям Блентайра, песчаный замок находился в непрерывном движении, в каждое последующее мгновение так диаметрально изменяя очертания стен и форму своих башен, будто он подчинялся животворному дуновению ночного ветра.

Изумленно замерев и почти не осмеливаясь дышать из-за переполняющего его восторга, Арден внимательно следил за тем, как из округлой и приземистой формы песчаный дворец вдруг плавно перетек в иной изящно-вычурный архитектурный изыск. Это здание, казалось, состояло из тонких, хрупких минаретов и многочисленных витых колонн, вздымающихся до самых звезд, в изобилии разбросанных по черному бархату небосклона. А в следующую же минуту неустойчивое сооружение покачнулось, завалилось вбок, расплескавшись, как море, и ненадолго застыло, став невысокой усадьбой, окруженной садом и аллеями, заполненными сотнями искусно выполненных статуй. Ахнув от потрясения, Арден заметил среди них фигуры самого себя, брата Флавиана, Элали, Йоханы... Но песок тут же снова зашевелился и зашуршал, словно обладал разумом и осознанно стремился изменить свою сущность.

— Невероятно! — едва смог выдавить юноша, будучи не в силах отвести глаза от все новых и новых чудес, предстающих перед его взором. — Что же это такое?

— Песок, — спокойно ответила неслышно подошедшая к нему Веершир, ведущая в поводу своего коня. — Понимаешь, это всего лишь песок и ничего более.

— Поговаривают, что этот песок особенный, — холодно усмехнулась Каадсур, задетая неподдельным равнодушием своей напарницы. — Дескать, он умеет проникать в наши души, отображая то, что занимает в данный момент помыслы человека. — Она хитро прищурилась и выдержала драматичную паузу. — Но учти, красавчик, песок — это самый недолговечный и изменчивый материал, а посему отображенные в нем мечты никогда не сбываются.

Арден подавленно вздохнул, мысленно на все лады кляня свою изощренную мучительницу.

— Зря ты так говоришь, подруга! — нахмурилась великодушная Веершир. — Песок — не более чем препятствие на пути любого из нас, испытывающее людей на прочность и целеустремленность. Остановись, спасуй, и песок засосет тебя, утянет в пучину смерти... А умный, отважный и терпеливый научится у него хладнокровию, смирению, размеренности и настойчивости. Вот только главная наша беда состоит в том, что каждый, прошедший через испытание песком, должен четко определиться, какую сторону силы он займет.

— А ты, — с надеждой в голосе спросил Арден, — уже определилась?

Веершир горестно усмехнулась:

— Пока еще нет. Но мне надобно поторопиться, ибо... — она пристально вгляделась в лицо Ардена, и ее губы изогнула ироничная, преисполненная светлой грусти улыбка, — ибо время мое истекает, а...

— А не сделавшего выбор ждет гибель! — с угрозой закончила за нее Каадсур, и, к безмерному удивлению Ардена, взгляды двух напарниц-лайил вдруг скрестились, как острые лезвия противоборствующих клинков.

Юноша почувствовал себя неуютно и поспешил перевести в другое русло опасный для всех них разговор.

— Но куда же вы меня привезли? — излишне нервно воскликнул он, специально привлекая к себе внимание обеих лайил.

— В храм Песка! — тихонько пояснила Веершир и, не совладав со своими подсознательными эмоциями, брезгливо поморщилась.

— В обитель богини Банрах, в самое сердце Пустоши! — экзальтированно мурлыкнула Каадсур.

И тогда, наблюдая за приставленными к нему тюремщиками, Арден понял, что эти девушки давно прошли испытание песком и, безусловно, уже сделали свой осознанный жизненный выбор...

В центре коридора зияло черное жерло глубокого провала, а вернее, колодца с низким бортиком, уходящего куда-то вниз, не иначе как в самую сердцевину хаоса. Окаймляющие провал красные кирпичи ничуть не пострадали от времени, что выглядело на редкость противоестественно. Похоже, здесь не обошлось без магии.

— Это и есть Пасть Бездны? — Мне никак не удавалось унять лихорадочную дрожь, спонтанно охватившую руки и ноги, а зубы громко клацнули против моей воли, когда я попробовала заговорить.

— Да, — утвердительно кивнул Беонир. — Здесь заканчивается самый легкий участок пути, ведущего в старинную, уже лет двести как заброшенную зону подземного Блентайра, созданную великими эльфийскими чародеями. Тут дремлет сама магия! Жалкие дилетанты, ныне проживающие в Звездной башне, не осмеливаются даже близко подходить к этому запретному месту, опасаясь скрытых в нем тайн, а также справедливой мести со стороны невинно убиенных Перворожденных.

— Каким же образом покойники способны хоть чем-то навредить нашим магам? — Ребекка недоверчиво заглянула в темный провал, гибко наклонившись над краем. Увидев ее рискованный маневр, я испытала острое желание немедленно оттащить девушку от опасного прохода, откуда так и веяло чем-то смертоносным.

— Зря ты мне не веришь, киска, — иронично усмехнулся ниуэ, выразительно приподнимая бровь. — Твое непонимание эльфийской магии вовсе не обозначает ее отсутствия... Имей в виду: те явления, которыми оперировали кланы Полуночных и Полуденных, ирреальны по своей сути и лежат вне границ нашего убогого мышления.

— Много ты знаешь, хвастун! — сердито огрызнулась Ребекка, испытующе опуская руку в провал и шевеля пальцами, словно пытаюсь выудить из колодца нечто интересное. — Ну и где оно там прячется, твое хваленое ирреальное? — Конечно, она ничего не добилась, а посему еще сильнее утвердилась в своем скептицизме. — Держишь нас за дурочек, сказки рассказываешь?

Но Беонир возмущенно взмахнул гривой светлых волос и разразился снисходительным смехом:

— Зачем мне пугать тебя, красавица? Скажи, Йона, — на сей раз он обращался ко мне, — ты не ощущаешь ничего странного? Например, присутствие неких не активированных чар, родственных твоей душе?

Я старательно прислушалась к самой себе, но не почувствовала ничего необычного.

— Вроде бы нет. А что я должна услышать?

— Точно не знаю, — юноша неопределенно пожал широкими плечами, — но предания об этих подземельях передаются из уст в уста, обрастая все новыми, совершенно чудовищными деталями. Пожалуй, я не стану вас пугать.

— Нет уж, рассказывай давай. — Ребекка требовательно дернула его за рукав. — Понимаешь, один мой друг из числа городских стражников очень любит вставлять в разговор забавную фразу: «Не говори „гоп“, пока не перепрыгнешь». А ты «гоп» уже сказал... Так что не фиг тут ломаться и набивать себе цену, словно ты — продажная девка!

Услышав нелicenseприятное сравнение, юноша обиженно засопел.

— Ну ладно, сами напросились... — Он ухмыльнулся с немалой долей злорадства, предвкушая наш неминуемый испуг. — Слушайте.

Скрестив поджатые под себя ноги, ниуэ спокойно уселся на краю провала и, бравируя своей выдержкой, нарочито небрежно сплюнул вниз.

— Не плюй в колодец, а то вылетит обратно — не поймашь! — занудливо проворчала воительница, усаживаясь рядом с ниуэ и притягивая меня к себе на колени. Но Беонир даже ухом не повел. Набрав в легкие побольше воздуха, он заговорил:

— Лаганахар отличается крайней неустойчивостью почвы, вызванной близостью двух больших пустынь. Сами знаете — оползни и обвалы у нас не редкость. Но умные эльфы удачно выбрали место для своей столицы: под фундаментом Блентайра расположены мощные базальтовые отложения, пронизанные разветвленной сетью пещер и проходов. Именно каменные наслоения и стали подходящей основой для создания водопроводной и канализационной сетей, а также надежным убежищем для сокрытия потаенных эльфийских секретов. Поговаривают, будто где-то в толще этих скал прячется легендарный Лазарет, созданный верховным чародеем клана Полуночных — Лаллэдрином, а также Библиотека с древними манускриптами. Предусмотрительные маги позаботились и о наличии надежной охраны, способной уберечь их сокровища от любых посторонних глаз или от посягательства чьих-то жадных рук. Недаром человеческие волшебники боятся этих подземелий пуще огня, поручив нам блюсти покой многочисленных пещер и поддерживать работоспособность всех систем города. И подозреваю, что Смертная Тень, так ловко одураченная нашей Йоной, еще не самый страшный сюрприз из тех, что могут преподнести подземные ярусы, начинающиеся ниже Пасти Бездны.

— Занятная байка! — скептически фыркнула Ребекка, с сочувствием поглядывая на явно увлекшегося своим повествованием рассказчика. — Да тебе подобных сказок в любом кабаке столько нарасказывают — хоть ложкой ешь, хоть вилкой с ушей снимай! И про серебряную лодку с крыльями, и про черного человека без лица, и про бессмертных глиняных големов, якобы охраняющих покой Блентайра... Только думается мне — все это просто первостатейное вранье.

Не соглашаясь с хамоватым утверждением своей охранницы, я невольно вздрогнула, мысленно отметив: уж что-что, а легенды о черном человеке точно не врут, имея под собой вполне реальную основу, называемую сьерром Никто...

— Как тебе будет угодно! — Беонир сделал вполне очевидный жест, призванный обозначать: я умываю руки. — Я никогда не встречал более упрямого существа, чем ты! Подозреваю, ты не поверишь в силу эльфийской магии до тех пор, пока не столкнешься с ней нос к носу. Только вот выживешь ли ты после такой встречи... — Он выдержал многозначительную паузу. — Неизвестно! Ну, во всяком случае, любопытный нос тебе там точно укоротят.

— Накося выкуси! — самонадеянно заявила лайил, складывая пальцы правой руки в увесистый кукиш и демонстративно суя в лицо юноше. — Меня так просто к ногтю не прижмешь!

— Посмотрим, — хмыкнул Беонир, награждая не очень-то чистые девичьи пальцы шутиливо-галантным поцелуем.

— Посмотрим! — в тон ему усмехнулась Ребекка, давая понять: она не сдастся и не отступится от своего намерения любой ценой осадить этого юношу, не менее спесивого, чем она сама, и рано или поздно докажет свое верховенство.

— Заметано! — Ниуэ намеренно ввернул словечко из лексикона Ребекки, а затем поднял один из кирпичей, образующих бордюр колодца, и вытянул из скрытого под ним тайника длинную тонкую веревку, свитую из конского волоса. Его красивое лицо приняло озабоченное выражение.

— Скажи, эльфийка, ты мне доверяешь? — спросил он, привязывая веревку к железному крюку, вбитому в стену колодца, но избегая при этом смотреть мне в глаза.

— Ну да, доверяю... — немного поколебавшись, произнесла я, изрядно озадаченная его вопросом. — А в чем, собственно, дело?

— В опасности, поджидающей нас внизу, — хмуро буркнул ниуэ, затягивая узлы. — Там никогда не знаешь, чего ожидать наперед. А поэтому безоговорочная уверенность в спутнике есть самая большая ценность, намного превышающая необходимость в свете и оружии... Я хочу быть уверен, что в нужный момент ты окажешься способна прикрыть мою спину, а не струсить и не убежишь при виде первой же смутной тени, расплывшейся на стене прохода.

— Фу, как тебе не стыдно? — укорила его Ребекка. — Ведь Йона уже спасла однажды твою никчемную жизнь, так зачем же ты оскорбляешь ее сейчас столь уничижительным недоверием?

— Ну-у, — смущенно замялся юноша, похоже мучимый какими-то непонятными угрызениями совести, — мало ли что может случиться впоследствии...

— Псина неблагодарная! — гневно рыкнула Ребекка, подталкивая его к жерлу колодца. — Ты пойдешь первым, в воспитательных целях...

Ее следующий толчок стал настолько сильным, что Беонир вскрикнул, едва успел ухватиться за веревку и стремглав скатился в Пасть Бездны, мгновенно исчезнув из виду...

ГЛАВА 4

Песок набивался в сапоги, а скованные короткой цепью ноги поминутно увязали в сыпучем склоне бархана, превращая процесс движения в сущее наказание, но Арден все равно продолжал шагать вниз, покачиваясь, словно сомнамбула, вынужденно следуя за поводком, зажатым в руке Каадсур. Иногда лайил резко дергала за веревку, охватывающую шею пленника, и тогда юноша сдавленно шипел сквозь зубы — стертая до крови кожа нещадно саднила, причиняя острую боль.

Мученические стоны, старательно сдерживаемые последним усилием воли, но все же частенько срывающиеся с упрямо стиснутых губ Ардена, доставляли лайил какое-то извращенное удовольствие. Она сладко жмурилась и мурлыкала, еще больше становясь похожей на здоровую, объевшуюся сметаны кошку. Веершир иронично взирала на сибаритствующую товарку, осуждающе покачивая головой, ведь сама она никогда не проявляла подобных садистских наклонностей.

Храм Песка вольготно раскинулся в укромной низине между двумя дюнами, а его стены отливали тусклыми, трупно-стеклянными отсветами, изрядно смахивающими на белесую плесень. Именно такая гадость и появляется со временем на надгробных памятниках неухоженных могил или же проступает на поверхности гниющих, заброшенных водоемов. То был очевидный признак безжизненности, присущий любому мертвому месту.

Разглядев поближе призрачные стены, производящие впечатление обманчивого

миража, призванного завлекать в ловушку каждого доверчивого путника, Арден облегченно вздохнул, сбрасывая доселе владевшее им наваждение. Очарование храма пропало, рассыпавшись в прах и смешавшись с песком под его ногами. Как и предупреждала мудрая Веершир, в этом месте не было ничего примечательного.

— Разочарован? — поинтересовалась лайил, от бдительного ока которой не ускользнула горькая усмешка, искажившая губы пленника. — Интересно, а что ты надеялся увидеть в обители темной богини, повелевающей всеми самыми плохими и отталкивающими явлениями, существующими в нашем мире?..

— Я рассчитывал найти здесь хоть мельчайшие проблески света! — с напором произнес юноша, строптиво скидывая голову.

— Подчинись Тьме, глупец! — требовательно каркнула Каадсур. — Научись извлекать удовольствие из объективной реальности, выпавшей на твою долю, и тогда ты познаешь истинное счастье бытия!

— Сознательно подрезать крылья собственной мечте и потушить Звезду своей души? — ужаснулся Арден, чуть не разрываясь от переполняющей его бесполезной ярости и протестующе скрежеща зубами. — Нет, ни за что, вам меня не сломить!

— Свет становится намного ярче вокруг того, кто сумел пройти сквозь Тьму, но не впустил ее в свое сердце и помыслы! — тихонько промолвила Веершир, ободряюще прикасаясь к плечу узника. — Помни это, потомок Адсхорна Полуденного...

— Кого? — изумленно встрепенулся Арден, ощутив в своей душе присутствие чего-то нового — свежего, схожего с потоком воды из холодного горного источника, внезапно омывшего усталую плоть. — Во имя Шарро, умоляю, повтори эти слова еще раз!

Но Веершир не успела издать ни звука, ибо Каадсур возмущенно зарычала, выронила поводок и потянула из ножен саблю, взбешенная репликой напарницы.

— Тьма тебя заberi, подруга, клянусь — ты уже исчерпала запас моего терпения и перешла все дозволенные границы. Неслыханное святотатство — упоминать имя свергнутого короля вблизи обители нашей всемилостивой покровительницы. Да к тому же ты еще и жалеешь этого жалкого человечешку!

— Он не человек, — спокойно парировала Веершир, ответно обнажая оружие одним мастерским движением. — Вернее, не совсем человек. Арден доводится прямым потомком великому повелителю Полуденных эльфов — Адсхорну, а также является законным сыном чародейки Клариссы и короля Вильяма, следовательно, обладает титулом наследника трона Блентайра!

— Ох! — потрясенно выдохнул сам виновник спонтанно возникшего разногласия, с размаху садясь на песок. — Не может этого быть!

— Может! — уверенно отчеканила Веершир. — Однажды я случайно подслушала рассуждения нашей богини, забывшейся и начавшей говорить вслух. Именно поэтому я и вызвалась посетить обитель благочестивых братьев, дабы доставить тебя сюда, в храм Песка.

— Доставить на убой! Но зачем? — продолжал недоумевать молодой принц, совершенно запутавшийся в потоке нахлынувшей на него информации.

— Хочу узнать, чем закончится затянувшееся противостояние Света и Тьмы! — пояснила Веершир. — Ведь долгие годы стрелка, установленная на весах преимущества, методично склонялась в сторону зла, а первая и вторая попытки восстановить справедливое равновесие не увенчались успехом, пресеченные богиней Банрах. Но пророчество Неназываемых еще не исчерпано, и с вашим рождением у мира появился последний шанс, а я поняла, что мы с тобой должны...

— Хватит! — Разъяренный рев окончательно выведенной из себя Каадсур оборвал недосказанную фразу, оставляя Ардена в неведении относительно его будущей судьбы. — Заткнись, предательница, и не смей разглашать знания, не предназначенные ни тебе, ни этому человеческому ублюдку! — истерично вопила жрица, угрожающе наступая на бывшую напарницу. — Клянусь, сейчас я вобью обратно в твою глотку эти дурацкие измышления, и ты навеки погрузишься во Тьму... — Но она тоже не успела закончить свою

реплику, ибо песок у них под ногами вдруг пришел в бурное волнение, начиная закручиваться в огромную воронку.

А потом в центре бушующих песчаных волн открылся черный провал, жадно всасывающий в себя все живое. Каадсур победно расхохоталась и послушно скатилась вниз, погружаясь в недра дюны так доверчиво, будто возвращалась в ласковые материнские объятия. Веершир же, напротив, сердито фыркнула, выражая протест, но тем не менее тоже позволила песку увлечь себя во тьму, уходя внутрь бархана.

Арден самоотверженно боролся до последнего, но намертво скованные руки и ноги не оставляли простора движениям, превратив его в беспомощную, лишенную надежды жертву. Поединок с разбушевавшейся стихией длился недолго, а его исход был предreshен изначально. Песок сомкнулся над макушкой юноши, а дюна сыто чавкнула, принимая прежний обманчиво безмятежный вид.

И лишь равнодушные звезды все так же отстраненно взирали с небес на землю, не выражая ни малейшего сочувствия и не желая иметь ничего общего ни с пустыней, ни с поглощенными ею путниками...

— Пасть Бездны оказалась не такой уж и бездонной! — донесся до нас веселый голос Беонира, многократно усиленный гулким эхом. — Спускайтесь вниз, веревка как раз достает практически до дна колодца!

— Пойдем туда, что ли? — С такими словами Ребекка ловко перелезла через бордюр колодца и начала спускаться. — Раз уж этот увалень не убился, значит, и нам ничего не грозит.

Я, молитвенно сцепив похолодевшие от страха пальцы, подождала, пока моя охранница спустится чуть ниже, и тоже перебралась (отнюдь не так элегантно) через край провала. Камни, которыми были выложены стены колодца, оказались достаточно большими и выпуклыми, образуя удобные ступеньки.

Медленно перебирая руками по скользкой поверхности веревки, я переступала ногами, перешагивая с выступа на выступ. Некоторое время спустя я подняла глаза и увидела, что зев колодца, находящийся у меня над головой, заметно уменьшился в размере, сократившись до величины большого мяча. Помнится, именно такую игрушку, немного кривобокою, сшитую из потертой воловьей шкуры и набитую прелыми опилками, мы пинали на заднем дворе нашего приюта.

— Ой! — Похоже, погрузившись в приятные воспоминания, я неосознанно ускорила темп спуска и пристроила свой подбитый железной подковкой сапог точно на макушку притормозившей Ребекки. — Извини, я задумалась...

— Обалдеть, она еще и думать умеет! — ворчливо отозвалась лайил, зависая на веревке и потирая ушибленную макушку. — Умная, что ли, лишку? А ты учти: чем больше в голове извилин, тем труднее ими шевелить... Вывод — все якобы умные люди на самом деле являются ужасными тугодумами!

Я прикусила язык и стушевалась, не находя слов для достойного ответа. Охранница довольно ухмыльнулась и продолжила спуск. Я молчком последовала за ней, ибо за те несколько дней, что миновали с момента нашего знакомства, уже успела понять — Ребекка является чрезвычайно самолюбивой особой. Она готова пойти на все, лишь бы последнее слово в любом поединке — неважно, в словесном или с применением иного вида колюще-режущего оружия, — осталось за ней.

Вот так незаметно мы почти достигли дна подземелья. Я — погруженная в философские размышления, а Ребекка — упиваясь эффектом, произведенным на меня ее красноречием.

— Веревка закончилась, прыгай вслед за мной, — внезапно приказала лайил, гибко раскачиваясь на веревке и проваливаясь куда-то в темноту.

Я панически ахнула и непроизвольно ослабила хватку вспотевших от напряжения ладоней. Конец нашей импровизированной лестницы выскользнул у меня из пальцев, будто

живой, а моя левая нога внезапно ощутила пустоту в том месте, где полагалось быть стене... Я дико заорала и рухнула вниз...

Открыв глаза, которые сами собой крепко зажмурились в момент моего сомнительного «прыжка», я обнаружила, что лежу на грязном каменном полу рядом с присевшей на корточки Ребеккой. Девушка пылливо прислушивалась и настороженно водила носом из стороны в сторону, словно проверяя, можно ли доверять здешнему запаху. За ее спиной я разглядела зияющую пустоту широкого туннеля, уходящего куда-то вбок.

— М-да, пахнет тут далеко не цветами, но выбирать не приходится. — Лайил выпрямилась и протянула мне руку, помогая подняться. — Пошли, нам надо выйти к какой-нибудь развилке. Не люблю, когда передо мной имеется только одна дорога.

— Теряешь ощущение свободы выбора! — с пониманием поддакнула я. — А куда запропастился Беонир?..

— Гав! — Две неожиданно выдвинувшиеся из темноты ладони с размаху опустились на шею Ребекки, несильно сдавив горло девушки.

— Хэк! — С утробным звуком, вырвавшимся из самой глубины груди, лайил не глядя двинула назад локтем правой руки.

Раздалось негромкое жалобное твяканье, и тело Беонира, описав красивую дугу, отлетело на добрых пять шагов назад, шумно обрушившись на засыпанный каменным крошечкам пол подземелья. Я многозначительно хмыкнула. Похоже, невезучему ниуэ очень не хватило в детстве воспитательных лекций брата Флавиана, поучавшего: «Не поступай с людьми так, как не хочешь, чтобы поступали с тобой».

— Ты чего дерешься? — Утирая разбитый в кровь нос, юноша шатко подковылял к нам и недовольно уставился на свою обидчицу.

Я рассмеялась в голос, потому что парочка из них получилась просто загляденье: Ребекка, пикантно отсвечивающая смачным фиолетовым синяком под глазом, и Беонир, драматично шмыгающий чудовищно распухшим, смахивающим на хобот носом.

— А ты зачем подкрадываешься? — в свою очередь склочно окрысилась девушка, не желая признавать свою вину.

— Я же пошутил! — оправдывался ниуэ, держась за травмированный нос. — Я же без плохого умысла и заднего смысла!

— Ага, — насмешливо поддакнула я, — подкрался сзади без заднего смысла, причем в темноте, в подземелье...

— Нечего проверять мою реакцию, — менторским тоном посоветовала охранница. — Она у меня безупречная.

— Да я же о тебе переживал, — взвился выведенный из терпения Беонир. — Вдруг ты решила, что я пропал. И вот вместо благодарности получил... — Он красноречиво шмыгнул свежеприобретенным хоботом и всхлипнул.

— Мужская народная мудрость: сам придумал — сам обиделся! — надменно провозгласила Ребекка, презрительно оттопыривая алую нижнюю губу. — Много ты о себе мнишь, блохастый, я о тебе и не вспомнила бы...

— Так я о тебе же заботился! — глухо взвыл несправедливо обсмеянный юноша, уже готовый забыть о заключенном между ними перемирии и броситься в драку. — У-у-у, стерва!

— Заботливый какой выискался, чтоб тебя мантикора три раза переварила! — не осталась в долгу наша записная язва. — Напугал меня до полусмерти.

— Если ты споришь с идиотом, — наигранно равнодушным тоном встала я, стремясь сгладить возникший конфликт, — то велика вероятность того, что он думает о тебе то же самое...

На мгновение вокруг нас воцарилась гнетущая тишина. Из бокового хода слышался лишь отдаленный стук падающих со стены водяных капель да какой-то тихий полускрип-полусорох, не похожий ни на один из знакомых мне звуков.

— А я что? — нашлась Ребекка. — Я ничего! — Она отвернулась и принялась

преувеличенно сосредоточенно ощупывать свои парные клинки.

— Кхм! — Беонир уязвленно откашлялся. — А я тоже ни при чем... Тыфу, то есть не пора ли нам отправляться в путь?

Все дороги куда-нибудь да ведут, причем каждая из них, безусловно, имеет конкретное, вполне очевидное начало, а также весьма определенное окончание. Утвердившись в столь логичном теоретическом выводе и уже опробовав на практике его первую часть, я не переставала надеяться, что даже эти запутанные эльфийские подземелья когда-нибудь да закончатся и в итоге выведут нас в нужное место.

Все вышеперечисленное не вызывало у меня ни малейшего сомнения, но проблема заключалась в другом: чем именно может завершиться наш опасный маршрут и не пожалеем ли мы о том, что выбрали именно эту дорогу? Вот такие вопросы и вертелись у меня в голове, пока оставаясь без ответов, ведь личный, пусть даже самый горестный, опыт является незаменимой штукой, способной формировать наши характеры. Что касается шишек и синяков, полученных в ходе сего нелегкого процесса, так ведь за одного битого трех небитых дают. Не так ли?

Высокий сводчатый коридор, освещаемый лишь небольшими колониями крупных слизняков, испускающих приглушенный молочно-белый свет и по-хозяйски расположившихся в трещинах каменных стен, тянулся бесконечно, явно намереваясь опровергнуть все мои постулаты. Я совсем уже было собралась подробно расспросить Беонира относительно масштабов эльфийского подземелья, как внезапно стены расступились и перед нами открылся огромный зал-развилка, снабженный множеством разбегающихся в разные стороны проходов.

— Опаньки! — Ребекка беззвучно шевелила губами и водила пальцем, пересчитывая разветвленные ходы. — Кажется, судьба здорово переборщила, выполняя мое желание.

— Какое еще желание? — с любопытством осведомился Беонир, удовлетворенный замешательством моей охранницы. Похоже, на сей раз ему действительно удалось ущемить ее бережно лелеемую, ранее абсолютно непробиваемую самоуверенность.

— Возможность выбора, — пояснила я. — Здесь он настолько велик...

— ...что хоть завывайся! — сердито фыркнула лайил. — Тут аж четырнадцать коридоров! Да в этом месте и сама богиня Банрах заплутает... Все, я пас!

— Сдаешься? — радостно выпалил Беонир, чрезвычайно довольный сложившейся ситуацией. — Значит, один-ноль в мою пользу! Ну, упряmica, хоть теперь-то ты признаешь, что без меня вам не обойтись?

— И ты знаешь, куда ведут все эти коридоры? — не поверила Ребекка, складывая губы трубочкой и испуская скептический свист. — Ой ли?

— Знаю! — горделиво напыжился юноша, осознавший, что настал его звездный час, и решивший «ковать железо, пока горячо». — Я теперь — ваша единственная надежда, ибо без меня вы тут до смерти плутать будете!

— Беонир, — мягко произнесла я, — поверь, мы считаем твою помощь неоценимой и выражаем искреннюю благодарность.

— Ага, — юноша обвиняюще вытянул палец и указал на протестующе нахмурившуюся Ребекку, — так я вам и поверил. Да ваша поддельная благодарность прямо на лицах написана, особенно — на ее хитрой рыжей морде!

— Сам ты морда! — тихонько огрызнулась лайил. — Эй, чего привязался-то, какого рожна тебе нужно? Прикажешь мне ради твоего удовольствия в лепешку расшибиться?

— Ну зачем же такие страшные жертвы? — милостиво ухмыльнулся Беонир. — Мне хватит и поцелуя.

— От Йоны? — Ребекка предприняла слабую попытку отмазаться от расплаты, конечно не увенчавшуюся успехом.

— От тебя! — лучезарно улыбнулся юноша. — Давай договоримся так: если я сумею привести вас к первому испытанию Йоны — ты меня поцелуешь, а если нет — то я тебя.

Соглашайся, а иначе я с места не сдвинусь!

— Еще чего, — строптиво проворчала девушка, кривясь, словно ей предложили поцеловать болотную жабу. — Раскатал губищи, блохастый! Ничего тебе не обломится.

Беонир демонстративно отвернулся и начал тихонько напевать какую-то насмешливую песенку.

— Ребекка, — я жалобно потянула воительницу за рукав, — ну пожалуйста... — В моем голосе прорезались всхлипывания.

— Ладно, ладно, только не реви. — Лайил подняла вверх обе руки, объявляя безоговорочную капитуляцию. — Я совершенно не переношу девчоночьи слезы. Брр, с детства детей не люблю! Я согласна, но учти, — она намеренно выделила интонацией последнюю часть произносимой ею фразы, — я делаю это лишь ради Йоны.

— Заметано! — хитро подмигнул Беонир. — Мы пойдем одиннадцатым коридором.

— Это почему еще? — немедленно усомнилась Ребекка. — Чем он лучше других?

— По кочану! — почти рывкнул юноша, заставив меня не к месту вспомнить наш монастырский огород и все связанные с ним конфузы. — Потому что только там есть выходы на другие уровни — к Лазарету и Библиотеке. Ты собираешься устраивать подобные допросы перед каждой развилкой? Поверь, я отлично знаю эти коридоры, спокойно нахожу тайники с веревками и путеводные знаки.

— Да, собира... — начала несговорчивая лайил, но осеклась, ибо Беонир вдруг добавил:

— Так мы выйдем к подвалу дома Старого Сквалығы, а по известной мне легенде — именно поблизости от этого места и расположены эльфийские захоронки.

Ребекка с шумом захлопнула рот, так ничего больше и не сказав. Похоже, она сразу же поняла, о чем идет речь.

— А кто такой Старый Сквалыга? — недоуменно спросила я.

— Он — Старый Сквалыга, и этим все сказано! — с поразительным единодушием воскликнули Ребекка и Беонир. — Да его же весь город знает! Именно ему приписывают авторство известного изречения: «Деньги не пахнут, но чтобы их иметь — нужно иметь хороший нюх».

Я безразлично пожала плечами, показывая: вот такая я отсталая.

— Старый Сквалыга — глава гильдии Торговцев. Его так еще в молодости прозвали — за непомерную жадность. — Ребекка для пущей убедительности выразительно побренчала монетками у себя в кармане. — Рассказывают, будто он трех жен голодом уморил...

— И пять любовниц! — зловещим шепотом подсказал ниуэ.

— Да? А я и не знала, — заинтересованно откликнулась Ребекка, насупившаяся было из-за того, что ее перебили.

— Потому что ушлый старикан эти злодеяния еще до своей первой женитьбы сотворил. Тем не менее он — король торговых сделок. Ни к одному его договору невозможно придаться, Сквалыга не оставляет компаньонам ни единой лазейки. Продумано буквально все, до последней мелочи.

— Все равно он — Сквалыга! — упрямо мотнула головой воительница, не желая признавать за главой гильдии даже малейшего достоинства.

— Одно другому не мешает. — Юноша явно не желал начинать еще один диспут о чьих-то личных качествах. — В общем, Йона, он — самый богатый человек в городе. И вполне может позволить себе содержать свору крысокошек, хотя их разведение стоит кучу золотых риелей.

— А почему главу гильдии прозвали так неуважительно — Сквалыгой? — продолжала допытываться я. — Ведь подобное отвратительное имя способно подмочить любую репутацию.

— Вообще-то его зовут Петерс, но настоящее имя главы гильдии Торговцев давно уже никто не использует, — язвительно хохотнул Беонир. — Все называют его исключительно Сквалыгой!

Я непонимающе подняла бровь.

— Это случилось много лет назад, — начал рассказывать ниуэ, — когда молодой ростовщик Петерс еще только начинал свою блистательную карьеру. Однажды, зимой, в дом ворвались одетые в черное незнакомцы, вытащили из кровати сонного Петерса и поволокли мздоимца за город, на скованную льдом Алларику...

— Наглецы перевернули ростовщика вниз головой, — азартно подхватила Ребекка, — и принялись окунать в прорубь. Вот представь себе: на дворе стоит непроглядная ночная темнота, холодина — аж кости ломит, а несколько злодеев изощренно измываются над одним парнем, подвергая его невыносимой пытке!

— Зачем? — не врубалась я.

Ребекка предвкушающе осклабилась.

— Потом они раз за разом извлекали Петерса из воды и настойчиво вопрошали: «Где золото, серебро и алмазы?» — драматичным шепотом произнес Беонир.

— Ох! — обомлела я. — Ужас-то какой несусветный! А что Петерс?

— Выплюнув очередную порцию речной воды и отдышавшись, жадный ростовщик вытаращил на своих мучителей предельно честные глаза и попросил: «Ребята, вы или лампу на лед поставьте, или понижайте меня опускайте — там же ничего не видно!» — сгибаясь от хохота, закончила лайил.

— Петерса успели спасти, — отвечая на мой невысказанный вопрос, пояснил Беонир. — Но с тех пор его имя позабылось и сменилось хлестким метким прозвищем Сквалыга!

Я звонко и беззаботно смеялась, даже не подозревая, что именно сейчас истекают последние мгновения моей прежней спокойной жизни. Впереди меня поджидали испытания, трудности и беды, во много раз превышающие все те, которые выпали на долю высмеянного нами ростовщика...

Все мы рано или поздно сталкиваемся с финансовыми проблемами. Правильно утверждают умные люди: много денег не бывает — их либо мало, либо нет совсем. За деньги можно купить все, ну или почти все: власть, титул, удовольствия, даже вульгарную имитацию любви. Многие тратят на погоню за деньгами всю свою жизнь, не получая в итоге ничего, ведь тот, кто меняет свободу духа на хлеб, теряет и то и другое. Преврати деньги в цель своего земного существования — и тем самым ты сильно обеднишь душу, ибо станешь послушным рабом золотых риелей. А рабов, как известно, не волнуют ни честь, ни совесть, ни любовь. Им хочется только одного: иметь поменьше работы и получать побольше жратвы. Поэтому не стоит превращать деньги в цель своей жизни, пусть они остаются всего лишь удобным инструментом для достижения иных, более благородных целей: знаний, силы, милосердия. К тому же еще никому из умерших не удавалось унести деньги с собой на тот свет...

Так думала я, пока еще не догадываясь о том, что зло и деньги нередко сливаются в единое целое, образуя при этом некий ужасный симбиоз, способный доставлять массу бед и неудобств.

Одиннадцатый коридор, узкий и сырой, привел нас к большой, вырубленной в камне лестнице, правая половина которой полого тянулась вверх, а левая — резко уходила вниз. С нижнего яруса нас обдало волной такого жуткого смрада, что я мгновенно почувствовала, как мои легкие возмущенно восстают против затхлого, но очень холодного воздуха здешних подземелий. Мне тут же стали неописуемо противны заплесневевшие подвал слизи и мокрые, заплесневелые стены, а разливающаяся впереди тьма пугала до заикания.

К счастью, непоколебимая решимость прикрывающей тыл Ребекки и спокойствие идущего чуть впереди Беонира придавали мне свежих сил, не позволяя полностью погрузиться в панику и смятение.

— Куда пожелаете отправиться, о бесстрашные искательницы приключений на свои зад... э-э-э... головы? — Ниуэ с напускным безразличием кивнул в сторону лестницы. — Здешние верхние уровни заняты складами всяких не шибко оборотистых торговцев, а то и

просто погребам, в том числе и винными.

— Это нам не подходит, — категорично отрезала лайил. — А что находится внизу?

— Все остальное. — Юноша откровенно забавлялся ее командирскими замашками. — Но я бы на вашем месте туда не совался.

— Позволь напомнить тебе, что мы пошли в подземелье не просто так, — быстро заговорила я, предупреждая очередной едкий выпад со стороны Ребекки, — а ради поиска какого-нибудь редкого и чрезвычайно ценного знания... Ну такого, которое не лежит у всех на виду.

— Спасибо за оказанное доверие, эльфийка. — Беонир польщенно улыбнулся. — Тогда все очень просто, ведь только одно-единственное заведение в городе может хранить свои знания в подземелье.

— О чем ты говоришь? — Я с надеждой вглядывалась в его красивое лицо.

— Да все о том самом заброшенном эльфийском Лазарете. — Ниуэ выразительно потерла ладони. — Я о нем уже упоминал и теперь убедился окончательно: именно он-то нам и нужен, ибо среди хранимых там свитков вполне может завалиться парочка таких заковыристых, что даже целителям не хватит мозгов их понять.

— Зачем нам макулатура из Лазарета? — скептически нахмурилась Ребекка. — Она небось только для сортира и годится... Нам ведь нужны знания, дающие силу. Разве нет, Йона?

— Врачевание — одно из самых главных направлений в магии! — Раздраженная заманчивыми рассказами Беонира, я сгорала от желания поскорее отправиться в путь. — Оно мне пригодится.

— Угу, твоя взяла! — Ребекка приняла мое объяснение без особого энтузиазма. — Давай, пес, води нас тогда, что ли.

Спуск по лестнице стал довольно трудной процедурой, и, когда он закончился, я даже не потрудились скрыть свою усталость — настолько радовала меня перспектива навечно расстаться с этими осклизлыми выщербленными ступенями. Беонир двигался чуть впереди уверенным, слегка крадущимся шагом, а за ним следовали мы с Ребеккой, причем каждая из нас думала о чем-то своем. Наш маленький отряд почти бесшумно продвигался в сторону Лазарета.

На очередной развилке Беонир остановился и вопросительно оглянулся:

— Не запыхались? Дальше коридоры станут еще темнее и уже, поэтому, если вы хотите сделать остановку, лучше устроить ее здесь.

— Да что ты себе позво... — начала, по своему обыкновению, заводиться Ребекка, для которой даже такой иносказательный намек на усталость приравнялся к оскорблению личного достоинства.

— Спасибо, Беонир! Я, пожалуй, присяду на пару минут, — вовремя успела я наступить на ногу своей вспылчивой охраннице, обрывая ее невежливую реплику.

Ребекка сердито зашипела. Я уже почти разуверилась в том, что узрела зарождающуюся любовь, и начала всерьез сомневаться, смогут ли эти двое когда-нибудь найти общий язык.

Я вымотанно уселась прямо на землю, и в этот же момент что-то крупное и гибкое, явно обладающее острыми когтями, прыгнуло мне на плечо. От неожиданности я непроизвольно взмахнула руками, отшвыривая прочь это непонятное существо, но в следующий миг нечто длинное и гладкое обернулось вокруг моей шеи и начало душить. Из моего горла вырвался еле слышный хрип, в голове зазвенело, и я начала заваливаться на бок...

— Крысокошка! — в ужасе вскрикнул Беонир и бросился ко мне, но оказавшаяся намного ближе Ребекка стремительно выхватила кинжал и с размаху всадила в туловище прыгнувшего на меня животного.

Длинный голый хвост, обвившийся вокруг шеи, разжался.

Ниуэ брезгливо пнул тушу убитой твари, забрасывая ее далеко в темный коридор и

бормоча самые гадкие из известных ему ругательств.

Между тем я, пребывая в шоке, сидела на корточках и бестолково шарила рукой по стене, пытаюсь обрести утраченное равновесие — как физическое, так и душевное.

— Быстрее, отступаем! — призывала лайил, осервив свои белоснежные зубы. — Крысокошки никогда не ходят поодиночке, сейчас на нас набросится вся стая!

— Проклятый Сквалыга, заberi его Тьма! — в сердцах пожелал Беонир. — А все его треклятые деньги виноваты!

— Как это? — немного невнятно спросила я, с трудом, но все-таки поднимаясь на ноги.

— А вот так, — нехорошо усмехнулся юноша, опасливо поглядывая по сторонам. — Старик, конечно, все отрицает, но всему городу известно, что он купил у наших чародеев какое-то древнее эльфийское заклинание, позволившее ему вывести этот жуткий гибрид: помесь кошки с крысой. Да еще и разводит жутких тварей в подземелье своего склада. Плохо, когда злой и жестокий человек направляет доставшиеся ему деньги не на благие дела, а на такие вот злодеяния. Сказывают, будто эти проклятые крысокошки уже немало народу разорвали и покалечили.

— Тоже мне альтруист нашелся! — насмешливо обронила Ребекка, убирая кинжал обратно в ножны и загораживая меня своей широкой спиной.

В руках у нее угрожающе блеснули предусмотрительно обнаженные акинаки. Кажется, слова Беонира произвели на лайил неизгладимое впечатление, хотя она из всех сил старалась не выказывать волнения.

— Поди, имея такую же офигенную кучу риелей, ты бы тоже позаботился об ее сохранности, а? — ехидно спросила девушка.

— Сразу видно, что крысокошки — твои единокровные родственницы! — обиженно огрызнулся Беонир, оскорбленный в лучших чувствах. — По характеру ты крыса, а по внешности... — Но договорить он не успел, потому что Ребекка вдруг коротко рывкнула и наотмашь рубанула клинком рядом с правой щекой юноши. Ниуэ испуганно зажмурился и сдавленно пискнул, а прядь его волос, отсеченная воительницей, скатилась по обнаженному плечу и медленно спикировала на пол.

— Фух! — облегченно выдохнула девушка. — Так тебе и надо, сволочь!

— Что? — потрясенно взревел Беонир, сжимая кулаки. — Ах, дрянь, да ты же меня чуть не уби... — Но в следующее мгновение послышался громкий предсмертный визг, и, отделившись от стены, разрубленная почти пополам крысокошка рухнула ему под ноги, щедро обрызгав кровью наши сапоги.

— И кто тут дрянь? — сварливо поинтересовалась лайил, наклоняясь и вытирая заляпанный клинок об шкуру убитого ею животного.

— Она! — торопливо уточнил Беонир, для пущей наглядности указывая пальцем на конвульсивно подрагивающее тело хищницы. — Она, Тьма ее заberi!

— Ребекка успела вовремя, — пояснила я, с любопытством разглядывая мертвую крысокошку. — Еще чуть-чуть — и эта тварь свалилась бы тебе точно на голову.

— Спасибо, — нехотя буркнул ниуэ. — Беру свои слова обратно.

Ребекка польщенно улыбнулась.

«По большому счету, он не так уж сильно грешит против истины, записывая крысокошек в ближайшую родню лайил, — резонно подумала я, наклоняясь и пристально рассматривая поверженного врага. — Без сомнения, тут и впрямь не обошлось без магии!»

Убитая тварь обладала необычайно крупными размерами, а к ее мохнатому, сугубо кошачьему телу прилагалась голова вытянутой формы, заканчивающаяся узкими челюстями, снабженными огромными, торчащими из пасти зубами.

Вместо пушистого хвоста крысокошка обладала длинным, тонким и абсолютно голым отростком, который необычайно ловко применяла в качестве хлыста или смертоносной удавки. Кроме того, оснащенные острыми когтями лапы позволяли с совершенно одинаковым успехом бегать как по полу, так и по выщербленным каменным стенам, виртуозно цепляясь за многочисленные выступы и трещины. Следовало признать: злой

гений чародеев и золото алчного ростовщика создали воистину чудовищное существо, идеально приспособленное для устрашения и убийств.

Мои исследования оборвались внезапно, нарушенные предупредительным вскриком бдительной лайл:

— Отступаем, они идут!

Но отступить оказалось уже поздно.

Пользуясь прикрытием темноты, гибкие твари вскарабкались на свод подземного туннеля и окружили нас со всех сторон, а теперь все одновременно, действуя слаженно, словно по команде резко прыгнули вниз, обрушиваясь нам на головы. Сбитая с ног и погребенная под десятком смердящих трупной вонью тел, я не могла даже дышать, а уж кричать — тем более.

Справа от меня раздавались негодующие вопли дорого продающей свою жизнь Ребекки и смачные звуки клинков, кромсающих плоть и кости, а слева — громкая ругань безоружного Беонира и треск вражеских черепов, неспособных противостоять ударам крепких кулаков. Но я, в отличие от своих спутников, совсем не умела драться... В какой-то миг я почувствовала прикосновение мокрого носа крысокошки к щеке и обреченно зажмурилась, а затем острые зубы впились мне в руку, в ногу и в бок.

В голове у меня будто разорвалось нечто угловатое, выбросившее из себя сотни мелких иголок, беспощадно пронзающих мозг и нервы. Я выгнулась дугой от нестерпимой боли, подобную которой не испытывала еще ни разу в жизни, а потом неожиданно ощутила волну чужой, пропитанной негодованием силы, безудержно поднимающейся откуда-то из недр моего сознания и сметающей все на своем пути...

ГЛАВА 5

Щиты сомкнулись с мрачным грохотом. Король Арцисс чуть приподнялся в стремени, пытливо вглядываясь в приближающуюся тучу. На своем веку он много чего успел повидать, но только не такое... Серые и коричневые протуберанцы стремительно закручивались по краям этой массивной, плывущей в небе туши, казалось слепленной из грязной слежавшейся ваты, а в ее центре сверкали и громыхали грозные сиреневые молнии, обвитые серебристыми нитями магии.

Да, теперь он уже не сомневался — то была не естественная природная стихия, а именно магия, чужеродная и беспощадная, несущая неминуемую кончину всему клану Полночных. Туча много дней копила мощь, неспешно курсируя над Белыми горами и словно чего-то дожидаясь. Теперь повелитель понял, что она ждала последнего магического толчка, сорвавшего ее с места и бросившего сюда, на город и защищающих его эльфов.

Значит, зря он уподобился безмозглой туче, выжидая сам не зная чего и уповая на лучшее. Впрочем, какой теперь смысл сожалеть о собственных ошибках — их уже не исправишь! Король вопросительно покосился на верховного мага Лаллэдрина, но друг лишь разочарованно помотал головой, виновато отводя глаза. Длинные локоны русых волос рассыпались по плечам придворного чародея, и Арцисс с ужасом заметил седые, будто присыпанные пеплом, пряди, контрастно выделяющиеся в пышной шевелюре вечно молодого эльфа. Арцисс обреченно сжал челюсти, чувствуя неприятный холодок, медленно разливающийся в груди. Уж если даже Лаллэдрин неспособен остановить эту напасть... То что же тогда остается делать им, простым воинам?

«Умереть!» — беспощадно подсказал трезвый рассудок. Король бездумно поднял глаза, любясь развевающимся на ветру штандартом, укрепленным на прочном буковом древке, несомым его верным оруженосцем Овэлейном. Золотые крылья, вышитые на черном бархатном полотнище, и священный девиз его рода: «Умри достойно!» Как же все просто!.. Именно сейчас, сегодня, впервые и непоправимо запоздало, Арцисс в полной мере осознал возвышенный жертвенный смысл, вложенный в два этих коротких слова, и печально искривил губы, понимая — так улыбаются лишь на похоронах. Торжественно и немного

отстраненно, словно уже отрешившись от всего земного.

Итак, Турран был прав, против этой бури им не выстоять, ибо в итоге даже бессмертные оказываются бессильны перед смертью и отступают... Но, наперекор судьбе и неведомой магии, он имел возможность не сдаваться, а умереть, ведь короли никогда не отступают!

— Овэлейн, названный брат мой! — Король опустил затянутую в латную перчатку руку на плечо своего преданного, многократно проверенного в бою оруженосца. — Воткни мой штандарт в землю этого холма, ибо мы уже никуда не денемся! Ни знамя, ни я, — уточнил Арцисс, отвечая на невысказанный вопрос, плещущийся в глазах верного друга. — Мой смертный час пробил, и я желаю умереть именно здесь!

Исполненный печали взор короля прощально обежал расстилающийся чуть впереди настил Аррандейского моста, заваленный трупами эльфийских воинов. Воды Алларики стали красными от крови, а горы тел, устилающих этот берег реки, почти достигали уровня перил. Потери Полночных были чудовищны, и все-таки бойцы снова сомкнули щиты — отчаявшиеся, но не сломленные.

— Я не приказываю, я прошу — спаси Эврелику! — Глаза Арцисса переместились на левый фланг, любовно обласкав взглядом тонкую девичью фигурку, облаченную в серебряную кольчугу. — И того, кого она носит под сердцем...

— Но, сир, — протестуя начал оруженосец, — а как же вы? Мой первейший долг — охранять моего повелителя, и если придется, то я...

— Твой первейший долг — спасти ту, которой предстоит продолжить нашу династию, — осуждающе нахмурился король. — Иначе жертва, принесенная погибшими в этом сражении воинами, станет бессмысленной!

— А как же вы... — повторно начал строптивый Овэлейн, но Арцисс взмахом руки пресек его слабые возражения и подозвал к себе Лаллэдрина.

— Почему она не улетела? — требовательно осведомился король, подразумевая конечно же ее, свою возлюбленную Эврелику. — Почему она не покинула поле битвы, пока еще имелась такая возможность и у нас оставались живые мантикоры?

— Ее бы все равно узнали и обстреляли из луков. — Маг смущенно потербил свою ухоженную бородку, делающую его похожим скорее на лощеного придворного менестреля, нежели на многоопытного чародея. — Не понимаю, какая магия направляет стрелы проклятых салладэ, но им не смогли противостоять ни мои чары, ни чешуя и крылья наших мантикор. Увы, сир, мне очень жаль...

— Все? — многозначительно спросил Арцисс, чувствуя, как его сердце обливается кровавыми слезами, скорбя о погибших летунах и их отважных наездниках.

«Их истребили полностью», — безмолвно показал волшебник, опуская свои опухшие от недосыпания веки, и добавил уже вслух:

— Ее высочество осталась единственным Повелителем мантикор, выжившим в этой чудовищной бойне. С тех пор как пал ее Кондор, принцесса Эврелика пересела на коня и наотрез отказывается покидать поле боя.

На скулах короля заходили крупные валуны желваков.

— Я оставлю при себе два десятка воинов личной гвардии и задержу проклятых салладэ, чего бы мне это ни стоило! — Он в упор посмотрел в глаза чародея. — Ты и Овэлейн, вы должны спасти Эврелику и всех остальных, тех, кого еще можно. Уходите на север.

— Нет! — вздрогнув всем телом, вскрикнул Лаллэдрин. — Мы не выстоим против снега и холода. Идти туда — значит обресть себя на верную гибель.

— Зато там вас не догонят, — недобро усмехнулся король. — И не найдут.

— Хорошо, мы попытаемся, — едва слышно пообещал маг, покорный воле своего повелителя. — Но сначала я должен посетить Немеркнувший Купол и спрятать Колокол Судьбы. Негоже, если наша главная святыня попадет в руки невежественных салладэ, ведь тогда мир сразу же погибнет.

— Отправляйся! — милостиво разрешил король, мысленно восторгаясь его отчаянной смелостью, ведь чародей намеревался проникнуть на территорию, уже находящуюся под властью людей и оцепленную вечно голодными лайил. — Но постарайся выжить, ибо ты нужен своему народу!

Чародей послушно поклонился, не смея противоречить.

Овэлейн приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но его слова предвосхитил громкий крик ужаса, внезапно прокатившийся по рядам эльфийского войска. Оказалось, что за истекшее время, потраченное на беседу, состоявшуюся между королем, магом и оруженосцем, туча, несущая бурю, подошла совсем близко и неожиданно разверзлась у них над головами, изливая на обреченных свой смертоносный гнев...

Все дальнейшее произошло столь быстро, стремительно и сумбурно, что позднее, пытаясь воссоздать ужасную картину миновавших событий, реальные очевидцы той последней битвы сбивались и путались в показаниях, выдвигая совершенно противоположные версии наблюдаемого ими зрелища.

Клубившаяся в небе туча спустилась к самой земле и внезапно лопнула, подобная переполненному бурдюку, излившему из себя потоки отнюдь не воды, но желтого колючего песка, принесенного из двух близлежащих пустынь. Ураганный ветер не давал эльфам взлететь, сбрасывая их вниз, ломая крылья и конечности. Сквозь ревуний на все лады ветер ошеломленные Полуночные слышали чей-то страшный голос, выкрикивающий что-то неразборчивое, злобное и неотвратимое.

— Иди ко мне! — ответно взревел Арцисс, призывно размахивая мечом. — Иди ко мне, Голос Пустоши, ибо я желаю сразиться с тобой! Сразиться один на один!

Человеческое войско, возглавляемое королем Джоэлом, не испытывало ни малейшего неудобства от песка и ветра, словно его защищала чья-то незримая воля.

Исход битвы оказался предрешен. Почти неспособные оказать сопротивление эльфы гибли десятками, обездвиженные ужасной колдовской бурей. По берегу Алларики шныряли лайил, добывая раненых и собирая их кровь, терзая еще теплые трупы и пожирая дымящиеся внутренности. А радостнее всего они резали крылья еще живых эльфов, мстительно, с мясом выдирая их из спин Перворожденных.

Но, совершив невозможное, Полуночные все-таки сумели выполнить наказ своего короля и отступили за мост, прикрытые лучшими воинами крылатого народа. Арцисс сражался как бог, но его отвага тоже подходила к концу, а многочисленные раны, полученные в ходе побоища, обильно кровоточили, лишая короля последних сил.

— Шарро, Неназываемые, где же вы? — отчаянно взмолился король, припадая на одно колено и изнеможенно опираясь на свой иззубренный меч. — Почему вы не приходите на помощь своим детям?

Но ответом ему стал лишь победный рев вражеской армии.

Прекрасная Эврелика, не пожелавшая покинуть умирающего возлюбленного, нежно обняла его слабеющее тело, своими длинными черными волосами утирая предсмертный кровавый пот, струящийся по лбу короля.

— Призываю тебя на высший суд, злодейка-судьба! — хрипло шептал Арцисс, ощущая, как деревенеют его ноги, как цепенеют его руки, уже неспособные держать оружие. — Я готов лично искупить несчастную участь, выпавшую на долю моего народа. А взамен я отдаю тебе свою бессмертную душу, ибо верую — час нашего торжества когда-нибудь наступит, и тогда один из моих потомков, — тут он с трудом поднял ладонь и положил ее на живот горестно рыдающей Эврелики, — возродит нашу былую славу! Я еще вернусь... — Веки короля сомкнулись, а его грудь медленно приподнялась в последнем вздохе.

Слезы катились из глаз Эврелики, падая на песок и превращаясь в крупные жемчужины, а ее губы едва заметно шевелились, напевая песню уходящей любви...

Голос Пустоши радостно расхохотался и набросился на остывающее тело мертвого короля, издевательски засыпая его пригоршнями желтого песка.

И в этот самый момент случилось немыслимое — облачко белесого дымка сорвалось с

губ погибшего и без остатка впиталось в центр песчаного урагана... Голос вдруг поперхнулся, растерянно захрипел и завыл вновь, но уже совсем в другой тональности.

Плотная песчаная стена возникла возле тела Арцисса и коленопреклоненной Эввелики, отгораживая их от растерянно замерших людей. А когда песок успокоился и опал, то на берегу Алларики уже не было никого: ни эльфов, ни принцессы, ни тела скончавшегося короля... Их искали, но так и не нашли. Кто-то считал, что они погибли, а некоторые судачили, будто последние выжившие Полуночные Ушли на север, ведомые Эввеликой.

Еще рассказывали о том, как магичка Сильвана — глава новой гильдии Чародеев, самовластно занявшая опустевшую Звездную башню и считавшаяся лучшей ученицей эльфов, но предавшая и погубившая своих учителей, — тщательно обшарила берег и нашла четыре огромные жемчужины, образовавшиеся из слез Эввелики. Сильвана сразу распознала огромную магическую силу, сосредоточенную в этих драгоценностях. Но, увы, дальнейшую судьбу жемчужин покрыла пелена неизвестности, забвения и досужих вымыслов...

Король Джоэл праздновал победу, но его радость стала недолгой. Он получил Блентайр, но навсегда потерял Эввелику. Пустошь, призванная богиней Банрах, не ушла обратно, а наступала, стремясь поглотить весь Лаганахар. Чудовищно разросшаяся пустыня оголодало завывала вокруг стен Блентайра, судя по всему намереваясь отомстить за невинно убиенных Первороденных и попутно истребить все живое. Ветер ярился, подхватывал струи горячего песка и бросал их на городские крыши, с каждым годом все крепче сжимая удушающее кольцо голода, засухи и непогоды. Впитав в себя душу короля Арцисса, ветер стал Голосом Пустоши, злорадно наблюдающим за медленным угасанием своей бывшей столицы...

— Так не доставайся же ты никому, прекрасный Блентайр! — злорадно выпевал Голос, обретший собственный разум.

С тех самых пор Блентайр оказался обречен на смерть, а его жители начали выплачивать свой бесконечный долг крови.

— Не смей умирать, Наследница! — Требовательный Голос набатом бился у меня в мозгу, выводя из обморочного забытья. — Не сдавайся, борись, помни — ты нужна Лаганахару!

После этих слов я застонала, прикусила нижнюю губу, борясь с терзающей мое тело болью, и открыла глаза.

Поверх меня копошились темные тушки крысокошек, которых, к счастью, собралось столь много, что они скорее мешали, нежели помогали друг другу. С криком я кое-как высвободила правую руку, потянулась к ножнам и взялась за рукоять стилета.

— Хорошо, — удовлетворенно констатировал Голос. — Еще усилие, еще...

Клинок с шорохом выскользнул из замшевого футляра и уютно угнездился у меня в ладони, вписавшись в нее так идеально, будто для меня и ковался.

— Хорошо! — снова повторил мой незримый собеседник. — Вот и мой кинжал пригодился... Признаюсь, я почти им не пользовался... Он всегда казался мне слишком маленьким, более подобающим хрупким девичьим пальчиком. Одно время я даже собирался подарить его твоей бабушке, да жаль — не успел...

— Отец?! — громко вскричала я, потрясенно расширяя глаза. — Это ты?

— Мне ничего не известно о судьбе твоего отца, — печально опроверг Голос. — Я лишь догадываюсь о его существовании, раз уж ты как-то появилась на свет. Нет, я не он. Я не имею доступа в Запретные горы, потому что их охраняет светлая магия, противоположная второй половине моей сущности.

— Кто же ты такой? — недоуменно переспросила я, теряясь в противоречивых догадках.

— Не время для знакомства! — требовательно прикрикнул мой собеседник. — Сейчас ты должна выжить. Не сопротивляйся моей силе,пусти ее в себя...

Я ощутила, как меня захлестнула волна горячей энергии, растекающаяся по жилам и

придающая мне необычайное упорство и жажду жизни. Одним прыжком я резко вскочила на ноги, стряхивая с себя мерзких крысокошек. Мне хватило мимолетного взгляда, чтобы объективно оценить и подсчитать свои потери: правый рукав камзола прорван насквозь и испачкан кровью, на виске саднит довольно глубокая рана, колено и локоть ободраны, но в целом — ничего смертельного. А значит, умирать мне и в самом деле рано.

Взмахнув обнаженным стилетом, я успешно рассекла горло ближайшей твари, попутно изумляясь своему воинскому мастерству, проснувшись во мне столь неожиданно, подобно тому как это произошло совсем недавно, на тренировке по метанию кинжала. И самым краем сознания тут же уловила слабые отголоски чьего-то довольного удаляющегося смеха... Похоже, мой неведомый помощник и покровитель снова исчез, убедившись в эффективности оказанного им воздействия.

Интуитивно оглянувшись через плечо, я успела поймать зависшую в прыжке тварь и точным тычком клинка под нижнюю челюсть отправила ее во Тьму, в пару к только что убитой товарке. Ударом подкованного железом каблука размозжила голову очередной хищнице и начала пробиваться к Ребекке, лихо орудующей обоими своими мечами. Воительница повернула ко мне измазанное в крови лицо и радостно ощерила клыки.

— Добро пожаловать в наши ряды, Йона! — Она одобрительно прицелкнула языком. — Сейчас ты дерешься как опытный воин!

— Забирай Беонира и отступайте дальше по коридору! — не терпящим возражений тоном приказала я, сама удивляясь металлу, непредсказуемо и нежданно прорезавшемуся в моем голосе. Казалось, теперь моими устами говорил кто-то другой — властный, уверенный в себе и уставший от вынужденной бездеятельности.

Ребекка глянула на меня уважительно, но спорить не стала. Несколькими ударами клинков она расчистила себе дорогу и схватила ниуэ за руку.

— Уходим! — хрипло выдохнула уставшая воительница. Ее широкая грудь буквально ходила ходуном, напоминая натруженный кузнечный мех, подвешенный над горном.

Беонир уставился на девушку ошеломленно вытаращенными глазами:

— Почему?

— Потому что! — безапелляционно отрезала лайил, таща его за собой и целеустремленно двигаясь в сторону одного из боковых туннелей. — Заткнись и делай, как я велю!

— Классный довод, — сердито проворчал юноша, неохотно подчиняясь и отступая вслед за своей проводницей. — У вас, у женщин, всегда так: полнейшее отсутствие логики и мотивации, только отговорки и всякие прочие непоследовательные штучки-дрючки... Я спросил: почему мы убегаем словно трусы, бросая Йону?

— Потому что! — упрямо скрежетала челюстями Ребекка, справедливо полагая, что с втолковываниями можно и обождать.

Беонир разочарованно всплеснул руками:

— Прекрати командовать. Я никуда не пойду...

И в этот миг он внезапно встретился взглядом с моими глазами. Лицо юноши шокированно вытянулось.

— Вот Тьма! — сквозь зубы вполголоса ругнулся он, очевидно обнаружив во мне что-то новое, враз объяснившее ему все происходящее. Не произнеся более ни слова, он послушно юркнул в туннель, отрываясь от стаи крысокошек.

Я осталась одна.

Угрожающе поводя из стороны в сторону кончиком своего клинка, я медленно отходила, преследуемая беснующейся стаей крысокошек. Получившие вразумляющий урок твари уже не торопились нападать, жалобно воя на все лады и окружая меня широким полукольцом из серых и черных тел. Их налитые кровью зрачки отсвечивали багровым, словно раскаленные уголья, а вздыбившаяся на хребтах шерсть походила на иглы. И эта готовившаяся растерзать меня стая еще разрасталась, ибо в нее вливались все новые и новые твари, безостановочно вылезающие из глубоких земляных нор, прокопанных под стенами

подземелья.

Стараясь сохранять выдержку и не производя резких движений, я медленно отодвигалась в тот самый коридор, где чуть ранее скрылись Ребекка и Беонир. Невзирая на напряженность возникшей ситуации, я не утратила способность мыслить объективно и здраво оценивала свои возможности. Я вполне отдавала себе отчет, что даже с учетом моих новообретенных сил, кстати тоже не безграничных, мне никогда не выстоять против столь огромного количества противников, а попытка перебить их всех граничит с безумием и не приведет ни к чему хорошему. А посему мне оставалось одно — спастись бегством, полагаясь на резвость своих ног.

Я пятилась вперед спиной, умоляя пресветлого Шарро проявить снисходительность и спасти от каких-либо трещин или провалов, способных внезапно разверзнуться в полу позади меня. Но, как известно, благие намерения чаще всего остаются только намерениями... Неожиданно моя нога ощутила пустоту, я испуганно вскрикнула, оступилась и провалилась в никуда...

Меня выручил зажатый в кулаке стилет. Извернувшись в падении, я успела зрительно засечь отвесную стену провала, ограничивающую глубокую трещину, рассекающую пол подземного туннеля. Не заметив таящейся в темноте ловушки, я не сумела преодолеть возникшее препятствие и провалилась в глубокую естественную пропасть, возникшую на месте просевшей горной породы. Отчаянно вскрикнув, я выбросила вперед руку с зажатым в ней клинком, на лету вонзая его в стену провала.

Прочная сталь надежно вошла в углубление между чешуйками сланца, а я повисла на стилете, трепеща от ужаса и не смея даже дышать. На противоположной стороне трещины злобно завывали голодные крысокошки, лишившиеся желанной добычи, но не рискнувшие последовать за мной. Ниже меня чернела бездонная пропасть, а я висела, словно приколота на картон бабочка, распластавшись на гладкой каменной стене и надеясь на прочность своего эльфийского клинка.

«Крак!» — Один из удерживающих кинжал камушков отвалился и скатился вниз.

«Хруп!» — шатко закачался другой.

Стилет наклонился, начиная постепенно выходить из стены... Меня обуял еще больший страх. Я тщетно шарила свободной рукой по гладкой поверхности скалы, пытаюсь зацепиться ногтями хоть за какой-нибудь выступ и обрести новую точку опоры. Увы, все мои попытки оказались бесплодными, а опоры не находилось.

«Хрясть!» — Из-под вогнанного в стену клинка сыпался песок, запорашивая мне глаза, а сам стилет наклонился гораздо сильнее и угрожающе зашатался.

Мои вспотевшие от натуги пальцы скользили по гладкому эфесу... Еще немного — и я упаду!

— Помогите! — истошно завопила я. — Спасите!

Мой голос издевательским эхом отразился от стен провала и раскатился по лабиринту коридоров, искажаясь и множась. Стилет окончательно вывалился из стены, и, сжимая его в кулаке, я стремительно рухнула вниз...

Нет, почти рухнула, ибо в самый последний момент над краем пропасти появилась сильная волосатая рука, ловко ухватившая меня за шиворот и втянувшая наверх, возвращая к жизни и мечтам. А на противоположной стороне трещины разочарованно бушевала стая оставшихся ни с чем мерзких крысокошек.

Отведенная Ардену комната дышала негой и прохладой, а из высокого полукруглого окна открывался восхитительный вид на экзотический морской берег, поросший неведомыми цветами. Лазурные волны неспешно набегали на белый песок, а ласковый ветерок шаловливо колыхал хрупкие сиреневые лепестки, живо напоминающие ему чьи-то удлинненные, миндалевидные глаза. Кажется, в прошлой жизни он любил тоненькую, невысокую девушку — обладательницу точно таких же волшебных по чистоте глаз... Или нет — не любил, а просто видел ее во сне?

Юноша лениво перевернулся на спину и закинул за голову обнаженные руки, покрытые золотистым загаром. Его кожа приобрела нежность шелка, а загар успешно маскировал болезненную бледность, вызванную значительной кровопотерей. Этой же причиной объяснялись владеющие им безразличие и оцепенение, сменившие прежнюю порывистость движений. Впрочем, к чему быстрота и суетность, ведь Арден уже никуда не спешил, лишь изредка на несколько мгновений выныривая из мира иллюзий и понимая — он умирает.

Повелительница любит красивые фигуры, а поэтому ежевечерне, готовя юношу к встрече с его божественной супругой, жрицы-хайдари, верные дочери песка, омывали его совершенное тело в струях фонтана, возвышающегося в центре главной залы храма, и умащивали ароматным маслом — густым, тягучим, желтым. Изготовленное из плодов кагуарии, это масло не только беспримерно смягчает кожу, но и проникает внутрь организма, одурманивая почище любой магии.

Теперь Арден жил в мире фантомов, наслаждаясь несуществующим морем, эфемерными цветами и уже ни о чем не мечтая. Ну разве что об ощущении резкого контраста горячих как огонь губ и холодных как лед клыков, прикасающихся к его шее и несущих переходящую в наслаждение боль. Того, что происходит дальше, он не помнит. Не помнил никогда...

Воздух сгустился, уподобившись некоей странной субстанции, похожей на траурную вуаль — темную, плотную, осязаемую почти физически. Это ночь без прелюдии упала на землю, наступив так мгновенно, как происходит лишь в пустынях. Арден ждал, мучаясь от тягостного предвкушения запретного порочного наслаждения, не имеющего ничего общего со светлой радостью любви.

Занавес из золотистого шелка бесшумно отодвинулся в сторону, и в комнату проскользнула полупрозрачная тень, от которой веяло нестерпимым холодом потустороннего мира и необъяснимым, первородным ужасом смерти. Пахло острым запахом полусгнивших цветов, из тех, что оставляют на надгробных памятниках, и повеяло терпкими сладковатыми миазмами свежеразрытого могильного дерна.

Все чувства юноши сразу же стократно обострились, превратившись в неосознанные инстинктивные устремления. Так замирает птичка перед крадущейся к ней гадюкой. Так мышь теряется под гипнотическим взглядом зеленых кошачьих глаз, а заточенная в темнице девственница становится распутницей, покорно отдаваясь своему палачу. Не моргая, Арден пристально следил за тенью, не замечая капелек пота, выступивших на его верхней губе, своих дрожащих рук и озноба, растекающегося вдоль позвоночника.

Тень немного уплотнилась и приняла слегка заметные очертания статной, прекрасно сложенной женщины, чей зримый облик будто бы парил на грани иллюзии и реальности, соединяя бытие и небытие. Ворох длинных спутанных волос, венчающих ее голову, оказался при ближайшем рассмотрении клубком извивающихся, беспрестанно шевелящихся змей. Прикрытые губами, виднелись внушительные клыки, а пальцы оканчивались жутко изогнутыми когтями. Слепое, начисто лишенное глаз лицо женщины напоминало морду хищного животного — настолько вытянутым и непропорциональным оно было, отмеченное четкой печатью коварства, жестокости и высокомерия. И вместе с тем вступившая в комнату тень казалась не лишенной страшной, порочной красоты, притягательной и неповторимой. Красоты, порабащающей и пожирающей все живое, а теперь безраздельно завладевшей и им, Арденом.

Незримая и неосязаемая, тень скользила ночами по спящему Блентайру, мимоходом выпивая последние крохи тепла из давно погасшего камина, расположенного в домике насмерть замерзшего бедняка. На коченеющий в постели труп она не обращала ни малейшего внимания. Незваная и непрошенная, склонялась над колыбелью больного младенца, ледяным дуновением своего дыхания гася едва тлеющую искорку его короткой жизни, и равнодушно добивала не сумевшую разрешиться от бремени роженицу. Она пиновала на полях сражений, нежилась в чумных бараках и безраздельно царила в лепрозориях, одинаково упоенно сладостраствуя как на богатых кладбищах, так и в

нищенских общественных могильниках. Она собирала пышную жатву из душ и тел, ибо имя ей было Банрах — богиня Тьмы и смерти. Змееликая Банрах — властительница загробного мира, погубительница надежд и вершительница судеб.

Кто и когда решился верить ей будущее Блентайра, объявив официальной покровительницей Лаганахара? Наверное, связаться с подобной тварью могли лишь самые отпетые глупцы, не осознающие печальных последствий заключенного союза. Именно эти глупцы возносили молитвы, строили храмы во славу богини-каннибалки и приносили ей кровавые жертвы. Дураки, добровольно обрекшие себя на гибель, — разве не понимали они, что творят? Скорее всего, понимали... Так почему и зачем призвали они зло на земли Лаганахара, впуслав его в собственные сердца, непригодные для того, чтобы стать звездами?.. Тьма необратима — эта истина известна каждому глупцу. Но тогда возникает закономерный вопрос: а знает ли умный то, что понятно любому дураку?

Арден никогда не считал себя глупцом. Наоборот, он с детства сроднился с мыслью о том, что сверстники не скрывают своей зависти к его сообразительности, неистощимой деятельности и умению завоевывать авторитет. Арден не привык подчиняться, всеми фибрами души чувствуя — он рожден для того, чтобы повелевать, а не прислуживать. Он никогда не замечал за собой склонности к участи торговца или стезе лекаря, не тяготел к охотничьему искусству и не желал совершенствоваться в воинской доблести.

Он без особых усилий, словно по наитию, легко овладевал всеми изучаемыми в приюте науками, прекрасно понимая — в хранилище его разума с рождения находятся многосторонние знания, во много раз превышающие уровень монастырских братьев, в большинстве своем людей крайне ограниченных, примитивно мыслящих и приземленных.

А сам Арден — он так хотел летать!.. Не буквально, конечно, хотя и буквально тоже — потому что в глубине его сознания постоянно мелькал смутный образ некоего огромного, крылатого, дружелюбно настроенного к нему существа. Юноше виделось, как он ласково похлопывает по широкой спине умного летуна и надевает на него специально сконструированное седло с высокой лукой... Поводья им не нужны, потому что Ран... Рег... (вот Тьма, он ведь почти вспомнил, как зовут этого крылатого гиганта!) понимает все мысли своего седока и беспрекословно его слушается.

И вот они отрываются от земли, а потом поднимаются высоко над полями и лесами, воспаряя к самому Солу... Небо безраздельно принадлежит только им двоим, даря незабываемое ощущение свободы и безграничности полета, ибо рядом нет никого другого, а есть лишь ветер в лицо, бешеный ток крови в венах и частый стук двух бьющихся в унисон сердец...

Но что происходило в его мечтах дальше, Арден уже не помнит. Забыл навсегда.

Тень, производящая впечатление живой и в то же время не имеющая плоти, приблизилась к ложу юноши и протянула холодную длань, собственнически оглаживая его лицо. Змеи на ее голове алчно зашипели.

— Мальчик мой, любовь моя! — сладко прожурчала тварь, облизываясь тонким раздвоенным языком. — Как же я по тебе соскучилась! А ты... Признайся, ты меня ждал?

— Моя жизнь принадлежит тебе, повелительница Банрах! — заученно ответил Арден, заледеневший от прикосновения ее пальцев. — Как и моя смерть!

— Правильно... — В голосе богини прозвучало снисходительное благодушие. — Умный мальчик! К чему лишние волнения и сопротивление? Еще никто и никогда не выходил из храма Песка. Вот и ты, — ее зубы приблизились к шее юноши, — уже не выйдешь отсюда живым.

— Не выйду! — эхом откликнулся обреченный на заклятие юноша. Он и не намеревался сопротивляться — разве можно бороться с песком и смертью? — Ведь ты же никогда не проигрываешь.

— Никогда? — вдруг раздраженно скрипнула зубами богиня. — Да нет, ты неправ — удача временами отворачивается от всех, даже от меня. К счастью, те печальные события остались в прошлом.

На застывшем лице юноши возникло слабое подобие заинтересованности. Заметив его реакцию, змееликая гортанно расхохоталась.

— Как, моя любимая игрушка проявляет любопытство? — Слепая, она тем не менее замечала все и всех. — Похоже, ты еще не полностью принадлежишь мне и песку.

— Расскажи! — тихонько попросил Арден, сам не понимая причину своей спонтанно возникшей заинтересованности. — О тех событиях.

— Что ж, почему бы и нет... Будь по-твоему, — игриво усмехнулась Банрах, упиваясь собственной вседозволенностью. — Слушай. Нас изначально было двое: я и мой слюнтяй-братец Шарро. Никто не знает, сколько лет нам исполнилось и когда мы появились на свет, поэтому мы привыкли считать, что существовали всегда... — Богиня самоуверенно улыбнулась. — Конечно, мы не создавали этот мир — мы получили его в подарок от Неназываемых, быстро утративших интерес к своему детищу. Но нам разрешалось все, и мы не удержались от экспериментов. Первым игрой в боготворчество увлекся братик: он создал три клана эльфов и нарек их Перворожденными. Затем Шарро сотворил народ ниуэ — Белых псов, полулюдей-полуоборотней. Но женщины не привыкли хоть в чем-то уступать мужчинам, а поэтому я превзошла его достижения и придумала людей и лайил. Возможно, они стали не такими совершенными, как эльфы, но оказались куда более интересными: не заморачивались на излишнем благородстве, да к тому же не очень-то уважали добро и справедливость. Увы, мои детки не смогли достичь таких высот воинского искусства, как Перворожденные, и поэтому мне пришлось им подсобить...

Змееликая немного помолчала, видимо погрузившись в какие-то личные, не слишком приятные воспоминания.

— В общем, это уже неважно, — непоследовательно произнесла она, очевидно выпуская из своего повествования весьма длительный временной интервал. — Значимым оказалось то, что Неназываемые каким-то образом предвидели нашу судьбу и оставили глупое пророчество, сильно мешающее реализации моих планов. Проявляя чудеса изворотливости, я боролась с предсказанными событиями. Я проиграла им в первый раз, не сумев предотвратить встречу Эврелики и Арцисса, а также прозевала рождение их сына Кантора. Затем я проиграла судьбе вторично, не углядев за прытким эльфом, сумевшим соединиться с принцессой Аньерд. В результате этой встречи человеческая женщина родила эту треклятую девчонку, Йохану — Наследницу трех кланов, полукровку с сиреневыми глазами, вознамерившуюся выступить против меня. Но, — тут Банрах глумливо расхохоталась, — в итоге я сумела-таки добиться реванша и разлучила вас, тебя и ее. Победа осталась за мной! У вас ничего не получится.

— Почему? — удивился Арден, невольно вздрогнув при упоминании девушки из его снов.

— Почему?! — потрясенно переспросила богиня, не веря своим ушам. — И ты еще спрашиваешь почему? Да потому, любовь моя, что ты находишься здесь и скоро умрешь. А она пребывает там, в подвалах Блентайра, откуда уже не сумеет выбраться.

— Откуда ты все это знаешь? — не поверил юноша. — И говоришь с такой уверенностью?

— Наивный ты мой! — сладко мурлыкнула богиня. — Я не могу разгуливать по Блентайру во плоти, подобно моему глупому братцу, но зато я приставила к девчонке своего верного соглядата. Я слепа, но вижу все происходящее с Йоханой через один змеиный глаз, — она многозначительно указала на свою зловещую прическу, — отданный шпиону, неотступно находящемуся при Наследнице. О нет, у вас нет ни единого шанса на спасение... Лаганахар станет моим! — С этими словами она жадно прикинула к шее юноши, вонзая клыки глубоко под кожу, пробивая вену и начиная шумно сосать кровь.

В голове у Ардена зазвенело, перед глазами расплывались и мелькали яркие цветочные пятна, а сознание затуманилось. Но в последний миг перед тем, как утратить связь с реальностью и погрузиться в обморок, он все же сумел собрать воедино свои мысли и ощущения и послал ментальный призыв, предназначенный той, которая находилась так

далеко: «Поспеш, ибо времени почти не осталось!»

Слова и образы, сгенерированные умирающим юношей, вырвались за пределы храма, передались Голосу Пустоши, обрадованно подхватившему послание, и понеслись дальше — к Блентайру, пролетая над холмами, песками и водами Алларики...

— Мы заблудились! — сконфуженно констатировал Беонир, нехотя отрываясь от фляжки с водой. — Если я ничего не путаю, то, по-сумасшедшему улепетывая от крысокошек, мы случайно свернули не в тот коридор и сбились с пути.

— Путаешь! — ехидно прищурилась Ребекка, сооружая внушительный бутерброд из остатков слегка засохшего хлеба и ломтиков подозрительно побуревшей колбасы. Закончив свой кулинарный шедевр, она протянула его мне, а ниуэ показала внушительную фигуру: — В том-то и дело, что ты вечно все путаешь.

— Э-э-э? — растерянно промямлил совершенно сбитый с толку юноша, оголодало облизываясь на доставшееся мне съестное. — Ты на что это намекаешь, киска?

— Какая я тебе, во Тьму, киска! А еще осмелился меня дурой называть! Да пока боги раздавали мудрость, ты, похоже, спал, и тебя решили не будить!

Воительница возмущенно фыркнула и со словами: «Хорош воду дуть, как верблюд» — беспощадно отобрала у него заметно полегчавшую посудину, отдавая ее мне. Я сделала несколько маленьких глотков, а затем дипломатично разломил бутерброд на две равные части и поделилась с Беониром.

Лайил осуждающе покачала головой:

— Подзатыльник он заслужил, а не колбасу! — Девушка мстительно хохотнула. — А еще поцелуй у меня вымогал, балбес!

— И вовсе не поцелуй, — обиженно прочавкал юноша, налегая на свою половину бутерброда, — а всего лишь один малюсенький, скромненький поцелуычик.

— Тоже мне скромняжка нашелся! — Ребекка одарила его уничижительным взглядом. — Дитя подземелья, сирота лаганахарская, кабыздох запутавшийся!

Под градом этих презрительных эпитетов юноша понуро сгорбился, втягивая голову в плечи и крепко обнимая руками прижатые к груди колени.

— Мы, видите ли, заблудились! — продолжала отчитывать нашего проводника лайил. — Ты на нас свою вину не сваливай, это не мы с пути сбились, а ты. Али я тут в проводники набивалась, клянясь, будто знаю здешние места как свои пять пальцев? Ась?

Беонир виновато кивнул:

— Ну ладно, признаю: это я заблудился. Ребекка, ну будь же человеком, хватит уже меня унижать, ибо лежачего — не бьют!

— Трудно все время быть человеком, люди мешают... — криво усмехнулась девушка, поразив меня жестокой правотой своего философского откровения. — А к тому же ты ведь сидишь! — спустя всего миг ехидно парировала рыжекудрая язва, вполне справедливо подчеркивая наше нынешнее положение. — Так что опять ты неправ, барбосик...

Я снисходительно улыбалась, прислушиваясь к их очередной, уже прочно вошедшей в привычку не то настоящей, не то шутливой перебранке. Собака и кошка явно не желали отступить от застолбленных ими позиций и усиленно лезли из кожи вон всеми способами доказывая свою крутость. Причем в выборе средств они не церемонились, ведь собственный успех — безусловно, хорошо, но и чужой провал — тоже неплохо! И все это могло бы показаться чрезвычайно смешным, если бы не было таким печальным.

М-да, следовало признать по справедливости: наши нынешние дела складывались отнюдь не самым радужным образом. Мы находились неизвестно где, не могли рассчитывать на чью-либо помощь, съели последнюю краюшку хлеба, не располагали хоть сколько-нибудь внушительными запасами оружия — и посему имели весьма незначительный шанс на выживание. В довершение ко всему меня терзали отнюдь не шуточные угрызения совести — ведь именно по моей инициативе мы полезли в треклятое подземелье, забирая его Тьма!..

— Это я во всем виновата! — самокритично призналась я унылым голосом. — Если вы погибнете, то я себе этого не прощу. Я приношу вам одни только беды и неприятности. Бросьте меня и ищите выход на поверхность, в город. Вы сильные, вы справитесь.

Услышав сей пораженческий монолог, Ребекка и Беонир синхронно вытаращились на меня в две пары ошалело моргающих глаз: в зеленую и серую.

— Зря ты отдала мне половину бутерброда! — хмыкнул ниуэ, строя умильное лицо. — Нужно было наплевать на меня для тренировки, ибо правильно натасканная совесть никогда не грызет своего хозяина.

— Ты с ума сошла, малышка? — мягко предположила лайил, ласково поглаживая меня по волосам. — Да как же мы сможем бросить тебя вот такую — усталую и беспомощную? Особенно после всего произошедшего, после того как ты спасла нас, а мы едва успели вытащить тебя из пропасти?!

— Да, мы тебя не бросим! — согласно поддакнул ниуэ.

— И потом, ты же хотела стать чародейкой! — продолжила Ребекка. — А мечты должны сбываться...

— Должны! — в тон ей повторил Беонир, но мне почему-то показалось, что в этот момент они думали в основном о себе, а не обо мне. Интересно, какие же заветные мечты скрываются в душах моих спутников и как могло получиться, что их надежды и чаяния каким-то немыслимым образом связаны конкретно со мной? Меня раздирало любопытство, но я не осмелилась озвучить столь дерзкие выводы, основанные пока всего лишь на интуиции и случайном озарении.

— И потом, с чего ты взяла, будто преследующие нас напасти связаны именно с тобой? — внезапно выпалила воительница и тут же запоздало прикусила губу, очевидно напуганная необдуманной щекотливой фразой, сорвавшейся с языка.

— А с кем? — шокированно спросила я, приподнимаясь на локте.

Ребекка покраснела и отвернулась.

Беонир шмыгал носом и старательно отводил глаза.

Ситуация запуталась до такой степени, что я была готова сквозь землю провалиться, лишь бы не чувствовать подобную неловкость. А первопричиной всего конечно же стали не кто иные, как съерр Никто и безликий Голос, вдолбившие в мою глупую голову навязчивую идею: ищи предателя! Неужели искомым врагом способна оказаться Ребекка, сделавшая для меня так много добра, или Беонир, вытащивший меня из пропасти? Нет, я категорически отказываюсь поверить в подобную чушь! А вот сейчас и проверим, дорогá ли я им.

Не придумав ничего лучше, я томно смежила веки и застонала с самым разнесчастным видом, какой только смогла изобразить. Точь-в-точь умирающий лебедь.

— Где у тебя болит? — Воительница немедленно склонилась над фальшивой страдалицей, заботливо беря меня за руку. Ее лицо выражало неподдельное участие.

— Йона, тебе стало хуже? — забеспокоился Беонир.

— Везде! — жалобно ответила я и почти не солгала, ибо волшебный прилив бодрости, подаренный Голосом, исчез полностью, сменившись слабостью и вялостью. Натруженные мышцы болели, а кисть правой руки, столь усиленно цеплявшаяся за рукоять стилета, онемела и повисла бессильной плетью.

Друзья немедленно отнесли меня в более-менее сухой коридор и положили на плащ Ребекки, окружив заботой и уходом. И разве имею я право после настолько очевидных проявлений симпатии и опеки подозревать их в корысти или приписывать им другие лихие умыслы?

— Это Беонир все придумал! — с невольными нотками уважения в голосе рассказывала Ребекка. — Когда услышал твои крики. Мне пришлось держать его за ноги, чтобы он сумел спуститься в трещину и поймать тебя в момент падения.

— Спасибо вам обоим! — от всей души поблагодарила я. — Вы подоспели вовремя.

— Долг платежом красен, — подмигнул ниуэ. — Но Ребекка излишне скромничает, ибо без нее у меня ничего бы не получилось.

— Конечно, скромничаю, скрывая перенесенные мною мучения... Лапы надо почаще мыть! — сварливо проворчала лайил. — А то у тебя от них помойкой разит.

Беонир возмущенно открыл рот, собираясь ответить на очередную колкость этой непримиримой зубоскалки, но я, опасаясь возникновения очередной склоки, кое-как поднялась на ноги.

— Давайте пойдем дальше, — предложила я. — Чувствую, у нас остается все меньше времени.

— Времени для чего? — не поняли Ребекка и Беонир, послушно собирая наш нехитрый скарб.

Я тяжело задумалась, будучи не в силах подобрать подходящие слова, призванные описать смутные предчувствия, и даже неспособная изыскать правильное объяснение сонму туманных опасений и предостережений, поселившихся у меня в душе.

Разрозненная мозаика, состоящая из причудливо перемешанных знаний о чародеях и Немеркнушем Куполе, воспоминаний короля Арцисса, являющихся мне обрывочно, но очень ярко, а также собственные логические умозаключения — все это начинало выстраиваться в связную картину миновавших событий, страшных, роковых и трагических. И почему-то я начинала проникаться твердой убежденностью в том, что срок, отведенный всем нам: мне, Ардену, эльфам, лайил, ниуэ, Лаганахару, — истекает с неотвратимой быстротой, отмеряя последние дни нашей жизни. И наверное, лишь теперь я отчетливо осознала, в чем именно состоит мое предназначение и в чем заключается моя судьба.

Я должна... нет, я просто обязана спасти нас всех.

Вот только каким образом я сумею это осуществить? Я не питаю ложных иллюзий относительно своих скромных способностей и к тому же знаю — мне противостоят слишком могущественные враги: время, песок и смерть. А можно ли бороться с самой смертью?

ГЛАВА 6

— А они, между прочим, много чего интересного создали, — на ходу вдохновенно живописал Беонир, от избытка чувств сопровождая свой рассказ бурной жестикуляцией, призванной возместить его информационные пробелы. — Ну по слухам, конечно! — Он смущенно моргнул.

— Это по каким таким слухам? — мгновенно встряла любопытная я.

— А Тьма их знает, мне мама рассказывала, — немного сконфуженно пояснил наш горе-проводник. — На ночь, когда я уснуть не мог.

— Мама, значит? — недоверчиво хохотнула скептически настроенная лайил. — Сказки, значит? Да любые женские сплетни — это ведь то же самое, как если бы немой сказал глухому, что слепой видел, как безногий ходил по воде!

Я рассмеялась, но Беонир упрямо набычился:

— Много ты понимаешь!

— Много! Уж точно побольше тебя, — ультимативно отрезала девушка. — Ясно все с тобой, щенок инфантильный. — Она презрительно сплюнула на камни под ногами. — Бреешь, как сивый мерин!

— Ничего подобного, не фиг на меня напраслину возводить, — обиженно надулся Беонир. — Вот, называется, получил благодарность за свое усердие. И потом, я не брешу вовсе, а, возможно, излишне вольно трактую мифологию нашего мира. И вообще я тут ни при чем, за что купил — за то и продаю, все претензии к маме! — Приведя в свою защиту столь сильный аргумент, он горделиво покосился на воительницу, дескать, а ну попробуй опровергни!

Вместо того чтобы ответить, лайил растерянно потрогала свой воинский обруч, немного сдвигая его на затылок. Выглядела она при этом довольно комично.

— А Тьма их знает, чего они там в самом деле напридумывали, — сердито буркнула она. — Они, поди, и сами до конца не поняли, что учудили. Недаром же их Неназываемыми

нарекли.

— Стоп! — громко вскрикнула я, случайно уловив лишь последнее слово из изрядно затянувшейся дискуссии, которую, к собственному стыду, благополучно пропустила мимо ушей, увлекшись пространными размышлениями. — При чем тут Неназываемые?

— Да при всем! — плутовато ухмыльнулся болтливый ниуэ. — Я слышал от отца, что именно они создали наш мир и заранее определили ограниченный срок его существования. Ну типа посовещались демиурги и решили, что Лаганахар не умрет до тех пор, пока звонит Колокол Судьбы...

— Колокол? — изумленно переспросила я, сразу же вспомнив намеки сьерра Никто. — А эльфы...

— Во-о-от! — Юноша назидательно поднял вверх указательный палец. — Вот, теперь мы и до эльфов добрались.

— Ну до них нам еще очень далеко, а я с вами вообще скоро до ручки дойду, — небрежно усмехнулась Ребекка. — Блуждаем, понимаешь, в этом поганом подземелье, как... — Тут она иронично покосилась в сторону нашего незадачливого проводника. — ...как Беонир в потемках своих мыслей.

— Ну блуд — это скорее по твоей части будет, — в свою очередь не остался в долгу вредный юноша, — ведь лайил всегда обвиняют в распущенности и неразборчивости при выборе партнеров.

— Поостерегись обвинениями сыпать, чай, не в суде находишься, — угрожающе протянула оскорбленная Ребекка, выразительно хватаясь за рукоятки своих клинков. — Ох дождешься ты у меня, блохастый, отрежу я твой болтливый язык.

Но юноша легкомысленно рассмеялся, совершенно не воспринимая всерьез ее угрозы. Девушка взбешенно зашипела.

— А я что? — Ниуэ строил умное лицо. — Я ничего! К тому же всем известно — смех здорово продлевает жизнь.

— Ничего — это пустое место, — иронично оскалилась лайил. — Сам признался.

— Смех может и укоротить, — укоризненно поправила я. — Смотря над кем смеяться!

Воительница одарила меня восхищенным взглядом:

— А ты умеешь дать отпор, малышка! — Она жестом старшей сестры благодарно погладила меня по голове. — А некоторые вообще ни на что не годны.

— Неправда! — вознегодовал Беонир. — Я из лука стрелять умею и петь.

— Жаль, что лука здесь нет, — хмыкнула недоверчивая Ребекка. — Поэтому можешь врать сколько душе угодно: хоть из лука, хоть из чеснока.

Юноша сердито поджал губы, похоже, на сей раз Ребекке удалось допечь его основательно.

— Тогда спой, — примирительно предложила я. — А мы послушаем и оценим.

Ниуэ просиял счастливой улыбкой, замедлил шаг и запел. Его голос, прекрасно поставленный и изобилующий удивительными переливами тембра, раскатился по подземелью, заглушив и шорох стекающей по стенам воды, и топот наших сапог. Мы с Ребеккой невольно заслушались, впечатленные как красотой песни, так и мастерством исполнителя.

Ответь мне, друг, а ради славы
Ты чем пожертвовать готов?
Ужели те бойцы лишь правы,
Кто не ценил ее оков?

Кто ради славы и почета
На сделку с совестью не шел,
Кто предпочел мгновенья взлета,
Кровь не пускал, интриг не плел...

Ответь мне, друг, а ради чести
Ты чем пожертвовать готов?
Ведь так легко поверить лести,
До смерти правду запоров.

Но правде рот заткнуть непросто,
Не приманить к себе успех,
Коль щит хватаешь не по росту
И не в бою добыт доспех.

Ответь мне, друг, а ради злата
Ты чем пожертвовать готов?
За злато — тяжела расплата,
Спроси об этом мертвецов.

Ответь мне, друг, а ради страсти
Ты чем пожертвовать готов?
А примешь ты любви напасти,
Прольешь за счастье семь потов?

Когда придут любви мгновенья,
Ты славу, честь и жемчуга
Отдашь судьбе без промедленья,
Сказав: «Мне страсть лишь дорога»?

Нам без любви вся жизнь не в милость,
Нам и с любовью жизнь не мед,
Но есть на свете справедливость:
Ведь жертв любовь — не признает...

— М-да, — тихонько произнесла воительница после того, как в лабиринте переходов затихло вибрирующее эхо, порожденное последним из пропетых Беониром куплетов, — петь ты и правда умеешь. Где ты узнал такую потрясающую песню?

— Ага, задело-таки за живое? — полуутвердительно-полувопросительно предположил ниуэ, важно приосаниваясь. — Вот и подумай на досуге, ради чего мы живем.

— Ее, бесспорно, эльфы написали, — уверенно констатировала девушка. — Уж они-то точно понимали, что в нашем мире важно, а что нет. Они лучше нас знали, ради чего стоит жить.

— А ради чего — умирать! — печально закончил за нее ниуэ. — Вот так-то оно!

Мы все трое немного помолчали, словно отдавая дань памяти ушедшим в небытие кланам.

— Так ты мне расскажешь про эльфов или нет? — просительно напомнила я, съедая недовольным любопытством.

— Расскажу. — Беонир забрал у Ребекки вещевой мешок и закинул его себе на плечо. — Твоих предков не просто так называли Перворожденными. Они не только стали первыми существами, населившими наш мир, но, согласно легендам, они получили свои качества даже не от создавшего их бога Шарро, а от самих Неназываемых. Самой сильной из трех рас — Полуночных, Полуденных и Повелителей мантикор — были именно крылатые. Они обладали врожденными бойцовскими характерами, непревзойденной физической силой, душевной красотой и считались главными защитниками нашего мира. Они руководствовались доктриной жестокой справедливости и не умели отступать. Недаром их

девиз звучал как: «Умри достойно!» Вся их жизнь являлась непрерывной битвой, потому что они начинались только двойней, и когда на свет появлялся истинный воин, то еще до момента рождения он съедал своего брата-близнеца, делящего с ним чрево матери. Так уж повелось у Полуночных: из двух зигот всегда выживала лишь одна, питаясь плотью второй. Непреложная истина жизни гласит: хочешь стать сильным — борись; и поэтому крылатые приходили в этот мир воинами, уже научившимися бороться и побеждать...

— И все-таки они проиграли битву у Аррандейского моста, причем проиграли ее людям! — скептически фыркнула Ребекка. — Получается, что совершенство — недостижимо. Побеждают — сильнейшие, а выживают — простейшие.

— Подожди! — поморщился ниуэ. — Дай я расскажу обо всем по порядку.

Воительница умолкла.

— Именно по причине их безоговорочной избранности бог Шарро поручил крылатым охранять Колокол Судьбы, созданный Неназываемыми. Он висел на специальных опорах, установленных в Немеркнушем Куполе, и отзванивал мелодию вечной жизни. Считалось, что та раса, которая владеет Колоколом, правит всем Лаганахаром. Победив эльфов, король Джоэл, снедаемый вполне понятным торжеством, во главе своего войска ворвался в Купол, но испытал жесточайшее разочарование, ибо реликвия исчезла. Позднее пропажу Колокола начали называть одной из причин нынешних несчастий, постигших Блентайр. Артефакт искали, но так и не нашли. А теперь наши старейшины утверждают, будто находящийся неизвестно где Колокол начал умолкать, отсчитывая последние дни Лаганахара.

— А его можно научить новой песне и спасти наш мир? — затаив дыхание от переполняющего меня волнения, с замиранием сердца спросила я.

— Наверное, можно! — возбужденно выкрикнул Беонир. — Но ведь для этого его сначала нужно найти.

— Тихо вы, бестолковые! — возмущенно шикнула на нас Ребекка. — Орете как оглашенные. Не хватало еще какую-нибудь новую беду накликать.

— Здесь же нет никого живого, чего нам бояться? — удивилась я.

— Сейчас — нет, — воительница смотрела на меня осуждающе, — но ваши вопли способны и мертвого разбудить.

— Опять ты брюзжишь, как древняя старуха, — громко рассмеялся Беонир. — Тебя хлебом не корми, дай покомандовать да поучить других жить по твоим правилам.

— Ты меня все еще не понял? — гневно приподняла брови девушка. — Тогда я тебе на пальцах объясню. Средний видишь?.. — И она продемонстрировала юноше обидный, но чрезвычайно красноречивый жест.

Беонир взбешенно зарычал. Его светлые глаза налились кровью, верхняя губа вздернулась. Кажется, на этот раз его терпение исчерпалось окончательно и он намеревался преподать обидчице запоминающийся урок хороших манер. Девушка не спасовала и ответила не менее впечатляющей гримасой. Лайил и ниуэ мягко пошли по кругу, выбирая подходящий для атаки момент...

Неожиданно моих ушей достиг какой-то неясный, отдаленный, непонятный, а потому чрезвычайно пугающий звук.

— Слышите? — Я решительно встала между двумя непримиримыми врагами, удерживая их на расстоянии своими вытянутыми в разные стороны руками. — Вы это слышали?

— Йона, не мешай нам! — сердито потребовала Ребекка, небрежно отстраняя меня одним легким щелчком пальца. — Позволь мне вразумить этого дурака!

— Я научу тебя вежливому обращению, киска! — ехидно пообещал Беонир, отодвигая меня от себя и превращая в слабую куклу, бессильно мотающуюся между двумя разозленными титанами. — Йона, не мешай нам!

— Нет! — отчаянно взмолилась я, не оставляя попытки докричаться до разума своих вспыльчивых друзей. — Вы зря тратите драгоценное время. Одумайтесь, ибо к нам приближается нечто ужасное!

— Где? — встрепелась лайил.

— Откуда? — наострил уши ниуэ.

— Слушайте! — требовательно приказала я. — И не говорите, будто не слышите.

Дуновение нестерпимо горячего ветра внезапно пронеслось по ранее холодному и мокрому коридору, мгновенно испепелив ползающих по стенам слизней и обжигая наши легкие. Насыщенный песком и несущий мельчайшие частицы кварца, сияющие, словно светляки, он казался живым и одушевленным.

Подземный лабиринт наполнился неразборчивым шепотом, выпевающим нечто угрожающее. В этом звуке слышался звон металла, скрип дерева и шуршание кожного доспеха, трущегося о каменные стены. Но, перебивая и заглушая все, в какофонию невозможных звуков явственно вплетался шум тяжелой поступи многочисленных ног, шагающих целенаправленно и ритмично. И этот топот приближался...

— Они! — истерично взвизгнула Ребекка. — Неужели это и правда они?

— Полагаю, что да! — сквозь зубы процедил Беонир, бледный, как погребальный саван. — Выходит, они не сказка, а существуют на самом деле...

— И теперь они проснулись, они идут сюда! — обреченно выдохнула лайил, обнажая клинки. Ее руки буквально ходили ходуном, чуть не выронив оружие. — Мы погибли, заberi нас Тьма. Никто не способен противостоять спящим стражам Блентайра...

— Объясните толком, что произошло? — пребывая в полнейшем недоумении, требовательно ухватила я за рукав воительницы. — Я ничего не понимаю!

— Помнишь сказки, которые совсем недавно упоминал Беонир? — спросила она.

Я нервно кивнула.

— Так вот, своей песней и воплями вы, кажется, разбудили спящих стражей — армию глиняных големов, созданных эльфийскими чародеями и упрятанных в подземелье, дабы охранять скрытые здесь тайники и артефакты. Признаюсь честно, я никогда не верила в их реальность, считая всего лишь страшными байками, призванными отвлечь воров от посещения подвалов. А теперь оказывается, что я была права!

— Големы? — ахнула я. — Они проснулись? Но чем они могут нам навредить?

— Чем? — Ребекка возмущенно расхохоталась. — Малышка, взгляни правде в лицо. Они и не собираются нам вредить. Они нас просто...

— ...убьют! — панически заорал Беонир. — С ними невозможно воевать. Если вам дороги ваши жизни — бегите!

— Куда? — всхлипнула я.

— Неважно куда, лишь бы подальше отсюда, — коротко бросила лайил, срываясь с места и служа наглядной иллюстрацией к довольно неглупому правилу: чем быстрее бегаешь — тем дольше живешь.

— Бежим! — призывал ниуэ, проворно перескакивая через каменную крошку, рассыпанную по полу, и все больше удаляясь от меня.

Я замешкалась, запутавшись в складках своей пелерины, и поэтому мельком успела увидеть нечто, вывернувшееся из соседнего коридора. Представшее передо мной существо оказалось настолько ужасным, что я тоненько взвизгнула, заполошно подпрыгнула, словно резвая лань, и, не чуя под собой ног, помчалась следом за улепетывающими во все лопатки Ребеккой и Беониром. Подозреваю, что до сегодняшнего дня я относилась к своей жизни излишне серьезно, но все это оказалось совершенно бесполезным занятием, ибо всего мгновение назад я осознала: живой мне из нее, то бишь из жизни, точно не выбраться!

— Шарро, помоги! — взывала я на бегу. — Обещаю, я больше не буду вести себя так глупо и исправлю все допущенные нами ошибки!

Но бог конечно же не ответил. Наверное, он знал, что исправить уже ничего нельзя.

Тьма его заberi! Ну тогда бы хоть предупредил, что окончательно все испортить еще ой как можно!

Узкий коридор наполнился грохотом, похожим на шум от сталкивающихся валунов, и

лязгом железа. Я на бегу оглянулась через плечо и чуть не сверзилась на пол, отчасти потому, что споткнулась, но еще больше от не укладывающегося в голове действия, происходящего позади. Их собралось много, очень много... Я сумела насчитать тридцать кряжистых коричневых фигур, мысленно ахнула и тут же бросила бесполезное занятие, сосредоточившись на выживании.

Мы мчались вперед по наитию, совершенно не выбирая дороги — петляя, словно затравленные зайцы, ныряя в боковые ответвления и проскальзывая в едва заметные норы. Мы искренне надеялись — вот здесь-то проклятые големы уж точно не пройдут, не протиснутся, а поэтому неизбежно отстанут и откажутся от погони. Мы надеялись на спасение, но наша надежда таяла, словно лед под лучами Сола, пока не испарилась окончательно. Созданные из глины и магии, эти пробудившиеся от многолетнего сна големы проходили везде и всюду, не обращая внимания на препоны. Потирая ободранные колени и ощупывая ушибленные локти, мы с трудом выкарабкивались из очередного лаза и, к своему отчаянию, снова видели своих врагов, мгновенно просачивающихся через крохотные, незаметные глазу трещины и проходивших сквозь самые толстые стены.

Они попросту рассыпались в пыль и впитывались в камни, чтобы потом, на другой стороне преграды, снова воссоздаться в безупречно целом виде. Не понимаю, как трансформировалось их оружие, но факт оставался фактом — враги не отставали от нас ни на шаг. Преследование длилось уже долго, мне даже показалось — нереально долго.

Наши силы иссякали. Пожалуй, тем единственным, что еще не позволяло застопориться и сдаться, оставалось не желание жить (во всяком случае, у меня), а поставленная перед собой цель, слишком важная для того, чтобы я могла от нее отказаться. А самым обидным было то, что я категорически не желала отказываться от нее вот так глупо и нелепо, погибнув под ударом лапицы безмозглой упрямой твари. Одной Тьме известно, что вело вперед Ребекку и Беонира, но их перекошенные от напряжения лица и сухие, обметанные белым налетом губы однозначно подтверждали мою догадку — они тоже готовы биться за себя до последней капли крови и не намерены сдаваться.

Итак, мы бежали... Вещевой мешок воительницы потерялся неизвестно где и когда, наша одежда пропиталась едким потом, а разум помутился, постепенно скатываясь в пучину безумия. Дыхание с хрипом вырывалось у меня из груди, в правом боку колело, а натруженные ступни онемели и утратили чувствительность. Ребекка и Беонир ощущали себя ничуть не лучше, хотя иногда — на самых крутых виражах или в том случае, если приходилось перебираться через трещины и завалы, — юноша без лишних комментариев помогал мне, а затем и лайил.

Похоже, я пока еще не научилась разбираться в истинной сути наших симпатий и антипатий, загадочно связанных друг с другом. Многие признанные мудрецы утверждают, что снисхождение к врагу не несет в себе никакой рациональности. Но много ли рациональности содержат усилия, затраченные на реализацию непримиримой вражды? Сегодня я по-новому взглянула на некоторые моральные ценности и пришла к неожиданному выводу: отведенный нам жизненный срок слишком короток для того, чтобы тратить его впустую, расходуя на ненависть, вражду и самолюбие. Жаль только, что это прозрение мне уже не пригодится...

Коридор закончился внезапно, завершившись глухим тупиком. Мы остановились возле монолитной гранитной глыбы, наглухо перегородившей дальнейший путь. Мы бессильно молотили кулаками по равнодушной поверхности, а клинки Ребекки безрезультатно отскакивали от гладкой плиты, не причинив ей ни малейшего ущерба, сумев высечь из нее лишь несколько ярких искр. Наконец, поняв, что наши усилия тщетны, мы немного успокоились, развернулись в направлении ожидаемого подхода противника и оцетинились когтями и клинками, намереваясь дорого продать свои жизни.

Спустя всего несколько минут големы достигли нашего последнего прибежища и заполнили всю пещерку, закупорив ее вход своими массивными телами. Спящие стражи Блентайра, разбуженные нами по глупости и неосторожности, имели облик людей. Вот

только при этом они на целую голову возвышались над отнюдь не щуплыми ниуэ и лайил. А их страшные пасти щерились огромными зубами, по сравнению с которыми клыки Ребекки выглядели всего лишь милыми, безобидными молочными зубками. Круглые рыбы глаза големов не моргали и казались мертвыми, ушей у них не было, но уродливые, покрытые шишками и лишенные волос головы бдительно следили за своими потенциальными жертвами, безошибочно поворачивались точно в нашу сторону.

Никогда до сего мгновения я еще не сталкивалась с настолько ужасными и бездушными монстрами, неспособными проявлять снисхождение или милосердие. Похоже, наш поход подошел к своему логическому завершению и заканчивался именно здесь и сейчас. Какую же непростительную ошибку я совершила, осмелившись спуститься в эти заброшенные, забытые богами подземелья! Вот уж точно говорят: все мы дураки! Но зачем же этим злоупотреблять?.. Путь к отступлению у нас уже не оставалось, а ждать помощи было неоткуда.

Я понуро откинулась на каменную стену и прижалась к ней своими свернутыми в комок крыльями, ощущая приятное облегчение после длительного бега, вызванное разливающимся по позвоночнику холодком. Беонир оценивающе разглядывал свои когти и хмурил лоб, похоже мысленно прикидывая, насколько хватит его оружия. Ребекка наскоро приводила в порядок парные акинаки: она несколько раз провела клинками по граниту, правя притупившиеся лезвия клинков. По ее лицу блуждала кривая, горькая усмешка. Умирать не хотелось никому...

Големы подступили почти вплотную к нам и замерли, выстроившись в ровную шеренгу. За первым рядом врагов я явственно различала второй, третий, четвертый... Последующие твари терялись во мраке подземелья, но подобная ограниченность кругозора не доставляла ни малейшего удовольствия, ибо я понимала: имя нашему врагу — легион. Но чего же они ждали, неподвижные и равнодушные?

— Шарро, спаси нас! — сбивчиво пролепетала я, наблюдая за замершими врагами. — Может, они передумают и уйдут восвояси?

— Вряд ли, — хмуро процедила Ребекка, сдувая упавшую на лоб прядь волос. — Скорее всего, они ожидают подхода отставших соратников, а потом...

— Берегитесь! — еще успел вскрикнуть Беонир, и в следующий же миг окружающий нас мир вздыбился и развалился на отдельные картинки, превратившись в мельтешение клинков и когтей, шорох рассыпающейся глины и скрежет восстающих из пыли големов.

Мои барабанные перепонки едва не лопались, судорожно вибрируя в такт яростному реву лайил и басовитому рычанию ниуэ. Я двигалась, словно сомнамбула, рефлекторно отбиваясь зажатой в руке стилетом и каким-то непостижимым образом успевая уворачиваться от мелькающих вокруг меня мечей стражей. Но, увы, оказываемое нами сопротивление не вело ни к чему продуктивному, ибо развалившиеся от удара големы тут же снова обретали свою исходную форму, а их ответные выпады обладали немыслимой быстротой и точностью, неся угрозу неминуемой гибели.

Меч одного из стражей вскользь прошелся по моему запястью, прочерчивая на нем тонкую кровотокающую линию, а Ребекка получила рану в плечо. И в тот момент, когда я полностью осознала степень своей усталости и обессиленно привалилась к стене, Беонир вдруг вскинул подбородок и испустил длинный переливистый вой, наполненный обреченностью и горем.

Эта прощальная рулада волной прокатилась над макушками стражей, а мгновение спустя под моими ногами неожиданно разверзлось ровное квадратное отверстие, из коего высунулась чья-то мускулистая волосатая рука, крепко ухватившая меня за щиколотку и уверенно потащившая вниз. Онемев от ужаса, я даже не кричала, позволив неведомому избавителю увлекать меня все глубже, в земные недра. Меня грубо тянули за ногу, чуть не сдернув с нее сапог, а мои растрепавшиеся волосы, лишившиеся свалившегося капюшона, волочились по полу подземелья, пачкаясь в каменной крошке и пыли.

Скосив взгляд и чуть не заработав косоглазие, я все-таки смогла увидеть, как Ребекка и

Беонир прыгнули следом за мной, укрываясь в благословенной яме, перешедшей в наклонный лаз, причем юноша нес отличный лук, колчан со стрелами и кинжал, очевидно захваченные им в качестве трофеев.

Каменная плита задвинулась за нашими спинами, и на ней засияла какая-то эльфийская руна, испускающая приглушенное золотистое свечение. Скорее всего, она служила охранным знаком против големов, потому что стражи успокоились и не предприняли ни единой попытки взломать или поднять крышку потайного люка. Мы же при этом очутились в безопасности, пребывая в полнейшем неведении относительно загадочной личности нашего нежданного спасителя...

— Темно! — с оттенком обезличенного осуждения проворчал Беонир, обращаясь неизвестно к кому. — Проклятое подземелье, Тьма его заберет.

— Так ведь чуть не забрала уже! — насмешливо прилетело откуда-то сбоку. — И вообще, нечего попусту языком молоть да всеу змееликую поминать, накликая новую беду на наши многотрадные головы...

Ну насчет голов я бы точно спорить не стала, потому как успела травмироваться в ходе нашего форсированного отступления: сильно треснулась лбом об какой-то каменный выступ и сейчас не совсем четко ориентировалась в пространстве, ощупывая свежую шишку и пытаясь привыкнуть к мелькающим перед глазами звездочкам. Решив, что мы значительно удалились от големов, совершенно невидимый в темноте спаситель выпустил мою ногу и грубо уронил меня на камни, похоже нимало не заботясь о моей последующей судьбе.

Я бессильно лежала на спине, отходя от удара, хватала воздух пересохшими губами и тихонько постанывала из-за боли в ушибленной голове. Все недавние крайне неприятные и так спонтанно произошедшие события превратили мои и до этого-то не шибко связанные мысли в разрозненную череду сумбурно перемешанных образов. Именно поэтому я уже остерегалась делать какие-либо выводы и предпочла не выставляться, забив на инициативу. А что тут, спрашивается, не так? Полагаю, сия невеликая мудрость известна каждому: когда попадаешь в ситуацию, где от тебя ничего не зависит, не лучше ли подождать и понаблюдать за поведением других, авось что-то да прояснится?

Кстати, я оказалась права. Как и следовало ожидать, дальнейшие сюрпризы не заставили себя ждать.

— Хо-хо! — пожалуй, излишне эмоционально отреагировал ниуэ, бравирова своим мужским, неслабо ущемленным самолюбием. — Нашли чем пугать! И где только наша не пропадала...

— Наша уже везде пропадала, — твердо, как отрезала, парировала Ребекка. — Чтоб я еще раз с тобой куда пошла, пустобрех! — Она подкрепила свою мысль выразительным свистом, должным символизировать ее негативное отношение к многочисленным спорным талантам Беонира. — Учти, мое терпение не безгранично.

— А я что? — покаянно пожал плечами юноша. — Я ничего! — Очевидно, он никак не мог отделаться от этой прилипчивой и уже всем надоевшей отговорки.

— Женщины добры, — иронично донеслось из темноты. — Они могут простить мужчине все, даже то, в чем он не виноват!

— А ты кто еще такой? Чтоб тебя мантикора три раза переварила! — не слишком дружелюбно осведомилась воительница, поднимая меня с пола и на всякий случай крепко прижимая к груди характерным собственническим жестом. — А ну покажись!

— Зол! — В непроницаемой тьме подземелья засветились две красные точки.

— Не зол, а зла! — издевательски поправила лайил. — Ты же сам уже заметил, что я — девушка.

— Ну ты-то, может, и зла, — язвительно фыркнул наш собеседник, — в чем я даже не сомневаюсь. А Зол — это я. Имя у меня такое.

— Ого! — непритворно изумился Беонир. — Где-то я уже слышал нечто подобное.

— Слышать, может, и слышал, — хрипловато вставил второй голос, — а вот видеть

точно не видел. Вы, меченые, теперь на коротком поводке у кое-кого ходите, а поэтому хоть и обладаете некоторыми знаниями, но правильно их применять не умеете.

Услышав слово «меченые», Беонир почему-то заметно смутился и сконфуженно засопел.

— Вот тебе на, — растерянно вздохнула Ребекка. — Да похоже, вас тут целая свора собралась!

— Двое нас, — горделиво поправил Зол. — Мы в караул всегда попарно ходим. Услышали знакомый зов и решили помочь, хотя сильно сомневаемся, стоите ли вы нашей помощи.

— Караул? — недоуменно вздернула брови девушка. — Под землей?

— Обалдеть! — вскрикнул Беонир. — Так, значит, вас до сих пор не поймали и вы по-прежнему остаетесь свободными?

— Точно, вот сейчас ты не ошибаешься, — довольно подтвердил второй голос. — Мы свободны, в отличие от вас, меченых.

— Интересно-то как, — заинтригованно протянула воительница. — Жаль, не видать ничего.

От этих ее слов повеяло таким откровенным, смешанным с разочарованием сожалением, что я не удержалась — щелкнула пальцами и прошептала коротенькое заклинание, вычитанное в одном из старинных манускриптов, найденных в монастырской библиотеке. В руке у меня немедленно потеплело, а посередине ладони, сложенной чашечкой, заплесал тоненький голубой язычок волшебного огонька. Света он давал очень немного, но его все-таки хватило для того, чтобы выхватить из темноты наши бледные лица и две высокие, облаченные в доспехи фигуры, угрожающе нависшие над моими ссутулившимися, оберегающими огонек плечами.

— Чародейка! — гневно вскричал Зол, хватая меня за волосы и одним коротким мощным движением вздергивая на ноги. — Враг!

Я ощутила холодное лезвие ножа, упершееся мне под подбородок, и испуганно пискнула.

— Смерть ей! — гортанно рыкнул второй воин, наклоняясь ниже и испытующе всматриваясь мне в глаза. — Э-э-э... — вдруг недоуменно протянул он. — Острые уши, удлиненные глаза... Девочка, — в его интонациях появилась недоверчивая настороженность, — ты — эльфийка?

Я торопливо кивнула, чуть не оставив свой скальп в лапище у Зола и едва не нанизавшись на его нож.

— Причем она еще и крылатая! — ехидно добавил Беонир, похоже чрезвычайно обрадованный возможностью уесть тех, кто совсем недавно давил ему на психику и называл себя непонятным термином «свободные».

Зол шокированно икнул, выпуская мои волосы.

Я беспомощным кулем рухнула на пол и стукнулась кулаком об камни. Магический огонек погас, и мы снова погрузились во тьму.

Послышалась двухголосая сбивчивая ругань, дополненная стуком кресала, высекающего искру. А мгновение спустя в подземелье ярко вспыхнули два факела, заставив меня зажмуриться, ибо переход от темноты к свету оказался излишне резким, на глаза произвольно навернулись слезы. Некоторое время я мотала головой и терла веки, пытаясь привести их в норму. А потом вновь подняла ресницы и испытующе всмотрелась в своих обретших реальность спасителей.

Они были высокими и непропорционально накачанными, мускулистыми почти до уродства, куда до них стройному, словно яшень, Беониру. Узловатые мышцы бугрились и играли под кожаными, отлично продубленными панцирями, а низкие лбы подземных воинов угрожающе морщились. Толстые руки, покрытые темными волосами, высокие угловатые скулы и густые шевелюры не оставляли ни малейшего сомнения относительно происхождения обоих мужчин, наглядно свидетельствуя — мы видим перед собой

ближайших родичей нашего Беонира, тоже принадлежащих к народу ниуэ.

— Зол! — Первый воин торжественно ударил себя кулаком в грудь, загудевшую, будто бочка.

— Лют! — горделиво расправил широкие плечи второй.

— Йохана! — скромно представилась я. — Наследница Полуночного клана. — А вот этот титул, к моему глубочайшему сожалению, уже смахивал на откровенное хвастовство.

Лют недоверчиво провел заскорузлой ладонью по моей спине, и его хмурое лицо сразу же прояснилось.

— Ты и правда обладаешь крыльями! — восторженно ахнул он. — Но как и зачем ты пошла в чародейки, девочка? Ведь человеческие маги являются заклятыми врагами всех эльфов. И почему чародеи Блентайра услужливо приняли тебя в свои ряды, не растерзав на месте?

«Почему?» Мой разум тщетно метался в поисках правдоподобного ответа, но так и не сумел его найти. А действительно, почему? Джайлз пытался убедить меня в том, что чародеи вовсе не такие плохие, каковыми их считают многие. И почему сьерра Кларисса так во мне заинтересована?..

Лют и Зол с жалостью наблюдали за моими мысленными потугами.

— Мы чуть не убили тебя, чародейка, — извиняющимся тоном наконец вымолвил Зол, так и не дождавшись от меня хоть каких-нибудь пояснений. — Как и тебя, девушка! Ведь мало кто в нашем мире ненавидит так же сильно, как ненавидят друг друга лайил и ниуэ. — Его палец обвиняюще указал на Ребекку. — Но к счастью, мы теперь знаем, кто именно находится перед нами. — Он адресовал мне короткий уважительный поклон. — Много лет назад, в день битвы у Аррандейского моста, великий эльфийский маг Лаллэдрин успел отправить наших предков в это подземелье и строго-настрого приказал выполнить последний завет короля Арцисса.

— Какой? — ошеломленно вскричала я, хватаясь за грудь и пытаясь усмирить свое бешено заколотившееся сердце. — Умоляю вас, откройте мне эту тайну!

— Ничего секретного здесь нет, — ласково улыбнулся Лют. — Ты принадлежишь к благородному роду наших погибших покровителей и имеешь право знать все. Чародей Лаллэдрин спас нас от лап человеческих магов, ставших всего лишь жалкой пародией на своих мудрых учителей. А взамен он попросил не покидать эти заброшенные подвалы, дожидаясь того заветного дня, когда к нам явится Наследница, призванная осуществить пророчество Неназываемых и спасти весь Лаганахар. Видишь, вот знак эльфийского мага. — Он извлек привешенный на его шею кулон, носимый за пазухой, и торжественно показал мне простую деревянную пластинку, украшенную начальной руной имени Лаллэдрина. — С тех самых пор мы живем свободными и незапятнанными, в противовес вам, — он небрежно кивнул на Беонира, — меченым рабам, попавшим под иго чародеев-узурпаторов.

— А дальше? — с нажимом произнесла Ребекка. — А что произойдет дальше?

— А ничего! — белозубо улыбнулся Зол. — Мы отведем Наследницу в нужное место и предоставим ее собственной участи.

— И в какое именно место вы должны отвести Йону? — дрогнувшим, срывающимся на хрип фальцетом через силу выдавил заметно волнующийся Беонир.

— Этого нам не сообщили! — хором отрапортовали оба воина. — А разве Наследница не ведает, куда ей нужно попасть?

Четыре пары глаз испытующе воззрились на меня. Все ожидали увидеть и услышать нечто необычное. Но вместо ответа я лишь недоуменно развела руками, заинтригованная ничуть не меньше их. А Тьма его знает, что там запланировал великий Лаллэдрин и куда мне следует отправиться дальше!

...Мир стал желтым, сухим и сыпучим, превратившись в песок. Огромное здание, увенчанное плоской крышей, поддерживаемой рядом стройных колонн, тоже состояло из песка. Оно не имело постоянной формы и объема, а непрерывно колебалось, как рябь на

воде, в каждое последующее мгновение немного изменяя свои эфемерные очертания. Я еще немного постояла перед высоким многоступенчатым крыльцом, ведущим к двустворчатым воротам, теряющимся в полумраке портика, а затем отважилась и сделала первый шаг.

Я ступала легко и осторожно, стараясь не потревожить хрупкий продолговатый предмет, вложенный в замшевый футляр и спрятанный у меня за пазухой. Я не ведала, чем или кем является сейчас, а возможно, окажется в будущем, этот тяжелый и гладкий на ощупь камень, но почему-то пребывала в непоколебимой уверенности — его нельзя ронять, ему необходимы тепло моего тела и размеренный стук моего сердца. Ведь только получив все это, камень расколется, достигнув поры созревания, и станет однажды... Кем же он станет?

Двери здания протестующе скрипнули, но не вынесли моего требовательного прикосновения и — растворились... Я уверенно проследовала вдоль зыбкой стены, казалось мерно вздымающейся и опадающей в такт чьему-то мощному дыханию, преодолела анфиладу просторных внутренних покоев и оказалась в небольшом круглом помещении, пустом и заброшенном.

Несколько раз, переходя из комнаты в комнату, я краем глаза замечала тени, робко мелькающие впереди или неслышно крадущиеся по моим следам. Однако они не внушали ни малейшего опасения, ибо я откуда-то знала — эти тени не опасны. Вернее, будучи на самом деле вовсе не бесплотными призраками, а вполне реальными женщинами, жрицы-хайдари способны погубить кого угодно, но только не меня.

Животворящий свет, излучаемый несомым мною предметом, заставлял их удерживаться на почтительном расстоянии и скрывать под своими желтыми одеждами изогнутые, остро отточенные кинжалы. О, с каким наслаждением они вонзили бы их в мое сердце, торопясь пролить теплую кровь, которая оросила бы пол древнего храма, но нет — ныне меня охраняла новая, иная сила, намного превышающая власть песка. А где-то снаружи глумливо пел и хохотал Голос, чувствующий приближение долгожданного мгновения. Мгновения мщения...

Нет, круглое помещение не было заброшенным, хотя именно таковым и выглядело на первый взгляд. В центре безупречно гладкого пола возвышался небольшой песчаный холмик странной формы, производивший впечатление чего-то искусственного. Страшась выронить свою бесценную ношу, я медленно опустилась на колени и настороженно вгляделась в недавнее захоронение...

О Шарро, и почему это я решила, что нахожусь возле чьей-то могилы? Возможно, я ошиблась? Но нет, так и есть — здесь и правда захоронен скончавшийся человек, принявший лютую, мученическую смерть... Вот изгиб судорожно заломленной над головой руки, вон там — неестественно вывернутое колено, а тут... Осторожно зачерпывая ладонью, я сгребла верхний слой песка, обнажая голый череп, мрачно уставившийся на меня пустыми глазницами. С трудом сдерживая животный крик ужаса, поднимающийся из самой глубины души, я продолжила свою кропотливую работу, очищая останки неведомого страдальца.

Судя по белым и ровным зубам, погребенный здесь человек был молод и здоров, а его мощная, но вместе с тем изящная нижняя челюсть подсказала — передо мной покоятся останки мужчины, совсем еще юноши. Мои пальцы спустились ниже, натываясь на шейные позвонки... На ключице умершего лежало что-то длинное, тонкое. Я зацепила это пальцем и вытянула из песка цепочку с привешенным к ней золотым кулоном в форме меча... Да, именно этот кулон всегда носил Арден, я его узнала... Так, значит, здесь похоронен он — мой погибший возлюбленный, так мне и не доставшийся!

Нарастающий в груди крик оформился и вырвался наружу, перейдя в горестный вопль, в надрывный стон моего разбитого сердца...

Жизнь моя!

Любовь моя!

Зачем ты меня покинул?

А за стеной храма Песка протяжно завывал Голос, выпевая не оставляющие надежды слова: «Ты опоздала, опоздала, опоздала!»

Я проснулась, рывком распахнула ресницы и села, пытаюсь осознать, кто же я такая и где сейчас нахожусь?

«Это неправда, это всего лишь видение!» — с облегчением пронеслось у меня в мозгу, высушивая липкую испарину страха, выступившую на висках. Слава Шарро, это был только сон! Я попыталась вспомнить, что именно я увидела и кому принадлежал тот необычный кулон, но мысли путались, а память подводила. Осталось лишь смутное ощущение грядущей опасности и ужасно невосполнимой, связанной с ней потери... Я протерла заспанные глаза и огляделась.

Оказалось, мы с Ребеккой лежим на каменном полу подземелья, завернувшись в выданные нам плащи, сотканые из грубой на ощупь, но плотной и теплой ткани. Факел, изобретательно воткнутый в расщелину на стене, скудно освещает место нашей импровизированной стоянки, призванной обеспечить заслуженный отдых натруженным телам и умам. Ничего себе — отдых! Я иронично ухмыльнулась, уже почти позабыв пригрезившийся мне кошмар, выветрившийся из головы и превратившийся в нудную мигрень. Ребекка мирно похрапывает, укутавшись в плащ по самые глаза, и по-детски причмокивает — видимо, ей снится что-то приятное. Помню, как мы шумно устраивались на ночлег, справедливо распределяя спальные места под аккомпанемент привычного переругивания лайил и ниуэ...

— Не нужно благодарностей! — Зол протянул воительнице свой плащ.

— Ага, жди! — Девушка одарила воина ироничным кивком. — Щас прямо умру от избытка чувств...

— Язва! — чуть слышно процедил Беонир, сворачиваясь калачиком чуть поодаль.

— ...среди которых преобладают муки холода, голода и жажды! — сердито закончила Ребекка.

— Ну извини, еды у нас нет, — виновато пробурчал Лют, уже передавший свой плащ мне. — Мы не ожидали, что так сильно задержимся в карауле и встретим вас.

— Вот так-то вы Наследницу ждали, — смягченный тканью голос моей охранницы хоть и прозвучал намного тише, но все же не утратил своей всегдашней заносчивости и язвительности, — и готовились выполнить наказ мага!

— Язва, — повторно заклеил Беонир. — Она нас всех в могилу загонит.

— Женщина, замолчи, дай нам поспать, — сердито приказал Лют, приваливаясь к стене и закрывая глаза. — Мы все сегодня устали.

— Бу-бу-бу... — неразборчиво донеслось со стороны упрямыцы.

— А она не умеет молчать, — мстительно хихикнул Беонир. — Не умеет дружить и любить...

— Женщины могут все, — хвастливо сообщила высунувшаяся из-под плаща воительница. — Только некоторые — стесняются!

Беонир открыл рот, собираясь ответить, но его опередил Лют, демонстративно протянувший руку и потушивший факел. В подземелье установилась тишина, вскоре перешедшая в сонное посапывание...

И вот теперь я проснулась. Факел горел как ни в чем не бывало, Ребекка мирно дрыхла, а Беонир и подземные воины... Я растерянно повертела головой, но не обнаружила поблизости ни одного из них. Мужчины исчезли. Я осторожно выбралась из плаща, стараясь не потревожить Ребекку, и беззвучными шажками отошла в сторону, намереваясь выяснить, куда это запропастились наши спутники.

Коридор резко изгибался вправо, сужаясь до состояния тесного туннеля, откуда доносились приглушенные расстоянием голоса. Терзаемая любопытством, я тихонько поползла вперед, а затем прижалась к огромному камню, надежно укрывающему меня от уединившихся ниуэ. Обратившись в слух, я боялась попустить хоть слово из подслушиваемого разговора.

Они сидели плотным кружком, почти соприкасаясь склоненными головами, и

общались едва различимым шепотом.

— Согласно предсказанию Лаллэдрина вас должно быть четверо: ниуэ, лайил, эльф и человек! — сообщил Лют, сверля Беонира упрекающим взглядом. — А вас всего лишь трое.

— У вас ничего не получится! — злобно выплюнул Зол. — Ибо чародеи Полночных никогда не ошибались.

— И где я вам тут человека возьму? — униженно заканючил Беонир, растерянный и совершенно не понимающий, в чем его обвиняют. — А я-то тут при чем?

— При всем! — обвиняюще рыкнул Лют. — Вы потакаете чародеям-людям, вы трусы и рабы.

— Мы сами пострадали, — как умел, защищался юноша. — Несчастье свершилось уже давно, и пора бы нам всем забыть о прежних распрях и научиться жить в мире.

— Горе не имеет срока давности! — торжественно провозгласили его оппоненты. — Признавайся, как ты, меченый, смог втереться в доверие к эльфийке?

— Не помню, — драматично вздохнул Беонир. — Ничего не помню...

— Врешь! — холодно изрек Лют. — Вижу это по твоим бегаящим глазенкам. Признавайся, зачем ты присвоил себе лук и стрелы, похищенные у големов? Брось их немедленно, ибо эти стрелы — страшная штука. Их наконечники смазаны соком ядовитого растения каркарут, вызывающего почти мгновенную смерть. От этой отравы не существует противоядия!

— Моя совесть чиста! — протестующе взвизгнул юноша. — А стрелы... — он замялся, — пригодятся... Какое-никакое, а все-таки оружие!

Лют недоверчиво покачал головой, ничуть не убежденный сбивчивыми доводами Беонира.

— Чем чище совесть, тем выше ее продажная стоимость. За сколько продался ты, предатель? — едко гоготнул Зол. — Не юли, признавайся по-хорошему.

— Я не продавался! — возмущенно взвыл Беонир, загнанный в угол как морально, так и физически. — Но в темнице чародеев томится мой отец, Беодар, и если я не выполню свою миссию, то его убьют.

— Это все отговорки! — безапелляционно хмыкнул Лют.

— Подожди, брат, давай разберемся, — урезонил напарника более совестливый Зол. — Беодар — сын Беовульфа... Так ты — внук великого воина Беовульфа, щенок? — Интонации обвинителя приобрели растерянную окраску. — Так?

— Да, — нехотя признался Беонир, совершенно не по-геройски шмыгая носом. — Я внук того самого Беовульфа, который...

А дальше он озвучил настолько невероятное откровение, что я судорожно икнула и до крови прикусила нижнюю губу, опасаясь выдать себя неосторожным вскриком или чересчур громким вздохом.

ГЛАВА 7

— ...который пообещал, что наше племя обретет свободу и выйдет из подземелий лишь тогда, когда люди соединятся с эльфами, ниуэ и лайил, став единым, счастливым народом. Хотя, — Беонир недоуменно всхлипнул, — скорее вода соединится с огнем, а тепло с холодом...

— М-да... — изумленно протянул Лют, тихонько присвистнув. — Мне уже доводилось слышать о мудрости и прозорливости знаменитого Беовульфа, но подобное предсказание смахивает на бред! Наш мир уже никогда не станет прежним.

— Самые непримиримые враги получают из бывших друзей, — скорбно вздохнул его напарник. — Так произошло с людьми и эльфами, а поэтому их воссоединение невозможно.

— Я тоже мало верю в положительный результат подобного пророчества, но каюсь — всегда мечтал стать исполнителем этих слов и намеревался попытаться... — пылко бормотал Беонир. — Хотя теперь, в силу того, что я пообещал... — Тут три головы сблизилась еще

теснее, и как я ни старалась, но так и не смогла расслышать завершение этой фразы.

— Ого! — возбужденно отреагировал Лют, поспешно отстраняясь и искоса поглядывая на Беонира. — Вот так парадокс у нас нарисовался! А ты знаешь, что про подобную ситуацию обычно говорят: хотел как лучше, а получилось как всегда?

— У каждого народа свои пророчества, — философски изрек Зол, — и свои герои!

— Это он-то герой? Скорее этот щенок идеально подходит под категорию «в семье не без урода», — издевательски заржал Лют, показывая пальцем на сконфуженно скорчившегося у стены Беонира. — Да он, к твоему сведению, мерзкий предатель и будущий убийца... Не поэтому ли ты поберег отравленные стрелы?

— Не преувеличивай, брат. — Зол великодушно взмахнул рукой, заступаясь за невезучего юношу. — Лично я не верю в существование плохих людей. Полагаю, виной всему становятся неблагоприятные обстоятельства, в которые они попадают, а еще их неправильное отношение к тому, во что они оказываются втянуты.

— Да ты с ума сошел, брат, — негодуя закричал Лют, категорически несогласный с доводами друга, — если вознамерился оправдывать этого отпетого мерзавца!

— Тсс! — Зол поспешно прикрыл ладонью рот вспыхливого товарища. — Молчи, а то, не дай Шарро, разбудишь Наследницу!

— Так ее и нужно разбудить, — рьяно отбрыкивался Лют, — и предупредить, пока не поздно.

— Нет! — Воин крепко ухватил друга за уши, насильно разворачивая его лицом в себе и гипнотизируя пристальным взглядом своих сильно расширившихся зрачков. — Если ты ее предупредишь, девчушка обязательно испугается и повернет назад. А тогда, — его губы печально искривились, — пиши пропало, ибо наш мир уж точно погрязнет в хаосе и сгинет в пучине смерти. Тогда мы можем заранее заворачиваться в простыни и медленно отползать в сторону кладбища.

— А почему медленно? — дурашливо хихикнул недогадливый Беонир.

— А чтобы панику не создавать! — Зол выпустил распухшие, покрасневшие уши Люта и напоследок наставительно щелкнул того по носу: — Все ясно?

— Понял, не дурак! — Физиономия Люта кисло покривилась. Он осторожно ощупал свои многострадальные уши, сильно увеличившиеся в размерах, и вздохнул: — Ну и доходчивые же у тебя методы воспитания, дружище. Честно говоря, мне и самому не очень-то хочется подышать в расцвете лет. Ладно уж, промолчу, авось наша субтильная и наивная эльфиечка окажется на деле отнюдь не такой простой, какой видится... — Он переглянулся с напарником и довольно осклабился.

Притаившись в своем импровизированном укрытии, я беззвучно ухмыльнулась, гордясь тем, что старательно оправдываю надежды подземного воина. Да если бы он только знал, чем я сейчас занимаюсь, то, возможно, отозвался бы обо мне более уважительно.

— Слушайте, братцы, — вдруг жарко зашептал всеми позабытый Беонир, немного воспрянувший духом, — пусть вы не посвящены в планы Лаллэдрина, но малышка Йона желает непременно попасть в заброшенный Лазарет и покопаться в библиотечных манускриптах. Выручайте, укажите дорогу!

Он с таким пылом умолял воинов о помощи, что те дружно заподозрили подвох и мгновенно насторожились.

— Опять врешь, — укоризненно констатировал Лют. — Чую, ты вовсе не о Йоне печешься, а лелеешь какой-то свой, сугубо шкурнический интерес.

Беонир густо покраснел, став похожим на перезрелый, готовый лопнуть помидор, и быстро отвел затравленно бегающие глаза.

— Да, — нехотя повинился он. — Ребекка обещала меня поцеловать, если я выведу нас к Лазарету.

— Эта гарпия в обличье девушки? — обалдело вытаращился не поверивший ему Лют. — Такая скорее укусит, чем поцелует. Да на Тьму она тебе сдалась?!

Беонир ничего не ответил, всем своим видом давая понять, что отношения с лайил —

его личная проблема, никого не касающаяся.

— Немедленно отговори Йону от посещения эльфийского Лазарета, — откровенно посоветовал воин, — ибо путь к нему слишком опасен. Он пролегает через Серую долину, над которой властвует неведомая нам магия, а посему вступить на ту запретную территорию никто из нас не осмеливается.

— Почему? — поразился Беонир. — Разве в подземелье найдется кто-то другой, превосходящий вас умом и силой?

— Да, — однозвучно бросил Зол, — найдется. И имя этому другому — смерть! Ну как, ты все еще считаешь, что героем можно стать вот так просто, с полпинка, ничего не делая?

— Но Ребекка обещала... — жалобно лепетал юноша, горестно раскачиваясь всем телом.

— Женщины, — понимающе улыбнулся мудрый Зол. — Они похожи на забористый самогон. Когда заходят — чувствуешь возбуждение, когда выходят — облегчение.

Скрючившись за иззубренным обломком базальта, я четко расслышала это меткое определение и восторженно прыснула в ладошку, а затем спохватилась и больнуче прикусила костяшки правого кулака, борясь с некстати накотившим смехом.

— Вы слышали? — встрепнулся чуткий Беонир. — Что это было?

Несколько последующих мгновений вся троица настороженно топорщила уши, проверяя справедливость его слов.

— Тебе померещилось, — беспечно произнес Лют. — Однако мы провели здесь немало времени, пора возвращаться.

Ниуэ завозились, покидая насиженное место.

Напуганная их решением, я змейкой проскользнула между камнями, но, к счастью, шум, создаваемый тремя громоздкими воинами, начисто перебил произведенный мною шорох, и я успела вовремя вернуться в отправную точку своей дерзкой вылазки, принесшей мне так много ценной информации. Я улеглась рядом с размеренно похрапывающей Ребеккой и аккуратно завернулась в плащ, притворившись спящей.

Мое сердце пойманной птичкой трепыхалось в груди, преисполненное смешанной со страхом решимостью. Признаюсь, меня безмерно насторожили туманные намеки на предательство Беонира и до дрожи напугали рассказы об ужасах, скрывающихся в Серой долине. Однако теперь, невзирая на мрачные предчувствия, я пребывала в непоколебимой уверенности — мой последующий путь лежит именно в это зловещее пристанище смерти и никуда больше.

А что касается закономерного риска, связанного со столь опасным маршрутом, то разве не ищу я знаний и испытаний, обязанных сделать меня сильнее, взрослее и выносливее? В нынешних крайне неблагоприятных обстоятельствах я отчаянно нуждалась в жизненном опыте и поэтому не собиралась уваливать от поджидающих меня экзаменов, уготованных самой судьбой.

Возможно, я еще пожалею о столь скоропалительном решении, но иного выхода у меня нет. Я не отступлю и не струшу, а смело шагну навстречу любой беде. Жизнь — это не праздник, а непрерывная череда проверок и испытаний, ведь все мы в итоге получаем от нее то, что заслужили своими трудами, выраженное в форме сдачи после оплаты совершенных нами ошибок. Жаль только, что зачастую наличный итог совершенно не радует своего владельца, оказываясь слишком мизерным.

Лют и Зол проводили нас до конца извивающейся между камнями тропинки, периодически поглядывая на меня с жалостливой растерянностью. Я понимала, что сердобольным воинам хочется предупредить меня об ужасах Серой долины, хоть немного обезопасив, таким образом, от поджидающих впереди ловушек. Но, увы, здравый смысл наглухо запечатал им рты, ибо, лишь подвергая меня предстоящему испытанию, они могли рассчитывать на то, что Лаганахар каким-то неведомым образом выстоит против надвигающихся из Пустоши песков и останется жить.

Каюсь, рассудком я принимала и даже одобряла их суровую правоту, понимая необходимость подобного выбора, но тем не менее в глубине души трепетала от осознания чудовищности такой жертвы, ведь в жертву приносили не кого-то другого, а меня саму. Я методично шагала, покачиваясь и спотыкаясь, покорно следуя за нашими проводниками, но мои мысли находились в этот момент в совершенно другом месте, не имеющем ничего общего с убогим подземным лабиринтом.

«Стоит ли моя едва начавшаяся жизнь будущей судьбы нашего мира?» — нелегкий вопрос терзал меня все сильнее, заставляя нервно вздрагивать от страха и болезненно морщиться, пытаюсь проглотить застрявший в горле комок, не желавший сдвигаться ни туда ни сюда. Этот гадкий комок состоял из горечи и разочарования, а еще — из твердой уверенности в том, что первое испытание поджидает меня именно там, в заброшенном эльфийском Лазарете. «Стоит!» — категорично извещал рассудок, не оставляя мне ни единого шанса передумать и отступить.

Впрочем, отступить можно всегда, но разве кому-либо в нашем мире хоть однажды удавалось сбежать от надвигающейся смерти? Откажись я сегодня от борьбы — что тогда останется гибнущему Блентайру, бессильному перед песком, голодом и временем? О да, следует признать: время — наш самый лучший учитель. Жаль только, что оно поступает слишком уж однообразно, убивая всех своих учеников, даже самых талантливых.

И вот этого-то самого времени у меня оставалось все меньше и меньше. Я уже утратила право на раздумывания, наступил черед действовать... Мне вынужденно приходилось согласиться с тем, что поджидающая действительность внесла свои коррективы в скоротечную фазу моего ученичества, наглядно доказав — если вы попали в ситуацию, когда выбора уже нет, то тогда и принимается самое правильное решение. Помнится, об этом говорил и брат Флавиан.

Погруженная в собственные нелегкие размышления, я не заметила, как закончился подземный лабиринт, приведя нас на кромку высокого обрыва, остановившись на котором я внезапно вышла из своего полузабытья и с ужасом узрела расстилающуюся внизу долину, огромную, почти целиком покрытую слоем серого, непроницаемого тумана. На уступе не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра, но, невзирая на затишье, скопившийся в долине туман, казалось, не стоял на месте — он словно двигался сам по себе, образуя причудливые завихрения и разрывы.

Земля была едва различима, но она производила впечатление чего-то отвратительного и нездорового — настолько пересохшей, бугристой и абсолютно неживой она выглядела. Воздух здесь вдыхался гораздо затрудненнее, чем во всех пройденных нами коридорах. На голову и плечи словно надавливала каменная глыба.

Мне подсознательно захотелось пригнуться и передвигаться ползком, но, преодолевая себя, я гордо расправила плечи и упрямо сжала зубы, демонстрируя владеющую мной решимость. Я понимала — все мои прежние неприятности стали просто мелочью, невинными приключениями, разминкой перед новыми, настоящими испытаниями, поджидающими нас там, в долине.

Мое внимание отвлекла Ребекка, которая со странным гортанным воплем сгребла Зола за пряжки нагрудного панциря и разъяренно притиснула к стене:

— А ну-ка, отвечай, что это за проклятое место?! Куда ты нас завел, блохастый мерзавец?

Ниуэ безрадостно усмехнулся:

— Это и есть Серая долина, самое загадочное место Лаганахара! — Он легко отстранил от себя рассерженную лайил и ласково погладил меня по щеке: — Скажи, девочка, ты все еще желаешь попасть в заброшенный Лазарет?

Я уверенно кивнула, молчком дивясь своему завидному, неизвестно откуда взявшемуся самообладанию.

— Ну что ж, — с сожалением вздохнул Зол, — тогда вам туда. — Он одним рубящим взмахом руки указал нужное направление. — Помните: вам предстоит пересечь всю Серую

долину, ибо колыбель эльфийских знаний находится именно там, за ней. Хотя, — тут он мягко ухватил меня за подбородок, заставляя взглянуть ему в глаза, — если тебе станет страшно, малютка, не забывай: не стыдно сто раз упасть, стыдно один раз не подняться!

Я недоуменно нахмурилась, будучи не в силах осмыслить суть его слов:

— Я тебя не понимаю!

— Ничего, — прозорливо усмехнулся Зол, — поймешь когда-нибудь.

— А если мы пойдем другой дорогой? — неуверенно предположила Ребекка, опасливо косясь на густой, будто кисель, туман и неуютно поеживаясь. — Пусть она окажется намного длиннее, но зато будет намного безопаснее.

— Другой дороги не существует, — участливо сообщил Зол. — Мне жаль вас всех, но, увы, выбора нет.

— Женщина! — язвительно хохотнул Лют, важно закладывая большие пальцы обеих рук за свой поясной ремень и иронично раскачиваясь всем телом. — Не пытайся перехитрить саму себя, тебе это не удастся! Вашему роду не дано выдающегося ума, пригодного для создания сложных стратегических планов. Короче, все бабы — дуры!

Услышав это некорректное заявление, Беонир сжал кулаки и оскорбленно заворчал, видимо задетый столь откровенным унижением моей охранницы.

Ребекка возмущенно фыркнула, демонстрируя свой строптивый нрав.

— Довести женщину до истерики способна любая мелочь, — с глубокомысленной улыбкой произнес мудрый Зол. — Но довести до истерики мужчину может только женщина.

— Хватит! — категорично потребовала я, обрывая поток его сомнительного красноречия. — Немедленно прекратите упражняться в оскорблениях и подколках. Неужели вам не жалко времени, потраченного на подобные глупости?

Лют виновато засопел, краснея и поспешно отворачиваясь.

— Отлично сказано! — искренне похвалил Зол, поглядывая на меня с уважением и одобрением. — Возможно, ты сумеешь пройти через многое и когда-нибудь станешь путеводной звездой нашего мира, Наследница, ибо уже сейчас тебе не откажешь в твердости характера и трезвости ума. Полагаю, тебе еще только предстоит зажечь Звезду своей души и расправить сложенные за спиной крылья. Желаю тебе этого от всей души!

— Да будет так! — хором откликнулись Ребекка, Беонир и Лют, также впечатленные моим кротким достоинством.

— Скорее всего, Лаллэдрин был прав, возлагая на эту хрупкую девочку нашу последнюю надежду на выживание, — тихонько произнес Зол, ни к кому не обращаясь, а разговаривая сам с собой. — Лаганахар гибнет, устав от долголетнего ига властолюбивых чародеев и от коварства ненасытных жриц богини Банрах. Если ты сумеешь разорвать порочную цепочку их сговора, судьба Блентайра изменится — он поднимется с колен и увидит чистое небо над своими крышами, усыпанное мириадами золотистых звезд. И тогда кто знает, как сложатся дальнейшие пути эльфов, людей, лайил и ниуэ...

— О каком сговоре ты упомянул? — потрясенно вскрикнула я, невежливо перебивая воина.

— Отойдем и поговорим предметно, — предложил Зол, тревожно косясь на мгновенно насторожившегося Беонира.

Я согласно кивнула, ведь благодаря недавно подслушанной беседе я уже в полной мере понимала обоснованную недоверчивость Зола, подозревающего нашего юношу в весьма неблагоприятных замыслах. Жаль только, я не ведала, в каких точно.

Мы немного прошли вдоль линии обрыва, удалившись от остальных участников похода, и остались наедине. Вокруг ничего не изменилось — все так же уныло струился тусклый, непонятно откуда берущийся свет и колыхался вязкий серый туман.

— Все это не более чем слухи и сплетни, — неопределенно пожал плечами ниуэ, словно колебался в адекватности своего заявления и обдуманно взвешивал все «за» и «против». — Я не знаю ничего конкретного, но интуиция и разрозненные обрывки информации, собранные нашим народом, недвусмысленно намекают на наличие подобного

сговора.

— Чародеи и жрецы? — поразила я, не веря собственным ушам. — Так ведь обе эти касты яро ненавидят друг друга, правда, абсолютно непонятно, почему и с каких пор.

— То-то и оно, — иронично хмыкнул Зол. — Ваши хроники, составленные чародеями, прошли ловкую корректуру и далеки от истины. Они превратили в сказку, в красивую легенду период правления короля Джоэла Гордого, называемого спасителем, освободившим людей от тирании эльфийских кланов и подарившим нам Блентайр. Но на самом деле все обстояло совсем не так.

— А как? — Горящими от возбуждения глазами я буквально пожирала бледное лицо подземного воина, жадно впитывая крупницы подаренного мне знания. Ведь разве я уже не выслушала нечто подобное от старого портного и не поклялась себе в том, что однажды полностью разберусь в темном прошлом нашего города, выведя на чистую воду творцов поддельной истории?

— Во времена Джоэла вершились великие деяния, — сбивчиво рассказывал Зол, нервно сжимая и разжимая кулаки, очевидно опасаясь ляпнуть лишнее. — Люди приобщились к магии, а самые талантливые из них стали учениками первоначальных хозяев Звездной башни. Но лучшей из лучших была конечно же Сильвана — юная дева, обладающая броской внешней красотой, под который искусно скрывалась подлая натура жадной до власти предательницы, умело замаскированная девичьей стеснительностью и обаянием. Именно Сильвана возглавила заговор против своих благодетелей и, согласно противоречивым слухам, собрала и сохранила слезы Эврелики. Но это еще не все, ведь именно в те же годы верховной жрицей богини Банрах стала Чаншир — девушка не менее красивая, чем чародейка Сильвана, и настолько же умная. Обе они близко общались с королем Джоэлом и стали вдохновительницами его самых черных замыслов.

— Но почему? — не понимала я. — В хрониках не написано ни слова об отношениях Джоэла, Сильваны и Чаншир.

— Ну еще бы было написано, — невесело усмехнулся ниуэ. — Ведь обе эти высокопоставленные девицы являлись не кем иным, как родными младшими сестрами короля. А ведь это они сумели как-то отвлечь бдительных Неназываемых и лишили эльфов заступничества бога Шарро. После такого злодеяния кланы проиграли войну и исчезли из Блентайра.

— О-о-о! — выдохнула я, шокированная до глубины души. — Так вот оно что!

— Да, — кисло улыбнулся ниуэ. — А вот дальше и начинается настоящая интрига. Сильвана долгое время считалась возлюбленной короля Полуденных эльфов — Адсхорна, доводящегося братом принцессе Эврелике, но тем не менее именно она возглавила травлю эльфийских чародеев и предала своего любимого.

— Почему? — совсем запуталась я. — Ведь разве любовь — не самое бесценное чудо, даруемое нам жизнью?

— Не знаю, — пожал плечами воин. — В этой запутанной истории до сих пор слишком много белых пятен.

— А Чаншир? — заинтригованно спросила я жарким шепотом, искоса поглядывая на маячившую среди камней Ребекку, взволнованно переминающуюся с ноги на ногу в десятке шагов от нас. — Что стало с ней?

— О, она выдала нечто похлеще, утерев нос сестре! — сдавленно хохотнул ниуэ, наблюдая за моей реакцией. — Полюбила знаменитого лэрда Финдельберга, позднее прозванного Законником, известного красавца и ловеласа из рода лайил. Поговаривают даже, что она родила от него дочь... Вот только сомневаюсь, правда ли это. — Он неуверенно покачал головой. — Все-таки люди всегда сторонились лайил, считая их низшей, примитивной расой. Полузверь и верховная жрица богини... Это не укладывается в рамки нашей морали и нравов!

— Не сомневайся, она и впрямь ее родила! — Я утвердительно кивнула, снова оборачиваясь к заметно нервничающей Ребекке. — Видишь эту девушку? Да, вон ту,

рослую, с мечами... Знай, она доводится внучкой тому самому Финдельбергу и добровольно вызвалась сопровождать меня в поиске испытаний, принеся клятву верности.

— Да? — Ниуэ изумленно расширил глаза, чуть не напав сраженный моим неожиданным заявлением. — И она знает о твоих крыльях?

Я вяло повела пальцами, показывая — знает.

— Не доверяй им обоим! — импульсивно воскликнул Зол, невольно выходя из образа объективного и уравновешенного рассказчика. — Заклинаю тебя именем Шарро. Йона, не мешало бы тебе один раз взяться за ум, чтобы потом всю оставшуюся жизнь не хвататься за голову. Учти: лайил испокон веков ненавидят эльфов, а ниуэ — человеческих чародеев, ведь те превратили их в своих рабов. Ты для них — живая мишень, ведь ты эльфийка, да к тому же еще и ученица нынешних обитателей Звездной башни. Я не имею права отговаривать тебя от похода в заброшенный Лазарет, ибо всем сердцем радею о будущем нашего несчастного мира, но помни: они оба, и Беонир, и Ребекка, являются не теми, за кого себя выдают. Они — предатели, кем-то преднамеренно приставленные к тебе. Чего они хотят — я не понимаю в полной мере, но подозреваю — придет миг, когда они проявят себя во всей красе, открыв свои истинные лица. И тогда тебе не поздоровится...

Я молча выслушала подземного воина, понимая, что он тоже кривит душой, ибо посвящен в замыслы Беонира, но намеренно не говорит мне всей правды.

— Спасибо, — растерянно буркнула я, в очередной раз вспоминая туманные намеки сьерра Никто. Вот значит, как несправедливо распорядилась выдумщица судьба, ссудив мне в попутчики двух лицемерных лжецов, подосланных всесильными врагами.

А не слишком ли много противников успела я заполучить за последние дни, не сделав еще практически ничего и не совершив никаких героических деяний? Забери меня Тьма, если я хоть немного разбираюсь во всем происходящем, затягивающем меня, словно огромная, липкая паутина! Чего хотят от меня неведомые пауки, плетущие пелену обмана и заговора? К сожалению, все эти вопросы пока оставались без ответов, пугая меня своей загадочностью и иррациональностью.

— Умоляю, постарайся выжить и не показывай врагам, насколько глубоко ты проникла в их тайну, — задушевым тоном попросил Зол, участливо беря меня за руку. — Помни, ты нужна Лаганахару, Наследница.

— Спасибо, — снова повторила я, отвечая на его дружеское пожатие. — А я чуть было не поверила в то, что обрела в их лице настоящих друзей... — Уголки моих губ страдальчески опустились вниз. — Наш мир суров. Видимо, я пока еще не заслужила дружбы и любви, зато отныне мне придется научиться лгать и притворяться. Как же это больно!

Зол печально промолчал, всецело разделяя мое неподдельное горе. Кажется, он уже давно постиг немудреную истину: каждый получает то, что заслужил... Но, боги, как бы мне хотелось узнать, что плохого успела сотворить я и за какие вольные или невольные грехи вы наказали меня подобными жестокими испытаниями?

Тепло распрощавшись с воином, я подошла к краю уступа и, осторожно наклонившись над его кромкой, глянула вниз. Конечно, здесь и в помине не было хоть какой-нибудь плохонькой лестницы или просто вырубленных в камне ступеней. Но выяснилось, что уступ располагается не так уж высоко, а посему неровная, шербатая поверхность скалы не показалась мне слишком уж непреодолимым препятствием.

Мы начали спуск. Первой шла гибкая, как змея, Ребекка, предварительно проверяя каждый камень на прочность. За ней бочком сползал тяжелый Беонир, которого она страховала одной рукой, ибо юноша брюзжал не затыкаясь. Он мало глядел себе под ноги, но пространно жаловался на свою любовь к подземельям и на закоренелую антипатию к скалолазанию, подкрепленную врожденной боязнью высоты. Замыкала цепочку я, спокойно перепрыгивая с камня на камень.

Никто из нас не думал сейчас о времени. Мы старались не вспоминать о дурной славе Серой долины, ведь спуск отнимал все силы и внимание. А о неприятностях этого странного

места успеем поразмыслить позже, когда очутимся внизу. Эх, хорошо там, где хорошо, а не там, где нас нет...

Зол и Лют молчали. Они бок о бок стояли на каменном уступе и чуть отрешенно наблюдали за путниками, медленно спускающимися по петляющей между валунами тропинке. Их было всего лишь трое — таких разных и в то же время чем-то неуловимо схожих между собой путников... Лют мучительно наморщил густые брови, пытаясь сформулировать размытую, ускользающую от него мысль: «Они, они...»

— Ты тоже это заметил? — Зол дружески похлопал товарища по плечу, отвлекая от непривычного занятия.

Лют облегченно утер свой повлажневший лоб и пренебрежительно ухмыльнулся.

— Фух, ну и тяжелое же это занятие — думать, — в его голосе явственно прозвучала насмешка, адресованная мудрецам, — оно меня аж в пот вогнало! Во Тьму всякие размышления, они никогда не доводят до добра. Ну слыханное ли дело, чтобы воины — думали? — Он язвительно фыркнул. — Вот мечами позвенеть или поохотиться — куда как приятнее и завсегда по-нашему! — И он неразборчиво добавил еще нечто ругательное, невыгодно обрисовывающее характеры всяких магов и изобретателей, навлекших на их мир целую прорву невзгод и бед. Не иначе как от избытка ума и пагубной склонности к размышлениям. При этом Лют воинственно выставил вперед массивный подбородок, недвусмысленно намекая на собственное превосходство.

Проницательный Зол добродушно улыбнулся, внимая сомнительным сентенциям напарника. Он давненько уже привык к некоторой ментальной ограниченности своего закадычного друга, прощая тому и неизлечимую косность ума, и вопиющую грубость манер. Открытия совершают мудрецы и мыслители, но миру требуются и вот такие бесхитростные воины, призванные охранять достижения цивилизации. К тому же Лют отнюдь не безнадежен. Пусть он слаб умом, но зато силен головой, ведь именно ею он и двери вышибает, и орехи колет.

— Ты о чем говорить-то начал? — напомнил Лют, выводя напарника из задумчивого состояния. — Рассказывай давай, а то нам еще обратно идти.

Зол глубоко вздохнул, провожая глазами три фигуры, постепенно скрывающиеся в туманной пелене. Словно в воду канули или умерли... Последнее сравнение оказалось весьма неприятным, хотя, если честно, ему было совершенно наплевать и на внука великого воина Беовульфа, и на внучку не менее великого лэрда Финдельберга. Наплевать, потому что теперь все зависело лишь от нее — от этой маленькой, тоненькой, крылатой девчушки с диковинными сиреневыми глазами, чистыми и невинными, какими, собственно, и положено быть глазам едва вступающего во взрослую жизнь ребенка. А между тем судьба девочки уже начинает закручиваться в немыслимый штопор бед и испытаний, способных сломить и куда более крепкую натуру.

Судьба... Тут Зол радостно улыбнулся, ибо наконец-то понял, что именно объединяет этих троих столь разных существ, делая их удивительно похожими друг на друга. Их судьбы едины и связаны в общий узел, призванный дать начало чему-то новому, хорошему и обнадеживающему. Но как могут вершить будущее Лаганахара два мерзких предателя, приставленные к носительнице древней силы? Этого Зол не понимал категорически и поэтому даже боялся углубляться в такие возвышенные материи.

А посему, отказываясь от дальнейших логических изысканий, воин просто мотнул волосами, отгоняя прочь сонм непрощенных мыслей. Он решил предоставить Наследницу ее собственной судьбе, полагаясь на везение и благой промысел, всегда благоволящий к истинным героям.

— Ты как считаешь, — спросил Лют, уже отвлечшийся от своей предыдущей фразы и позабывший недавние мысли, быстренько выветрившиеся из его примитивного мозга, — она сможет спасти Лаганахар? Или эти два предателя не оставят малышке ни единого шанса?

Вместо ответа Зол раздосадованно моргнул, возмущенный несносной

прямолинейностью друга. Ну откуда ему знать то, что неизвестно даже самим богам?

— Ты как считаешь, — скороговоркой продолжил приставучий ниуэ, возвращаясь в переплетение подземного лабиринта. — Ребекка лучше Беонира или щенок хуже кровососки?

Зол тихонько рассмеялся, восхищенный столь противоречивой логикой друга.

— Поверь мне, эти мерзавцы вполне стоят друг друга! — уверенно заявил он. — И дай Шарро, чтобы Йохане удалось избежать расставленных ими ловушек...

— О чем ты шушукалась с тем блохастым ублюдком, чтоб его мантикора три раза переварила? — ворчливо выпрашивала Ребекка, шумно топая у меня за спиной и горячо дыша мне в затылок. — И вообще, к чему такая секретность? Ты нам не доверяешь?

— Хм... — Я поперхнулась от неожиданности, застигнутая врасплох этим коварным вопросом. Да откуда же я знаю, насколько можно доверять тем, кто сам скрывает от меня слишком многое?

— Ну вот, теперь ты молчишь, — уныло констатировала лайил, всерьез обеспокоенная моей непонятной реакцией. — Ой мнится мне — этот проходимец зачем-то настроил тебя против нас.

— Ты кого там проходимцем обзываешь, киска? — некстати или, наоборот, весьма кстати встрял идущий впереди Беонир, услышавший обрывок эмоционального монолога и случайно избавивший меня от тяжелой необходимости придумывать импровизированное вранье.

— Зола! — мгновенно откликнулась воительница. — Раз он везде пройти умеет, значит, проходимец! — Ее изворотливость и находчивость изрядно меня опечалили, ведь они полностью подтверждали теорию подземного воина, умолявшего не доверять обоим моим спутникам.

— Дождусь ли я от тебя столь же ласковых прозвищ? — вкрадчиво поинтересовался юноша, оборачиваясь и посылая Ребекке умильные улыбочки. — К тому же я хочу напомнить тебе о нашем договоре, если ты уже успела о нем позабыть...

— Отвали! — взбешенно рявкнула девушка, занятая сейчас мыслями совершенно иного характера. — Отстань от меня, маньяк сексуальный!

— Вот так всегда и случается в отношениях с женщинами, — с наигранным разочарованием жалобно проскулил отвергнутый ниуэ. — Не пристаешь к вам — значит, козел, пристаешь — маньяк! Дуры! — Последнее слово прозвучало до того оскорбительно, что Ребекка не сдержалась.

Она выхватила нож, до сего момента мирно покоящийся в ножнах, укрепленных у нее на поясе, и метнула в нахала. Я истошно взвизгнула и присела... Клинок просвистел у меня над головой, мелькнул возле щеки еле успевшего отклониться Беонира, предупрежденного моим воплем, и канул в густой пелене тумана, погрузившись в нее целиком, словно утонув в мягкой ткани. Я выпрямилась, недоуменно вглядываясь вперед — разрезанный кинжалом туман неожиданно развалился на два неровных полотнища, между которыми зиял небольшой просвет...

— Да чтоб его мантикора три... — начала, по своему обыкновению, Ребекка, как Беонир вдруг схватил нас за руки и торопливо потянул за собой, без колебаний шагнув в медленно затягивающийся просвет. Подчинившись резкому рывку, мы последовали за юношей, споткнувшись и чуть не упав. Туман липко сомкнулся за нашими спинами. Мы очутились в Серой долине...

Нас окружал неяркий серебристый свет, слабо бликующий на металлических застежках одежды и отражающийся от белокурых волос Беонира. Серый туман лениво клубился на уровне щиколоток, растекаясь по земле тонкими мутными ручейками. Я ощутила равнодушную, убаюкивающую негу, делающую мои веки тяжелыми и заставляющую глаза закрываться. Мне хотелось одного: улечься прямо на землю и спать, спать, спать...

— Йона, не спи! — Громкий окрик Ребекки вывел меня из полубытья. — Это все

магия. Она затянет нас в царство снов и уже никогда не выпустит из долины.

— Что же нам делать? — испуганно промямлил Беонир, зевающий во весь рот и усиленно трущий слипающиеся веки. — Может, стоит вернуться обратно в подземелье?

— Как? — Воительница выразительно повела рукой, указывая на плотную серую завесу, отгородившую нас от каменного уступа и спасительной тропинки. — К тому же если мы даже и сможем найти обратную дорогу, то там нас подстерегают големы и крысокошки... — Последнее слово перешло в звучный зев.

— Хр-р-р! — проникновенно отозвался Беонир. Оказывается, он уже успел погрузиться в объятия тумана и теперь сладко спал, улегшись на землю, похрапывая и подсунув под щеку свои сложенные лодочкой ладони.

— Вставай, скотина! — злобно рявкнула воительница, пиная юношу в бок. — Нечего здесь разлеживаться!

Но Беонир и не думал просыпаться, отдавшись во власть неведомой магии. По его лицу расплылась блаженная улыбка довольства и покоя.

— Мерзавец! — Ребекка ухватила юношу за руку, попыталась сдвинуть с места и со скабрезными ругательствами отступилась, признавая свое поражение. — Вот Тьма, он слишком тяжелый.

— Мы не можем бросить его здесь. — Я понимала, что подобный колдовской сон граничит со смертью. — Иначе он будет спать, пока не умрет.

— Еще как можем! Ничего иного этот нахал не заслуживает!

Размахивая руками и понося юношу всеми известными ей ругательствами, лайил яростно мерила шагами свободное пространство — крохотную доступную нам площадку, уместившуюся меж клочьями тумана, вступать в клубы которого мы остерегались.

— Но големы и крысокошки... — Она растерянно прикусила губу и скорбно заморгала. — Вот Тьма, кажется, мы попали в ловушку...

— Значит, мы должны пройти через всю долину и выйти из нее с противоположной стороны! — твердо произнесла я, не сомневаясь в правильности своего решения. — И вынести Беонира!

Ребекка протестующе нахмурилась:

— Если мы сейчас займемся его спасением, то погибнем сами! Неужели ты не ощущаешь силу этого места?

О да, я чувствовала мрачную власть этого места, даже очень чувствовала! Серая долина была опасна. Ее не стоило недооценивать, считая обычным болотистым участком почвы, источающим из своих недр ручейки трясинного тумана и миазмы вонючего газа. Нет, тут крылось нечто совсем иное. Полагаю, много лет назад кто-то специально выбрал это отдаленное убежище для того, чтобы спрятать здесь какую-то важную вещь или улику, прикрыв ее созданным магией туманом и таким образом оградив от любопытных взоров. За долгие годы, прошедшие с того дня, наложенная на долину магия значительно ослабела, но пока еще не исчезла окончательно, оставаясь смертельно опасной для любого живого существа, забредшего в гиблое место. Ну или почти для любого...

Ощувив нехороший укол предчувствия, я отвлеклась от своих размышлений, как обычно посетивших меня совсем некстати. Зрелище, открывшееся моему потрясенному взору, лишь укрепило эти вполне обоснованные подозрения. Воспользовавшись моим бездействием, Ребекка тем временем спокойно улеглась рядышком с Беониром и погрузилась в столь же глубокий сон, самозабвенно похрапывая в унисон с юношей.

Итак, ситуация обострилась до предела. Я находилась в заколдованном месте, одинокая и беспомощная, имея на руках двух впавших в забытие спутников: высокого тяжелого ниуэ и рослую мускулистую лайил. Груз — слишком обременительный для моих хрупких плеч. А посему, чтобы выбраться из долины, мне необходимо здраво взвесить свои скудные возможности и принять какое-то целесообразное решение. Я уселась на землю, подогнув под себя ноги, и погрузилась в раздумья, позволив туману обвивать меня своими зыбкими лентами, смахивающими на холодные щупальца неведомого чудовища...

Жизнь строга, но честна и справедлива. Она всегда бьет нас по голове, перед этим отвесив хороший предупредительный пинок по мягкому месту, приходящийся точно в область копчика. Чтобы лучше запомнилось! Некоторые из таких свежееотпиганных неофитов, едва приобщившихся к мировой справедливости, ведут себя вполне адекватно — трут нижние полушария головного мозга, пострадавшие от науки, благодарят и делают соответствующие выводы, набираясь ума и опыта.

Другие же, наоборот, самоуверенно игнорируют полученный сигнал, пофигистски поплеывая на всех и вся, а еще — усиленно корчат из себя невесть что крутое, умудрившееся хоть и наступить на разложенные судьбой грабли, но виртуозно уклонившееся от удара деревянного черенка. Они сильно преувеличивают свои скудные возможности, при этом совершенно забывая народную, освященную временем и традициями мудрость, гласящую: «За одного битого трех небитых дают». Вот так-то!

И можно еще добавить, что каждый неофит, доросший в ментальном плане до мудрого посвященного, получает от жизни все то, что заслужил, чего добился добрыми делами и совестью, не обремененной ложью, шкурничеством и лицемерием. Кстати, заодно заслужил и теми совершенными грехами, которые успел исправить или искупить.

Вот только приходит это заслуженное благоденствие далеко не сразу, на халяву в руки не дается, а при любом сомнительном случае так и норовит ускользнуть, выпрыгивая, словно кусок мыла из пальцев. Поэтому и говорят в Лаганахаре про удачливых людей: «Везучий не тот, кто сумел своего счастья добиться, а тот, кто сумел его при себе удержать». Но учти, неофит: на чужое счастье рот не разевай да клешни к нему не тяни, ибо переманенная либо украденная удача — штука хоть и приманчивая, но зато ненадежная и скоротечная. То-то и оно!

Согласившись выполнить поручение богини Банрах и приняв от нее змеиный глаз, способный следить за объектом, Ребекка пошла на сделку с собственной совестью, испытывая почти непереносимое отвращение как к сути навязанного ей поступка, так и к самой себе — предательнице и лицемерке. А что еще ей оставалось делать? Выступить против власти богини? Хм, можно, конечно, да только это куда более опасно, чем сунуть голову в пасть к огнедышащему дракону, по слухам когда-то обитавшему в долине Дурбан.

Нет, Ребекка никогда не страдала трусливостью и, чего там скрывать, уже не раз влипала в чрезвычайно серьезные переделки, но сейчас она попала в ловушку собственной чести, пообещав выполнить клятву, данную ею умирающему деду. А для этого ей приходилось оставаться живой, здоровой и дееспособной, ведь мертвые, как известно, хоть сраму и не имеют, но и завещанные им деяния выполнять не могут. Ну разве что напакостят по мелочам, если, к примеру, речь идет о какой-нибудь хулиганской выходке: повить на кладбище, травой на могилке пошуршать.

Но, увы, внучке Финна Законника предстояло выполнить некое другое, куда более сложное задание...

С другой стороны, взявшись за навязанную богиней работу, девушка намеревалась совместить приятное с полезным, убив двух зайцев одной стрелой. Вернее, все наоборот, ведь заяц-то у нее имелся всего лишь один, а вот стрелы — две. Поразмыслив и пораскинув мозгами, Ребекка пришла к закономерному выводу: дед поступил правильно, посвятив ее в подробности своего давнего ужасного злодеяния, поставившего Лаганахар на край гибели.

К сожалению, молодость приносит с собой не только красоту и удаль, но и безмерную жажду власти, богатства и любви. Лэрд Финдельберг попался на эту удочку, слепо пойдя на поводу у собственных страстей и страстишек. Результат подобного стяжательства оказался плачевным... Впрочем, поумнев с годами, раскаялся и даже вознамерился исправить допущенные ошибки. А на роль спасителя страны и своего народа старик избрал единственную внучку, отягощенную массой комплексов, грешащую излишней самонадеянностью и томящуюся от затянувшегося девичества. И потому — весьма мало подходящую для столь возвышенных целей. Но куда прикажете деваться, если у каждого

народа свои герои и свои пророчества.

В свою очередь Ребекка, удачно соединившая в себе не только кровь двух враждующих рас, но и такие, казалось бы, абсолютно несовместимые черты характера, как рассудительность и взбалмошность, ужаснулась черным последствием организованного Финном заговора и поклялась восстановить попорченную справедливость, искупив грехи деда. Финдельберг умер спокойно, взвалив на внука опасное наследие своей бурной молодости.

Притворившись послушной воле богини Банрах, рыжеволосая воительница втерлась в доверие к девочке, за которой ей поручили следить, на самом деле собираясь использовать Наследницу не только в качестве объекта интересов змееликой, но и ради достижения собственных целей. Выслушав исповедь деда, распростертого на смертном одре, воительница получила от него покоробившийся от старости кусок пергамента, содержащий в себе спасение всего Лаганахара. А точнее, часть спасения...

Жаль, конечно, что Финн передал ей всего лишь треть древнего манускрипта, доверительно сообщив: найти остальные две части, а также правильно их применить способна лишь та, которую называют Наследницей сгинувших кланов, несущей в себе остатки былой мощи эльфов. А откуда он, спрашивается, все это узнал? Да Тьма его разберет, но знает точно — и вот хоть тресни. Ну, скажем, озарение на деда снизошло перед кончиной и он начал пророчествовать. И стоило ли удивляться тому, что именно на эту же Наследницу имела виды и сама богиня Банрах?..

Сложно сказать, какие именно силы сыграли на стороне Ребекки, столь удачно сведя ее с умирающей от холода и голода Йоной. Но факт остается фактом — их встреча произошла, сложившись вполне благоприятно. И вот на этом везение закончилось, ибо дальше началось непредвиденное...

Ребекка полюбила. Нет, конечно же не так, как любят мужчину — жениха или супруга, а так, как привязываются к младшей беззащитной сестренке, нуждающейся в помощи и опеке. Эта девочка, хрупкая, наивная и крылатая, вызвала в ней не враждебность и отторжение, а лишь восхищение и умиление, спровоцированные ее добротой, открытостью и непосредственностью.

Вопреки собственным корыстным, пусть и благим, намерениям Ребекка поняла — она никогда не сможет просто использовать Йону, не учитывая ее желания, мечты и устремления. А к тому же эта девочка преследовала ту же самую цель — она намеревалась спасти Лаганахар, правда, непонятно каким образом. Еще никогда промысел судьбы не облакался в столь хрупкую и ранимую оболочку, совершенно не тянущую на роль народного героя. А впрочем, все обстояло совсем не так. Под слабой оболочкой скрывалась железная сердцевина, да к тому же в самой девочке спонтанно прорезалось множество талантов, что безмерно удивляло воительницу и повергало в благоговейный трепет.

Ребекка всем сердцем привязалась к той, которую караулила по приказанию богини Банрах, но преданно оберегала по велению собственного сердца — любящего, справедливого и благородного. Невинный предатель — да разве такие бывают? Видимо, да. «Останови ее!» — подсказывали долг и кровь многочисленных поколений жриц змееликой. «Охраняй ее и помогай ей, ведь того хотел твой дед!» — повелевали совесть и чувство справедливости. А посему Ребекка тщетно металась между приказанием и собственным желанием, пока не запуталась окончательно и не погрузилась в пучину отчаяния...

Если хочешь стать счастливым, то не увлекайся борьбой с не зависящими от тебя обстоятельствами, прими простые истины бытия такими, какими они являются в реальности, и не трать жизнь попусту, расходуя ее на их доказательство. Не строй из себя умника и силача, ведь где-то поблизости всегда найдется тот, кто окажется заведомо сообразительнее, могущественнее и благополучнее тебя. Не воюй с подобным противником, но если все-таки вступил в безнадежный поединок — не падай духом, а учись извлекать выгоду даже из своего поражения.

Желающих стать победителем — много, но победа — только одна, и добиться ее ой как

непросто. Ведь недаром утверждают, что каждому из нас достается нечто свое: участь, страдания, любовь... Но вот только где взять столько своего, чтобы его хватило каждому? Почему мы делаем глупости, пока молоды, и чувствуем себя молодыми, пока совершаем глупости? И наконец, почему существуют ошибки, которые нельзя исправить, но нет ошибок, которые можно вычеркнуть и считать недействительными?

Таковыми вопросами задавался Беонир, получивший от главы гильдии Чародеев сложное задание: втереться в доверие к девушке из пророчества Неназываемых и проследить, сможет ли та обрести некую силу, способную остановить Пустошь и спасти Лаганахар. При этом сьерра Кларисса старательно подчеркивала одну весьма существенную для нее деталь: монастырская воспитанница, безродная сирота и выскочка, нахально претендующая на место в гильдии Чародеев, ни в коем случае не должна соединиться с Полуденными эльфами, а тем паче — попасть на север, в Запретные горы. Дескать, подобные деяния совершенно недопустимы, ибо они угрожают благополучию самой Звездной башни.

Беонир был молод и наивен, но все же умел отличать истину от лжи. Он предпочел благоразумно не вдаваться в подробности и не задавал ненужных вопросов, хотя они так и вертелись у него на языке. А все потому, что он уловил нотки страха в деланом спокойном голосе главы гильдии и почти онемел от изумления, потрясенный и шокированный. Как, всемогущая сьерра Кларисса боится? Боится кого — той молоденькой девочки, о которой отзывается столь презрительно и снисходительно, совершенно не замечая, как бледнеет ее прекрасное лицо и безостановочно трясутся холеные, унизанные перстнями пальцы?.. М-да, эти признаки свидетельствовали о многом.

Но Беонир послушно опустил глаза и прикусил губу, приказав себе молчать. Честно говоря, его ничуть не прельщала роль тайного лазутчика, предателя, а возможно — даже потенциального убийцы, но у него не оставалось другого выхода, кроме как подчиниться и в точности следовать указаниям кровожадной магии.

Ему становилось тошно от одной лишь мысли о необходимости убить ни в чем не повинную и ничего не подозревающую девушку, но выбирать не приходилось, ведь в нижнем ярусе цитадели чародеев томился самый близкий для него человек, приговоренный к смертной казни. И этим человеком был его отец, пойманный мятежник, знаменитый воин Беодар, сын Беовульфа. Да-да, того самого легендарного Беовульфа, который сражался у Аррандейского моста и прикрывал отход крылатых, сумевших уцелеть в круговерти последней сечи.

Увы, храбрый вождь скончался от полученных ран, успев произнести странное пророчество: племя ниуэ снова обретет свободу в тот день, когда в Лаганахаре воцарится мир, а четыре великие расы — эльфы, люди, ниуэ и лайил — объединятся в единый, счастливый народ. Кстати, никто так и не понял, чем именно оказались вызваны столь неправдоподобные слова: предсмертным умопомрачением, обширной кровопотерей или снизошедшим на Беовульфа озарением.

Но факт остается фактом: пророчество разошлось по всему Блентайру, порождая недоверие, надежду, насмешки и кривотолки. С тех пор минуло почти две сотни лет, а предсказание не торопилось сбываться, все более становясь похожим на красивую сказку. Да и где они ныне, эти эльфы? Частично проживают на Зачарованном побережье, но в большинстве своем просто исчезли, испарились бесследно, будто их никогда и не было. Где они нынче, эти лайил? Стали прислужниками богини и верными соратниками людей; кровожадными тварями, пьющими кровь. И где они, эти славные ниуэ? Частично в плену у чародеев, а какое-то их количество просто исчезло, по слухам — уйдя в подземелья, расположенные глубоко под фундаментом столицы...

Существуют ли в мире силы, которые осмелятся вновь свести всех вместе? Это в гибнущем-то Лаганахаре, уже неспособном спасти даже самое себя? Маловероятно! И все-таки Беонир надеялся... Презрев суровую действительность и свои серые будни, он мечтал об ином — светлом будущем и истово верил в предсказание покойного деда. Жалкий раб, питающийся брошенными ему кусками, пресмыкающийся перед чародеями и находящийся

всецело в их власти, он верил в свою избранность и намеревался пойти по стопам Беовульфа, воплотив в жизнь его пророчество.

Правда, сейчас ему пришлось опуститься до омерзительной сделки с собственной совестью, согласившись выменять судьбу незнакомой ему девушки на помилование своего отца, но даже это вынужденное злодеяние не остудило его пыл и не отрезвило дерзкий ум. А впрочем, чему тут удивляться, ведь у каждого народа свои пророчества и свои герои!

Итак, Беонир согласился стать ушами и глазами сьерры Клариссы, приставленными следить за передвижениями ее новоявленной ученицы. С помощью магии чародейка зафиксировала своего лазутчика в облике огромного белого пса и, нанеся ему тяжелое увечье, переместила в Немеркнувший Купол. Да, она здорово рисковала его жизнью, но сделала это сознательно. О, хитроумная женщина успела неплохо изучить самоотверженный характер милосердной девочки и выбрала идеально беспронимательную тактику, ведь больше всего мы привязываемся к тому, кого спасли сами, или к тому, кто спас нас.

И Кларисса не прогадала — Йона не только залечила рану Беонира, но и сумела определиться с собственной судьбой, встав на путь назначенных ей испытаний. Подосланный к ней предатель неплохо выполнил свою задачу, сумев завоевать расположение девушки и внушить ей ответную симпатию. Но ошибки совершают все, даже самые умные и проницательные, ибо предусмотреть все — невозможно.

Чародейка намеренно не сообщила Беониру, кем на самом деле является обманутая им девушка. И ее опасения подтвердились. Узнав о происхождении Йоханы, юноша испытал сильнейший укол совести, ибо понял: он предает представительницу народа, однажды уже избавившего его предков от смерти. А теперь наследница эльфийских кланов намеревается спасти весь Лаганахар.

Он не посмел рассказать ей правду, потому как отчаянно боялся нарушить волю сьерры Клариссы и тем самым погубить своего отца. А кроме того, Беонир полюбил. Нет, конечно же не так, как любят женщину — невесту или супругу, а так, как привязываются к младшей беззащитной сестренке, нуждающейся в помощи и опеке. Эта девочка, хрупкая, наивная и крылатая, вызвала в нем не враждебность и отторжение, а лишь восхищение и умиление, спровоцированные ее добротой, открытостью и непосредственностью.

Вопреки собственным корыстным, пусть и благим, намерениям Беонир понял — он никогда не сможет просто использовать Йону, не учитывая ее желания, мечты и устремления. А к тому же эта девочка преследовала ту же самую цель — она намеревалась спасти Лаганахар, правда, непонятно каким образом. Еще никогда промысел судьбы не облакался в столь хрупкую и ранимую оболочку, совершенно не тянущую на роль народного героя. А впрочем, все обстояло совсем не так. Под слабой оболочкой скрывалась железная сердцевина, да к тому же в самой девочке спонтанно прорезалось множество талантов, что безмерно удивляло юношу и повергало в благоговейный трепет.

Беонир всем сердцем привязался к той, которую караулил по приказанию сьерры Клариссы, но преданно оберегал по велению собственного сердца — любящего, справедливого и благородного. Невинный предатель — да разве такие бывают? Видимо, да! «Останови ее!» — подсказывали долг и клятва, данная коварной чародейке. «Охраняй ее и помогай ей, ведь того хотел твой дед!» — повелевали совесть и чувство справедливости. А посему ниуэ тщетно метался между приказанием и собственным желанием, пока не запутался окончательно и не погрузился в пучину отчаяния...

ГЛАВА 8

— Не вздумай уснуть, Йона! Твои магические способности намного превосходят задатки Беонира и Ребекки, а потому ты вполне способна сопротивляться чарам долины! — Негромкий, но уже знакомый Голос вывел меня из дремотного состояния, пришедшего на смену задумчивости. — Помни, здесь не просто спят — здесь умирают!

— Почему? — с зевком поинтересовалась я, с трудом поднимая отяжелевшие веки. —

Что это за место?

— Старое заброшенное захоронение, возникшее на месте древнего чумного кладбища, расположенного на почти пересохшем болоте, — охотно пояснил мой незримый собеседник. — Отлично придумано, не правда ли? Стопроцентная гарантия, что сюда уже никто и никогда не сунется, кроме таких вот, как ты, беззаветных дурочек! — Голос насмешливо хмыкнул. — Честно говоря, я восхищен твоей смелостью, граничащей с безрассудством. Но тебе повезло, магия богини Банрах, ранее защищающая Серую долину, порядком ослабела, хоть еще и не исчезла окончательно.

— Магия богини? — Я потрясенно присвистнула. — В таком гадком месте... А она, получается, людей защищала?

Голос натужно расхохотался:

— Наивная! Богиня Банрах не принадлежит к числу тех сильных мира сего, кого волнуют чужие потребности и интересы. Не обольщайся насчет змееликой — она всегда радеет лишь о собственной выгоде, не считаясь с сопутствующими жертвами... Так что лучше не медли и поскорее выбирайся из владений кровавой богини.

Я недоуменно нахмурилась:

— А как же мои спутники? Я не могу бросить их здесь.

— Зря ты так самоотверженно печешься об их благополучии, — пожурил меня собеседник. — Они двуличные мерзавцы и не стоят твоих забот. Лайил и ниуэ — та еще парочка: он — тряпка, она — швабра. — Голос ехидно хихикнул. — Я выведал о них много такого, от чего у тебя волосы дыбом на голове встанут.

— А может, хватит уже таинственность напускать? Я хочу знать, кто ты такой, откуда появляешься так внезапно и почему помогаешь мне.

— «Хочу знать»! — иронично передразнил Голос. — Я, кстати, тоже много чего хочу, но ведь молчу.

— А чего хочешь ты? — встрепелась я, ибо моя интуиция подсказывала — сейчас я услышу нечто чрезвычайно важное.

— Мести! — яростно проскрежетал Голос, в коем явственно звучали сейчас звон стали и свист стрел, пронзающих упругий воздух. — Я мечтаю отомстить за моих братьев и сестер, за моих подданных, истребленных армией Джоэла Гордого...

— Король Арцисс, так это вы?! — изумленно выдохнула я, а затем опомнилась — поднялась с земли, с усилием выпрямляя затекшие ноги, и отвесила почтительный поклон. — Сир!

Голос покровительственно хмыкнул:

— Не переусердствуй с раболепием, девочка. Сие не подобает Наследнице трех кланов, да к тому же — моей внучке.

— А почему вы уверены, что я довожусь вам родственницей? — усомнилась я.

— А кто еще способен надеть мою одежду? — вопросом на вопрос ответил король. — Моя кровь, запекаясь на камзоле, признала твою... И потом, этот стилет, — поток теплого ветерка обвился вокруг моей талии, — он являлся частью единого воинского снаряжения (в комплекте с двумя мечами, куда-то пропавшими после моей смерти) и находился при мне в день последней битвы. Я хотел подарить его Эврелике, но не успел. — Голос погрузтел. — К тому же она ждала ребенка, сына, по заверениям Лаллэдрина. А ты можешь происходить только от него, ведь иначе невозможно соединить кровь всех трех кланов. Полагаю, ты ведаешь о том больше меня.

— Я? Откуда? — Я растерянно пожала плечами. — Я выросла в сиротском приюте и никогда не видела своих родителей.

— М-да! — озадачился король. — Все это в высшей степени непостижимо и загадочно. Вторая половина моей сущности темная. Она состоит из ветра, рожденного в самом сердце Пустоши и каким-то образом вызванного змееликой к стенам Блентайра. Именно она не позволяет мне достичь Запретных гор, окутанных светлой магией, а также попасть на территорию Зачарованного побережья — убежища Полуденных эльфов. Все-таки у них еще

сохранились сильные маги. А если вдумчиво подойти к феномену Запретных гор, то...

— Вы считаете, что последние выжившие Полуночные укрылись именно там? — вскрикнула я, боясь обмануться, но с неистовой верой желая положиться на свою маловероятную догадку. — Да?

— Судя по всему, так оно и случилось, — довольно признал король. — Но вот только ума не приложу, как они сумели пройти через ледники, пургу и жгучий мороз.

— Возможно, им помогли Неназываемые? — с замиранием сердца предположила я.

— Творцы? — Голос поскучнел. — О нет, это невозможно!

— Почему? — опешила я.

— Потому что Неназываемые давно покинули наш мир, — скорбно пояснил Арцисс. — Они лежат здесь, на этом кладбище!

Я онемела от изумления...

— Я потратил многие годы, собирая крупинки тщательно спрятанной информации и восстанавливая картину нашего падения, — неторопливо рассказывал Голос, стремясь развеять овладевшие мной сомнения. — Но, увы, так и не узнал всей правды, слишком уж глубоко ее запрятали, превратив в пышную слащаво-лживую сказку. Теперь докапываться до истины предстоит тебе, девочка! Умоляю, отомсти за убитых эльфов!

Я согласно кивнула, глотая злые слезы. Подумать только, мой всемогущий предок — великий король, лишенный плоти, разлученный с любимой и обреченный на вечные скитания, — просит сегодня моей помощи!

— Итак, мы были намного сильнее людей, — буднично излагал король. — Мы постигли секреты магии, построили прекрасные города, самым величественным среди которых стал Блентайр, обрели друзей — ниуэ — и полагали, что никто и ничто уже не омрачит дней нашего благоденствия. Но мы оказались слепыми идеалистами. Забыли, что в мире есть существа, которым ничто не доставляет столько удовольствия, как пакость, сделанная кому-то другому. Мы не учли влияния зависти и жадности, довлеющих над человеческой натурой, а потому пали жертвой собственной гордыни и доверчивости. Мы дали приют людям и вечно голодным шавкам — лайил. Мы подарили им знания, новые возможности и красоту наполненного высшим смыслом бытия. Но, к сожалению, лучшее всегда остается врагом хорошего; а посему, получив многое, люди захотели обладать всем. Они возжелали занять наше место. Сильвана любила Адсхорна, но тот оказался чрезмерно вспыльчивым и убил на дуэли младшего брата своей возлюбленной — принца Родрика, оскорбившего его родную сестру, Эврелику. Поединок проходил честно, но силы эльфа и человека оказались неравны. Сильвана похоронила павшего брата, но ее любовь к повелителю Полуденных прошла, превратившись в ненависть. Чародейка, лучшая ученица наших магов, она затаила злобу на клан морских эльфов и поклялась отомстить. Подходящий случай вскоре представился — Джоэл просил руки Эврелики, но получил отказ, ибо Прекрасная выбрала меня. И тогда мирной жизни Блентайра настал конец...

Я трепетно внимала словам короля, прикусив от волнения губу и не решаясь даже дышать, дабы не вспугнуть великую тайну. Вот она — главная трагедия нашего мира, раскрывается передо мной, безусловно тая в себе и путь к спасению всего Лаганахара. Я в этом не сомневалась!

— Вторая сестра Джоэла, жрица Чаншир, не устояла перед обаянием красавца-краснобая Финдельберга и стала его любовницей, — доверительно шептал король так тихо и медленно, словно сам боялся собственной откровенности. — Лэрд лайил отличался не только красотой, но также храбростью и неумным честолюбием. Он сумел пробраться в подвалы Блентайра, скрытые под фундаментом Немеркнувшего Купола, и посетил заброшенную лабораторию самих Неназываемых, опечатанную ими с момента сотворения нашего мира. Не знаю, каким способом он сумел туда проникнуть, но из своего похода он принес нечто чрезвычайно ценное, повергнувшее в экстаз жрицу Чаншир и ее сестру Сильвану. Полагаю, то были какие-то манускрипты, содержащие рецепт ужасного колдовства, способного обеспечить людям помощь богини Банрах и раскрывающего метод

устранения Неназываемых. Творцы не спят — они вечно бдят за нашим миром, сохраняя устойчивое равновесие добра и зла. Но сестры-предательницы добились невозможного — каким-то образом они усыпили демиургов и погребли их здесь, в Серой долине, а сила богини подняла песок Пустоши и обрушила его на Блентайр. Так погибло мое войско, а люди завоевали победу. Помню, как Лаллэдрин просил меня разрешить ему покинуть поле боя, ибо он торопился спрятать от людей нашу главную реликвию — Колокол Судьбы. Не ведаю, удалось ли ему реализовать задуманное, но тем не менее святыня бесследно исчезла из Купола...

Я подтверждающе кивнула, ибо уже слышала о пропаже Колокола.

— Перед смертью я поклялся искупить все свои ошибки и отплатить за гибель эльфов, — мстительно добавил Арцисс. — Видимо, справедливость все же не уснула вместе с демиургами, а потому моя душа вплелась в вызванную богиней бурю и обернулась против людей. Теперь мы с Банрах боремся за Блентайр: темная половина моей сущности губит город, ввергая его в пучину Тьмы, а светлая — пытается его спасти. Но богиня сильнее, она побеждает... Заклинаю тебя, Наследница, узнай, каким именно способом предатели усыпили Неназываемых, и разбуди творцов — это даст нашему миру шанс на спасение и обновление. Я же обещаю помогать тебе всем, чем смогу!

Я потрясенно присвистнула:

— А почему богиня не восстановит прежние границы пустыни?

— А зачем? — вопросом на вопрос ответил король, злорадно расхохотавшись. — Она играет с глупыми людьми, как кошка с мышками. Принимает от них жертвы и замедляет наступление песка, но в итоге все равно поглотит всех и вся, ибо ее аппетиты ненасытны.

— О! — осененно вскрикнула я. — Справедливость и правда не умерла. Разбудивший ветер — пожнет бурю!

Голос согласно хмыкнул:

— Люди слишком поздно поняли избитую истину, что за все нужно платить. Теперь маги ненавидят жрецов, а жрецы — магов, сваливая друг на друга вину за упадок Лаганахара, и обе эти гильдии дружно преследуют эльфов, прикрываясь их выдуманным проклятием. Чародеи ищут средство, способное остановить пустыню, а жрецы пытаются умиловить богиню. Поэтому Звездная башня из года в год набирает очередных учеников, отправляя их на поиски знаний, а храмы Банрах утопают в жертвенной крови.

Я покаянно поникла головой:

— Меня обманули. Я попала в ловушку собственной мечты и красивых фраз сьерры Клариссы!

— Остерегайся главы гильдии Чародеев, девочка, — предостерег Голос. — Эта лицемерная дама — темная лошадка, хранящая множество страшных секретов. Но не сетуй на судьбу, ведь она дала тебе шанс обрести то, что не смогли найти ни чародеи, ни жрецы...

— Ты прав, повелитель! — пылко воскликнула я. — Скажи, что я должна сделать в первую очередь?

— Преодолеть долину и посетить заброшенный Лазарет, — подсказал Голос. — Полагаю, ты найдешь там нечто важное. Смело ступай вперед, но не вздумай сходить с виднеющейся среди тумана тропинки и... — Тут Голос напрягся и замолчал.

— И что? — опасливо подхватила я, ожидая неминуемого подвоха, ибо понимала — мне предстоит отнюдь не обычная увеселительная прогулка, а нечто смертельно опасное.

— Не сходи с тропинки, — поучительно повторил Голос. — И умоляю тебя — не оглядывайся!..

Легко сказать — иди вперед! Я растерянно посмотрела на своих неподвижных спутников, ни о чем не подозревающих и беззаботно посапывающих возле моих ног отлично спевшимся, а точнее, схрапевшимся дуэтом. Вон какие душевные рулады выводят, собаки! Вернее, не так: один — почти собака, а вторая — наполовину кошка. И что мне с ними теперь делать прикажете? Бросить их здесь я точно не смогу, умрут ведь. А волочить этих

засонь на себе...

Я оценивающе попихала носком сапога два неподъемных тела и обреченно вздохнула. Эх, наживу я себе паховую грыжу и пуп сорву, как пить дать сорву! Если тащить их поодиночке, то я тут до смерти корячиться буду, причем, скорее всего, до своей собственной. А если обоих вместе... Я мысленно представила саму себя, лихо сжимающую под мышками две вяло обвисшие тушки своих крупногабаритных спутников, и не удержалась от язвительного смеха. Ничего не скажешь, та еще картинка получилась! Я в весе пера и они — шкафы дубовые, трехстворчатые, с антресолями! Я задумчиво подергала край пелеринки, и тут меня осенило...

Не знаю, для каких именно целей хитроумные эльфийские портные оторочили королевскую накидку тройным рядом этого прочного шнура, сплетенного из конского волоса, но чем Тьма не шутит... Я выхватила из ножен свой стилет и за несколько мгновений легко отпорол шнур, нашитый по всей длине пелерины, развернула его и — получила отличную тягловую упряжь, вполне достойную любого скакуна. Вот только на сей раз впрячься в эту прочную веревку предстояло отнюдь не крепкой лошадке, а мне — хилой и тощей.

Я завязала петлю и закрепила ее на щиколотках воительницы, а второй конец шнура обмотала вокруг ног ниуэ. Еще раз вздохнула, понимая, что лучшего варианта передвижения мне все равно не придумать, решительно поплевала на ладони и набросила импровизированную волокушу себе на плечи. Эх, как говорится, герои нужны лишь там, где не хватает профессионалов. Я крикнула и сделала первый пробный шаг вперед...

Шнур немного натянулся, болезненно врезаясь мне в плечи, но выдержал и не порвался. Ощущение было такое, словно я пыталась сдвинуть с места всю Звездную башню вкупе с опоясывающей ее крепостной стеной и дворовыми хозяйственными постройками. Оба волочимых мною тела немножко сместились, но ни Беонир, ни Ребекка даже и не думали просыпаться — они сладко улыбались и причмокивали губами. Ну еще бы! Я бы тоже на их месте точно так же блаженствовала. Еще шаг и еще...

Меня покачивало, буквально вылезаящие из орбит глаза застилал кровавый туман. Пот обильно стекал по моим вискам, капая на камзол и щедро смачивая воротник рубашки. Признаюсь, пару раз я даже испортила воздух от натуги, но не отступила, не бросила свою ношу, а лишь все крепче сжимала зубы и упрямо продвигалась вперед. Еще шаг и еще... Неужели она безграничная, эта Серая долина?

Не знаю, как долго я шла. Под ногами извивалась еле заметная стежка, вернее даже не стежка, а едва различимый просвет между клочьями серого тумана. Я старалась не сбиться с обозначенного пути, хотя, каюсь, частенько путалась в собственных дрожащих, подгибающихся в коленях ногах и оступалась, утопая в тумане до середины голеней. Но вопреки моим ожиданиям из этого мутного марева не выползали никакие чудовищные создания, способные ухватить меня за ногу, а потому я почти уже поверила в благополучный исход своего трудного путешествия.

Скорее всего, так бы оно и случилось, если бы не внезапное появление многоголосого шепота, родившегося у меня за спиной и полностью разрушившего столь удачно начавшееся мероприятие. Шепот возник из ниоткуда, мгновенно выведя меня из состояния целеустремленной одержимости и повергнув в безмолвное смятение, ибо верещать от страха я разучилась уже давно, шастая по скользким и прогнившим крышам. Первым моим поползновением стала неосознанная реакция загнанного в ловушку зверька, подсказывающая: следует немедленно бросить тормозящий груз и что есть духу помчаться вперед, прочь из этого страшного места.

Впрочем, панический порыв тут же сменился сильными угрызениями совести, а шнур словно прирос к моим до мозолей натертым плечам, не желая их покидать. Пусть они всего лишь притворялись моими друзьями, на самом деле вынашивая корыстные и вероломные планы, но я все равно не могу бросить их здесь. Ну не могу, и все! Я знаю: это глупо — рисковать своей жизнью ради врагов, но не могу поступить иначе. Я понимаю, чем рискую,

но все равно не хочу поступать иначе, я их не предам!

Я стиснула челюсти до такой степени, что услышала их протестующий скрип, и, упрямо наклонив голову, продолжила свое целенаправленное движение. Шаг, ритмичный качок влево — чтобы оторвать от земли безвольное тело Беонира, шаг, симметричный качок вправо — чтобы сместить безответное тело Ребекки. Шаг, качок, шаг, качок... И так — до бесконечности!

Но шепот не отставал. Он крался следом за мной, он разрастался и ширился, становясь все громче и членораздельнее. Из неразборчивого свиста он постепенно превращался в нечто до ужаса известное и дорогое.

— Остановись, девочка, куда ты спешишь! — коварно выпевал он голосом брата Флавиана. — Остановись, обернись, посмотри на меня!

Но я просто зажмурила глаза и брела наугад, стараясь не обращать внимания на надоедливо свербящие в мозгу звуки.

— Йона, вернись, я забыл сказать тебе самое важное! — упрасивал шепот, украв задушевные интонации у старого Иоганна. — Остановись, ибо я уже стар и не доживу до твоего возвращения. Обернись, Йона!

А я все так же упрямо шагала вперед.

— Мой наивный эльф, куда же ты бежишь? — смеялся шепот, идеально копируя задор молодого чародея Джайлза. — Остановись, обернись, я расскажу тебе немало интересного!

Но я не слушала.

— Стой, ученица, не смей игнорировать мой приказ! — требовательно прикрикнули сзади, безупречно воспроизводя грудное контральто сьерры Клариссы. — Обернись, и я помогу тебе стать чародейкой!

Я испуганно вздрогнула, но не обернулась.

Шепот смолк и отступил, видимо исчерпав все доступные ему уловки. Я с хрипом выдохнула сквозь зубы и ликующе рассмеялась. Я победила, я все-таки его победила!

И тут произошло немыслимое...

— Йона, остановись! — Этот незабываемый голос заставил меня буквально задохнуться от шока, вздрогнуть и замереть. — Йона, я тебя люблю! Прости, что не сказал тебе об этом раньше! — Бархатистый и богатый, он завораживал и удивлял, лишая меня последних сил и воли.

Я рухнула на колени, роняя с плеч веревку и захлебываясь горькими слезами. Закрыла лицо ладонями и отчаянно замотала головой, зажимая уши пальцами и не желая слушать губительного искуателя. Сейчас я намеренно отказывалась от него, сознательно стремилась избежать того чуда, которого желала больше, чем всех сокровищ мира, чем постижения магии, чем жизни. И это чудо называлось любовью Ардена!

— Йона, — продолжал настаивать голос Ардена, — верь мне, я тебя люблю. Умоляю, обернись, не бросай, помоги, посмотри на меня...

— Нет, — жалобно лепетала я, падая ниц и утыкаясь лицом во влажную землю. — Нет, не проси меня об этом, счастье мое... — Что-то звонко лопнуло под моей неосторожной ладонью, словно оборвалась некая незримая нить.

— Йона, любимая, — придушенно стонал он, — помоги мне, я умираю. Умираю прямо сейчас...

Я полагаю, что у каждого из нас имеется свой предел моральной устойчивости. И если правильно надавить на наше больное место, то последствия могут стать катастрофичными. Мы не претендуем на звание безупречных героев со стальными нервами и каменными сердцами, ибо мы всего лишь люди — страдающие, мечущиеся и ранимые. Мы не идеальны и не всесильны.

— Я умираю! — Голос Ардена напоминал шелест опадающей листвы, журчание иссякающего источника, шорох сломанного птичьего крыла. — Прощай, любимая...

Услышав эти последние слова, я одним рывком вскочила на ноги, забывая обо всех и обо всем. Я обернулась на звук раздирающего душу призыва и отчаянно закричала:

— Арден, где ты? Обещаю, я не позволю тебе умереть. Я приду и спасу тебя, а если для выполнения этого обещания мне придется пройти через весь Лаганахар, изменить наши предназначения и повернуть вспять само неумолимое время, то клянусь — я это сделаю!

— Я запомню твое обещание, любимая! — обрадованно откликнулся он, но неожиданно его голос осип и сбился, переходя в грубый, глумливый хохот.

Из серого тумана высунулось узкое лицо, хищно-вытянутое и безглазое, окаймленное злобно шипящими волосами-змеями.

— Глупая девчонка, — разъяренно взревела слепая тварь, — как ты смеешь вмешиваться в мои планы? Ничего ты не добьешься, потому что сошла с тропы и оглянулась, тем самым оборвав нить судьбы Ардена. Ты его погубила!

— Как погубила? — прорыдала я, испуганно прикрываясь рукой и отползая подальше от обличающей меня твари. — Я ничего не понимаю...

— Ты слишком глупа для того, чтобы постичь всю сущность и глубину моих замыслов! — торжествующе хохотнула безглазая. — Не тебе, пигалица, тягаться со мной — богиней Банрах!

От этого хвастливого заявления я растерялась и ошеломилась. Как, мне явилась сама змееликая?

— Я вас не боюсь! — наконец собравшись с духом, сбивчиво пробубнила я. — Я вообще никого и ничего не боюсь!

— Смелая пигалица! — Богиня чуть не захлебнулась бурным хохотом. — Или умелая врунья? Мы все чего-то боимся...

— Даже вы? — не поверила я.

— А как же! — Банрах высокомерно хмыкнула. — Нужно уметь признавать свои слабости, ибо это удел смелых и сильных. Знай, я боюсь зеркал — они несут мне смерть! Правда, это касается не обычного посеребренного стекла, а только определенных магических предметов, расположенных в некоей башне... — Богиня явно наслаждалась своей откровенностью. — Но полагаю, что тебе это знание уже никогда не пригодится!

— Почему? — наивно приоткрыла рот я.

— Потому что сейчас ты умрешь! — громогласно взревела змееликая. — И тогда уже никто не осмелится помешать наступлению Тьмы, не попытается оспорить мою власть и не покусится на мое величие!

Из тумана выступили две когтистые лапы, цепко сжимающие обнаженные мечи — серебристый и золотистый, занесенные точно надо мной. Я вскинула скрещенные руки, тщетно пытаясь остановить поступательное движение острой стали, и громко закричала, осознав свою абсолютную незащищенность...

Песок пересыпался с траурным шепотом, рождая тихую погребальную мелодию, невыразимо простую, но вместе с тем сказочно прекрасную. Веершир нежно подняла тело Ардена и положила его на кучу песка, мягко рассыпавшегося под тяжестью груза. Хотя много ли весит совершенно обескровленное мертвое тело?

— Спи, брат, спи сладким сном, — сердечно напутствовала лайил, пальцами закрывая его потускневшие, широко распахнутые глаза, смотревшие с недоуменной укоризной. — Смерти нет, есть только песок и бесконечность! Мы все — послушные дети песка времени.

— Святотатство! — возмущенно проворчала Каадсур, нетерпеливо переминающаяся рядом. — Повелительница велела выбросить его в пустыню или закопать за ближайшей дюной.

— А мне наплевать на ее приказы, — гневно отмахнулась Веершир, бережно засыпая уснувшего юношу пригоршнями золотистого песка. — Я похороню его здесь, в храме, в зале Вечности. Там, где покоятся наши сестры и братья, ждущие момента своего нового возрождения. Их души не умерли, ведь они принадлежат бесконечности.

— Святотатство! — Каадсур гневно оскалила клыки. — На что ты надеешься, отступница? Он уже не воскреснет, его душа обречена на вечное блуждание во Тьме, ибо он

не верит в милость богини Банрах. Он стал для нее всего лишь мимолетной утехой, пищей для тела и развлечением для души.

— Разве у нее есть душа, у змееликой? — насмешливо поддела Веершир, продолжая в точности выполнять погребальный обряд жриц-хайдари. — Он верил в большее, чем Тьма: в любовь и справедливость.

— Ну и где она теперь, эта его любовь? — цинично каркнула темная тварь. — Где его хваленая справедливость?

— Они вернутся.

— Глупости! — презрительно отмахнулась Каадсур. — Бред и детские сказки. Тьму уже не остановить!

— Подожди, не спеши праздновать победу, — с угрозой в голосе предостерегла Веершир. — Мир еще не погиб.

— Зато для него все уже закончилось. — Тварь насмешливо вытянула палец, глумясь над умершим и указывая на его почти скрывшийся под песком труп. — Мальчишка сдох, а та, которую он ждал, опоздала!

— Увидим, — холодно откликнулась жрица. — Увидим.

— Дура ты, моя слепая сестра! — настаивала на своем Каадсур. — Пойми же, он — умер!

Внезапно Веершир потрясенно вскрикнула. Из ранки на шее мертвого Ардена неожиданно выступила единственная, последняя капля крови, крупная и алая, словно бесценный рубин.

— Ах, — изумилась добрая лайил, — его душа еще не отлетела, его еще можно спасти, если сделать это прямо сейчас...

— Каким образом? — недоверчиво выпучила глаза Каадсур.

— Если в этом храме сейчас появится некто отважный, имеющий при себе пламя дракона, силу ветра и свежесть моря, тот, кто умеет любить и не боится власти черной богини, — он еще сможет вырвать Ардена из объятий смерти и вернуть к жизни. Вот только сделать это нужно сейчас, пока он еще не лишился последней капли своей крови, ведь она несет в себе удивительное волшебство и вбирает отлетающую душу самого умирающего.

Алый рубин медленно скатился по шее юноше, сорвался с кожи и впитался в желтый песок...

— Не успели, — печально констатировала Веершир. — Жаль.

— Ну вот и все, — злорадно хохотала Каадсур. — Теперь он уж точно мертв, сдох окончательно!

— Мертв! — эхом откликнулась Веершир. — Арден умер...

Суть и смысл того, что произошло дальше, долгое время оставались для меня абсолютно непостижимыми и необъяснимыми. Понимание истинной важности момента пришло намного позже...

Крупная алая капля крови, похожая на драгоценный рубин, внезапно возникла в воздухе — я даже не смогла уловить момента ее появления. На один краткий миг она неподвижно зависла над лапой твари, а затем стремительно упала вниз, точно на змеелику... Кожа богини задымилась, покрылась желтыми волдырями и лопнула, словно гнилой плод. Запахло мертвой плотью...

Банрах ошеломленно вскрикнула от боли, роняя мечи. Первое из двух сверкающих лезвий скользнуло по моей щеке и вонзилось во влажный дерн, проткнув ткань капюшона. Второе отлетело вбок и кануло в туман. Я отрешенно лежала на земле, ощущая теплую струйку крови, сбегаящую по скуле, и щурясь от блеска стали, покачивающейся в опасной близости от моего виска.

— Беги! — истошно взыв Голос. — Спасайся, пока она не опомнилась! Забери ее меч! Я попытаюсь задержать богиню...

Меня будто подбросило. Я протянула руку, крепко обхватила рукоять меча и

выдернула его из земли. Клинок оказался тяжелым, но я по-собачьи вцепилась зубами в его эфес, ибо не могла нести оружие в руках. Снова впряглась в веревку, ухнула от натуги и бодрой рысью поспешила вперед, таща за собой Беонира и Ребекку. Откуда только силы взялись? Через десяток шагов я оглянулась и увидела кокон белого тумана, закручивающийся на том самом месте, где ранее проявилось безликое лицо жуткой твари.

Кокон колыхался и подергивался рябью так интенсивно, словно внутри этого непроницаемого сгустка боролись два живых существа. До моего слуха донесся пронзительный истеричный женский вой, заглушаемый торжествующим мужским хохотом. Похоже, на сей раз Голос сумел взять реванш, изрядно насолив кровожадной Банрах. Ободренная его успехами, подстегнувшими меня сильнее любого понукания, я с удвоенным энтузиазмом налегла на свои импровизированные построения, торопясь поскорее покинуть зловещее место.

Под ногами хлюпало, а за спиной страшно ухало и бормотало на тысячи ладов, но я не останавливалась до тех самых пор, пока окутывающий тропинку туман не поредел, а в нескольких шагах передо мной не забрезжил просвет, явивший моему взору небольшую каменную плиту, контрастно выступающую из болотной хляби. Я затащила на нее своих спутников, уронила меч и рухнула замертво, вымотанная до предела, утратившая способность осязать и чувствовать.

— Клевый меч! — завистливо протянул чей-то хриплый баритон, раздавшийся прямо у меня над ухом. — И где это наша малышка умудрилась отхватить такую улетную штуку?

— Где, где, — ехидно передразнило скрипучее контральто. — Подсказать — где или сам догадаешься?

— Э? — не понял мужчина. — А поконкретнее можно?

— Во Тьме, где же еще! И отстань от меня, дурак! — без энтузиазма огрызнулась его собеседница. — И так во рту пересохло, словно в Пустоши, умираю — пить хочу.

— Так вон же она, вода-то! — Послышался омерзительный чавкающий звук, будто кто-то погрузил ладонь в мутную болотную жижу. — Тебе налить?

— Нагрести уж скорее, — резонно поправила привереда. — И вот это ты мне пить предлагаешь? — Что-то хрюкнуло, чмокнуло и плюхнуло. — Га-а-адость! — Богатые интонации с лихвой компенсировали блеклость банального определения. — Это если и можно внутрь употреблять, то лишь отделив от пиявок, процедив и вскипятив.

— Пиявки... — задумчиво протянул мужчина. — А они-то тебе чем не угодили? Мясо — оно и есть мясо.

— Дурак! — снова возмутился женский голос. — Не понимаю, как вы, мужики, способны хавать всякую дрянь.

— Одинокий мужчина ищет любви, ласки, понимания и чего-нибудь пожрать! — вдохновенно продекламировал обладатель баритона. — Хочешь, отдам тебе свой носок? Через него можно процедить воду...

— Носок? — вознегодовала ничуть не обрадованная подобной перспективой женщина. — Ага, а я предлагаю организовать чрезвычайно доходное дело: будем продавать эту водичку за золотые риелы, ведь после соприкосновения с твоим вонючим носком она станет отравой, причем куда более сильной, чем хваленый сок ядовитого дерева каркарут!

Мужчина обиженно засопел:

— Слушай, ну вот зачем ты опять ссору заводишь? Я ведь к тебе со всем почтением отношусь, как к равной по уму.

— Ну да, — капризно подхватила язва, — с почтением он. Да ты, видимо, уже забыл, что я не выношу ниуэ, а в особенности не люблю таких вот блохастых идиотов, которые смотрят на меня как на равную себе дуру.

— Кровососка!

— Пустобрех!

После этого обмена любезностями в голове у меня сразу же прояснилось, и все встало

на свои привычные места. Оказалось, что я лежу на крохотном пяточке свободной от тумана суши, а надо мной возвышаются непримиримые друзья-враги: Ребекка и Беонир, воинственно упирающие кулаки в бока и занятые очередным, совершенно бессмысленным выяснением отношений. И цель они, похоже, преследуют все ту же — стремятся доказать, кто из них круче.

А если описывать ситуацию в целом, то ничего хорошего в ней не обнаруживается, ибо находимся мы именно в том месте, на которое и намекала Ребекка... А точнее, на болоте в Серой долине. Пищи и воды у нас по-прежнему нет, зато синяков и царапин — хоть завались. И возможно, я могла бы посчитать, что мне опять приснился кошмар, если бы не саднящая скула со следами запекшейся крови. Значит, все это правда! К тому же у меня нестерпимо болят плечи. Ох, как же невыносимо они болят...

— Слушай, — взбудораженно произнесла Ребекка, обращаясь к Беониру, — что-то Йона подозрительно долго в себя не приходит. Я уже начинаю за нее тревожиться!

— Может, я сделаю ей искусственное дыхание? — с готовностью встрепенулся ниуэ.

— Стой, придурок! — с паникой в голосе взвыла воительница. — Есть шанс, что она еще жива! А вот после твоей реанимации ее впору станет на кладбище отправлять.

Устрашившись столь жуткой перспективы, я застонала и открыла глаза.

— Йона, — надо мной склонилось обеспокоенное лицо воительницы, — ты как?

— Бывало и получше, особенно с плечами, — честно ответила я, кривясь от боли и с трудом переводя свое непослушное тело в сидячее положение. — Ой! — Последняя реплика предназначалась Ребекке, осторожно оттянувшей сзади воротник моей рубашки и заглянувшей под него.

— Вот это мозоли! — Она шокированно присвистнула. — Малышка, ты что, камни на себе таскала?

— Хуже — нас! — догадался молчавший до сего мгновения ниуэ. — Понимаешь, Ребекка, Йона нас спасла, вытащив из этого треклятого тумана!

Воительница уставилась на меня недоверчиво вытаращенными глазами:

— Что, правда?

Я скромнехонько кивнула.

— А я-то голову себе ломала, пытаюсь отгадать, почему мы очнулись связанными! А теперь мне все стало ясно, — смущенно бубнила девушка, отводя глаза. На ее лице проступило донельзя растерянное и виноватое выражение.

Беонир неловко хрустел пальцами и краснел. Похоже, обоих моих надсмотрщиков терзали жгучие угрызения совести.

— Откуда у тебя взялся такой шикарный меч? — наконец поинтересовалась Ребекка, стремясь сменить тему разговора. — Нашла в болоте? И кто потерял такое обалденное оружие?

Последний вопрос казался риторическим, не предусматривающим ответа, но я лучезарно улыбнулась и огорошила лайил совершенно неправдоподобным ответом:

— Змееликая!

— Богиня Банрах? — Ребекка некрасиво отвалила нижнюю челюсть. — Да ну?

Моя улыбка стала еще шире:

— Баранки гну!

— Офигеть можно, — шептала воительница, благоговейно поднимая на ладони серебристый клинок. — Ты повстречалась с богиней, но при этом осталась живой и невредимой! Малышка, ты не перестаешь меня удивлять...

— Ну не совсем невредимой... — Я прикоснулась к своей пораненной правой скуле. — Она все-таки поставила на мне свою метку.

— Шрам останется! — ворчливо констатировала лайил, опытными пальцами разбирающегося в ранах бойца ощупывая мою щеку. — Тонкий, но заметный.

— Кажется, я уже слышал об этом оружии. — Беонир отнял меч у девушки и сейчас придирчиво осматривал его вычурно отделанную гарду. — По легенде, мечей должно быть

два. Первый, белый, выковал из упавшего с неба серебра не кто иной, как друг короля Арцисса — Турран Певучая Наковальня, и нарек его Льдом. Поговаривают, лишь этим клинком можно усмирять огнедышащих драконов и именно этим мечом король отвоевал дурбанский мрамор. Второй, золотистый, отковал тот же кузнец, создав его из красного золота, и дал ему имя Гром. Согласно легенде он способен раскалывать земные недра и сращивать края горных провалов.

Я молчала, копаясь в собственной памяти. Надо полагать, именно об этих клинках и упоминал старый Иоганн, не рискнувший в тот момент доверить мне древнюю эльфийскую тайну. Именно этих мечей и лишился король Арцисс. Но как и почему раритетное оружие попало к богине Банрах?

— Полагаю, ты стала обладательницей именно Льда! — резонно предположил ниуэ. — Но вот случайно ли это произошло? — Он одарил меня испытующим взглядом. — Уверен, что нет! Такие мечи никому не даются зря, особенно если они переходят из рук зла в распоряжение добра, тем более к тому, кому предназначено спасти от гибели мир Лаганахара, а заодно и всех нас. А если мы причастны к твоему жизненному пути, значит, мы тоже обязаны творить добро... Вот так-то! — В его голосе прорезалось недоумение, изрядно разбавленное восторгом и облегчением.

Беонир и Ребекка переглянулись, заметно напуганные столь внезапным открытием.

Я прятала довольную улыбку, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица, но уже бесповоротно уверовав в то, что зло, насильно посеянное в их душах, еще не успело укорениться и дать всходы, способные навсегда отвлечь моих спутников от стези чести и справедливости. Я надеялась, что они еще не погибли как личности, а посему не потеряны для добра и для Лаганахара. Да чего уж там лицемерить — и для меня тоже...

Мы устало брели по прогалине, ставшей более широкой и действительно превратившейся в настоящую тропинку, обложенную по краям красивыми белыми камушками. Туман поредел и из густо-серого постепенно принял вид вполне обычной молочно-белой пелены, всегда клубящейся над любым болотистым местом. Чувствовалось, что мы уже миновали самый опасный участок нашего нелегкого маршрута, обойдясь без потерь и сумев-таки выстоять против угасающей магии Серой долины.

В какой-то момент я вдруг ощутила прощальный резкий всплеск неведомых чар, пришедший с левой стороны, напоследок мстительно укусивший меня за натянутые, как струны, нервы и разочарованно отступивший. Древнее кладбище озлобленно дышало нам в спины, уподобившись постаревшему беззубому псу, не сумевшему удержать в дряхлых челюстях свою последнюю, с трудом доставшуюся добычу.

— Видишь, там, левее, — едва приметно подсказал Голос, оставаясь неслышимым для Ребекки и Беонира, — трясина и многочисленные углубления в болотном дерне, прикрытые сгустками тумана? Это и есть они!

«Кто — они?» — мысленно спросила я, поеживаясь от тянущего из топи холода.

— Могилы Неназываемых! — внушительно пояснил Голос. — Запомни это место!

«Зачем? — не поняла я. — Думаешь, я смогу когда-нибудь разбудить демиургов?»

— Кто знает, — меланхолично шептал король. — Кто знает...

Я недоуменно пожала плечами, намекая, что на меня возлагают слишком большие надежды, но не стала спорить, а послушно скосила глаза, разглядывая поименованные захоронения, стараясь сделать это незаметно для своих спутников. Не стоит им знать о том, что для них совсем не предназначено.

Следует признать, что сейчас, подчинившись указаниям Голоса и всерьез заинтересовавшись обликом кладбища, я испытала немалое удивление, поняв, как сильно отличается оно от той скупой панорамы, которая открывалась мне ранее, с высоты каменного утеса. Невозможно постигнуть истинную сущность явления, не пропустив его сквозь себя, то есть опосредовав через свои эмоции, реакции и умозаключения. Сверху, скрытый пеленой тумана, могильник Неназываемых пугал меня до ужаса, буквально сводя с

ума. Но однако теперь, когда уже ничто не мешало свободно обозревать долину, в моем сердце пробудилась доселе неведомая пронзительная тоска.

Вся поверхность кладбища состояла из впадин и холмов, причем последние оказались вовсе не безжизненными, как я думала, стоя над обрывом, — нет, их покрывала серая трава, с виду напоминавшая рыхлое домотканое покрывало. До ближайшей могилы оказалось довольно далеко, и я не могла воочию убедиться в подлинности легенды о Неназываемых, поведенной королем, но поселившаяся в моей душе тоска не проходила. Как же должно быть страшно лежать вот так одиноко, веками покоясь в разверстых могилах и не имея ни малейшей надежды на упокоение?

В приюте я редко задумывалась о смерти, но если и представляла свои похороны, то мне хотелось бы, чтобы мое тело сожгли. Конечно, свою роль в этом сыграли и многочисленные байки о всевозможной нежити, рассказываемые под покровом ночи нашими хулиганистыми мальчишками, но все равно я пребывала в уверенности, что покойников нужно зарывать в землю, а не оставлять вот так — неприкаянными. А тем более тех, кому выпала столь страшная участь — быть погребенными во сне, заживо.

Я пожалела, всем сердцем пожалела этих могучих демиургов, лишенных своей силы, жизни и возможности наслаждаться безыскусными радостями бытия. Я скорбела об их чудовищно несправедливой доле и сожалела, что не знаю ни одной погребальной песни. Теперь я чувствовала — ее исполнение принесло бы Неназываемым избавление от тоски противоестественного небытия, безусловно оказавшегося намного хуже самой лютой смерти.

Перед тем как уйти прочь, я оглянулась и мысленно пообещала себе (а вернее, тем, кто оставался здесь), что однажды вернусь и все-таки спою им красивую погребальную песню... Конечно, лишь тогда, когда отыщу подходящую и наберусь смелости, чтобы снова посетить ужасную Серую долину. Туман взметнулся за моей спиной, завиваясь в прощальном вихре и словно подтверждая: «Я принимаю твою клятву!»

Но, возможно, меня просто подвело излишне богатое воображение.

Расширившаяся, но все равно еле различимая в стелющемся тумане тропинка огибала кладбище по широкой дуге, то теряясь за уступами, то вновь изворотливо выныривая из-за холмов. Лица моих спутников выглядели посеревшими и усталыми. Я ощутила острый приступ вины — ведь это из-за меня им сейчас грозила опасность, из-за меня они впали в колдовской сон, высосавший из них чуть ли не все соки, а теперь они едва держались на ногах...

Словно желая усугубить мое и без того жгучее самоедство, бредущая впереди Ребекка вдруг душераздирающе всхлипнула, пошатнулась и чуть не упала, вовремя подхваченная Беониром.

— Ты давно не ела, да? — с состраданием спросил юноша, нежно обнимая ослабевшую девушку.

Ребекка вздрогнула и уже открыла рот для резкой отповеди, но передумала и отвернулась, ограничившись коротким кивком.

— Если бы я был человеком... — Слова явно давались ему с трудом. — Я бы... Я мог бы тебе помочь.

— Ребекка?

Видя, что воительница не собирается отвечать, я резко повернулась к ниуэ:

— О чем таком вы говорите? Беонир? — В моем голосе прорезались умоляющие нотки.

— Некоторые продукты ненадолго отбивают у лайил жажду крови, например томатный сок и капустные кочерыжки. Но долго на них не продержишься. — Юноша удрученно вздохнул. — К сожалению, я не могу дать ей свою кровь — мы антагонисты, а потому она сослужит ей плохую службу.

Я мелко затряслась всем телом. Нет, вовсе не от страха, а потому, что до сего мгновения мне даже в голову не приходил вполне очевидный факт: рано или поздно Ребекка может начать воспринимать меня как источник пищи. Я дрожала от горя и осознания того,

что ничем не могу помочь своей охраннице. Лайил и ниуэ никогда не станут обычными людьми, ведь их состояние — это не болезнь, а совокупность специфических потребностей и способностей, присущих виду. И ничего тут не поделаешь, ибо в этом заключается одна из жесточайших аксиом нашего мира.

Похоже, Беонир почувствовал, что мы замкнулись каждая в собственных невеселых мыслях. Он крепче обнял девушку за талию и, не говоря ни слова, продолжил путь. А мне не оставалось ничего другого, как последовать за ним.

Мы продвигались вперед убийственно медленно.

— Ты знаешь, куда нужно идти? — изнеможенно прошептала Ребекка, кулем повисая на плече юноши. — Боюсь, скоро я окончательно расклеюсь.

— Знаю, — демонстративно бодрым тоном успокоил юноша. — Я вспомнил, что когда-то видел одну очень старую карту, воспроизводящую эти места. Нам сюда. — Он свернул за треугольный обломок скалы, полностью перегораживающий тропинку, и мы очутились перед пологим земляным склоном, поросшим жидкой травой и развесистыми ракизовыми кустами. — Здесь начинается ход, соединяющийся с заброшенным эльфийским Лазаретом и Библиотекой! — Наш проводник не скрывал овладевшего им ликования. — Мы почти пришли!

— Хорошо! — вяло улыбнулась белая, словно погребальный саван, воительница. — Ты молодец!

Беонир горделиво приосанился.

— Не вижу никакого хода! — скептически заявила я. — А ты, случаем, не ошибся?

Ниуэ сердито фыркнул, оскорбленный моим недоверием, и, картинно протянув руку, отвел вбок сильно спутанные ветки кустарника, являя нашему взору небольшую, окованную стальными полосами дверь.

Я восхищенно ахнула.

Невзирая на покрывающую сталь ржавчину, дверь выглядела прочной, а продетый в массивные дужки замок внушал невольное уважение — таким крепким он казался. Я безрадостно ощупала громоздкую конструкцию и удрученно присвистнула:

— Такой не сломать!

— Можно подумать, нам больше делать нечего! — насмешливо буркнул Беонир, усаживая Ребекку на плоский камушек и вынимая из кармана своих щегольских, правда, изрядно перемазанных в грязи и тине штанов какую-то непонятную, сплетенную из проволоки загогулину. — Замки не ломают — их вскрывают! — Он лукаво склонил голову набок и ухарски подмигнул. — Опля! — Один из выступов загогулины вошел в замочную скважину...

Раздался негромкий щелчок, и замок послушно открылся.

— Универсальная отмычка! — Я восторженно хлопнула в ладоши. — Откуда она у тебя?

— Ну, скажем так, от одного друга, — таинственно ухмыльнулся ниуэ, явно не собираясь посвящать меня в подробности, но я ему не поверила.

Впрочем, я не собиралась его осуждать, понимая — каждый из нас имеет право на личные секреты.

— Заходим внутрь? — Не дожидаясь моего согласия, юноша снова подхватил Ребекку и первым шагнул в недра загадочного холма.

Внутри оказалось холодно, но на удивление сухо. Мы преодолели короткий коридор и попали в обширное сводчатое помещение, стены которого покрывал толстый налет серебристой изморози. Каким-то неведомым образом эльфы умудрялись поддерживать в этой огромной подземной кладовой чрезвычайно низкую температуру, очевидно нужную им для сохранения книг и снадобий.

Весь пол хранилища был уставлен большими коваными ларями, неряшливо распахнутыми и нагруженными всевозможными баночками и ящичками. Кое-где у стен также виднелись разошедшиеся стеллажи и этажерки — перекошенные, заполненные

хаотично сваленными на них бинтами, клубками корпии и связками высушенных трав. Углы комнаты загромождали сплетенные из ивы корзины и пузатые глиняные кувшины. Судя по царящему в помещении беспорядку, здесь что-то искали, причем делали это непрофессионально, второпях и крайне неаккуратно.

— Где же книги?

Меня почти не заинтересовали эти лекарственные сокровища, ибо без специальных знаний я все равно не смогла бы правильно ими воспользоваться.

— Думаю, нам сюда. — Беонир, который тоже не собирался стоять, бестолково разинув рот, среди этих Тьма знает чем набитых ларей, прошелся вдоль стены и указал на маленькую, припертую сундуком дверцу. — Папой клянусь, именно в таких вот невзрачных боковых каморках всегда прячут все самое ценное.

Действуя синхронно, мы с трудом отодвинули тяжеленный ларь, после чего обнаружили, что дверь подсобного хранилища не заперта. Юноша рванул ее на себя и кивнул, пропуская меня вперед. Я шагнула через порог второго помещения и застыла...

Эта комната оказалась невелика, но ее пол располагался на более низком уровне, чем пол основного хранилища, и поэтому сейчас я находилась на верхней ступеньке широкой лестницы, ведущей вниз. По всему периметру стен тянулись многоярусные полки, упирившиеся в свод, которые буквально ломились от нагроможденных на них свитков, табличек с плохо различимыми письменами и связок полуистлевших пергаментов.

Книга в комнате тоже была, но только одна. Она сразу же безраздельно завладела всеми моими помыслами, буквально приковав к себе мой настороженный взгляд. На небольшом каменном пьедестале, возведенном в центре помещения и напоминающем храмовый алтарь, лежал раскрытый на середине фолиант, поражающий своими размерами, крайней степенью потрепанности и внушительной толщиной. Его окружал прозрачный столб света, берущий начало на верхней плите постамента, вздымающийся к самому потолку, рассеивающийся там на тонкие лучики и бесследно исчезающий в трещинах каменного свода.

Судорожно сглотнув, я набралась решимости и громко произнесла:

— Полагаю, я его нашла, мое первое испытание! — а затем сделала шаг вперед...

Вернее, хотела сделать, но не успела, потому что Беонир требовательно ухватил меня за рукав камзола и остановил, отвлекая от чудесной книги.

— Йона, ну придумай же что-нибудь! — умоляющим голосом попросил он. — Заклинаю тебя, спаси Ребекку, она умирает...

ГЛАВА 9

Я затравленно оглянулась, ощутив себя слабым, случайно попавшимся в капкан зверьком... Тьма меня заberi, какой же помощи он от меня ждет? Что я могу? Да, признаюсь, я мечтаю стать чародейкой, но пока, увы, еще не обладаю никакими полезными навыками и почти не владею магией, если не считать несколько примитивных заклинаний, скорее смахивающих на фокусы. Так чем же я могу помочь несчастной воительнице?..

Ребекка неловко завалилась на бок, косо съехав с выбранного для нее сундука и напоминая сейчас сломанную, никому не нужную куклу. Ее кожа потемнела и приобрела землистый оттенок, на лице выступила испарина, а грудь тяжело и редко вздымалась, издавая натужные хрипы. Радужки широко раскрытых глаз закатились под лоб, пугая нас неестественно налитыми кровью белками. Похоже, Беонир ничуть не преувеличивал, характеризуя плачевное положение девушки, — она и правда умирала!

Я мгновенно позабыла про книгу и горестно заломила руки, терзаясь мыслями о своей бесполезности.

— Беонир, но чем я могу ей помочь? — Эта фраза прозвучала не как вопрос, а как суровый приговор, обрекающий Ребекку на смерть.

Ниуэ прикусил дрожащую нижнюю губу и всхлипнул:

— Йона, ты ведь Наследница...

Я саркастично рассмеялась:

— Наследница чего? Давно не существующей державы и сгинувшей силы? Не преувеличивай, в настоящий момент я есть никто и ничто.

— Тогда она умрет, — почти спокойно произнес Беонир.

Его лицо осветила безмятежная улыбка, и я изрядно испугалась за душевное здоровье влюбленного юноши, не без основания предполагая, что он сломлен страшным несчастьем, постигшим объект его увлечения.

— Но сумеем ли мы счастливо жить дальше, приняв на душу груз нечистой совести и помня о том, что даже не попытались ей помочь? — философски спросил ниуэ.

Я отчаянно заскрежетала зубами. Беонир требовал от меня невозможного!

— Голос! — громко вскричала я, обращаясь к духу короля Арцисса. — Где же ты? Умоляю, не оставляй нас в беде, дай мне хоть один крохотный намек или подсказку!

— К кому ты взываешь? — испуганно отшатнулся ниуэ. — Здесь нет никого, кроме нас троих.

Но я не слушала его недоуменные реплики и продолжала на разные лады уламывать капризного духа, требуя помощи. Голос долго не откликался, словно намереваясь в полной мере испытать мою выдержку и терпение, но в конце концов все-таки сдался, снизойдя до общения.

— Чего тебе нужно, малышка? — нехотя буркнул он, эхом отозвавшись у меня в мозгу, но продолжая оставаться неслышимым для Беонира. — Я летал далеко отсюда, а ты оторвала меня от важных дел... — В нем послышались раздраженные и сварливые нотки. — Ты желаешь спасти внучку Финна Законника? Уверю тебя, ты тратишь свои силы попусту, ибо она того не заслуживает!

«Помнишь наш разговор в Куполе?» — торопливо перебила я, попутно наблюдая за Беониром, сильно озадаченным моим внезапным молчанием, сменившим недавние крики и вопли.

— А он-то тут при чем? — неподдельно изумился Арцисс. — Там я проверял, достойна ли ты стать Наследницей нашего клана, носительницей нашего благородства и милосердия.

«Вот именно! — немедленно ухватила я за подвернувшуюся возможность поймать его на слове. — Вот именно. Если принципы и дружба есть самые дорогие ценности нашего мира, то разве не пора мне побороться за них, спасая едва зародившуюся привязанность и подтверждая делом свои добрые намерения?»

— Хм... — задумался Голос. — Признаюсь, в твоих словах усматривается определенный резон... Ну что ж, борись, если хочешь... Но уверена ли ты, Наследница, что в нужный момент удостоишься ответной благодарности двух своих спутников?

«Уверена! — не моргнув глазом, лихо соврала я, на самом деле изрядно сомневаясь в подобном, благоприятном исходе событий. — Ты судишь о них слишком предвзято. Я искренне считаю Ребекку и Беонира истинными защитниками добра!»

Голос ядовито захихикал:

— Ну-ну, упряmica! Только вот почему-то твои милые друзья даже не подозревают о тех качествах, которые ты им приписываешь. Йона, тебе следует вспомнить избитую истину: мы всегда платим за совершенные нами ошибки. Неважно — рано или поздно, но платим обязательно. А сейчас ты собираешься совершить жуткую глупость — спасти своего тайного врага. Учти, однажды это излишнее благородство выйдет тебе боком и отольется сторицей, принеся страшные беды. Ты к этому готова?

«Готова! — не менее твердо, чем врала, подтвердила я. — Клянусь, я в полной мере отвечу за последствия своего поступка. А теперь умоляю — помоги, подскажи путь к спасению Ребекки...»

— Зачем? — небрежно фыркнул Арцисс. — Ты и сама все отлично знаешь, причем даже больше Клариссы... — Его язвительный смех становился все неразборчивее, затихая в отдалении. Кажется, король посчитал, что выдал вполне исчерпывающий ответ, выполнив,

таким образом, мою просьбу.

Понимая, что ничего другого уже не получу, я задумчиво уселась прямо на холодный пол хранилища и погрузилась в воспоминания, пытаюсь понять смысл брошенной фразы. Сьерра Кларисса... Но при чем тут глава гильдии Чародеев?

Повинуясь приложенному ментальному усилию, память услужливо вернула меня на несколько дней назад, воссоздав перед мысленным взором сцену встречи с верховной магичкой. Как, неужели она состоялась всего лишь несколько дней назад?.. А мне кажется, будто все это происходило в какой-то другой, куда более спокойной и безоблачной жизни!

Следовало признать откровенно: именно посещение Звездной башни в корне изменило всю мою судьбу, четко разделив жизнь на две неравные части: до и после. Никогда уже я не смогу забыть тот ирреальный, усеянный звездами свод покоев сьерры Клариссы, ее наигранно-бесстрастную улыбку, плавные движения прекрасных рук... А ее пальцы! Белые, тонкие, даже чересчур тонкие... Они суетливо движутся, словно паучьи лапки, нервно сучат, барабают по подлокотнику кресла, комкают край изящной шелковой шали и набрасывают ее на...

Стоп, на что же они ее набрасывают? Я озаренно хлопнула себя по лбу и радостно рассмеялась. Ну конечно! Пресловутой шалью чародейка ненавязчиво прикрыла некий старинный манускрипт, стремясь спрятать его от моих глаз, но я все-таки успела прочесть часть начертанного на нем текста.

Я резво вскочила на ноги и пытливо огляделась по сторонам... Ох, так оно и есть, мое смелое предположение увенчалось головокружительным успехом! На ближайшей ко мне стене потайного хранилища красовался полустертый от старости знак, идентичный тому, который я совсем недавно видела на кулоне подземного воина, а именно начальная руна имени чародея Лаллэдрина.

Ликующе повизгивая от нетерпения, я ощупала каменную кладку и обнаружила неплотно вогнанный в стену камень. Уверенно потянула прямоугольный брусок, и он легко вышел из паза, оставшись у меня в ладони. Я протянула руку и пошарила в образовавшемся отверстии, извлекая из тайника маленькую, но весьма увесистую дорожную сумку.

— Что это? — с любопытством спросил Беонир, подходя сзади и заглядывая через плечо. — Откуда ты знала, где нужно искать?

Я неопределенно хмыкнула, будучи не в силах толково объяснить всю сложную логическую цепочку, составленную из моего случайного открытия, подсказки Голоса и последующих умозаключений. Я предпочла назвать ее удачей!

— Повезло, — улыбнулась я. — И кажется, с помощью этого предмета я смогу спасти Ребекку.

— Сумкой-то? — не поверил юноша. — Йона, а ты, случаем, умом не двинулась?

— Нет, — облегченно рассмеялась я. — Кажется, нет. Впрочем, давай проверим...

Расстегнув найденную сумку, я запустила пальцы в ее тесные узкие недра, ибо странный эльфийский раритет выглядел совсем небольшим по величине, напоминая подвешенный на ремешок кошелек. Но внезапно моя кисть буквально провалилась в пустоту, так и не нащупав дна...

Я изумленно хлопала ресницами, не веря собственным глазам. Как же такое возможно? Моя рука по локоть погрузилась в сумку, прежде чем я смогла нащупать несколько помещенных в нее предметов. Потрясающе, но крохотная с виду сумочка оказалась поистине бездонной. Ну кто же мог предположить, что древние эльфы были такими выдумщиками?

Максимально ослабив шнурок, стягивающий края сумки, я извлекла из нее три предмета, один загадочнее другого. Первым моим открытием стал небольшой кувшинчик из синеватого стекла, способный вместить не более пары пригоршней жидкости. Второе имело форму массивного серебряного ключа, а третье представляло собой овальный замшевый футляр, утепленный изнутри пушистым белым мехом и подвешенный на прочную бронзовую цепочку.

Разложив свои находки рядом на полу, я уставилась на них неузнающим взглядом, мучимая смутными подозрениями. Что-то неведомое, скрытое в моей памяти и похороненное в глубине сознания, тихонько нашептывало: «Ты прекрасно осведомлена о назначении всех этих вещей! Просто вспомни...» Но, увы, капризно-избирательная память упрямо отказывалась пойти мне навстречу, притворяясь слепой и глухой. Тогда я разочарованно вздохнула и решила не торопить события, временно поумерив свое любопытство и желания. Пожалуй, Тьма с ними, с воспоминаниями, потерплю немного, ведь если человеку дать все, что он хочет, то он обязательно захочет и то, о чем ранее даже не мечтал.

— Придурки! — хмуро процедил Беонир, пристрастно разглядывая извлеченные из сумки предметы. — Проклятые садисты и извращенцы!

— Это ты о ком так гадко отзываешься? — поллюбопытствовала я, задумчиво вертя в руках синий кувшинчик.

— Об эльфах конечно же, о ком еще-то! — обиженным тоном уточнил ниуэ. — Сразу видно — это их цапки. Пустой кувшин, ключ без замка и еще нечто вообще непонятное, размером с мой кулак... У-у-у, эстеты проклятые, неужели они не могли обойтись без своих ребусов и банально спрятать в сумку бутыл с кровью?!

«Кровь! — просветленно щелкнуло у меня в мозгу. — Бутыл! Строки из манускрипта сьерры Клариссы...»

— Беонир, у тебя есть что-нибудь острое? — с взволнованным придыханием спросила я, не смея надеяться на правильность своей догадки, но интуитивно веря, что это так.

— А тебе зачем? Ребекку добить, чтобы не мучилась? — мрачно пошутил юноша.

Вынув из ножен, укрепленных на бедре, кинжал, он подал его мне.

Не теряя времени даром, я уколола кончиком оружия свой указательный палец и уронила в кувшинчик всего лишь одну каплю крови. Горлышко эльфийского сосуда немедленно окуталось голубоватой дымкой.

— Забери меня Тьма! — восхищенно выдохнул ниуэ, вытаращенными глазами глядя на кувшин, до краев наполненный кровью, и осторожно забирая его у меня из рук. — Тяжело! — Он расплылся в безудержно-широкой счастливой улыбке. — Как же это у тебя получилось?

— Не знаю. — Я меланхолично посасывала травмированный палец. — Наверное, сработала древняя магия клана Полночных. Ведь на сумке стоит знак Лаллэдрина.

— Грандиозно! — потрясенно бормотал Беонир, принюхиваясь к кувшинчику. — Точно кровь! М-да, нынешние чародеи из Звездной башни на такие чудеса неспособны...

Он поднес сосуд к губам пребывающей в беспамятстве Ребекки и начал потихоньку поить ее животворным напитком, опасаясь пролить хоть малую толику драгоценной жидкости. Тонкая алая струйка медленно стекала в рот воительницы, возрождая в наших сердцах надежду на ее воскрешение. Наконец кувшинчик опустел.

— Кажется, щеки немного порозовели, — неуверенно произнесла я. — Тебе так не кажется?

— А Тьма их разберет, ваши женские щеки, — ворчливо отозвался юноша, заботливо укладывая девушку на бок и возвращая мне кувшин. — Пусть она отдохнет.

Я, не глядя, собрала вещи мага Лаллэдрина и засунула их обратно в сумку, а саму сумку повесила себе на плечо. Ребекка не казалась мне живой, но, с другой стороны, в ее внешнем облике не произошло никаких изменений к худшему. А если хуже ей не стало, то значит, оно уже к лучшему! В данной ситуации, за неимением чего-то другого, нам приходилось довольствоваться этим бесхитростным утешением и уповать на крепкий организм лайил.

Сделав для Ребекки все возможное, я снова обратила свое внимание на книгу, помещенную на специальный постамент, возведенный в центре потайного хранилища. По моему разумению, первое, более обширное помещение и являлось знаменитым эльфийским

Лазаретом, тогда как вторая комната, заметно уступающая в размерах, вполне подходила под определение Библиотеки. Затаив дыхание и робея, я медленно подошла к каменному постаменту, святотатственно нарушая благолепную тишину древнего хранилища, ибо стук моих подкованных железом каблуков звучал излишне громко, эхом отдаваясь под каменным сводом.

Гигантская книга словно бы ждала именно меня, призывно белея распахнутыми страницами. Она показалась мне раненым, брошенным на произвол судьбы лебедем заточенным в каменный мешок и приговоренным к долгой, мучительной смерти. Кто же оставил ее тут? Скорее всего, эльфийские маги, внезапно оторвавшиеся от своей работы и вынужденные спасаться бегством, преследуемые армией Джоэла Гордого. Фолиант лежал немного криво, оставшись раскрытым точно на середине, как будто последний читавший его маг не успел закрыть и спрятать чудесную книгу.

Вытянув шею и приподнявшись на цыпочках, я умудрилась рассмотреть, что на одной странице разворота крупно изображена шестиконечная звезда, а на другой — красуется искусно нарисованный обоюдоострый обнаженный меч. Точно такой же, какой я уже видела на мозаичной фреске.

Сам фолиант выглядел весьма странно, ибо оказался насквозь прошит толстой ярко-красной нитью, которая зигзагом вилась между листами. Возможно, все это выглядело довольно загадочно для любого непосвященного, но понятная мне аналогия стала слишком уж очевидной, я была готова поклясться чем угодно — этот фолиант имеет самое непосредственное отношение к Немеркнушему Куполу...

— Купол! Эта книга связана с мозаикой в Немеркнушем Куполе! — Не скрывая охватившего меня энтузиазма, я окрыленно замахала руками, подзывая Беонира. — Видишь, те же самые звезда и меч, разделенные красной линией в форме молнии.

— Подожди... — Юноша придвинулся ближе, вгляделся в картинку и недоуменно пожал плечами. — А в чем состоит само испытание?

— Не знаю, — растерялась я.

— Думаю, все дело в том, что ты еще не пыталась к ней прикоснуться. — Юноша недоверчиво покосился на столб света, упирающийся в потолок Библиотеки. — Попробуй, Йона. А вообще-то нет, стой!.. Полагаю, это странное свечение представляет собой некую охранную систему, призванную уберечь фолиант от воров, а посему — тебе сквозь него не пробиться!

Меня ничуть не напугало предостережение Беонира, хотя насторожило и заинтриговало. Протянув ладонь вперед по направлению к книге, я ничуть не удивилась, когда поняла, что не могу преодолеть сияющую преграду. Я улыбнулась и заговорщицки подмигнула ниуэ:

— Ты все знал заранее, да? Так почему же ничего мне не рассказал?

— Ты ошибаешься. — Беонир отрицательно покачал головой, но меня досадно поразила неуверенность, прозвучавшая в его голосе. — Это просто логика и ничего больше.

— Может, и она, — скептически фыркнула я. — Но тем печальнее, ибо я не собираюсь уходить из Библиотеки, не заполучив эту книгу. Ведь мы пришли сюда только ради нее. Я должна придумать, как преодолеть защитный барьер.

Мы несколько раз обошли постамент кругом, ища лазейки, но поиски не увенчались успехом.

— Нет, так у нас ничего не выйдет. — Я задумчиво положила ладонь на плечо юноши, тревожно поглаживающего свой лук. — Беонир, возможно, твоя замечательная логика подскажет, что делать? — Я постаралась произнести эту фразу спокойно и миролюбиво, ничем не выдавая своих подозрений, хотя почти на сто процентов была уверена — Беонир скрывает от меня какую-то важную информацию. Вполне вероятно, что он не врал, а просто недоговаривал. Но ведь конец лжи еще не обозначает начало правды, не так ли?

Юноша неуверенно помялся, но вскоре решился и заговорил:

— Честно говоря, я хотел предложить тебе прочесть то, что написано на этих

страницах. Не просто же так книга на них открыта?

— Какой ты молодец! — Старательно изображая восторг, я порывисто обняла опешившего от моей реакции юношу и вперила испытующий взгляд в книгу.

Руны, начертанные на страницах фолианта, двигались, расплывались и двоились самым непредсказуемым образом, словно живые. Они объемно обрамляли картинки, но бьющий прямо в глаза свет мешал различать составленные из знаков слова. Беонир, который вообще не слишком-то жаловал свет, ибо привык к полумраку подземелий, быстро прекратил это неприятное занятие и уселся на нижнюю ступень лестницы.

— Нет, это ты уж как-нибудь без меня делай! Если на нас нападёт голодный песчаный тарантук, я с ним сражусь. Только уволь от тарашенья в эту книженцию!

Я никогда не слышала ни о каких тарантуках, а потому приняла пышное заявление юноши за надуманную отговорку. Тактично сделав вид, что не обратила внимания на его поступок, я продолжила попытки. Ниуэ великолепно видел в темноте, но при ярком свете его острое зрение было бесполезным. Попутно я изрядно подивилась тому, что сама совершенно не чувствую боли в глазах, хотя интуиция мне подсказывала: нежелание Беонира смотреть в книгу вызвано не только некомфортными физическими ощущениями, нет — здесь присутствует и что-то другое. По какой-то личной, абсолютно непонятной мне причине Беонир категорически не желал вчитываться в текст старинного фолианта. Хотелось бы мне выяснить истинную подоплеку его упрямства...

Теоретизируя подобным образом, я постепенно привыкла к яркому свету и начала различать убористую эльфийскую вязь.

— Я вижу слова! — радостно сообщила я. — Но это какое-то древнее наречие, сложное и неоднозначное... Я понимаю только отдельные фрагменты текста, остальное от меня ускользает.

— Диктуй мне, — неожиданно предложил ниуэ и подобрал валяющуюся на полу щепку. — Диктуй, а я буду писать буквы, которые потом ты попытаешься расшифровать...

Песок, покрывающий пол пещеры и смешанный с мелким гравием, оказался идеальной основой для начертания букв, которые я, щурясь и запинаясь, медленно диктовала юноше. На одно предложение у нас ушло никак не меньше получаса. Беонир поставил точку и вздохнул так шумно, словно уже одолел не менее десятка придуманных им тарантуков.

А я начала переводить:

— Тяжкие, тверже, сталь, свет... Беонир, кажется, я поняла. Это стихи, и мы сейчас прочли первую пару строчек!

— И как они звучат? — с любопытством спросил юноша, взирая на меня с необъяснимым страхом и уважением.

— «Годины тяжкие настали, но свет волшебный — тверже стали» — я бы перевела ее так.

— Похоже на правду, — хмуро кивнул ниуэ. — Этот свет и правда тверже любой преграды. Что там дальше?

— Терпение, — подбадривающе улыбнулась я. — Судя по всему, наша работа только началась, тут еще несколько строк имеется.

Мы вдохновенно продолжили наш кропотливый труд. Как-то незаметно пролетели два часа, и лишь после того, как Беонир разогнул затекшую спину, поднялся с колен и отряхнул с рук песок, я смогла прочесть таинственное послание целиком:

Годины тяжкие настали,
Но свет волшебный — тверже стали,
Коль жизнь тебе не дорога,
Читай, чтоб победить врага.

Ты — кто вступил на длинный путь,
Клинок свой верный не забудь,

Секрет судьбы перед тобой,
Хранимый радужной игрой.

Мы устало сидели на нижней ступеньке лестницы, а Беонир сердито критиковал переведенные мною стихи:

— В последней строке присутствует какая-то противоречивая чушь! Да и все остальное ни капельки не лучше. Если свет и так тверже стали, то зачем еще нужен клинок? И какая радужная игра имеется в виду? Ты что-то напутала, Йона.

Обескураженная содержанием стихотворения ничуть не меньше его, я удрученно потеряла слезящиеся глаза:

— Нет, Беонир, здесь нет ошибки, все верно, просто мы не понимаем смысла, вложенного в эти строки.

— Ага, наверное, так, — уныло согласился со мной юноша. — Мы тупые недоумки — во всяком случае, я уж точно таковым являюсь. Не зря меня Ребекка дураком обзывала!

— Ты, кажется, тут специалист по логике? — напомнила я. — Вот и продолжай рассуждать логически, авось придумаешь нечто действенное.

Беонир старательно нахмурил лоб, пытаясь оправдать мои ожидания. Похоже, на сей раз он не притворялся и действительно хотел мне помочь.

— Может, рукой эту стену не пробьешь, а вот клинком — запросто? — предположил он.

Вскочив со своего места, он подошел к все еще не приходящей в сознание Ребекке и извлек из ножен один из ее акинаков. Я хотела остановить Беонира, но не успела, засмотревшись на его стройную фигуру. Ах, каким красивым показался он мне в этот момент! Светлые волосы растрепались вокруг мужественного лица, в свете защитного поля полыхая огненными языками, все тело словно бы вытянулось в струну, а клинок заиграл серебряными отблесками... Нет, он словно запел в его руках. Я с трудом отвела взгляд от прекрасного юноши и мысленно подивилась, неужели Ребекка еще не увлеклась им всерьез, по-настоящему?

Тем временем Беонир, даже не подозревающий о том, насколько привлекательно он сейчас выглядит, поднял меч над головой и нанес по световому столбу сильнейший прицельный удар. Но стоило лезвию коснуться поля, как руки смельчака вспыхнули огнем, он пронзительно закричал и выпустил клинок. Меч с лязгом упал на пол. Ничуть не пострадавшее поле налилось багрянцем и лопнуло, словно большой мыльный пузырь.

Подхваченное ударной волной тело несчастного Беонира как пушинка взлетело чуть ли не под самый потолок Библиотеки, метнулось влево, шумно врезалось в стену и неловко свалилось в дальний угол помещения, угодив точно на кучку сложенного там тряпья... Приоткрыв рот от ужаса, онемев и окаменев, я безмолвно проследила за полетом отчаянного юноши. Очутившись в углу, Беонир неловко вытянулся во весь рост и замер.

Скинув с себя оцепенение, я кинулась к ниуэ. Увы, он не проявлял признаков жизни, а его ладони были ярко-красными, как при ожоге. Я наклонилась к его губам и, к своему облегчению, уловила слабое дуновение дыхания. Слава Шарро, Беонир не погиб, он просто впал в беспамятство от сильного удара и шока. Я осторожно похлопала его по щеке, но не добилась никакого эффекта.

Утешая себя мыслями о том, что отсутствие результата — тоже результат, а Беонир вроде бы не собирается умирать, я подняла голову и снова посмотрела в сторону пьедестала. Ничего не изменилось. Книга неподвижно лежала на верхней плоскости постамента, и ее по-прежнему защищало прозрачное световое поле. Приходилось признать — мы поступили необдуманно, пытаясь решить проблему с применением грубой силы и не стремясь постигнуть смысл переведенного нами предостережения.

Подозреваю, что неведомые авторы или автор этого стиха были далеко не дураками, спрятав ключ от защитного поля собственно в тексте предостережения. Я назвала стихотворение именно предостережением, потому что меня изрядно беспокоила одна из

строк: «Коль жизнь тебе не дорога, читай...» Определенно в ней присутствовало нечто зловещее, сильно смахивающее на пророчество или предупреждение. Да, но ведь я-то уже все прочитала... Возможно, теперь поздно сожалеть об утраченной безопасности! Хотелось бы мне знать, во что же эдакое страшное я ввязалась?

Но как бы там ни было, нет никакого смысла бездейственно сидеть рядом с беспомощными телами своих спутников и терзаться недобрыми предчувствиями. Типа: «Я не знала, куда суюсь, а так, на прогулку вышла!» Что уж теперь сетовать. Если разобраться, жизнь — вообще довольно опасная и рискованная штука. Никто из нас не застрахован от ошибок и потерь, которые тоже нужно уметь принимать с достоинством, не теряя спокойствия и самообладания. Главное для меня сейчас — не паниковать и не раскисать. Нужно помнить то, чему научил меня мудрый Зол: не стыдно сто раз упасть на колени — стыдно один раз не подняться!

Проведя эту нехитрую воодушевляющую настройку, я почувствовала себя изрядно воспрянувшей духом и готовой к дальнейшим приключениям. И тут меня посетила идея, показавшаяся довольно здравой. Если в стихотворении говорится о клинке, а меч Ребекки (я убедилась в том наглядно) никоим образом не подошел для взлома защитного поля, — вполне возможно, авторы книги имели в виду какой-то особенный клинок! Например... Например, эльфийский!

Пораженная собственной догадкой, я сняла с пояса эльфийский стилет и извлекла из ножен. Пусть это и не меч, но в необычности ему точно не откажешь! Воспользоваться Льдом я не осмелилась, помня о том, каким образом и от кого он мне достался. Я уже шагнула к постаменту, намереваясь погрузить стилет в столб света, как вдруг вспомнила некую важную деталь и остановилась. Полагаю, Ребекка совсем не зря тратила время и учила меня метать кинжалы. Надеюсь, благое провидение отнюдь не случайно надоумило ее взять в ученицы столь бездарную неумеху, как я! Нет, к защитному барьеру нельзя прикасаться руками — вон что с Беониром стряслось! Настала пора применить полученные навыки...

Чуть отставив правую ногу и немного согнув ее в колене, я подняла руку вверх, слегка отвела ее назад и метнула стилет точно по всем правилам, проделав это так, как научила меня лайил. Возможно, сам Шарро направил мой бросок, потому что произошло нечто удивительное. Стоило эльфийскому стилету соприкоснуться со световой защитой, как та внезапно вспыхнула и заиграла всеми цветами радуги.

Вспышка была настолько ослепительной, что я непроизвольно зажмурилась, но когда открыла глаза — завеса по-прежнему оставалась на своем исходном месте, а стилет одиноко лежал у постамента... У меня опять ничего не получилось!

— Мимо! — констатировал ровный голос у меня за спиной. — Плохо же я тебя учила.

Я обернулась и радостно вскрикнула — живая и невредимая Ребекка сидела на ступеньке лестницы и недоуменно растирала виски, глядя на меня как-то по-новому — уважительно и благодарно.

— Я чуть не сдохла! — сообщила она. — А кровь ниуэ мне не подходит, чтоб ее мантикора три раза переварила. Значит, меня спасла ты! Уж не знаю, что ты там придумала, малышка, но это помогло. Теперь я навсегда останусь в неоплатном долгу перед тобой, хотя я... — Тут она раздосадованно махнула рукой и покаянно сплюнула в песок с таким видом, словно метила в себя. — Эх, дрянь я, в общем!..

Я смущенно покраснела, потому что принимать благодарности куда сложнее, чем их произносить.

Ребекка правильно поняла мое замешательство, потому как вздохнула еще печальнее и виновато отвела глаза, бурча что-то неразборчивое, касающееся глупых обязательств и нечистой совести.

— Мимо, да не совсем! — пояснила я, деликатно уводя разговор в сторону от скользкой темы и не скрывая своего огорчения. — Ты видела, как заискрило? Значит, я не промахнулась.

Ребекка кивнула.

— Похоже, я опять не учла что-то важное. А именно — последнюю строчку.

Я процитировала для воительницы все стихотворение от начала до конца и коротко изложила ход миновавших событий, произошедших без ее участия.

Лайил восхищенно присвистнула.

— А вы не теряли времени даром, пока я тут в отключке валялась! — Она жалостливо покосилась в сторону лежащего без сознания Беонира: — Вот ведь дурак дураком, а надо же — не струсил! — Лайил словно удивлялась собственному отношению к храброму ниуэ. — М-да, вы оба — просто герои!

Я польщенно улыбнулась.

— И все-таки мне не дает покоя эта последняя строка. Там, где сказано про игру. — Я с надеждой посмотрела на воительницу. — Ребекка, ты ведь такая умная, ты что-нибудь придумаешь, правда?

— Нет уж! — Моя телохранительница хрипло рассмеялась. — Давай-ка уж лучше вместе головы поломаем над этой загадкой, ибо в моей-то до сих пор туман клубится!

Мы с Ребеккой уселись на разные ступеньки и замолчали. Написанные на полу фразы чудом оказались не затерты и теперь настойчиво приковывали к себе наши взгляды, требуя расшифровки. В Библиотеке стоял промозглый холод, а со стен сочилась ледяная вода. В целом мы находились в обстановке, не очень-то располагающей к длительным ментальным изысканиям. А кроме того, мне жутко хотелось есть и спать.

Ребекка, как самая нетерпеливая из нас, первой нарушила чересчур затянувшееся молчание, но только для того, чтобы снова высказать упреки в адрес самой себя.

— Йона, прости меня! Ты еще не знаешь, какой камень я ношу за пазухой! — В ее голосе звучали горечь и стыд. — Сегодня ты спасла мне жизнь, хотя я сама, по доброй воле влипла в эти неприятности, да еще и тебя тащу за собой на дно. Я плохо умею благодарить, ведь, живя в вечной полутьме, учишься только ненавидеть тех, кто живет иначе, и еще — мечтать о свете. Но клянусь, я исправлюсь и...

— Кажется, я все поняла! — Своим радостным криком я своевременно прервала сцену, тяготившую нас обеих. — Оказывается, это так просто! И как я до сих пор не догадалась?!

— О чем ты говоришь? — опешила совершенно сбита с толку Ребекка.

— Итак, у нас есть свет и клинок. Разве ты не понимаешь, какая игра их связывает? — Я вскочила и возбужденно заходила перед лестницей, распираемая захлестнувшим меня озарением. — Подсказываю: радужная! Ну?..

— Игра света на лезвии! — Ребекка восторженно рассмеялась. — Йона, твоя версия — гениальна!

— Давай попробуем, — предложила я.

Ребекка решительно выдвинула вперед подбородок и подбадривающе кивнула, словно говоря: «Я в тебя верю».

Я с некоторым страхом подняла валяющийся на полу стилет, приблизила к световой защите и начала медленно поворачивать, стремясь поймать луч света так, чтобы он падал точно на клинок. В глубине души я понимала, что моя догадка верна, поэтому испытываемый мною страх был скорее подсознательным, чем-то сродни произвольному преклонению перед буйной фантазией строителей этого невероятного места.

Наконец на одной из граней стилета заиграл яркий свет. Световой поток постепенно разрастался, и вскоре все лезвие засияло, переливаясь всевозможными цветами радуги. Но на сей раз это зрелище ничуть не раздражало глаза, поэтому мы с Ребеккой не отворачивались и не зажимуривались. Только тут я поняла, что сейчас происходит: стилет вбирал в себя световую защиту, которая становилась все тусклее и тоньше, пока не исчезла совсем. А потом клинок прощально сверкнул у меня в ладони и тоже потух.

— Исчезла! — изумленно выдохнула я, для верности проводя над книгой рукой. — Световая преграда исчезла!

— Не совсем, — опровергла Ребекка.

Я непонимающе повернулась и увидела, что лайил улыбается, не сводя с меня

благоговейно расширенных глаз.

— Что с тобой? — Я почувствовала себя неловко, не сумев разгадать причину ее экстаза.

— Хей, Йона, Тьма меня забери! Ты теперь изменилась, и вся эта шушера находится у тебя на груди. Круто, ничего не скажешь! — Она указала на Звезду моей души, выскользнувшую из ворота полурасстегнутой рубашки. Прежде звезда выглядела пустой и абсолютно прозрачной, но теперь один из ее лучей наполнился серебристым сиянием, точно воспроизводящим цвет растаявшей световой преграды.

Откровенно говоря, я и сама знала, что изменилась, хотя Ребекка могла судить об этом только по моему магическому атрибуту, внутри которого мерцало светлое пламя. Мне казалось, что знания, почерпнутые из книги, словно прошли меня насквозь. На ум приходили совершенно парадоксальные вещи: приращение отрезанной человеческой ноги, изготовление универсального противоядия, причем составленного в кратчайшие сроки... Теперь моя память хранила сотни лечебных заклинаний.

И тут меня осенило — дрожащими пальцами я начала переворачивать страницы книги. Все они оказались пусты... Так, значит, моя мечта осуществилась — я получила знания, ранее хранимые волшебным фолиантом. Я стала чародейкой!

Хотя нет, все же книга опустела не полностью. Разворот, содержащий изображения звезды и меча, разделенные красной молнией-зигзагом, не изменился. Интересно, что все-таки обозначают эти символы? Я осторожно потянула страницы на себя, и о чудо! — они разошлись, выпуская из своих недр еще один листочек, полупрозрачный и тоненький, содержащий несколько едва различимых строчек. Я поднесла его к глазам, собираясь прочитать написанное, как вдруг меня отвлек просительный голос Ребекки.

— Йона, — умоляюще шепнула она, — извини, что отрываю тебя от дел, но, пожалуйста, помоги этому симпатичному дурню, Беониру, а то он никак не очухается...

Я засунула найденный листок за манжету камзола и лукаво улыбнулась:

— Так он все-таки тебе не безразличен?

Ребекка покраснела, как вареный рак, и гневно зарычала:

— Йона, зачем ты задаешь такие глупые вопросы, если заранее знаешь ответ? В нашем языке есть замечательное слово из трех букв. И обозначает оно «нет», хотя произносится совсем по-другому!..

Я понимающе усмехнулась, осознав, что с получением знаний из книги стала намного проницательнее, умнее и взрослее. Уж если Ребекка и хочет кого-то обмануть своей показной антипатией к ниуэ, то только саму себя!

— Так мне помочь Беониру? — спросила я.

— Да! — насупилась лайил. — Но не говори ему, что я тебя об этом просила!

Вместо ответа я просто подошла к юноше и прочитала короткое заклинание, приводя страдальца в сознание.

Ниуэ глубоко вздохнул, пошевелился, его веки затрепетали, а затем он открыл глаза и застонал:

— Тьма меня забери, как же мне плохо! Ничего не помню, но голова гудит, как колокол, и все тело ломит.

Тут Беонир нашел взглядом Ребекку, и его хмурое лицо немного прояснилось.

— Киска, как же я рад видеть тебя в здравии! — игриво протянул мой совсем еще недавно умирающий пациент, похоже при виде очаровательной лайил уже позабывший все свои злоключения. — Ох, моя голова... Скажите, у нас есть что-нибудь выпить?

— Вода! — издевательски хмыкнула коварная воительница.

— А покрепче? — капризно проканючил Беонир.

— Лед! — резко рывкнула лайил. — И хорош тут разлеживаться, поднимайся уже, нечего из себя неженку корчить!

— Зайка моя, рыбка моя, птичка моя, — начал льстиво увещевать юноша, — не ругайся!

— Ага, жди! — огрызнулась воительница, демонстрируя завидную моральную непоколебимость. — Так я тебе прямо сейчас уши развесила, глаза выпучила и принялась доверчиво клювом щелкать. Не дождешься! Вставай!

— Ладно, ладно, встаю, только не ругайся, радость моя! — Ниуэ судорожно зашарил руками вокруг себя, пытаясь опереться на приютившее его тряпье. — А это еще что такое? — Он вытащил из-под себя нечто тонкое и белое...

— Ик! — нервно выдала Ребекка, отступая назад и прикрывая ладонью свое позеленевшее от отвращения лицо. — Да это же кость. Человеческая...

— Мама-а-а! — дурниной взвыл Беонир, мгновенно вскакивая со злополучного тряпья. — Я лежал на покойнике?!

— Не паникуй, это всего лишь чей-то полностью оголившийся скелет, — пояснила я, отбирая у него берцовую человеческую кость. — А его плоть давно уже сгнила.

— Точно? — дрожащим голосом осведомился юноша. — Страсть как покойников не люблю!

— Ну правильно, ты же не некрофил! — мрачно пошутила я, стремясь подбодрить изрядно струхнувшего юношу.

Но, к сожалению, Беонир не оценил моего черного юмора, продолжая трястись, словно нервная барышня.

— Кто же это может быть? — поинтересовалась справившаяся со своим желудком Ребекка. — Ужасная смерть — сгинуть в подземелье, в одиночку, без погребения.

Осененная внезапной догадкой, я аккуратно поворошила полуистлевшие тряпки, стараясь не потревожить покой их мертвого хозяина. Выцветшая от времени одежда внезапно развернулась, превратившись в остатки некогда роскошного синего плаща, украшенного вышивкой в виде золотых звезд. Из него выпала прядь длинных волос и маленький женский башмачок на высоком каблуке...

— Кажется, я поняла, кто это, — печально сказала я. В груди у меня болезненно заныло от нехорошего предчувствия. — Здесь покоится пропавшая чародейка Сильвана. И полагаю, она умерла после того, как исхитрилась частично прочесть древний эльфийский фолиант. Так же, как и я — некоторое время назад...

— Йона, не утрируй, ведь ты жива! — с деланой небрежностью воскликнул Беонир. — Зачем переживать попусту, если ничего не произошло!

Ребекка лишь испуганно хлопала ресницами, не зная, как и чем меня утешить.

— Ох, боюсь, предостережение этой книги все равно меня настигнет, — спокойно произнесла я, укладывая кость обратно. — Настигнет рано или поздно...

И тут среди тряпок что-то блеснуло, таинственно и призывно. Я наклонилась ниже и, запустив в тряпки мизинец правой руки, вытянула из них шелковый шнурок с нанизанными на него четыремя крупными, молочно-белыми жемчужинами...

Потрясенно вскрикнула Ребекка.

Изумленно ахнул Беонир.

— Разрешите представить, — торжественно возвестила я, надевая себе на шею странное ожерелье, принадлежавшее до меня первой главе гильдии Чародеев — магичке Сильване, а до нее... — Похоже, я нашла утерянные слезы Эврики!

В Библиотеке воцарилась гробовая тишина.

ГЛАВА 10

— Мои поздравления, молодая сьеррина чародейка! — вывел меня из задумчивой сосредоточенности бархатный, даже немножко лстивый голос Беонира. — Ты нашла то, что безуспешно искали несколько поколений человеческих магов.

— Ага, убойная находка! — озадаченно подхватила лайил. — Даже и не знаю, поздравлять тебя теперь или соболезнования выражать...

Видимо, Ребекка не хуже меня понимала, что существуют вопросы, на которые нет

ответов. Но есть ответы, вызывающие массу вопросов...

— Спасибо вам! — Меня захлестнула нежность к обоим спутникам. Может, они и не являются моими настоящими друзьями, но все-таки... — Спасибо, мои хорошие. Без вас у меня ничего не получилось бы.

Я любовно погладила четыре крупные жемчужины, удобно угнездившиеся у меня на шее и уже успевшие нагреться от соприкосновения с кожей.

Беонир и Ребекка заметно смутились и потупили глаза. Впрочем, лайил очень быстро обрела прежний невозмутимый вид и слегка приобняла меня за талию, указывая на торчащий из-под моей манжеты листок бумаги, о котором я уже успела позабыть:

— А это что такое? Еще одна древняя тайна?

Я запоздало охнула, попеняя на свою непростительную забывчивость, выхватила листок, развернула и поднесла к глазам, ибо буквы оказались совсем крохотными. Да к тому же они были начертаны бледно-голубыми, сильно выцветшими чернилами. Запись гласила:

Четыре капли чистых слез
Судьбы виток тебе принес,
Ты этим даром не гордись —
Им по уму распорядись.

Одна — гладь моря усмирит,
Вторая — в небе жить велит,
А третья — есть сама любовь,
В четвертой боль, прощенье, кровь.

Им дан завет — секрет беречь,
Соединить звезду и меч,
Расставить вехи на пути
И мир от гибели спасти.

Я была, мягко говоря, потрясена. Нет, скорее шокирована! Так, значит, все в нашем мире происходит отнюдь не случайно, не спонтанно, а подчиняется какой-то сложной, пока еще не очевидной для меня зависимости. Фреска в Куполе, слезы Эврелики, эти строки — они как-то связаны между собой, они составляют единое целое и ведут к определенной цели. И мне очень хотелось надеяться, что искомая цель есть не что иное, как спасение нашего погибающего мира.

— Что там написано? — нетерпеливо спросила Ребекка, вопросительно заглядывая мне через плечо. — Ты небось откопала очередной эпистолярный шедевр, чтоб его мантикора три раза переварила!

— Суди сама! — отозвалась я, протягивая листок Ребекке.

В тот момент, находясь целиком и полностью во власти своего судьбоносного открытия, я как-то не сообразила, что не все секреты предназначены для выставления на всеобщее обозрение. Некоторые из них сами выбирают себе и хозяина, и хранителя.

Впрочем, благое провидение, предусмотрительно распорядившись всем за меня, тут же исправило случайную оплошность.

— Шутить изволишь, спасительница моя? — разочарованно протянула воительница, так и сяк вертя белый бумажный листочек и взирая донельзя обиженными глазами. — Тут же ничего нет!

— Ага! — поддакнул Беонир. — Пусто.

— Как у тебя в мозгах! — сердито добавила крайне раздосадованная лайил. — Йона, если еще надумаешь шутить — предупреждай, чтобы мы знали, когда смеяться.

— Ха-ха-ха! — невесело вставил ниуэ, но мгновенно заткнулся, поеживаясь под обличающим взглядом гневно скрежещущей зубами Ребекки.

— Слушай сюда, шут гороховый, — не обещающим ничего хорошего тоном начала вспыльчивая девушка. — Вот я заметила: во всех неприятностях, в любой беде, в стычках с врагами — ты всегда находишься рядом со мной...

— Да-да, люби... — с энтузиазмом откликнулся влюбленный юноша, но своевременно прикусил язык, так и не выдав своего чувства.

— Что «да-да», болван?! — возмущенно завопила окончательно взбешенная Ребекка. — Вот я и думаю: так, может, это ты меня сглазил и несчастья мне приносишь, а?

Сломленный ее яростным напором, Беонир ошалело помотал головой, отметая несправедливое обвинение, попятился, споткнулся и упал, неудачно приземлившись на все те же злополучные останки чародейки Сильваны. Его напуганный истошный вой немзыкально взметнулся к потолку пещеры, эффектно присоединившись к воплям Ребекки. Я равнодушно пожала плечами, уже привыкнув к их бесконечным перебранкам, и подобрала оброненный воительницей листок.

Несколько мгновений я недоуменно таращилась на девственно-чистую бумагу, полностью абстрагировавшись от шума набирающей обороты ссоры. Пусть их скандалят: милые бранятся — только тешатся! Но куда, спрашивается, исчезли начертанные на листке строки, к счастью навечно врезавшиеся мне в память? Не иначе как они успешно выполнили свою миссию, попав к нужному адресату, а затем попросту покинули наш мир, чтобы не стать добычей нечистого на руку обманщика...

И посему мне не оставалось ничего другого, кроме как молча подивиться хитросплетению всевозможных жизненных коллизий, определяющих тот путь испытаний, на который я встала частично по доброй воле, а частично — подчинившись довлеющему надо мной предначертанию.

— Есть хочу! — непоследовательно выдал Беонир, похоже уставший от затянувшейся ссоры.

— И я! — мгновенно присмирела Ребекка.

Горе-друзья разом замолчали, выжидательно таращась на меня и умильно улыбаясь.

Руководствуясь почерпнутыми из книги знаниями, я подошла к стоящему у стены кувшину, открыла его и высыпала из сосуда пару пригоршней белой зернистой массы, напоминающей слипшуюся в комки крупу.

— Ешьте! — предложила я и, подавая пример, первая положила в рот несколько крупинок пищи. — Не бойтесь, это полезно и питательно.

Мои спутники не заставили себя упрашивать. Некоторое время в хранилище слышался только увлеченный стук крепких зубов, перемежаемый жадным чавканьем.

— Напоминает постный хлеб! — Ребекка сыто рыгнула и расплылась в довольной улыбке. — Не сладенько и не вкусненько, но жрать можно. Из чего это приготовлено?

— Этот необычный продукт называют небесной манной, — разъяснила я. — Эльфы привозили ее из пустыни Маграб, где она появляется по утрам, падая с неба на песок. Манна является незаменимой в дальних походах, не засыхает, не плесневеет и считается пищей воинов.

Услышав такое определение, Беонир и Ребекка гордо переглянулись. Я плутовато усмехнулась и продолжила:

— Одни мудрецы пришли к выводу о том, что манну нам посылают сами Неназываемые, но другие выдвинули куда более прозаическую версию происхождения небесной пищи, и, боюсь, вам она не понравится.

— Какую такую версию? — с подозрением осведомилась Ребекка, осторожно выплевывая на ладонь с десяток непрожеванных крупинок и опасливо на них косясь. — Ась?

— Эльфийские маги идентифицировали манну как экскременты мелких насекомых, похожих на саранчу, огромными стаями перелетающих через пустыню! — со смехом сообщила я.

— Бе-э-э! — брезгливо скривился Беонир. — Вот гадость-то!

— Зато мы не умерли с голоду! — резонно напомнила я. — Предлагаю запастись ею

впрок, ибо она весьма пригодится в дальнейшем.

— Ну уж нет, я отказываюсь жрать тараканьи какашки! — категорично отрезала Ребекка, гадливо морщась и высыпая из ладони оставшуюся несъеденной манну. — Я знаю одного лавочника, торгующего неплохим вяленным мясом... Подожди, — она испытующе прищурилась, — так, значит, ты не намерена отступить и собираешься отправиться на поиски очередного испытания?

Я многозначительно кивнула.

Ребекка и Беонир переглянулись, а затем совершенно одинаковыми жестами возложили свои ладони мне на плечи.

— Мы идем с тобой! — безапелляционно заявили они такими суровыми голосами, словно намеревались любой ценой выбить из меня согласие.

Но я и не думала возражать, отлично понимая: держи своего врага поблизости от себя, дабы успеть своевременно проникнуть в суть его замыслов. А друга — тем более, чтобы вовремя посвятить его в суть собственных замыслов.

— И куда мы отправимся? — спросила безмерно любопытная, каковой и положено быть кошке, Ребекка.

— На Зачарованный берег, к Полуденным эльфам, — откровенно ответила я.

— Но почему к ним? — не очень-то удивился Беонир, похоже ожидавший от меня именно такого решения.

— Этот пункт указала мне сьерра Кларисса, — уклончиво пояснила я, намеренно умолчав о том, что в прочитанном мною наставлении первым пунктом упоминалось море.

Теперь я намеревалась сама планировать свой путь, руководствуясь именно наставлением, а не корыстными директивами верховной чародейки. Впрочем, Беониру и Ребекке совсем не обязательно об этом знать. Я осознавала, что пришел мой черед обзавестись личными, тщательно оберегаемыми от них тайнами.

Сердце мое преисполнилось надеждой, и я легкомысленно позабыла о вычитанном в книге предупреждении, пророчащем мне скорую гибель. Я почти поверила в то, что сумею наладить размеренное течение своей жизни, мудро управляя обстоятельствами и благоразумно обращая их на пользу себе. Возможно, все это выглядело на редкость глупо, но у меня имелось весомое оправдание — собственная молодость. Я пока еще плохо знала себя и окружающий мир и не ведала главного: зачастую ничто так сильно не мешает нам радоваться жизни, как сама жизнь!

Над главным храмом богини Банрах, возведенным в центре одной из площадей Блентайра, сгустились черные тучи. К несчастью, это были не те тучи, которые принесли бы с собой благодатный дождь, способный напоить истощенную засухой и холодом почву. Нет, наблюдаемое атмосферное явление не имело ничего общего с обычной грозой. На самом деле оно не предвещало ничего хорошего.

Устрашившись гнева своей кровожадной покровительницы, город испуганно замер, укрывшись за прочными ставнями и накрепко заперев двери домов. Улицы опустели, и обычно многолюдный Блентайр не проявлял ни малейших признаков жизни. Богатые дворяне попрятались в глубоких подвалах, а простолюдины забаррикадировались в погребах. И даже немногочисленные городские крысы, еще не угодившие в похлебку или нищенское жаркое изголодавшихся бедняков, забились в щели, интуитивно почувствовав приближение неведомой опасности. Блентайр затаился и ждал, уповая на милость судьбы, потому что давно уже разочаровался в милосердии богини.

Следовало признать, что и без того безрадостный быт столицы стал в последнее время совершенно невыносимым, ибо пищи в городе оставалось все меньше, а торговля совсем захирела. Ночные заморозки резко усилились, словно в страну пришла не весна, а студеная зима.

Но вместе с тем город будто вознамерился выступить наперекор печальной действительности: по столице ползли странные слухи, возникшие всего несколько дней

назад, но уже достигшие самых отдаленных уголков. Эти слухи множились и обрастали подробностями, заставляя людей радоваться и верить в возможность спасения.

Возможно, источником этих вестей стал молодой рыжеволосый маг, который бестрепетно переступал порог самого опасного притона для прокаженных или же последовательно обходил подозрительные забегаловки, расположенные в переулке Хмельной Браги. Он дружелюбно подсаживался к людям и без усталы рассказывал о молодой девушке — будущей великой чародейке, добровольно вызвавшейся отправиться в сторону Запретных гор.

Он говорил о девушке, упорно бредущей сейчас через пустыню, преодолевающей холмы и долины, подгоняемой надеждой отыскать некое сильное средство, способное усмирить Пустошь и остановить надвигающиеся на Блентайр пески. И в голосе отчаянного смельчака-мага звучало столько спокойной уверенности и проникновенной искренности, что ему верили все, от мала до велика.

Горожане с волнением выспрашивали вестника о происхождении молодой чародейки, и тот с гордостью отвечал, что в ее жилах течет кровь двух рас: эльфов и людей. Предназначение чародейки состоит не только в том, чтобы предотвратить гибель Лаганахара, ее главная задача — обратить время вспять, дабы люди и эльфы вновь научились верить друг другу и стали жить в мире и ничем не омраченном добрососедстве.

Да, ей придется преодолеть множество препятствий и пройти долгий путь. Ее ждут немыслимые испытания и потери, ведь ей предстоит сделать выбор между собственным благополучием и всеобщим благом. Ей предначертано познать горечь потерь и радость обретений, ибо противостоят ей самые беспощадные враги: время, смерть и пустыня. Справится ли она, не отступит ли, не испугается?..

Вестник пока не знает ответ на эти вопросы, но безоговорочно полагается на силу и мудрость той, которой предстоит зажечь Звезду своей души и расправить сложенные за спиной крылья. Он верит в эту девушку, которую однажды назовут неугасимой путеводной звездой Блентайра. И поэтому он призывает всех разделить его веру и помолиться за бесстрашную путницу.

По-видимому, рыжеволосый чародей неплохо разбирался в людях и в совершенстве владел искусством управления толпой, потому что, послушно подчиняясь его воле, сотни людей опускались на колени и возносили многоголосый призыв о мире, позабыв про распри, ненависть и закоренелый эгоизм.

В Блентайр пришла надежда...

— Надежда! — Возмущенный голос богини Банрах камнепадом грохотал под сводами храма. — Как смеют они надеяться на спасение? Как дерзают они не бояться меня?

Слепой лик богини возвышался над фигурками раболепно склонившихся жрецов и жриц, не видя ничего, но вместе с тем — замечая всех и вся.

— Отвечайте! — жестко приказала змееликая.

Прислужники растерянно молчали.

— Мои храмы обезлюдели, — гневно продолжила богиня, так и не дождавшись ответа, — алтари опустели, а жертвенные котлы ржавеют без пищи. Я лишилась поклонения, молитв и еды. И кто виноват во всех моих огорчениях? Отвечайте!

Ее истеричный визг высек каменную крошку из подпирающих потолок колонн, но жрецы лишь панически тряслись и стонали, распростершись у подножия статуи.

Лицо каменной богини исказила презрительная ухмылка.

— Никчемные черви, паразитирующие на моем могуществе! — холодно заклемила она. — Трусливые и слабые. Зачем вы мне? Ведь мне приходится все делать самой. Мне пришлось самолично устранить потомка Адсхорна Полуденного! Хотя, — в рыке богини проскользнули мечтательные нотки, — это стало весьма приятным занятием... Но тем не менее — я выполнила вашу работу! Может, мне стоит заполнить вашей жалкой плотью простаивающие без дела жертвенные котлы?

По храму прокатился громкий, умоляющий о помиловании вопль, разом вырвавшийся из нескольких десятков глоток.

Ухмылка Банрах стала еще глумливее.

— Ладно, я вас прощу, — чуть помедлив, снисходительно вымолвила она. — Но лишь в том случае, если вы в точности выполните мои указания!

— Приказывай, повелительница! — вскричали все присутствующие в храме.

Банрах довольно хмыкнула и мстительно сжала свои огромные когти.

— Девчонка! — с ненавистью прошипела она. — Я так и знала, что она доставит мне массу неприятностей. Из-за нее я лишилась своих волшебных клинков. Мне бесконечно жаль Лед и Гром, утонувшие в треклятом болоте Серой долины. Приставленный к девчонке соглядатай успешно выполнил порученную миссию, но проявил преступную халатность. Проклятая Наследница обрела силу, нашла утерянную реликвию — слезы Эврилики и приобщила к величайшей тайне нашего мира. Нет-нет, все еще можно исправить — ведь она пока не постигла суть тайны! Однако момент полного прозрения — лишь вопрос времени и личной настойчивости мерзавки. Ее нужно остановить любой ценой и ни в коем случае не подпустить к Зачарованному берегу! — В голосе змееликой прорезались командные нотки. — А посему повелеваю вам собрать шестерку наших лучших бойцов и незамедлительно направить их на перехват девчонки и ее спутников. Они покинут город через северные ворота и двинутся по главному торговому тракту... Кроме того, вчера на меня снизошло видение: на пути отряда повстречается кибитка бродячего старьевщика, везущего нечто важное, что может пробудить в эльфийке древнюю память и могущество. Эту встречу необходимо предотвратить! Кибитку следует разграбить, а все перевозимое ею барахло — сжечь дотла!

Жрецы тут же сбились в кучку и взволнованно зашептались, а затем, придя к единому мнению, уверенно выбрали из числа храмовой стражи шесть закаленных в бою воинов и выстроили их перед статуей богини. Банрах довольно заурчала, ощутив исходящую от бойцов ауру. Рослые, как на подбор мускулистые — эти лайил, обладающие внушительной мускулатурой и хищными темными мордами, не ведали страха и не испытывали жалости ни к кому.

Им ничего не стоило победить опасного противника, а если потребуется — мгновенно растерзать беззащитного ребенка. Уж они-то просто обязаны без труда остановить девчонку, воспрепятствовав ее дальнейшему продвижению по пути испытаний и судьбоносных открытий. Возможно, надежда умирает последней, ненадолго пережив любовь и веру, но смертна даже она, точно так же, как смертны великие демиурги и всемогущие боги. Смертны все, даже сама змееликая Банрах, хотя эти сведения она всегда хранила в величайшем секрете, никогда никому не разглашая.

Никогда никому?..

Мы дисциплинированно покинули эльфийский Лазарет, отступая на приличной скорости, но избегая ненужной спешки и суеты. Правда, до того, как уйти, мы немало попотели, копая яму в углу Библиотеки и опуская в нее останки чародейки Сильваны. Среди ветхих лохмотьев ее одеяния я нашла простой, грубо выструганный из дерева гребень и зачем-то положила эту вещь в карман камзола. Может, я оставила его на память о чародейке? Не знаю. Но мне так захотелось.

Покойся же с миром, несчастная предательница Сильвана! Кем бы ты ни являлась в прошлом и какие бы злодеяния ни совершила, я не берусь тебя судить, предоставив это право людям и времени, которое, как известно, всем воздаст справедливо и по заслугам.

Я никак не проявила свои истинные эмоции, ибо вместе с почерпнутыми из книги знаниями впитала немалую толику осторожности и расчетливости — качества, прежде совершенно мне не присущие. В глубине души я старательно прятала чувство растерянности и паники, вызванные видом брэнного праха неведущей магички. Неужели меня ожидает такая же участь? Но, положив руку на сердце, я признавалась самой себе в том, что уже не отступлю

от выбранного пути. Судьбе, коли уж она вознамерилась поугаждать меня всерьез, придется изобрести нечто более страшное, чем красиво срифмованная угроза.

А еще я была уверена, что судьба, всегда действующая через своих посредников — время, песок и смерть, — тоже не откажется от вынашиваемых ею планов и не замедлит с организацией очередной подлянки для меня. Знать бы только, что угрожает мне в следующий раз?

Беонир поклялся, что без труда выведет нас на поверхность и доставит прямо в город. Мы шли в полной тишине, изредка нарушаемой легким шорохом, — это я снова и снова отыскивала под камзолом свою хрустальную звезду и сжимала ее в руке, изредка поднося к глазам. По части освещающих качеств в этом темном коридоре толку от нее было почти столько же, сколько и от светящихся слизней, ползающих по стенам, то есть практически ноль, но сейчас я отчаянно нуждалась в присутствии чего-то вещественного, наглядно подтверждающего, что случившееся со мной за эти несколько дней — правда. Подумать только, как мало времени прошло с тех пор, когда я покинула уютную комнату в Звездной башне, чтобы отправиться на поиски своего первого испытания. Теперь оно осталось позади, а я уже начала задумываться о втором...

— Какие планы строишь на будущее, Йона? — Ребекка дружелюбно дотронулась до моего локтя.

— Надо срочно уходить из Блентайра. — Меня не покидало ощущение неясной опасности, нависшей над нами. — Подозреваю, что мои враги в курсе всех приключившихся в подземелье событий. Не знаю точно, как это происходит, но я твердо уверена — за мной следят!

— Кто? — испуганно охнула воительница, хватаясь за грудь в области сердца, где как раз был пришит карман ее жилета.

«Интересно, она проделала это рефлекторно или нет?» — лениво подметила я, чувствуя себя отупевшей и полусонной. Я так устала...

— Уходить к эльфам? — Мне почудилось смятение, прозвучавшее в голосе Беонира. — Йона, одумайся — они люто ненавидят всех человеческих магов!

— Да, к ним. Спасибо тебе за ценное замечание, я его учту. Я, конечно, не знаю, как они относятся к полукровкам... Но лучше мне начать поиски следующего испытания с побережья, чем с Белых гор или Пустоши. Боюсь, я еще не готова к посещению таких мистических мест.

— А после эльфийских красот, значит, будешь готова? Чтоб их мантикора три раза переварила! — скептически хохотнула лайил. — Ну-ну, свежо предание — да верится с трудом... Одной тебе, малышка, и правда еще рановато ходить в такие дали. Посмотри на себя — кожа да кости, а еще спрятанные за спиной крылья. Ростом ты не вышла, сил у тебя явно не лишку, а метать стилет так и не научилась... Нет, одну я тебя точно никуда не отпущу, а то дедуля восстанет из гроба и всыплет мне по первое число. И будет прав. К тому же... — Тут она выдержала эффектную паузу. — ...я знаю самый безопасный путь, ведущий к Зачарованному берегу.

Я благодарно кивнула, принимая советы и помощь опытной Ребекки, похоже успевшей побывать во множестве лихих переделок.

— Сегодня же наведуясь к своему начальнику, — с наигранной беззаботностью произнесла воительница, — и попрошу отпуск.

— А он тебя отпустит? — В темноте я не рассмотрела выражение лица лайил, но от моего слуха не ускользнули ее странные интонации.

— Придется поуламывать, — неохотно признала Ребекка. — Ну да не переживай, это просто пустяк по сравнению с теми препятствиями, которые мы уже преодолели.

Беонир издал сдавленный рык — видимо, юношу изрядно рассердил уклончивый ответ девушки.

Успокоенная разумными доводами Ребекки, я прекратила расспросы, но спина идущего впереди меня Беонира оставалась по-прежнему напряженной. Он то и дело сердито пинал

попадающиеся под ноги камушки и глухо бранился вполголоса. Ну да, если слова не клеятся, то их всегда пытаются связать при помощи ругани. Что его беспокоило? Этого я не понимала, да и, честно говоря, не чувствовала ничего, кроме жуткой усталости, навалившейся на меня, словно каменная плита.

Тем временем коридор, по которому мы выбирались из подземелья, начал неуклонно подниматься вверх, а воздух стал заметно свежее. Только теперь я осознала, какую непомерную цену (собственным здоровьем и нервами) заплатила за первое испытание, проведя Тьма разберет сколько времени под землей, без сна, да еще постоянно оставаясь на ногах. Ребекка тоже казалась какой-то осунувшейся, а уж о Беонире и говорить нечего — едва выживший во всевозможных передрыгах ниуэ с трудом выдерживал заданный им же самим темп движения, шатаясь и спотыкаясь.

Наконец, кое-как преодолев последнюю небольшую лестницу, мы оказались на верхнем ярусе подземелья. Здесь юноша остановился.

— Я уже говорил вам, что неплохо осведомлен о топографии столичных подземелий, — хвастливо заявил он. — Так вот, пришло время доказать свои знания на деле.

— Дык доказал уже, зазнайка несчастный! — сухо парировала Ребекка. — Так доказал, что мы по твоей милости чуть не загнулись несколько раз. Так ведь нет, все тебе нейдет... — Она вызывающе прищурилась. — Впрочем, сам себя не похвалишь — никто не похвалит, а посему — продолжай.

Беонир растерянно поскреб в затылке, явно запутавшись и выбирая, то ли обидеться, то ли счесть двусмысленную реплику лайил комплиментом. После недолгих колебаний ниуэ предпочел второе.

— Не очень-то это умно — выбалтывать свои секреты в присутствии дамы, исполняющей обязанности городской стражницы. — Он отвесил галантный поклон, адресованный Ребекке. — Повторюсь — неумно, пусть даже она является самой красивой стражницей нашего города, — быстро добавил он, заметив недовольную гримаску воительницы. — Но у меня нет иного выхода, поэтому сообщаю: за третьим поворотом коридора находится вход в винный погреб, расположенный под кабаком «Ушлый малый»... И пожалуйста, не прожигай меня гневным взглядом, — умоляющим тоном попросил он, подхалимски заглядывая в глаза хмурой лайил. — Клянусь, его хозяева не занимаются ничем криминальным.

— Ну да, они всего лишь контрабандой подхалтуривают! — саркастично фыркнула Ребекка. — Но не бойсь, я никому ничего не расскажу.

— Спасибо! — с облегчением выдохнул юноша, одаривая воительницу благодарной улыбкой.

Но девушка все равно выглядела недовольной.

— И кто его вообще придумал, это дурацкое «спасибо»? — вполголоса бурчала она, обращаясь к самой себе. — Зачем придумали? Какой от него толк? «Спасибо» на хлеб не намажешь, в карман не положишь...

Эти сентенции повисли в воздухе, ничуть не прояснив истинных желаний девушки. Неужели она хотела получить от Беонира нечто большее, чем банальное «спасибо»? А Беонир... Слышал ли он ее?

— Для морального удовлетворения, — туманно пояснила я, вслед за своими спутниками карабкаясь по довольно крутым ступенькам. — Признайся, разве твоя душа не требует чего-то подобного?

— Глупости! — демонстративно отмахнулась девушка, но ее голос предательски дрогнул, выдавая владеющие воительницей сомнения. — Не душу нужно слушать, а звуки пустого желудка. А моральное удовлетворение следует не требовать, но получать любым, даже самым аморальным, способом.

Услышав подобное откровение, я задумчиво заломила бровь, понимая, что узнала о Ребекке нечто новенькое. Интересно, а на что конкретно способна пойти она, дабы убогатить свои душевные потребности? А если ей придется выбирать между чьей-то

жизнью и собственными принципами, то каким будет выбор?

— Я поведу вас очень осторожно. — Предупредительный шепот Беонира внезапно оборвал мои мысленные философствования, в которые я, как обычно, пустилась совершенно не к месту и не вовремя. — Полагаю, хозяева кабака сейчас уже мирно почивают в своих постелях и третий сон видят — на дворе стоит глубокая ночь. Если, конечно, выпроводили всех упившихся до полусмерти забулдыг. Мы выберемся через кухонный люк для мусора и прокрадемся через заднюю дверь...

Успешно пробравшись между штабелями бочек, наполненных пивом или еще чем покрепче, судя по пропитавшему подвал запаху, мы без приключений нашли люк, который вывел нас из погреба, и очутились в просторной кухне. Не стану утверждать, что мне сильно понравился этот путь, ведь в грязной мусорной шахте изрядно смердело подгнившими пищевыми отходами, однако выбирать не приходилось.

Я безропотно смахнула с пелерины длинные ленточки картофельной шелухи и с благодарностью уцепилась за сильную руку Ребекки, в два счета вытянувшую меня из люка. Мы шли на цыпочках, передвигаясь беззвучно, словно мышки, и вскоре выбрались в переулочек Хмельной Браги никем не замеченными и не услышанными.

Беонир оказался прав — Блентайр спал. На черном бархате ночного неба скупо поблескивали редкие звезды, тщетно пытающиеся создать некое бледное подобие романтической обстановки. Слабый ветерок нехотя перебирал рассыпанный по мостовой песок, наглядно свидетельствующий о том, что Пустошь подошла еще ближе к городу, стремясь поскорее оборвать его затяжную агонию. Ребекка гневно ругнулась и носком сапога возмущенно пихнула небольшую песчаную кучку, словно намеревалась растоптать ненавистного врага. Я печально вздохнула, признавая тщетность ее усилий. Тягостную паузу немного приукрасила выходка Беонира, требовательно ухватившего воительницу за рукав рубашки.

— Чего тебе? — непонимающе мотнула растрепанной головой Ребекка, пытаясь высвободиться из цепких пальцев.

Но ниуэ держал крепко.

— Помнишь наш уговор? — вкрадчиво поинтересовался он, еще пуще сжимая пальцы. Побелевшие от напряжения костяшки четко указывали — он скорее умрет, чем отпустит рукав девушки. — Настал срок расплатиться по выданному тобой обязательству!

— Чего-о-о? — разъяренно протянула лайил, поворачиваясь к нему лицом и меряя юношу тяжелым взглядом исподлобья. — Ну и оборзел же ты, лохматый!

— Ты мне должна! — не отступал настырный юноша.

— Женщина должна быть красивой, счастливой и любимой, — самоуверенно парировала лайил. — А больше она никому ничего не должна. Запомни это, блохастый!

— Ты мне обещала! — не сдавался Беонир.

— Не помню, что я там тебе обещала, но не жди от меня благодарностей и комплиментов. Больно жирно тебе будет.

— А я и не жду! — лучезарно улыбнулся ниуэ. — Мне ни к чему комплименты, ведь ты обещала поцелуй, всего лишь один поцелуй.

Ребекка ошеломленно выпучила глаза, онемев от возмущения и некрасиво отвесив нижнюю челюсть. Я тихонько хихикала, отвернувшись в сторону.

— Йона, скажи, — придя в себя и вновь обретя дар речи, протестующе взывала преисполненная негодования лайил, — разве я и правда ему это обещала?

Я утвердительно кивнула, руководствуясь лишь чувством справедливости:

— Ага, с условием, что Беонир приведет нас к моему первому испытанию.

— Да он же жулик! — картинно расхохоталась лайил — Никуда он нас не привел. Уж если кто и имеет право претендовать на мои поцелуи, так это Лют и Зол, проводившие нас до Серой долины... А отнюдь не этот блохастый прохиндей!

— Не отмазывайся, — мягко попросил Беонир, ласково обнимая девушку за талию и притягивая вплотную к себе. — Ведь против фактов не попрешь. Как бы там ни было, а я

все-таки выполнил свою часть уговора. Поэтому теперь тебе придется выполнить свою.

— Фигушки! — строптиво отбрыкивалась Ребекка, но ее запирательства выглядели неловкими и совсем не убедительными. — Я же тебе совсем не нравлюсь, иначе почему ты постоянно норовишь высмеять мои недостатки?

— Мужчина, который не умеет прощать женщине ее маленькие недостатки, никогда не насладится ее большими достоинствами, — мудро изрек юноша, двумя пальцами нежно приподняв подбородок лайил. — Ну же.

— Глупости, ничего я тебе не долж... — вновь непокорно зачастила Ребекка, но не успела закончить начатую фразу, ибо уставший от препирательств Беонир элементарно заткнул ей рот, умело прижавшись губами к прелестным устам, ярким и сочным, словно созревшая малина.

Их поцелуй стал очень долгим и страстным.

Я лукаво улыбалась, отойдя на пару шагов вперед, отвернувшись и не мешая их уединению.

Вырвавшись из объятий юноши, Ребекка наигранно сплюнула и вытерла губы рукавом. Но ее сияющие радостью глаза, а также счастливая улыбка, освещающая лицо Беонира, были слишком очевидным признаком, в полной мере раскрывающим глубину и искренность их взаимного чувства. Итак, я оказалась права — в сердцах этих заклятых врагов, изначально разделенных кровью, ненавистью и предательством, поселилась настоящая, большая, светлая любовь. Я мысленно вознесла проникновенную молитву, умоляя бога Шарро хранить и лелеять этот волшебный цветок, столь неожиданно расцветший среди тусклых будней нашего несчастного умирающего мира.

Пожалуй, до сих пор мне не очень-то везло. Я нажила массу проблем и приобрела кучу врагов. Я прошла через всего лишь одно испытание из семи уготованных, и оно далось мне ой как нелегко! Я страшно опасалась своего неопределенного будущего. Правда, при этом ничуть не сомневалась в том, что оно и само боится меня ничуть не меньше. Я считала себя никчемной неумехой и глупой неудачницей, пока еще не добившейся никаких успехов и не обретшей в жизни ничего ценного. Меня утешало одно: мысль о том, что неудачники — сами по себе чрезвычайно бесценные личности, ибо не имеют никакой цены.

И заberi меня Тьма, но разве судьба могла хоть как-то опровергнуть столь веский довод?!

ЭПИЛОГ

Рассвет еще только начинал разгораться в небе, а слабые отблески первых робких лучей Сола, с трудом пробивающихся через плотный занавес из темных облаков, едва освещали плавающие в сумраке городские улицы. Выбирая наиболее пустынные и грязные переулки, мы крадучись пробирались к домику Ребекки, мечтая насладиться заслуженным отдыхом. К счастью, этот отрезок своего сильно затянувшегося пути нам удалось преодолеть без дополнительных осложнений.

Я плохо запомнила, как мы перевалились через порог скромной хибарки, уже послужившей мне однажды спасительным приютом, и честно распределили спальные места. Мне опять досталась кровать, на которую я рухнула плашмя и уснула мгновенно — едва донеся голову до подушки. Без единого слова неудовольствия Ребекка любезно предоставила Беониру любимое кресло-качалку, некогда принадлежавшее ее ныне покойному деду.

Несколько минут воительница заботливо смотрела на своих мирно спящих гостей, а потом грустно вздохнула и, завернувшись в плащ, бесшумно выскользнула за дверь, мысленно проклиная всех мужчин в мире. Ну почти всех... М-да, жизнь — странная штука, иногда она подсовывает слишком экзотичное счастье. Какое? Ну вот, например, такое, которое редко моет ноги, не успело вовремя побриться, а сейчас заливисто храпит в твоём кресле...

Мне приснился странный сон. Он стал настолько ярким и отчетливым, что не стерся из памяти даже после моего пробуждения, повергнув меня в недоумение и испуг. В своем видении я бессильно распростерлась на дне плавно покачивающегося челна, выкованного из серебра и отданного на милость свободных морских волн. Все мое тело сковывало непонятное оцепенение, голова раскалывалась от чудовищной боли, а глаза застилал кровавый туман. Было настолько плохо, что, не имея сил кричать, я беззвучно умоляла судьбу о смерти, которая милосердно оборвала бы мои мучения.

По причине своего полуобморочного состояния я почти не обращала внимания на разгневанное море, яростно ударяющее в борта моей изящной верткой ладьи. Море категорически не принимало меня, то вздымая на самую вершину очередного пенного вала, то рывком погружая во впадину меж двух зеленоватых водяных бурунов, а затем глумливо вышвыривая обратно.

Я не испытывала страха, потому что те, кто отправил меня в это рискованное путешествие, дали клятвенное заверение: челн сам знает нужную дорогу, к тому же он непотопляем и создан не кем иным, как знаменитым кузнецом Турраном по прозвищу Певучая Наковальня. Не знаю отчего, но даже мимолетное упоминание сего благозвучного имени подействовало на меня умиротворяюще, а посему я безропотно позволила положить себя на дно хрупкого суденышка и отдалась на волю бушующих волн. Вот только я никак не могла вспомнить, кем же конкретно являлись эти ОНИ, действовавшие столь уверенно и целенаправленно. Куда и зачем я плыла? Этого мне не открыли...

Внезапно штормовой ветер стремительно перерос в настоящий ураган, а волны начали перехлестывать через борта челна, осыпая меня сотнями холодных брызг, похожих на злобные укусы. Огромный вал принял форму сложенной чашкой ладони, жадно сграбаставшей непотопляемое создание эльфийского мастера, и, мстительно рокоча, швырнул в сердцевину спирального водоворота, закручивающегося в неотвратимо-смертельный штопор. Челнок наклонился вправо, зачерпнул забортной воды и начал камнем погружаться на дно, увлекая меня в недра морских глубин. Я пронзительно вскрикнула...

И проснулась.